

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Материалы
I Всероссийского студенческого
научно-образовательного форума
г. Москва, 21 мая 2021 г.

Князев и партнёры
Московский институт развития

ЗКС
адвокатское бюро

Alliance Legal
consulting group

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Материалы
I Всероссийского студенческого
научно-образовательного форума
г. Москва, 21 мая 2021 г.

•ПРОСПЕКТ•

Москва
2021

УДК 343.2/.7

ББК 67.408

С56

Редакционная коллегия:

Воронин В. Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Бимбинов А. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Технический редактор:

Косыгин В. Е., аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

С56 Современное уголовное и экономическое уголовное право : материалы I Всероссийского студенческого научно-образовательного форума. – Москва : РГ-Пресс, 2021. – 440 с.

ISBN 978-5-9988-1404-4

Сборник содержит материалы I Всероссийского студенческого научно-образовательного форума «Современное уголовное и экономическое уголовное право», прошедшего на базе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). В форуме приняли участие обучающиеся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры юридических вузов и факультетов со всей России.

Материалы форума поделены на две сессии, посвященные темам «Современное уголовное право» и «Современное экономическое уголовное право». Все доклады, вошедшие в сборник, прошли конкурсный отбор на основе критериев актуальности и новизны, а также научное рецензирование.

УДК 343.2/.7

ББК 67.408

Авторы выражают благодарность СПС «КонсультантПлюс» за информационную поддержку при подготовке материалов форума.

Тексты представлены в авторской редакции.

Научное издание

**СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО**

**Материалы I Всероссийского
студенческого научно-образовательного форума**

Подписано в печать 10.11.2021. Формат 60×90^{1/16}.

Печать цифровая. Печ. л. 27,5. Тираж 1000 (1-й завод 50) экз. Заказ №

ISBN 978-5-9988-1404-4

© Университет имени
О. Е. Кутафина (МГЮА), 2021

I сессия

«СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО»

Абоян А.А., Парин Д.В.,

*студенты III курса ФГАОУ ВО «Дальневосточный
федеральный университет»*

Начало всецелой реконструкции института административной преюдиции или точечная правка статьи 116¹ Уголовного кодекса Российской Федерации?

На сегодняшний день в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) содержится 16 статей, в которых использованы уголовно-правовые запреты, построенные на механизме действия института административной преюдиции. Несмотря на все жаркие научные дискуссии, возникающие вокруг данного явления и необходимости его существования в системе уголовного права России, несмотря на предпочтения научного сообщества, к преступлениям с административной преюдицией, вероятно, уже следует относиться как к данности¹. Более того, идея внедрения административной преюдиции в сферу уголовной юрисдикции была поддержана Конституционным Судом России. Так, в частности, Конституционный Суд указал, что повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействий)².

---

¹ Незнамова З. А., Незнамов А. В. Административная преюдиция как критерий криминализации противоправного деяния // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4. С. 4–9.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Рос-

И если силами научного сообщества не удастся убедить законодателя в том, что деяние — это либо административное правонарушение, либо преступление, гермафродитов в уголовном законе быть не должно¹, следует перестроить отторжение и критику административной преюдиции на принятие данного института.

При этом подобное отношение вовсе не означает полнейшее безразличие, проявляемое к нему, а скорее, наоборот, предполагает глубокое изучение, осмысление и теоретическое обоснование природы, механизма его действия, осуществление попытки унификации уголовно-правовых норм, содержащих указание на административную преюдицию, как конструктивно образующего фактора составов преступления, направленную на систематизацию уголовного права в целом. И именно цель осуществления ревизии норм уголовного права, устанавливающих ответственность за совершение противоправных деяний лицом, подвергнутым административному наказанию, должна выйти на авансцену, поскольку существующее законодательное оформление идеи внедрения института административной преюдиции представляет собой бессистемные попытки криминализации отдельных деяний, тяготеющих к административным проступкам.

Так, в одних случаях административная преюдиция влечет ответственность при повторном совершении деяний в течение 180 дней (ст. 212¹ УК), в других — 2 раза в течение года (ст. 284¹, 314¹ УК), а в третьих — вообще говорится о лице, подвергнутом административному наказанию (ст. 116¹, 151¹, 157, 158¹, 215⁴, 264¹ УК)². Указанное является примером общей несоразности законодательного закрепления, который ничего, кроме как недоумений, вызвать не может. Однако еще больше недоумений вызывает законодательное построение каждой отдельно взятой нормы, построенной на фундаменте административной преюдиции. Ярким тому свидетельством может служить ст. 116¹ УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

Наступление уголовной ответственности за повторное совершение побоев поставлено под совокупность обстоятельств, главную скрипку

сийской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.

¹ *Лопашенко Н. А.* Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84–93.

² *Коробеев А. И.* Криминальные посягательства на жизнь и здоровье человека: в доктрине, законе, правоприменении: монография. М., 2020. С. 307.

в которых играет факт подверженности административному наказанию за аналогичное деяние. Аналогичным деянием в данном случае выступают побои, ответственность за совершение которых предусмотрена в ст. 6.1.1 КоАП РФ; срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, устанавливается ст. 4.6 КоАП РФ, составляет один год со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания. Таким образом, привлечение лица к уголовной ответственности по ст. 116¹ УК РФ возможно лишь в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания. Подобная зависимость не могла негативно не отразиться на применении ст. 116¹ УК РФ.

Так, лицо, подвергнутое административному наказанию за совершение проступка, указанного в ст. 6.1.1 КоАП РФ, в течение последующего года может быть неоднократно привлечено к уголовной ответственности по ст. 116¹ УК РФ, но, как только истекает временной отрезок длиной в год, у правоприменителя фактически блокируется возможность квалификации содеянного в соответствии с уголовным законодательством, и такое лицо может быть привлечено к ответственности только лишь по ст. 6.1.1 КоАП РФ. Складывается парадоксальная ситуация: лицо, имеющее судимость за совершение уголовно наказуемого деяния, но не подвергнутое административному наказанию, понесет за совершенное им деяние более мягкое наказание, чем должно было понести. При этом еще в 2003 г. Конституционным Судом России было указано, что имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования, публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений, как обладающих повышенной общественной опасностью, и, потому, предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности¹. В данном же случае потенциальные более строгие меры уголовной ответственности заменяются на реальные менее строгие меры административной ответственности. Правовые последствия судимости являются более мягкими в сравнении с последствиями административного нака-

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2003. № 14. Ст. 1302.

зания¹. Подобное несовершенство законодательной конструкции фактически игнорировалось законодателем и правоприменителями.

8 апреля 2021 г. было опубликовано Постановление Конституционного Суда России «По делу о проверке конституционности статьи 116¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой». Так, Конституционный Суд пришел к следующему выводу: «Повторное совершение запрещенного законом деяния, тождественного или подобного (однородного) по объективным признакам, в том числе побоев, говорит не о меньшей, но, напротив, о повышенной степени его общественной опасности, а если оно совершено лицом, имеющим судимость, — еще и о недостаточности использованных уголовно-правовых средств для предотвращения рецидива. Общественная опасность повторного — в связи с предшествующим привлечением уже не к административной, а к уголовной ответственности — нанесения побоев не может оцениваться как снизившаяся. Напротив, повторность указывает на устойчивость поведения виновного, склонность к разрешению конфликтов насильственным способом, неуважение к достоинству личности»². На основании вышеуказанного орган конституционного контроля признал ст. 116¹ УК РФ не соответствующей Конституции РФ.

Указание на необходимость внесения изменений в ст. 116¹ УК РФ и последующие изменения рассматриваемого состава преступления, помимо разрешения рассматриваемой проблемы, может и должно повлечь за собой цепную реакцию. Несмотря на различия законодательного оформления составов преступления, построенных на механизме действия института административной преюдиции, все они, так или иначе, зависят от одного факта — лицо должно быть повергнуто административному наказанию, а потому всем 16 составам преступления присуща одна и та же проблема, которая была рассмотрена выше. При изменении конструкции ст. 116¹ УК РФ и внедрении в механизм ее реализации учета судимости за ранее совершенное аналогичное преступление законодателем должны быть внесены соответствующие изменения и в иные составы, которым присуща административная преюдиция. Законодателем должна быть исправлена ошибка, допущенная им, без специальной на то санкции Конституционного Суда РФ.

Также следует отметить, что в зависимости от способа изменений ст. 116¹ УК РФ, который будет избран, возможно, разрешится «из-

¹ Ларкина Е. В. Ответственность за нанесение побоев: комментарий новелл // Уголовное право. 2016. № 5. С. 41–45.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой» // РГ. 2021. № 84.

вечная» проблема необходимости криминализации домашнего насилия и внедрения в систему уголовного права России новых составов преступлений, предусматривающих ответственность за совершение подобных деяний. Уголовное право не исчерпало тот арсенал средств и способов, которым осуществляется противодействие домашнему насилию, и законодательные изменения статьи, устанавливающей ответственность за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию, должны показать это.

*Алахвернова Г.У., Захарова А.А.,
студентки II курса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»*

Уголовно-правовые средства противодействия наркопреступности в местах лишения свободы

На современном этапе развития общества и государства преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ относятся к наиболее опасным общественным деяниям и приобретают все более организованный и коррупционный характер. На наш взгляд, существенной проблемой, которая требует особого внимания, является распространение наркопреступности в местах лишения свободы в России.

Опираясь на статистические данные, мы можем сделать вывод о том, что количество попыток незаконной передачи наркотиков в места лишения свободы возрастает с каждым годом. Так, за период 2017–2019 гг. объем наркотических средств и психотропных веществ, изъятых у осужденных сотрудниками ФСИН России, возрос с 46 до 65 кг ежегодно¹. Следует учесть, что такие преступления носят чрезвычайно латентный характер и не могут отражаться в данных официальной статистики.

Нельзя не отметить и тот факт, что лица, находящиеся в местах лишения свободы используют различные методы и средства для получения наркотических средств и психотропных веществ. Так, в 2018 г. двое злоумышленников хотели использовать кота для переноса наркотиков на территорию колонии № 6 г. Новомосковска, однако их действия были вовремя пресечены. В ошейнике животного были обнаружены 5,79 г гашиша и 1,76 г амфетамина². Также в Иркутске в апреле 2021 г. возле исправительной колонии полицейские оста-

---

¹ Наркопреступления в России: анализ судебной и криминальной статистики // URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/434725/Narkoprestupleniya_v_Rossii_analiz_sudebnoy_i_kriminalnoy_statistik (дата обращения: 26.04.2021).

² Кот-наркокурьер из Тульской области вошел в число самых популярных котов России // URL: https://newstula.ru/fn_425250.html (дата обращения: 26.04.2021).

новили автомобиль «Тойота Филдер», в котором водитель и пассажир при проверке документов проявили беспокойство, чем вызвали подозрение. Полицейские осмотрели автомобиль, и нашли рогатку и пакет с 50 г марихуаны. В тот же день задержали еще одного иркутянина, который при виде полицейских хотел убежать. Он также пытался переправить в места лишения свободы наркотические средства. Желая избавиться от улики, мужчина выбросил свой сверток. Однако служебная собака с легкостью его обнаружила, а экспертное исследование подтвердило, что в нем находился героин¹. Интересный случай произошел и в Ростовской области, когда ростовчанин попался при попытке передать в колонию № 14 Новочеркаска посылку для заключенного. Запрещенное вещество он спрятал замысловатым способом: скрученные пакетики с порошком помещались в сердцевине разрезанного пополам апельсина². Исходя из приведенных примеров, мы можем полагать, что современная уголовно-правовая политика, касающаяся наркопреступлений в местах лишения свободы, не реализуется в полном объеме.

Многие граждане, попадающие в места лишения свободы, уже являются наркоманами со стажем и могут даже отбывать наказание за преступления, предусмотренные ст. 228–229¹, 230 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Актуальность данной проблемы обуславливается тем, что такие граждане вовлекают в наркоманию своих сокамерников, и, выходя из мест лишения свободы, продолжают активно заниматься распространением наркотических средств и психотропных веществ в обществе.

Говоря непосредственно, об уголовно-правовых средствах противодействия вышеуказанным преступлениям, следует сказать, что на сегодняшний день они являются недостаточно эффективными и требуют особого внимания со стороны законодателя. Необходимо дополнить ст. 228–229¹, 230–231 УК РФ, таким квалифицирующим признаком, как совершение таких деяний «в следственном изоляторе или исправительном учреждении». Кроме того, остается нерешенным вопрос, связанный с вовлеченностью сотрудников уголовно-исполнительной системы в незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. Представляется возможным вынести данный вопрос на обсуждение и, исходя из этого, квалифицировать должностные преступления, совершаемые сотрудниками

---

¹ В Иркутске мужчины планировали рогаткой запустить наркотики осужденным // URL: https://www.baikaldaily.ru/news/20/411758/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D

² В колонию Новочеркаска пытались передать спрятанные в апельсинах наркотики // URL: <https://ro.today/5772-v-koloniju-novocherkasska-pytalis-peredat-sprjatannye-v-apelsinah-narkotiki.html> (дата обращения: 26.04.2021).

уголовно-исполнительной системы, путем вменения виновным совокупности ст. 228, 286 и 290 УК РФ.

Помимо этого, необходимо разработать на федеральном уровне государственную концепцию противодействия распространению наркотических средств и психотропных веществ в местах лишения свободы. Данная концепция, по нашему мнению, позволит улучшить обстановку в пенитенциарных учреждениях, путем пресечения наркопреступлений внутри системы.

Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о неэффективности существующих уголовно-правовых средств, связанных с противодействием наркопреступности в местах лишения свободы. В целях предотвращения вышеуказанных преступлений, является необходимым внесение изменений в действующее уголовное законодательство.

Алиева Д.М.,

*студентка I курса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»*

Молодежный экстремизм как актуальная проблема современного общества

В современном мире проблема распространения идеологии экстремизма в молодежной среде признается как в России, так и за рубежом актуальной и значимой. В последнее время наблюдается увеличение уголовных, административных и гражданских дел, связанных с экстремизмом, что показывает опасность данного явления, как для России, так и для мирового сообщества. Опасность экстремизма заключается, с одной стороны, в проявлении крайних взглядов, непосредственно связанных с насилием или призывами к насилию в отношении личности, общества или государства, с другой стороны, в отсутствии общедоступного для простых граждан понимания разницы между свободным изложением собственного мнения по острым вопросам и экстремизмом.

Наиболее уязвимая для экстремизма социальная группа — это молодежь. Членами экстремистских группировок становятся, как правило, молодые люди в возрасте 14–25 лет. Большинство из них учатся в вузах и средних специальных профессиональных учреждениях. Поэтому в настоящее время проблема экстремизма в молодежной среде является актуальной. Почему же молодежь является наиболее уязвимой социальной группой для экстремизма? Прежде всего, потому, что современная молодежь проходит свое становление в очень сложных условиях ломки старых ценностей и формирования новых социальных отношений. Выпускники вузов перенасытили рынок, оставшись

невысказанными, молодежь ищет способ выжить. Сегодня образование и обучение у молодых людей не ассоциируется с успешностью. Отсюда — пессимизм, неверие в будущее, агрессивность. Молодежь ввиду отсутствия жизненного опыта оказалась наиболее подверженной влиянию идеологии экстремизма. Западные «ценности», развлекательная культура, культ насилия и жестокости прочно укрепились в сознании молодежи. Поэтому действия молодых экстремистов более жестоки, так как в силу возраста они не боятся смерти, физических травм, не представляют последствий своих поступков.

Попробуем разобраться в причинах возникновения молодежного экстремизма в России и как крайней формы его проявления — террористических настроений и убеждений в молодежной среде. К ним можно отнести: 1) резкое имущественное расслоение общества на бедных и богатых, снижение доходов населения, уровня и качества жизни, идеологическая неприязнь; 2) низкий уровень социальной защищенности и невозможность законными методами повысить свое благосостояние, кризис справедливости; 3) негативное воздействие некоторых средств массовой информации; 4) желание самоутвердиться, ощутить собственную значимость, изначальная конфликтность молодежи и возможность использования сети Интернет в противоправных целях.

Скорость распространения экстремистской идеологии в молодежной среде очень высокая. Обусловлено это тем, что в качестве основного канала вербовки используются социальные сети и мессенджеры, которыми активно пользуется молодежь. А данные каналы являются не только идеальной площадкой для распространения информации, но и для формирования общественного мнения.

Ярким примером экстремистского движения является криминальное движение «АУЕ», которое 17 августа 2020 г. было признано Верховным Судом Российской Федерации экстремистской организацией. Данная криминальная субкультура распространилась в молодежной среде практически во всех российских регионах, а вербовщики «АУЕ» пытаются искать новых членов организации среди школьников и студентов как с помощью «смотрящих», назначенных за учебными заведениями и определенными районами, так и посредством распространения информации о движении в социальных сетях. В статье «АУЕ — криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения», опубликованной в «Вестнике Московского университета МВД России»¹, авторы приводят в качестве примера деятельности АУЕ инцидент, произошедший в городе

---

¹ См.: *Меняйло Д. В., Иванова Ю. А., Меняйло Л. Н.* АУЕ — криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 107–111.

Челябинск на фестивале красок «Холи» в мае 2017 г., когда «толпа оголтелых детей 13–16 лет напала на автомобили полицейских, находящихся на охране правопорядка. Они били по полицейским машинам, облили их красками, выкрикивали оскорбления в адрес сотрудников полиции, вынудив в результате тех покинуть площадку фестиваля. После запрета деятельности движения, его члены будут подвергаться уголовному и административному преследованию. Движение «АУЕ» имеет все признаки экстремистского сообщества, под которым понимается «устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного, или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующуюся наличием в ее составе организатора, стабильностью состава, согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений».

Преступления экстремистской направленности относятся к «преступлениям ненависти», число которых в России за последние годы резко возросло. Так, только в Санкт-Петербурге «преступления ненависти» совершаются почти еженедельно¹. В основе данного вида преступлений лежит определенное предубеждение, предрассудок в отношении той или иной социальной группы, приводящие к тому, что составляет суть преступлений ненависти — к проявлению ксенофобии и преследованию на почве национальной, расовой, религиозной вражды, а также по мотивам гомофобии, неприязни к каким бы то ни было категориям населения — нищим, бездомным, инвалидам и др. За год в Российской Федерации происходит более 300 преступлений на почве расовой и национальной ненависти, религиозной вражды и ксенофобии. Лишь по 70 из них возбуждаются уголовные дела. До суда доходят не более десяти. И лишь в трех-четыре случаях суды выносят обвинительные приговоры.

Активизация молодежного экстремизма в настоящее время представляет серьезную опасность для российского общества, она должна быть глубоко и всесторонне изучена как явление, требующее общественного, социально-правового, административно-управленческого и социокультурного противодействия. Развитие молодежного экстремизма представляет особую опасность, потому что это связано с недостаточной социальной адаптацией и развитием асоциальных установок в групповом сознании молодого поколения, что влияет на ценности, предпочтительные образцы поведения, оценки социального взаимодействия — то есть в широком смысле связано с социальной и политической культурой российского общества в ее проективном сознании.

---

¹ См.: Гилинский Я. И. «Преступления ненависти» как проявление дискриминации // Толерантность и интолерантность в современном обществе. Дискриминация: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. И.Л. Первой. СПб., 2007. С. 263.

Следует обратить внимание на аксиоматичность положения о том, что молодежь — это будущее нации и государства, фундамент их развития, и ее подверженность идеям экстремизма не может не вызывать обеспокоенности общества в целом, ставя своим существованием и проявлениями под угрозу национальную безопасность России.

А. Т. Сиоридзе считает, что актуальность проблемы экстремизма в молодежной среде определяется не только его опасностью для общественного порядка, но и тем, что данное преступное явление имеет свойство перерастать в более серьезные преступления, такие, как терроризм, убийство, причинение тяжких телесных повреждений, массовые беспорядки¹. Несмотря на то, что данная точка зрения была высказана автором несколько лет назад, однако острота ее не утрачивается, а, наоборот, с течением времени актуальность ее становится только выше.

К сожалению, на сегодняшний день на территории России действует значительное число организаций и движений, в той или иной степени использующих в своей деятельности экстремистские методы. Исходя из аналитических данных, на учетах в органах внутренних дел состоит свыше 450 молодежных группировок экстремистской направленности общей численностью около 20 тыс. человек. По данным исправительных организаций число участников подобных групп может достигать 50 тыс. человек. Надо сказать, что особую роль для увеличения численности своих сторонников лидеры и активисты радикальных политизированных структур отводят вербовочной работе в образовательных учреждениях.

Анализируя информацию, находящуюся на портале правовой статистики <http://crimestat.ru/> нетрудно определить регионы, «лидирующие» по зарегистрированным преступлениям экстремистской направленности в разрезе каждого года. Необходимо учитывать, что данные преступления включены в Перечень № 20 преступлений экстремистской направленности (в редакции Указания Генпрокуратуры России № 371/11, МВД России № 2 от 13 июля 2020 г.)². В период 2011–2017 гг. в Российской Федерации наблюдался непрерывный рост зарегистрированных преступлений экстремистской направленности (с 622 в 2011 г. до 1521 в 2017 г.), а затем в течение трех лет произошло снижение зарегистрированных преступлений (с 1521 в 2017 г. до 585 в 2019 г.).

Подводя итог, следует отметить необходимость проведения целенаправленной государственной политики, способствующей объедине-

¹ См.: Сиоридзе А. Т. Групповой молодежный экстремизм (криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 4.

² См.: Перечень № 20 преступлений экстремистской направленности (в редакции Указания Генпрокуратуры России № 371/11, МВД России № 2 от 13 июля 2020 г.).

нию усилий семьи, школы, правоохранительных органов, общественных организаций. Решение проблем, связанных с профилактикой молодежного экстремизма, — важнейшая задача современного российского общества и государства.

Анисимов А.В.,

*студент II курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный гуманитарно-
экономический университет»*

Конкуренция норм в уголовном праве

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) прямо о конкуренции норм уголовного права ничего не говорится. При этом в ч. 3 ст. 17 УК РФ установлено, что «если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме». Иными словами, в законе отражена ситуация, когда совершение одного преступления предусмотрено двумя нормами (в данном случае — общей и специальной), а уголовная ответственность наступает по одной из них (в данном случае — по специальной). Именно такая ситуация (но не только описанная в ч. 3 ст. 17 УК РФ) рассматривается в уголовно-правовой литературе как конкуренция норм уголовного права.

В уголовно-правовой науке высказываются разные взгляды на виды конкуренции. В. Н. Кудрявцев рассматривал два основных вида конкуренции, различающихся между собой по содержанию совпадающих и несовпадающих признаков составов¹. Речь идет о конкуренции «общей и специальной норм» и конкуренции «части и целого». Некоторые другие ученые также ограничиваются двумя видами конкуренции норм уголовного права. Вместе с тем они считают целесообразным различать лишь конкуренцию а) общих и специальных норм и б) специальных норм². Отдельные авторы объединяют приведенные выше позиции. Они выделяют следующие виды конкуренции норм уголовного права: 1) общей и специальной, 2) специальных и 3) части и целого³.

Несмотря на то, что в УК РФ термин «конкуренция» отсутствует, это не мешает автору им оперировать. Напротив, практике по-

---

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юристъ, 2001. С. 210.

² Агаев И. Б. Совокупность преступлений: понятие, виды и наказуемость. М.: Проспект, 2003. С. 144.

³ Черненко Т. Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. С. 155–157.

нятие «конкуренция» все-таки известно. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу С. сказано, что осуждение ее по ч. 2 ст. 303 УК РФ и исключение из обвинения ч. 1 ст. 285 УК РФ «соответствует правилам конкуренции норм, предусмотренным ч. 3 ст. 17 УК РФ»¹.

Однако есть и другой способ взглянуть на конкуренцию, исходя из конкретных правил. Т. А. Костарева выразила мнение, что в случае конкуренции между несколькими пунктами (частями) статьи, предусматривающими признаки усиления ответственности, применяется пункт (или часть), содержащий наиболее серьезный элемент, имеющийся в данном конкретном случае. При этом в описательной части судебного решения должны быть указаны все признаки деяния, квалифицирующие его².

Итак, в рамках современного уголовного законодательства при квалификации бессмысленно выбирать какой-либо из нескольких пунктов одной и той же части статьи Особенной части УК РФ. Они предусматривают квалифицированные правонарушения, каждое из которых содержит признак, отсутствующий в другом, что означает соотношение смежных составов, а не конкуренцию норм уголовного права, при которой только одна из них имеет признаки, отсутствующие в другой.

Не случайно Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 17 постановления от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» разъяснил, что убийство, совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных двумя или более пунктами ч. 2 ст. 105 УК РФ, должно квалифицироваться по всем этим пунктам. Противоречит этому п. 13, согласно которому, по смыслу закона квалификация по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ совершенного виновным убийства определенного лица с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение исключает возможность квалификации этого же убийства, помимо указанного пункта, по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства. Поэтому, если установлено, что убийство потерпевшего совершено, например, из корыстных или из хулиганских побуждений, оно не может одновременно квалифицироваться по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ³.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2009 г. № 11-009-137. // СПС «КонсультантПлюс».

² Костарева Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве. Понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1993. С. 155.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».

По крайней мере, цель и мотив во всех статьях Особенной части УК РФ — явные признаки субъективной стороны преступления. Следовательно, они не могут «поглотить» друг друга. Кроме того, совершение преступления может служить нескольким целям. Если все они криминализованы, то все они должны быть квалифицированы.

Таким образом, никакой самостоятельной роли в уголовном праве конкуренция специальных норм действительно не играет. Не исключено, что недоразумение с выделением такой конкуренции вытекает из соотношения с основным составом преступления квалифицированного и привилегированного составов. Вместе с тем последние являются специальными применительно не друг к другу или внутри себя, а к основному составу преступления. Между собой и внутри себя квалифицированный и привилегированный составы, как отмечалось, могут находиться лишь в конкуренции общей и специальной нормы либо вообще, не конкурируют.

Антонов М.А., Эбзеев И.Т.,

*студенты III курса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»*

Определение понятия «новорожденность» при квалификации убийства матерью новорожденного ребенка

Объектом преступного посягательства при совершении деяния, квалифицируемого по ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), является жизнь новорожденного ребенка.

Жизнь младенца по УК РФ подлежит защите, как и жизнь любого другого человека независимо от его возраста. Право на жизнь принадлежит каждому от рождения и гарантировано всем ст. 20 Конституции РФ, а также рядом международных нормативно-правовых актов.

Потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, признается новорожденный ребенок. Так как в отечественном уголовном законе не дается толкование такому признаку как «новорожденность» необходимо установить его истинное значение.

По мере развития медицины у врачей различного профиля сложились совершенно разные представления о продолжительности периода новорожденности. Например, акушерское понятие новорожденности включало в себя только период от первого вдоха до момента отпадения пуповинного остатка (так называемый ранний период) (то есть первые 4—7 дней). Педиатрическое понятие новорожденности включало в себя не только ранний, но и поздний период новорожденности — от момента отпадения пуповины до адаптации

ребенка к новым условиям жизни вне организма матери (в среднем до трех-четырех недель) после родов¹.

Традиционное понятие «новорожденность», сложившееся в области судебной медицины, сильно отличается от понятия, сложившегося в акушерстве и педиатрии. Судебные медики под новорожденным понимают ребенка, который либо родился мертвым, либо умер через короткий промежуток времени после родов. Обычно такой промежуток времени считается равным не более 1 суток. Несмотря на то, что данное понятие довольно узкое и специфичное, оно до сих пор существует в области судебной медицины. Хотя нужно отметить, что предпринимаются попытки унифицировать данное понятие во всех областях знания, так или иначе связанных с новорожденностью².

В науке сформировалась позиция, согласно которой «существующее в судебной медицине понятие «новорожденность» появилось одновременно с таким преступлением, как «детоубийство»³. Данное понятие было разработано органами правосудия на основе состояния матери-убийцы во время или сразу же после родов, которое мешало ей понимать происходящее и отдавать отчет в своих действиях. Понятие, введенное законодателем, вызвало массу споров в кругах судебных медиков и юристов о том, какой временной период считать периодом новорожденности. Ученые также рассуждали над вопросом важности и необходимости установления данного периода времени для квалификации деяния.

Исходя из этого, отсутствие рекомендаций по определению продолжительности периода новорожденности как в работах ведущих судебных медиков (М. И. Авдеев, Н. В. Попов, М. И. Райский, В. М. Смольянинов), так и в различных нормативных документах не вызывает никакого удивления. По нашему мнению, под термином «сразу же после родов» следует понимать промежуток времени, равный 1 суткам.

Во-первых, в медицине считается, что через 1 сутки после родов роженица приходит в нормальное психологическое и физическое состояние при отсутствии осложнений при родах.

Во-вторых, с юридической точки зрения, период более 1 суток является довольно продолжительным, поэтому любое преступление, совершенное по истечении данного периода должно рассматриваться как умышленное.

К моменту принятия УК РФ уже вступили в силу приказ-постановление Минздрава РФ и Госкомстата РФ № 318/190 от 4 декабря

¹ Попов В. Д. Судебная медицина: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2002. С. 472.

² Мачинский П. А., Тишков С. В. Судебно-медицинское исследование трупов плодов и новорожденных в учебном процессе. Сообщение 1. О понятиях «Новорожденность» и «Детоубийство» // Проблемы экспертизы в медицине. 2014. Т. 14. № 1 (53). С. 47.

³ Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы детей: сб. научн. трудов / под ред. доц. Г. П. Тимченко и проф. В. Л. Попова. Л.: Издание ЛПМИ, 1989. С. 10.

1992 г., информационное письмо главного судебно-медицинского эксперта от 17 ноября 1993 г. № 1528/01-04, а также Международная классификация болезней (МКБ-10) (1995). В этих нормативных документах с медицинских позиций определены единые границы неонатального периода для врачей всех специальностей (от момента рождения до двадцати восьми полных дней внеутробной жизни включительно)¹. Таким образом, убийство младенца можно квалифицировать по ст. 106 УК РФ в том случае, если оно совершено его матерью при наличии одного из следующих признаков:

- а) во время или сразу после родов;
- б) в условиях психотравмирующей ситуации;
- в) или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемость.

Представляется, что период новорожденности равен 1 суткам при совершении убийства во время или сразу же после родов, так как по истечении данного периода женщина выходит из того особого психофизического состояния, которое может повлиять на ее рассудок и снизить контроль над ее действиями.

В случаях убийства младенца при наличии психотравмирующей ситуации или даже психического расстройства, не исключающего вменяемости период новорожденности представляется равным четырем неделям или одному месяцу². Считается, что наличие психотравмирующей ситуации, как до родов, так и после них, не позволяет матери адекватно оценивать свои действия, руководить ими и прогнозировать их результат. А психическое расстройство, хотя и не исключает вменяемости женщины, также затуманивает ее рассудок.

Для единства правоприменительной практики и устранения затруднений при осуществлении правосудия целесообразно включить определение понятия новорожденности для каждой категории убийства матерью новорожденного ребенка в качестве примечания к ст. 106 УК РФ.

Ахатова А.М.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»*

Понятие «ятрогенные преступления»: проблемные вопросы

В настоящее время растет число претензий к медучреждениям и медработникам, увеличивается количество уголовных дел. Начи-

¹ *Мачинский П. А., Тишков С. В.* Указ. соч. С. 48.

² *Комментарий к Уголовному кодексу РФ: в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / В. М. Лебедев и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2020. С. 47.*

ная, с 2016 г. показатель числа подобных обращений за счет их ежегодного прироста увеличился к началу 2019 г. с 4947 до 6623 сообщений, более 60% из них поступили от граждан, причем на долю самих органов здравоохранения также приходится значительная часть информации о некачественной медицинской помощи, их активность растет¹. С 2015 г. преступления, связанные с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, стали отдельно учитывать в медицинских статистических карточках².

26 ноября 2018 г., председатель Следственного комитета Российской Федерации (далее — СКР) А. И. Бастрыкин подписал приказ о внесении изменений в штат центрального аппарата СКР и следственных органов. Согласно приказу, в управлениях создаются отделы с 28 следователями по расследованию ятрогенных преступлений, то есть связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг и врачебными ошибками. Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации В. В. Малиновский критиковал СКР за многочисленные уголовные дела о врачебных ошибках, возбужденные без достаточных оснований. Это подтверждается тем, что уголовное дело врача Е. Мисюриной расследовалось и рассматривалось семь лет. 25 июля 2013 г. Е. Мисюрина взяла у пациента Александра Бобкова фрагмент костного мозга для лабораторного исследования. 28 июля после операции по удалению аппендицита мужчина скончался по причине оторвавшегося внутреннего кровотечения. Следует обратить внимание на тот факт, что по данным защиты потерпевший не смог бы прожить более 19 часов после некачественного проведения процедуры. 22 января 2018 г. Черемушкинский суд Москвы приговорил врача к двум годам лишения свободы по ч. 2 ст. 109 УК РФ. 16 марта 2018 г. уголовное дело было возвращено в прокуратуру. И лишь недавно, 4 марта 2021 г., Мосгорсуд постановил прекратить уголовное дело за отсутствием состава преступления. Позже в Перми по аналогичному делу был осужден гематолог Вадим Насихов.

При этом в 2017 г. СКР предложил ввести в уголовный закон отдельную статью за врачебные ошибки. В 2018-м появилось предложение дополнить Уголовный кодекс специальными составами преступлений, предназначенными для врачей, чтобы исключить квалификацию их действий по другим статьям. В связи с ужесточе-

---

¹ Письмо СК России от 26 июня 2019 г. № 224-8-19 «О рассмотрении обращения по вопросу упразднения отделов по расследованию ятрогенных преступлений // СПС «КонсультантПлюс».

² Серков Д., Алехина М., Звездина П. Минздрав предупреждает. В Следственном комитете появятся отделы по борьбе с врачебными ошибками // Газета РБК. 2018. № 211. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/11/30/5bffa0419a79470a75dba1be> (дата обращения: 05.02.2021).

нием санкций количество врачей в 2018 г. сократилось в 54 регионах России¹.

Представляется, что для обоснованного разрешения проблем о ятрогенных преступлениях, необходимо разработать соответствующие теоретические положения. Термин «ятрогенные заболевания» связывают с именем немецкого психиатра О. Бумке, который в 1925 г. в статье «Врач, как причина душевных расстройств» обозначил «иатрогенными» заболеваниями, обусловленные влиянием врача на психику больного². В 1995 г. ВОЗ возвела ятрогению в ранг основных заболеваний, определив их как любое нежелательное или неблагоприятное последствие профилактических, диагностических и лечебных вмешательств, которые приводят к нарушению функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти³.

В настоящее время термин трактуется расширительно, и свидетельствует о том, что неправильные (ошибочные) действия врача могут оказывать влияние не только на психику пациента. Так, согласно Международной классификации болезней Десятого пересмотра (МКБ-10) ятрогения понимается как любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и лечебных вмешательств либо процедур, которые приводят к нарушениям функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти; осложнения медицинских мероприятий, развившиеся в результате как ошибочных, так и правильных действий врача.

В литературе сложилось два основных направления научной мысли по решению данного вопроса. Первое заключается в том, что это умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающие основные принципы и условия оказания медицинской помощи, установленные Конституцией РФ и иными законодательными актами России, совершаемые при исполнении своих профессиональных обязанностей. При этом они включают следующие составы преступлений:

1) преступления, совершаемые медицинскими работниками при исполнении ими своих профессиональных обязанностей. Например, причинение смерти по неосторожности (ч. 2 ст. 109 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ч. 2 ст. 118

---

¹ *Губернаторов Е.* Минздрав обнаружил сокращение числа врачей в 55 регионах // Газета РКБ. 2019. № 173. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/10/2019/5db9c1e99a79477c93e750cb> (дата обращения: 07.02.2021).

² *Пашиная Г. А., Ившин И. В.* Профессиональные преступления медицинских работников против жизни и здоровья. М.: Медицинская книга, 2006. С. 9.

³ *Некачалов В. В.* Ятрогения (Патология диагностики и лечения): пособие для врачей. СПб., 1998. С. 3.

УК РФ), заражение ВИЧ-инфекцией (ч. 2 ст. 122 УК РФ), неоказание помощи больному (ч. 1 и 2 ст. 124 УК РФ), незаконное занятие частной медицинской практикой и фармацевтической деятельностью (ст. 235 УК РФ);

2) преступления, совершаемые как общими субъектами, так и медицинскими работниками. Например, убийство, в том числе и в целях использования органов и тканей потерпевшего (ч. 1, п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное или неосторожное причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст. 111, 112, 115, 118 УК РФ), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), подмена ребенка (ст. 153 УК РФ)¹.

Думается, что с данной позицией сложно согласиться, так как ятрогенные преступления не могут совершаться умышленно и в, частности, общим субъектом. В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 22 декабря 2020 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская деятельность — это профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи.

Второе направление заключается в том, что ятрогенные преступления — это не деяния, а неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и лечебных вмешательств, которые приводят к нарушению функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти². Авторы подменяют понятие «ятрогенных преступлений» «врачебной ошибкой», под которой понимаются неправильные действия врача, обусловленные его добросовестным заблуждением при надлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей. Это исключает вину врача, и как следствие уголовную ответственность.

Круг ятрогенных преступлений в науке уголовного права сегодня также четко не определен. Ятрогенными следует признать преступления с неумышленной формой вины, предусмотренные следующими статьями Уголовного кодекса: ст. 109 «Причинение смерти по неосторожности», ст. 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности», ст. 122 «Заражение другого лица ВИЧ-инфекцией», ст. 123 «Незаконное производство аборта», ст. 124 «Неоказание помощи больному», ст. 238 «Выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», ст. 235 «Занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью лицом, не имеющим лицензии

¹ Огнерубов Н. А. Преступления в сфере медицинской деятельности: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2021. С. 44

² Акопов В. И. Правовое обеспечение медицинской деятельности: учебник и практикум для среднего профессионального образования. М.: Юрайт, 2018. С. 123.

на избранный вид деятельности», ст. 236 «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил».

Таким образом, следует законодательно закрепить термины:

1) ятрогенные преступления, под которыми следует понимать неосторожные общественно опасные деяния в виде небрежности или легкомыслия, совершаемые медицинскими работниками при исполнении своих профессиональных обязанностей;

2) врачебная ошибка — это ошибка, вызванная объективными причинами, обусловленная заблуждением медицинского работника при надлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей при отсутствии вины.

К признакам ятрогенных преступлений следует отнести: наличие надлежащего субъекта уголовно-наказуемого деяния, то есть лица, имеющего юридический статус медицинского работника; связь деяния с профессиональной деятельностью субъекта; нарушения правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи; причинение смерти или вреда здоровью пациента либо создание угрозы наступлению таких последствий.

Батманова Л.А.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»*

Понятие «экстремизм» и его отражение в теории уголовного права России, в регулятивном и охранительном законодательстве

Статистика фиксирует рост числа преступлений экстремистской направленности: «на фоне снижения террористической активности все большую силу набирают экстремистские настроения... около 2000 участников молодежных объединений вовлечены в деструктивную деятельность»¹. В 2020 г. в России число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности выросло на 42,4%, достигнув 833². Распространению экстремистской идеологии в значительной степени способствует доступность социальных сетей. Распространение экстремизма опасно тем, что лица, осуществляющие экстремистскую деятельность распространяют уже существующие крайние взгляды, формулирует новые опасные идеи, стремятся их осуществить. Например, в 2020 г. в Рязани неонацисты сформирова-

¹ См.: Александров А. В России растет число проявлений экстремизма // Красная звезда. 2018. № 5. С. 5.

² См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — октябрь 2020 года // МВД.РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/21933965/> (дата обращения: 08.03.2021).

ли группировку «Good night left side»¹, целью которой было уничтожение представителей других экстремистских группировок. Сегодня особо значимо осуществление уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности, его совершенствование.

Но не разрешен вопрос о том, что понимается под экстремизмом. Обратимся к понятию «экстремизм», его отражению в теории уголовного права, в регулятивном, охранительном законодательстве. Формулирование предложений по совершенствованию уголовно-правового противодействия преступлениям экстремистской направленности невозможно без его разрешения. Без этого невозможно уяснение сущности явления экстремизма. М. И. Ковалев верно считал: «уяснить смысл закона невозможно без вдумчивого и весьма кропотливого исследования текста, без уяснения значения терминов, употребленных законодателем»². Формулирование предложений по совершенствованию уголовно-правового противодействия экстремизму также невозможно без уяснения значений основных терминов, используемых законодателем. Что им понимается под терминами «экстремизм», «экстремистская деятельность»? Каково их соотношение?

Обратимся к справочно-энциклопедической литературе, которая позволит понять, какое значение приобрело слово «экстремизм», пришедшее в русский язык из французского (франц. *extremisme*, лат. *extremus* — крайний). Согласно словарю С. И. Ожегова, «экстремизм (полит.) — приверженность к крайним взглядам, к использованию крайних мер (включая теракты и взятие заложников) для достижения своих целей»³. В Большом энциклопедическом словаре дается следующая трактовка: «Экстремизм — приверженность к крайним взглядам, мерам»⁴. В Политической энциклопедии указывается, что «экстремизм» — это «приверженность в идеях и политике к крайним взглядам и действиям»⁵.

Таким образом, лексическое значение заимствованного слова «экстремизм» дается в различных источниках сходным образом. Формулировки сходны тем, что отражают этимологическую составляющую, характеризующую «крайность» рассматриваемого нами явления. Значение же «экстремистской деятельности» в словарях либо

¹ См.: В Рязани осудили двоих экстремистов // Рязанский портал. URL: https://ya62-ru.turbopages.org/ya62.ru/s/news/laworder/v_ryazani_osudili_dvoikh_ekstremistov/ (дата обращения: 20.04.2021).

² См.: Ковалев М. И. Советский уголовный закон. Свердловск, 1956. С. 373.

³ См.: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: ОНИКС, 2009. С. 356.

⁴ См.: Большой энциклопедический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2003. С. 1213.

⁵ См.: Политическая энциклопедия / под ред. Г. Ю. Семитина. М.: Мысль, 2000. Т. 2 (Н — Я).

не раскрывается вовсе, либо дается путем дублирования содержания ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — Федеральный закон № 114-ФЗ)¹.

В науке существует два подхода к соотношению понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность». Первый отражает понимание экстремизма как совокупности определенных действий (деятельности), что соответствует позиции законодателя. Например, как утверждает А. Г. Хлебушкин, «экстремизм есть противоправная деятельность, осуществление которой причиняет существенный вред основам конституционного строя...»². Р. М. Узденов вместо закрепления перечня экстремистских деяний понимает экстремизм как «социальное, негативное явление, проявляющееся в совокупности общественно опасных уголовно наказуемых деяний, совершаемых в соответствии с определенной системой взглядов, воззрений, убеждений, возведенных в культ, с целью достижения определенного результата, предусмотренного этой системой взглядов, в какой-либо области общественных отношений, существующий порядок в которой отрицается экстремистами»³. Аналогичный подход отражен в Шанхайской Конвенции: экстремизм — это «деяние, направленное на насильственное изменение конституционного строя государства»⁴. Такой подход неоправданно узок и указанные определения лишь косвенно характеризуют сущность экстремизма. В первую очередь экстремизм — это явление, система идей, взглядов, ценностей, формирующих, оправдывающих и стимулирующих преступную деятельность.

Вторая группа исследователей, работавших над формулированием определения экстремизма, объединяет «широкий подход» к нему — понимание экстремизма как идеологии, совокупности взглядов, включая в содержание понятия и действия, обусловленные идеологией экстремизма. По мнению В. Галицкого, экстремизм — это «приверженность радикальным взглядам, неправомерно реализуемым в практической деятельности людей и их общении в целях реформирования, устранения или изменения существующего госу-

¹ См.: Правовой словарь / Л. Ю. Грудицина. М.: Эксмо, 2008. Т. 1 (Э — Я).

² См.: Хлебушкин А. Г. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. М., 2010. С. 2.

³ См.: Узденов Р. М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 16–17.

⁴ См.: Шанхайская конвенция о борьбе с экстремизмом, сепаратизмом и экстремизмом // Сайта Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405>; http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25979/ (дата обращения: 26.03.2021).

дарственного строя, дестабилизации сложившихся отношений»¹. И. Н. Сенин рассматривает экстремизм как одну из форм отрицания явлений окружающей действительности с целью их дестабилизации и уничтожения, основанной на идеологии и действиях, характеризующихся насилием, фанатизмом, неспособностью к толерантности². В. А. Осипов писал: «экстремизм» и «экстремистская деятельность» соотносятся как общее с частным, поскольку второе вытекает из первого, а первое не может быть реализовано без второго³. Целесообразно разграничить понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» как взаимообусловленные, но не равнозначные, признать экстремизм более широким понятием, чем экстремистская деятельность.

Нормативно-правовое определение экстремистской деятельности содержится в регулятивном законодательстве, в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ, и раскрывается путем перечисления действий и явлений, относящихся к таковой деятельности. С технической стороны способ определения термина путем казуистического перечисления частей или признаков понятия юридической техникой допускается⁴. Но содержательная сторона определения свидетельствует, что законодатель отождествляет экстремистскую деятельность с экстремизмом. Это единственный вариант определения экстремистской деятельности в нормативно-правовых актах. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» даются разъяснения относительно отдельно взятых действий и явлений, относящихся в соответствии с Федеральным законом № 114-ФЗ к экстремистской деятельности (например, в п. 4 — что следует понимать под «публичными призывами»). Но разъяснения не позволяют разграничить «экстремистскую деятельность» и «экстремизм» и лишь подтверждают, что законодатель указанными терминами обозначает одно и то же понятие.

Можно сделать выводы: а) для правовой сферы имеющиеся в справочно-энциклопедической литературе лингвистические определения важны, они отражают этимологическую составляющую, характеризующую «крайность» рассматриваемого нами явления и сходны

¹ См.: Галицкий В. Государственная идеология в борьбе с экстремизмом и терроризмом // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2010. № 12. С. 18.

² См.: Сенин И. Н. Экстремизм: понятие и виды // Инновационное образование и экономика. 2008. № 2. С. 81.

³ См.: Осипов В. А. Экстремизм, экстремистская деятельность и преступления экстремистской направленности: понятия, содержание и соотношение // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4. С. 34–38.

⁴ См.: Юридическая техника: учебник / О. В. Лазарева, Н. И. Сухова. Изд-во: ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015. С. 119.

в этом. Но лингвистические определения не отражают все необходимые признаки правовых понятий. Для права необходима разработка качественных юридических определений; б) связь экстремизма с деятельностью начала очевидна — привлечение человека к ответственности за его мысли и взгляды недопустимо. Но из этого не следует, что экстремизм в целом является только деятельностью (хотя законодателем воспринят именно такой подход). Смешение понятий «экстремизма» и «экстремистской деятельности» недопустимо. Отсутствие грамотно и ясно сформулированных определений ключевых понятий в регулятивном законодательстве влечет затруднения в применении охранительного законодательства. Необходимо разрешить эту проблему путем выработки определений и внесения изменений в регулятивное законодательство; в) представляется единственно верным и обоснованным второй подход к пониманию экстремизма: понимание его не только как действий (деятельности), но и как идеологии, обуславливающей эту деятельность; г) признаки, позволяющие охарактеризовать сущность экстремистской деятельности, не определены в регулятивном законодательстве, но это следует сделать; д) в регулятивном законодательстве следует использовать следующее определение термина «экстремизм»: совокупность радикальных взглядов, идей, принципов, методов поведения, одобряющих применение насилия или создание угрозы его применения в целях изменения или устранения конституционного строя, а также посягательства на общественную безопасность, реализация которых предполагает осуществление запрещенной законом деятельности. Данное определение наиболее полно и верно отражает содержание понятия.

Болотских А.М.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»*

Проблема определения субъекта преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации

Человек является высшей ценностью, жизнь которого государство взяло под свою пристальную охрану. Усиливая такую особую значимость, Конституция Российской Федерации закрепила в статье 20 право каждого на жизнь, а также в первом разделе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) законодатель установил преступления против личности, закрепив в первой главе данного раздела преступления против жизни и здоровья. Также следует отметить, что первостепенную значимость среди данной категории преступлений занимают — преступления против

жизни детей, а в частности — убийства новорожденных. Основой для столь пристального внимания, обращенного данным преступлением, служит демографический кризис в современный период времени.

Так, на основании статистики довольно частое распространение имеет такой вид преступления как убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ)¹. Данное общественно опасное деяние отечественным уголовным законом отнесено к группе привилегированных преступлений, исходя из чего возникает вопрос: с чем связано его такое прерогативное положение? Данный факт ученые-юристы обосновывают спецификой психического и физического состояния женщины, как во время родов, так и после них, которые впоследствии ослабляют ее способность в полной мере осознавать общественную опасность своего деяния или руководить им. Однако, этот вопрос не является главным в рассматриваемом преступлении. Основной вопрос заключается в том, какой правовой регламентацией следует подвергнуть суррогатных матерей?

Так как наука в современном обществе развивается стремительно быстро, то такого же темпа должна придерживаться и уголовно-правовая сфера. В наше время медицинская наука вывела различные репродуктивные технологии лечения бесплодия, а также легализовала такое общественное явление как суррогатное материнство. Разъяснения по спорам, связанным с их применением, являются самыми важными в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Тем самым суррогатное материнство ставит законодателя и практических работников правоохранительных органов перед фактом, что часть общественных отношений оказалась неурегулированной данной правовой нормой: рождает ведь не мать, а женщина, которая не имеет никакого родства с ребенком. Как же квалифицировать убийство, совершенное биологической матерью, являющейся суррогатной, ведь формально матерью является иное лицо?

Статья 106 УК РФ охватывает только деяния матерей. Согласно семейному законодательству женщина приобретает статус матери сразу после того, как она будет записана в качестве таковой в книге актов гражданского состояния, то есть не важно — выносила она этого ребенка или нет.

Однако большинство ученых определяют материнство в качестве основной биологической функции женского организма, в то же время под суррогатным материнством понимают имплантацию эмбриона женщине в целях его вынашивания, то есть как инкубатор. Исходя из этого, можно предположить, что законодатель подразумевал в диспозиции ст. 106 УК РФ мать с биологической точки зрения, вне

---

¹ URL: <http://www.garant.ru/news/537793/#ixzz3G79W WFJU> (дата обращения: 06.03.2021).

зависимости от того, кто является юридической матерью. То есть в случае возникновения умысла на убийства новорожденного ребенка и его совершение суррогатной матерью, деяние будет квалифицироваться либо по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, либо по ст. 107 УК РФ.

Иное же мнение на данный счет имеет А. Н. Красиков, утверждая, что женщина может просто вынашивать в своем организме не своего ребенка, исходя из родственных или меркантильных соображений. На его взгляд такая женщина не может выступать субъектом преступления по упомянутой норме. Таким образом, он предлагает в диспозиции ст. 106 Уголовного кодекса изменить наименование субъекта «мать» на «роженицу» и «родительницу», поскольку в медицине статус роженицы имеет свое нахождение с момента начала процесса родов, а родильницы — после рождения плода¹.

Думается, что позиция А. Н. Красикова является обоснованной и в этой связи представляется необходимым внести соответствующие изменения в рассматриваемую правовую норму, в ее диспозицию в части, где указывается субъект преступления, так как данный спор вызывает большое количество прецедентов на практике.

Подводя вышесказанному итог, хотелось бы отметить, что вопрос правильной квалификации будет существовать до тех пор, пока не будет устранена вышеуказанная проблема.

Таким образом, было бы разумнее изложить ч. 1 ст. 106 УК РФ в следующей редакции: «Убийство роженицей рождаемого ею ребенка во время родов или убийство родильницей сразу же после родов, а равно убийство рожденного ею ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключаящего вменяемости...»

Борисов И.Д.,

*студент II курса ФГКОУ ВО «Университет
прокуратуры Российской Федерации»*

Совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти

Совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти является обстоятельством, отягчающим наказание, предусмотренным п. «н» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Однако, данное обстоятельство не содержит достаточной регламентации для его применения. Так, например, расходятся позиции ученых относительно

---

¹ Красиков А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1997. С. 47.

того, в отношении какого лица, в случае совершения преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти в качестве квалифицирующего признака может применяться данное отягчающее обстоятельство. М. Н. Становский в своей работе «Назначение наказания» утверждает, что «...субъектами их являются не представители власти, а лица, неправоммерно выдающие себя за таковых...»¹, что противоречит позиции И. Я. Козаченко и З. А. Незнамова, которые считают, что «использование форменной одежды или документов представителя власти будет являться обстоятельством, отягчающим наказание, независимо от того, были они у преступника на законном или незаконном основании»².

М. Н. Становский отмечает, что субъектом, к которому может быть применено данное отягчающее обстоятельство, может быть только лицо, фактически не обладающее властными полномочиями. Таким образом, лицо, совершающее преступление с использованием форменной одежды или документов представителя власти, обладающее ими на законных основаниях будет нести ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, либо за их превышение и к нему не может быть применен п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Судебная практика по данному вопросу так же находится в некотором противоречии. Так, например, Черноградский районный суд в отношении сотрудника органов внутренних дел, использующего в ходе совершения преступления форменную одежду и документы представителя власти указал данные обстоятельства в качестве квалифицирующего признака со ссылкой на п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ и признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ³.

Рязанский районный суд в отношении лица, являющегося действующим сотрудником органов внутренних дел, наоборот, прямо указал в приговоре, что п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ к нему не может быть применен, поскольку он находился в форменной одежде сотрудника МВД в связи с исполнением служебных обязанностей (суточное дежурство), при этом признав его виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ⁴.

---

¹ Назначение наказания / М. Н. Становский. СПб.: Юрид. центр Пресс, 1999. С. 266.

² Уголовное право: Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М., 2000.

³ Приговор № 1-242/2011 от 16 ноября 2011 г. по делу № 1-242/2011 Черноградский районный суд (Ростовская область) // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IFCFxSDzOdT/> (дата обращения: 04.05.2021).

⁴ Приговор от 19 февраля 2013 г. по делу № 1-8/2013 Рязанский районный суд (Рязанская область) // URL: https://sudact.ru/regular/doc/DkPlj09Z20U4/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchuninfo=&regular-date_from=18.02.2013&regular-

В связи с этим возникает ряд вопросов, связанных с классификацией преступлений. Для того, чтобы разобраться в данном вопросе необходимо определить, что представляет собой злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данными в постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» под превышением должностных полномочий понимается совершение должностным лицом активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если при этом должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий. Одним из примеров таких действий, указанных в постановлении, является совершение должностным лицом при исполнении служебных обязанностей действий, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать¹.

Под злоупотреблениями должностными полномочиями понимается совершение действий (бездействия) в пределах своей компетенции вопреки интересам службы.

Исходя из указанных определений можно сделать вывод, что при совершении преступлений данного вида использование форменной одежды или документов представителя власти не является обязательным квалифицирующим признаком, поэтому возможность объединения, указанного в п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ отягчающего наказание обстоятельства со статьями Уголовного кодекса, предусматривающими ответственность за злоупотребление должностными полномочиями и за их превышение, представляется сомнительной.

Данную позицию можно так же обосновать тем, что при совершении преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ без использования форменной одежды или документов представителя власти, не наступают те общественно опасные последствия, которые могли бы наступать при их использовании. Так, например, без их использования в меньшей степени страдает престиж государственной власти, поскольку при совершении таких преступлений лица, их совершающие не оправдывают и не «прикрывают» свои действия

---

date_to=20.02.2013&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=Рязанский+районный+суд+%28Рязанская+область%29&regular-judge=&_=1620138868323 (дата обращения: 04.05.2021).

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «Консультант-Плюс».

престижем и статусом органа, в котором они осуществляют предоставленные им полномочия.

Таким образом исключение возможности применения, предусмотренного п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельства, отягчающего наказание к лицам, наделенным властными полномочиями в случае совершения ими преступлений с использованием форменной одежды или документов представителя власти, представляется невозможным.

Бучукури Э.И.,

*студентка II курса магистратуры
ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»*

Некоторые вопросы квалификации убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего

Рассматривая преступления против личности, в первую очередь, следует обратить внимание на законодательную регламентацию квалифицированных видов убийства, предусмотренных ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Говоря о несовершенствах законодательного закрепления признаков составов квалифицированных видов убийств, нельзя не обратить внимание на п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ — убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего.

Основным критерием для квалификации такого убийства является несоответствие действий субъекта критериям, которые такое изъятие и использование определяют как законную деятельность. Так, ст. 1 Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 (в ред. от 8 декабря 2020 г.) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее — Закон РФ № 4180-1) определяет следующие критерии законной трансплантации органов и тканей от живого донора или трупа:

1) применяется только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранения жизни больного (реципиента) либо восстановления его здоровья;

2) в случае изъятия органов или тканей у живого донора, таковая допускается лишь в случае, если его здоровью по заключению консилиума врачей-специалистов не будет причинен значительный вред;

3) только с согласия живого донора и, как правило, с согласия реципиента;

4) органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи;

5) операции по трансплантации органов и (или) тканей реципиентам должны производиться исключительно на основе медицинских показаний в соответствии с общими правилами проведения хирургических операций.

Статья 2 Закона РФ № 4180-1 регламентирует, что:

1) живым донором может быть только лицо, достигшее 18 лет (за исключением случаев пересадки костного мозга), являющееся дееспособным;

2) донором может быть лишь лицо, не страдающее болезнью, представляющей опасность для жизни и здоровья реципиента;

3) изъятие и трансплантация органов или тканей осуществляются в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения;

4) изъятие органов и (или) тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту;

5) изъятие органов и (или) тканей у трупа производится с разрешения главного врача учреждения здравоохранения при условии соблюдения иных положений Закона.

Говоря о критериях правомерности изъятия и трансплантации органов или тканей трупа, хотелось бы указать на необходимость внесения в действующее законодательство о трансплантации органов или тканей положения о том, что для таковой необходимо, помимо указанных в вышеупомянутом Законе, также согласие близких родственников умершего. Необходимость такая обусловлена сохранением достоинства умершего, а также соблюдением моральных и нравственных принципов по отношению к родственникам умершего (погибшего). Говоря о достоинстве личности умершего (погибшего), следует пояснить, что нельзя не согласиться Т. А. Хашем, который уверен, что достоинство личности не исчезает со смертью человека, просто права и обязанности, связанные с защитой его достоинства личности, некоторым образом трансформируются, переходят к родственникам умершего и/или к государству¹.

Преступление считается оконченным независимо от того, удалось виновному в результате убийства изъять и использовать желаемые органы или ткани потерпевшего либо нет. Но предопределяться совершение убийства должно этим стремлением — изъять и использовать органы или ткани лишенного жизни. Возможно приготовление к данному преступлению, равно как и покушение на него, когда преступление прервано по не зависящим от виновного причинам.

Переходя к проблемам квалификации деяния по п. «м», ч. 2 ст. 105 УК РФ, в первую очередь, следует указать на причину наличия таких проблем — отсутствие разъяснений Пленума Верховного Суда

---

¹ См.: *Хашем Т. А.* Защита человеческого достоинства в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ. М., 2010. С. 22.

Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) по вопросам квалификации убийства, сопряженного с использованием органов или тканей. Примечательно то, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» последние разъяснения даются по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, после чего приводятся правила квалификации и определения размера наказания при той или иной совокупности квалифицирующих видов убийств и т. д.¹ Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в свою очередь, выделены в другое постановление², тогда как дополнительных разъяснений по поводу квалификации деяния как убийства с целью использования органов или тканей потерпевшего, законодатель не приводит.

В связи с вышеуказанным обстоятельством возникает ряд вопросов к законодательной регламентации состава убийства с целью использования органов или тканей потерпевшего. В первую очередь — не ясно, что подразумевает законодатель под словом «использование». В словаре русского языка в качестве определения глагола «использовать» приводится следующий перечень действий: употребить (употреблять) кого-, что-либо для какого-либо дела, найти (находить) применение кому-, чему-либо, использовать вещь по своему назначению. Таким образом, под использованием органов или тканей человека можно подразумевать действия, заключающиеся не в одном лишь изъятии с целью трансплантации: данное преступное деяние вполне может совершаться в целях использования органов и тканей человека в качестве пищи, предметов ритуала различными сектами, для удовлетворения садистско-фетишистских наклонностей и т. д. Очевидно, что, приводя именно такую формулировку статьи, законодатель подразумевал в качестве использования применение органов или тканей потерпевшего в каких угодно целях, важным здесь является не цель, а изъятие. Использование органов или тканей потерпевшего в любом случае невозможно без их предварительного изъятия. При таком положении вещей остается неясным, почему в п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ закон содержит термин «использование», хотя, например, в п. «ж» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ используется термин «изъятие»; следует указать, что для трансплантации органов или тканей применительно для других составов, содержащихся в УК РФ, характерен термин «изъятие». Следует отметить, что отделение органов и (или) тканей от организма потерпевшего может

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (с изменениями и дополнениями) // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 г. Москва «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

производиться как в процессе убийства, так и после него. В первом случае при наличии к тому оснований действия виновного следует дополнительно квалифицировать по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство с особой жестокостью. На наш взгляд, целесообразно было бы изложить п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ в следующей редакции: «с целью изъятия органов или тканей потерпевшего».

Помимо указанного, также предлагается добавить в ч. 2 ст. 105 УК РФ п. «о», предусматривающий убийство, сопряженное с каннибализмом, дабы отграничить данное деяние от составов преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ, а также п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, который нередко вменяется наряду с п. «м» виновным в каннибализме. Обусловлена такая необходимость тем, что каннибализм (применительно к употреблению в пищу людьми человеческой плоти используют термин «антропофагия») может выступать в нескольких формах: каннибализм как результат голода, каннибализм как средство пропаганды, сексуально мотивированный каннибализм, религиозно-мистический каннибализм — при этом, лишь в первом случае такого рода деяния не говорят о явных нарушениях психического здоровья субъекта, но в современной России данной формы каннибализма существовать не может. Таким образом, убийство и нарушение целостности человеческого тела с последующим поеданием его частей или целиком следует отграничивать от убийства с целью использования органов или тканей потерпевшего и выделить в отдельный состав, как деяние, характеризующееся повышенной общественной опасностью в силу аморальности, цинизма и особых характеристик личности субъекта (его психического состояния).

Власенко Е.Р.,

курсант II курса ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»

Некоторые особенности уголовно-правовой охраны неприкосновенности частной жизни в России и иностранных государствах

Развитие высоких технологий существенно расширяет возможности человека по поиску, собиранию и распространению различного рода информации. В этой связи большое внимание уделяется проблеме сохранения сведений, составляющих тайну частной жизни, гарантированную Конституцией Российской Федерации.

Статья 137 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) содержит запрет на собирание и распространение сведений, составляющих тайну частной жизни. В соответствии с постановле-

нием Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»¹, способ совершения таких действий значения для квалификации не имеет. В законодательном разъяснении самого понятия «частная жизнь» не содержится четких границ. Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении от 28 июня 2012 г. № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации»² подчеркивает, что сведения, относящиеся к частной жизни, определяются гражданином самостоятельно. Однако, думается, что право выбирать и контролировать личную информацию составляет лишь один аспект концепции неприкосновенности частной жизни, связывающий конфиденциальность с защитой информации. Такой подход порождает самую разнообразную и противоречивую судебную практику. Для разрешения данной проблемы представляется целесообразным обратиться к опыту зарубежного законодательства в сфере охраны признаваемого и гарантируемого конституциями всех государств права на неприкосновенность частной жизни. Сравнительный анализ во многом способствует выработке эффективных стратегий решения поставленных вопросов и оптимальных путей развития отрасли права.

Научный интерес представляет уголовное законодательство стран-представительниц романо-германской правовой семьи, куда относятся и Российская Федерация. В Уголовном кодексе Франции³ и Уголовном кодексе Германии⁴ лицо подлежит уголовной ответственности за нарушение конфиденциальности произносимых слов (уголовно наказуемыми признаются действия по получению доступа к частным разговорам, их записи и распространению), нарушение

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Франции от 22 июля 1992 г. (ред. от 12 октября 2005 г.) // URL: https://www.legislationline.org/download/id/3316/file/France_Criminal%20Code%20updated%20on%2012-10-2005.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

⁴ Уголовный кодекс Германии от 13 ноября 1998 г. (ред. от 19 июня 2019 г.) // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html#p2614 (дата обращения: 25.04.2021).

интимной конфиденциальности путем получения изображения потерпевшего, находящегося в частном помещении. Во Франции также наказуемо хранение, использование, доведение или попустительство к доведению таких материалов до третьих лиц. Под угрозой наказания запрещен и оборот средств, способствующих совершению указанных преступлений.

Заметим, что в Германии для привлечения лица необходимо наличие у него признаков специального субъекта. В уголовном законе ФРГ приводится довольно обширный перечень лиц, для которых недопустимо разглашение сведений, полученных в связи с выполнением ими профессиональных или служебных обязанностей. Во Франции субъект указанных преступлений общий, а их совершение должностным лицом превращает основной состав в квалифицированный.

Учитывая роль современных технологий в способствовании собиранию и распространению информации, французский законодатель, помимо вышеуказанного, выделяет особый раздел «О нарушении личных прав путем использования компьютерных файлов или процессов, протекающих в ЭВМ». Интерес представляют такие составы, как: осуществление или организация автоматизированной обработки информации без соблюдения мер предосторожности для обеспечения безопасности такой информации, в частности для воспрепятствования ее повреждению, изменению, получению к ней доступа третьих лиц; ввод и хранение в памяти ЭВМ без согласия лица данных о его происхождении, убеждениях, взглядах, привычках, состоянии здоровья, сексуальной ориентации, профсоюзной принадлежности. Заслуживает отдельного внимания еще один раздел Уголовного кодекса Франции — «Преступления против личности, совершенные в результате изучения генетических характеристик или идентификации ДНК-профилей». В нем содержатся уголовно-правовые запреты, связанные с исследованием генетических свойств человека и использованием полученной в результате изучения таких свойств информации в немедицинских и не связанных с научной деятельностью целях; на идентификацию человека по ДНК-профилю вне рамок процессуальных действий. Такое внимание французского уголовного законодательства к сфере частной жизни, выражающееся в разном описании и подробном описании преступных деяний, отражает степень важности рассматриваемого института для государства.

Интересной представляется лаконичность формулировок уголовно-правовых запретов в рассматриваемой сфере в системе дальневосточного права. В Японии¹ установлен уголовно-правовой запрет

---

¹ Уголовный кодекс Японии от 24 апреля 1907 г. (ред. от 2007 г.) // Japanese Law Translation. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=1960&vm=04&re=02> (дата обращения: 25.04.2021).

за незаконное разглашение конфиденциальной информации. Определение данного понятия на законодательном уровне отсутствует. Но для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо наличие признаков специального субъекта, упомянутых в Кодексе. Отдельное внимание обращено на недопустимость разглашения конфиденциальной информации, полученной в ходе осуществления религиозной деятельности. Существование единственного состава преступления в рассматриваемой сфере, имеющего простую диспозицию, и отсутствие его законодательного разъяснения, позволяет сделать вывод о поверхностной защите института частной жизни в данном государстве, что может быть обусловлено культурными особенностями развития страны.

Довольно подробно описывается вторжение в частную жизнь в законодательстве США¹. Существует четыре основных типа нарушения неприкосновенности частной жизни: нарушение права на уединение, присвоения чужого имени или подобию (изображения), публичное распространение фактов, составляющих чужую тайну, распространение ложной или вводящей в заблуждение о человеке информации. Однако само по себе вторжение в частную жизнь преступлением не является и в большинстве случаев служит основанием для гражданского иска. Подобные деяния наряду с гражданско-правовыми могут повлечь уголовно-правовые последствия, если целью лица является собирание и распространение такой информации. По сути, в США установлен уголовно-правовой запрет, идентичный существующему в Российской Федерации, однако законодательство Штатов содержит более конкретное описание действий, состоящих в нарушении охраняемого Конституцией права на неприкосновенность частной жизни.

Право на неприкосновенность частной жизни, являясь одним из основных прав человека, обеспечивает возможность для осуществления других прав человека и состоит с ними в тесной взаимосвязи. Этим обусловлена необходимость создания гарантий защиты данного института. Работа с информацией предоставляет лицам большое количество возможностей, в том числе ее использование в неправомерных целях, что способно причинить вред законным интересам личности. Проведенный анализ уголовного законодательства некоторых иностранных государств показал, что в большинстве стран понятие частной жизни раскрывается через описание деяний, состоящих в нарушении неприкосновенности данного права. Сущность охраны неприкосновенности частной жизни не должна сводиться к уголовно-правовой охране права выбирать и контролировать, как, кому и в какой степени может раскрываться личная информация.

---

¹ Invasion of privacy / LegalDictionary.net // URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=1960&vm=04&re=02> (дата обращения: 25.04.2021).

Данный институт также рассматривается в концепциях права быть оставленным в уединении, права на свободу от наблюдения, права сохранения в тайне своей личности, мыслей, убеждений. Наблюдение за лицом без его согласия, прослушивание чужих разговоров, любая фиксация таких сведений и их последующее распространение, запрещенные под угрозой наказания во Франции, Германии, США, охраняются уголовным законодательством и в Российской Федерации. Однако в нашем государстве этот перечень действий, ставящих под угрозу неприкосновенность частной жизни, не является закрытым. В отличие от Германии и Японии, где круг привлекаемых к уголовной ответственности лиц в рассматриваемой сфере ограничен уголовным законом, в России, как и во Франции, к уголовной ответственности может быть привлечено любое лицо, обладающее признаками общего субъекта преступления. Наверное, именно такое устройство уголовного законодательства Российской Федерации, ставящее под охрану любые действия по нарушению неприкосновенности рассматриваемого конституционного права, позволяющее гражданам самостоятельно его определять, свидетельствует о наиболее полной уголовно-правовой защите такой важной для государства ценности, как частная жизнь его граждан.

Войтенко С.А., Кондрашов С.А.,
*студенты III курса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»*

Женщина в призме уголовной ответственности

Для надлежащего, законного и справедливого применения норм уголовного законодательства в Российской Федерации (далее — РФ), как и во многих других государствах предусмотрены общепризнанные принципы, на основе которых и осуществляется данная деятельность. Принцип, который будет основополагающим в данной работе звучит, как равенство всех граждан перед законом и судом, который провозглашен в ст. 19 Конституции РФ, а также в ст. 4 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ). Он устанавливает равенство лиц, совершивших преступления, вне зависимости от пола, национальности, социального статуса и т.п. Также существует и принцип гуманизма, который согласно ч. 1 ст. 7 УК РФ провозглашает первоочередной задачей уголовного законодательства — обеспечить безопасность человека. Не только принципы играют большую роль, но и обстановка, в которую помещена женщина и которую она может создать себе, будучи беременной и/или своему несовершеннолетнему ребенку¹.

---

¹ Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. М., 1992.

Несмотря на это в судебной практике и в целом в уголовном праве можно заметить ряд моментов, которые нарушают данные положения. Актуальность нашей работы выражена в необходимости анализа за правомерности указанного направления.

Анализируя научную и учебную литературу, нельзя не заметить, что изучение гендерного аспекта уголовной ответственности занимает далеко не последнее место и говорить о нем, как досконально изученном, невозможно¹. Однако, стоит начать с того, что особый интерес вызывает женщина, как объект наказания. В действующем уголовном законодательстве установлен ряд привилегий, которые применяются при назначении наказания для женщин: первое — это ограничения относительно назначения обязательных, принудительных и исправительных работ (в соответствии с ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ч. 7 ст. 53¹ УК РФ данные виды наказания не назначаются беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет). Так же принудительные работы не назначаются женщинам, которые достигли возраста 55 лет; второе — запрет назначения наказания в виде ареста для беременных женщин и женщин, которые имеют детей в возрасте до 14 лет (ч. 2 ст. 54 УК РФ). И третье — недопустимость назначения пожизненного лишения свободы и смертной казни женщинам (ч. 2 ст. 57, ч. 2 ст. 59 УК РФ).

К сожалению, подробный анализ показывает, что данный законодательный подход не только нарушает положения основополагающих конституционных и уголовно-правовых принципов, но и связан с нарушениями требований охраны репродуктивной сферы, которыми и было вызвано введение рассматриваемых норм. Это является первым спорным моментом в данной теме. В ч. 3 ст. 60 УК РФ отмечается, что при назначении наказания учитывается влияние избранного вида наказания на условия жизни семьи осужденного, но перечисленные ограничения в применении наказаний влекут за собой невозможность их назначения, что может вызвать весьма негативные последствия. Например, назначение штрафа женщине, имеющей ребенка, отразится в том числе и на его интересах. То есть при существующем запрете назначения отдельных видов наказания для женщин в суда фактически отсутствует альтернатива выбора. Представим ситуацию еще хуже: если в санкции статьи отсутствует штраф, как вид наказания, то в силу установленных ограничений женщине, имеющей ребенка, зачастую может быть назначено только наказание в виде лишения свободы. Тут законодатель, преследуя благородные цели, сам же им и противоречит.

---

¹ *Сергеева Е. Ю.* Уголовная ответственность и наказание женщин по российскому законодательству. Гендерный аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / науч. рук. Б. Т. Разгильдиев. Саратов, 2006. С. 22.

Что касается беременных женщин, то тут позиция законодателя обусловлена именно интересами здоровья будущего ребенка, так как исполнение некоторых видов наказания, действительно может повлиять на нормальное развитие детей и их здоровье. А вот в отношении женщин, имеющих детей, как уже было отмечено, установленные ограничения могут повлечь за собой последствия, обратные целям создания соответствующих норм. В этом же аспекте можно отметить и нарушения принципа равенства. Данных «привилегий» лишены мужчины-отцы. В правовой сфере необходимо до конца учитывать специфику охраны прав ребенка. Вряд ли возможно признать ситуацию, соответствующей требованиям гуманизма, равенства и справедливости, когда ребенок при осуждении отца в случае отсутствия матери отправляется в детский дом, а если посмотреть судебную практику, то таких случаев достаточно много.

Следующая проблема, заслуживающая внимания в свете рассматриваемой темы, — отсрочка отбывания наказания. Данный вопрос регулируется ст. 82 УК РФ. Последние изменения в эту норму позволяют применять отсрочку отбывания наказания и мужчинам, но при соблюдении конкретного условия: если он является единственным родителем. Такой подход, во-первых, полностью противоречит принципу равенства граждан перед законом, так как женщине отсрочка предоставляется без данного условия, во-вторых, не соответствует требованиям международно-правовых нормативных актов (в частности, Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., где основной задачей выступает обеспечение интересов именно ребенка), в-третьих, не согласуется с нормами Конституции РФ, Семейного кодекса РФ, закрепляющих равные права и обязанности мужчины и женщины, как родителей в отношении детей.

Следующий спорный и проблемный момент — это вид исправительного учреждения, назначаемого женщине. В соответствии со ст. 58 УК РФ максимально строгим видом исправительного учреждения для женщины, совершившей преступление, является колония общего режима. У данного вопроса тоже есть две стороны. Такой подход также противоречит принципам равенства, гуманизма и справедливости. С одной стороны, вряд ли можно считать нахождение в пределах одного исправительного учреждения многократно судимых преступниц, совершивших особо тяжкие преступления, и женщин, которые впервые совершили преступление по неосторожности, например, небольшой тяжести, проявлением гуманизма и справедливости к женскому полу. С другой стороны, данный законодательный подход также не соответствует вышеназванным принципам, но уже при назначении лицам разного пола, совершившим при равных обстоятельствах равные по степени общественной опасности деяния, неравных видов исправительных учреждений.

Также считаем необходимым назвать еще одну «открытую» проблему — это убийство матерью новорожденного ребенка — ст. 106 УК РФ. Данный вопрос подлежит отдельному рассмотрению, но он вызывает интерес и в свете рассмотрения данной темы. Довольно много правоведов и ученых в области уголовного права очень резко отмечают, что данный состав преступления является спорным, что санкция является незначительной для такого рода преступлений и ее необходимо сравнять с санкцией, предусмотренной ст. 105 УК РФ.

Если подойти к данной проблеме с практической точки зрения, то можно пронаблюдать, что часто за совершения аналогичных преступлений мужчины получают наказание в несколько раз более строгое, чем женщины. Необходимо отметить, что такая тенденция в истории нашего государства была не всегда. В качестве примера можно привести случай из 1979 г., когда по приговору суда была расстреляна Антонина Макарова — палач гитлеровцев, получившая прозвище «Тонька-пулеметчица». В 1983 г. высшую меру наказания за хищения социалистической собственности применили в отношении Бородкиной Берты, а в 1987 г. расстреляли серийную убийцу Татьяну Ивановну. Сейчас же, если мужчина серийный убийца, маньяк будет приговорен к пожизненному лишению свободы, то такая же убийца женщина к определенному сроку в исправительном учреждении. Принцип равенства и справедливости не прослеживается¹.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что правовое положение женщины в уголовном праве занимает очень интересное и спорное положение. Можно четко проследить противоречащие моменты и по отношению к женщинам, а также в сравнении положения женщин и мужчин в данном направлении. И ввиду того, что в современном мире довольно много людей, которые отстаивают положения феминизма, важно, чтобы более значительное внимание было обращено к уголовно-правовой стороне данного вопроса.

Волколупова В.В.,

*студентка II курса Волгоградского института
управления — филиала ФГБОУ ВО «Российская
академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»*

Вопросы дифференциации ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией

Распространение вируса иммунодефицита человека (далее — ВИЧ) в настоящее время по-прежнему остается одной из глобальных про-

¹ Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации. М.: Проспект, 2018. С. 376.

блем всего мирового сообщества. Россия находится на первом месте в Европе по темпам распространения инфекции¹.

За 9 месяцев 2020 г. в России выявлено 55 048 новых случаев заражения ВИЧ². Ежегодный прирост числа случаев выявления ВИЧ-инфицирования на протяжении последних 25 лет составляет 10% в год.

По информации Роспотребнадзора (данные на конец 2020 г.) общее число всех выявленных и учтенных случаев ВИЧ-инфекции среди граждан Российской Федерации составило 1 306 109 чел. (их них живых, имеющих этот диагноз, — 998 037, умерших — 308 072). Согласно исследованию UNAIDS³ по приведенному показателю Россия находится на третьем месте в мире, уступая лишь Нигерии и ЮАР (в расчете на 100 000 жителей)⁴.

В последние годы ВИЧ-инфекция стала распространяться не только в среде «уязвимых групп населения» (в группах риска), но и все чаще встречается в общей популяции. В частности, из числа впервые выявленных в 2018 г. лиц более половина заразились при гетеросексуальных контактах (62,7%), а доля больных, инфицированных ВИЧ в процессе употребления наркотиков, уменьшилась и составила 33,6%. Это свидетельствует о том, что в нашей стране риск ВИЧ-инфицирования постоянно возрастает и в социально благополучных слоях населения⁵.

Названные обстоятельства и обуславливают необходимость усиления мер противодействия преступлениям, предусмотренным ст. 122 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Применение уголовно-правовых норм, установленных в ст. 122 УК РФ, порождает нередко сложности, связанные с дифференциацией ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией и установлением квалифицированных составов данного преступления. По мнению Д. А. Никитина заражение ВИЧ-инфекцией по степени обществен-

---

¹ См.: ВИЧ/СПИД. Основные факты // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets> (дата обращения 15.04.2021).

² См.: Социально-экономическое положение России. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2019. С. 236. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/osn-12-2019.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).

³ Объединенная программа ООН по ВИЧ/СПИД.

⁴ См.: История болезни: Россия заняла 3-е место в мире по распространенности ВИЧ // www.gudok.ru: официальный сайт. URL: https://www.gudok.ru/social_policy/?ID=1457941 (дата обращения: 15.04.2021).

⁵ См.: О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2018 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2019. 254 с. // URL: <https://rosпотребнадзор.ru/upload/iblock/798/gosudarstvennyy-doklad-o-sostoyanii-sanitarno-epidemiologicheskogo-blagopoluchiya-naseleniya-v-rossiyskoy-federatsii-v-2018-godu.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).

ной опасности совершенного деяния вполне сопоставимо с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью и к тому же в этих составах один и тот же объект посягательства¹.

Заслуживает одобрения предложение Д. А. Никитина о включении в диспозицию ч. 1 ст. 111 УК РФ в качестве одного из признаков тяжкого вреда здоровью, наряду с такими заболеваниями как наркомания, токсикомания и психическое расстройство, еще и такого заболевания, как ВИЧ-инфекция. В то же время его предложение о включении, наряду с названным выше заболеванием, в этот перечень еще и таких, как гепатит В, туберкулез и других социально значимых заболеваний², вряд ли обосновано в силу их значительной распространенности.

В санкциях уголовно-правовых норм об ответственности за рассматриваемые преступления, учитывая особый характер ВИЧ-инфекции, логично было бы включить такие виды и сроки наказания, которые сопоставимы с установленными в нормах, предусматривающих ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ). Существующая редакция норм, предусмотренных в ст. 122 УК РФ, включает санкцию, которая значительно мягче, чем в ч. 1 ст. 111 УК РФ.

В УК РСФСР 1960 г. наказание за рассматриваемые преступления против здоровья были более строгими. В частности, поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией наказывалось лишением свободы на срок до 5 лет, а реальное заражение ВИЧ-инфекцией влекло наказание до 8 лет лишения свободы. В УК РФ 1996 г. максимальные размеры наказания за данные преступления были значительно уменьшены (с 5 лет до 1 года и с 8 лет до 5 лет, соответственно). Больше того, в норме об ответственности за поставление в опасность заражения заболеванием СПИД в УК РСФСР 1960 г. была более строгая санкция, чем за причинение смерти по неосторожности.

Сопоставление санкций норм об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 111 УК РФ, и за квалифицированные виды заражения ВИЧ-инфекцией также показывает, что за первый вид общественно опасного деяния законодателем предусмотрено более строгое наказание, что представляется необоснованным.

Анализируя санкции норм, устанавливающих ответственность за основные и квалифицированные виды рассматриваемых преступле-

---

¹ См.: *Никитин Д. А.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых ВИЧ-инфицированными: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. С. 11.

² См.: Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 (ред. от 31 января 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

ний (ст. 111 и ст. 122 УК РФ, можно сделать вывод о том, что законодатель не в полной мере учитывает реальную степень общественной опасности деяния, указанного в ст. 122 УК РФ. В целях дальнейшей дифференциации ответственности за рассматриваемые преступления максимальный срок наказания в виде лишения свободы целесообразно увеличить до восьми и десяти лет, соответственно, в санкциях ч. 2 и ч. 3 ст. 122 УК РФ, а их минимальные размеры оставить без изменений. Это будет способствовать более полной реализации принципа дифференциации уголовной ответственности за преступления, посягающие на здоровье другого человека.

Логично было бы с учетом принципа унификации и повышения общественной опасности содеянного включить в качестве квалифицирующего признака в ч. 3 ст. 122 УК РФ и совершение деяния, предусмотренного в ч. 2 этой статьи, в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

Редакцию ч. 3 ст. 122 УК РФ можно сформулировать следующим образом:

«3. Деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, совершенное в отношении двух или более лиц либо в отношении несовершеннолетнего, а равно женщины, заведомо для виновного находящегося в состоянии беременности, — наказывается...»

Представляется, что реализация данных предложений на законодательном уровне будет содействовать повышению результативности противодействия заражению ВИЧ-инфекцией.

Глобин К.А., Картавых М.О.,

*студенты II курса ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»*

Коллизии, возникающие при совершении преступлений с участием лица, не подлежащего уголовной ответственности

Согласно ст. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) под соучастием понимается «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления». Как можно наблюдать из дефиниции, одним из важных признаков выступает тот факт, что соучастие всегда сопряжено с совместностью. Последнее в свою очередь выполняет функции интеграции преступных действий. Иными словами, деяние, совершаемое соучастниками, образуется из слаженных действий, выполнение которых непосредственно ведет к реализации противозаконных целей¹.

---

¹ Воронин В. Н. Институт соучастия в преступлениях экстремистской направленности // Вестник ОмЮА. 2019. № 4. С. 75.

Одной из базовых коллизий института соучастия выступает вопрос о вменении лицу признака совершения им преступного деяния в составе группировки, в случаях, когда наряду с ним, в реализации преступления принимало участие лицо, которое не подлежит уголовной ответственности в силу возрастных признаков или обстоятельств, предусмотренных гл. 11 УК РФ.

По мнению некоторых ученых, данная возможность исключается, поскольку соучастие, как отмечалось выше, предполагает умысел и совместность действий, рассматриваемых в качестве единого целого, что исключается в отношении некоторых лиц — невменяемых. Однако существует и противоположная точка зрения, приобретающая свою популярность благодаря нестабильной судебной практике.

Анализ генезиса постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ППВС РФ) по делам об изнасиловании и совершении насильственных действий сексуального характера показывает, что изначально такие действия квалифицировались независимо от невменяемости иных лиц, участвующих в преступлении. Однако со временем, данные положения были исключены из нормативного акта¹.

Аналогичная ситуация прослеживается и в ППВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Резонанс в области правоприменения вызвало разрешение дела Прокопьева, который совместно с гражданином Б., совершил преступление, предусмотренное ст. 105 УК РФ. В свою очередь гражданин Б., также был осужден за совершение данного деяния, однако в последствии был признан невменяемым. Несмотря на представление Генеральной прокуратуры Российской Федерации в надзорной инстанции Президиум Верховного Суда Российской Федерации, ссылаясь на Уголовный кодекс, отметил, что, анализируя букву закона, можно сделать вывод о том, что убийство, совершенное группой лиц — это умышленные действия двух или же более лиц, непосредственно участвующих в процессе, направленные на лишение жизни с применением насилия, при этом необязательно, чтобы телесные повреждения, явившиеся причиной смерти, были нанесены каждым из злоумышленников.

В ряде случаев, Верховный Суд Российской Федерации ссылается на то, что в момент совершения преступных действий лицу не было известно о невменяемости второго лица, непосредственно осуществляющего с ним противозаконное деяние. Особенно ярко это прослеживается в делах о разбойных нападениях.

Но тут возникает противоречие, поскольку:

---

¹ Тасаков С. В. Институт соучастия в уголовном законодательстве России и проблемы его правоприменения // Вестник ЧГУ. 2019. № 3. С. 293.

1) уголовный закон гласит, что лицо, находящееся в момент совершения противоправного общественно опасного деяния в состоянии невменяемости не может быть квалифицировано в качестве исполнителя или же соисполнителя;

2) лицо несет уголовную ответственность за совершение преступления в составе преступной группы только в случаях, когда есть равноценный соисполнитель, соучастник¹.

Однако можно сделать вывод о том, что в вышеприведенном примере, у Прокопьева отсутствовал соучастник. В ч. 1 ст. 35 УК РФ содержится дефиниция преступления, совершенного группой лиц, где обязательным условием выступает наличие двух или более исполнителей. Гражданин Б., являясь невменяемым, не может выступать в качестве соисполнителя. Таким образом, если общий субъект преступления, реализуя свои противозаконные цели привлекает для совершения преступления лицо, которое не может являться субъектом, то последний в любом случае не становится соисполнителем. А отсутствие у основного субъекта равноценного ему соучастника автоматически исключает возможность совершения преступления группой лиц, поскольку не прослеживается один из главных признаков данного противоправного деяния.

Некоторые ученые, например, А. В. Наумов, поддерживает данную ситуацию, поскольку, по его словам, этот подход направлен на удовлетворение интересов потерпевшей стороны. Субъект, привлекая в помощь невменяемое лицо в некоторой степени увеличивает свои возможности для достижения своих замыслов.

Однако другие правоведы утверждают, что при использовании оружия или дрессированных животных, субъект также увеличивает свои шансы на успех, в связи с чем, ряд преступлений с привлечением лиц, не подлежащих уголовной ответственности, не может быть квалифицирован как совершенный в составе группы, приводя в свою пользу судебную практику.

Представляется, если лицо умышленно шло на совершение противоправных действий в составе группы, то и квалифицировать такие действия необходимо как соучастие, независимо от того есть ли в составе данной группы лица, которые не подлежат уголовной ответственности, или нет. Поскольку лицо, привлекая к себе в помощь кого-либо, увеличивает общественную опасность деяния.

Подводя итог вышесказанному необходимо отметить, что не существует единой практики по исследуемой теме. Вероятно, законодателю стоит четко разграничить способы квалификации сложившейся ситуации, уделяя должное внимание субъективной стороне

---

¹ Брагин А. П. Российское уголовное право // URL: http://elibrary.bsu.az/books_200/N_178.pdf

преступления. Правоприменителю следует анализировать каждый конкретный случай, выясняя какой у лица был умысел.

Головки М.Н., Кобанцов П.В.,

*студенты III курса Института правового консалтинга
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Вопросы квалификации преступлений с виртуальными объектами многопользовательских игр

В настоящее время цифровые технологии применяются практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Сфера развлечений стала одной из первых, где новым технологиям было найдено применение. Это касается и индустрии компьютерных игр. С поэтапным развитием игр создавались их новые жанры. Одним из наиболее известных и популярных среди игроков стали MMOG (массовые многопользовательские онлайн-игры) и MMORPG (массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры). Игры с элементами жанра MMORPG (например, Maze War¹) были известны еще в 1970-х.

Сейчас в различных онлайн-играх зарегистрирована огромная аудитория игроков. Например, аудитория таких игр как World of Tanks, World of Battleships, World of Warplanes компании Wargaming.net насчитывает более 160 миллионов зарегистрированных пользователей². В этих и многих других играх существует игровое имущество, которое игроки могут покупать за реальные деньги и обменивать на другие виртуальные предметы между собой, что, по сути, представляет собой оборот виртуального имущества.

Для целей исследования необходимо определиться с понятиями виртуального и игрового имущества. Нормативного определения этих терминов пока нет. Однако в теории их содержание раскрывается. Так, например, М. А. Рожкова определяет виртуальную собственность как нематериальные объекты, которые имеют экономическую ценность, но полезны или могут быть использованы исключительно в виртуальном пространстве³. Игровое имущество

¹ Новостной портал «Коммерсантъ» // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4476292> (дата обращения: 01.04.2021).

² Новостной портал DSOGaming // URL: <https://www.dsogaming.com/news/world-of-tanks-has-surpassed-160-million-registered-players-update-1-0-is-now-available/> (дата обращения: 02.04.2021).

³ Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifroye_aktivy_i_virtual_noe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe (дата обращения: 20.03.2021).

является одной из разновидностей имущества виртуального. К нему могут быть отнесены, например: танки (другая техника и оборудование для нее), внешний вид персонажа в игре, оружие, внутриигровая валюта и иная атрибутика.

Правового регулирования этих объектов пока также не существует. В этой связи существуют различные взгляды на правовое положение указанного имущества. Одна из точек зрения заключается в том, что продажа виртуального имущества между создателем игры и пользователем является договором платного оказания услуг¹. На наш взгляд, такая позиция подходит лишь к узкому кругу отношений, возникающих между пользователем и создателем игры, когда последний предоставляет за плату доступ к самому процессу игры.

Другая точка зрения состоит в том, чтобы относить виртуальные объекты к «иному имуществу» в рамках ст. 128 ГК РФ². По мнению А. И. Савельева, данный подход наиболее оптимален на данный момент развития законодательства в России, так как это дает возможность для защиты прав владельцев игрового имущества посредством применения норм о неосновательном обогащении.

Еще одним подходом, который может быть наиболее логичным решением создавшейся проблемы, будет применение норм вещного права и права собственности к объектам виртуальной собственности. В качестве аргументов сторонники данного подхода приводят тот факт, что данные объекты свободно приобретаются и отчуждаются, тем самым имеют потребительскую ценность³, а одним из признаков вещи является то, что она имеет экономическую ценность.

Для чего так важно определять юридическую природу игрового имущества? Из-за отсутствия определенности в правовой природе виртуальных вещей, возникает вопрос в уголовно-правовой квалификации таких деяний. Для рассмотрения уголовно-правового аспекта заявленной темы представим реальную ситуацию: игрок для более комфортной игры покупает за реальные денежные средства игровую валюту, технику в игре, оружие и иную атрибутику. Затем третье лицо неправомерно приобретает доступ к игровому аккаунту и завладевает им, включая игровое имущество, которое было приобретено за реальные деньги, продает его, чем причиняет материальный ущерб потерпевшему.

---

¹ Газовская Н. В. Виртуальное имущество в играх: перспективы правового регулирования // Е-SCIO. 2020. № 4. С. 276–290.

² Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. С. 127–150

³ Lastowka G., Hunter D. The Laws of the Virtual Worlds // California Law Review. 2004. С. 48–55.

Такие действия могли бы быть квалифицированы как общественно опасные деяния, предусмотренные главой 21 УК РФ, а именно — статьей 159⁶ УК РФ либо статьей 158 УК РФ. Однако следует учитывать, что предметом данных преступлений является именно имущество, причем имущество в гражданско-правовом понимании вещи, или право на имущество, то есть, оно должно включать в себя право пользования, владения или распоряжения лица каким-либо имуществом. Причем, виртуальные объекты ни к чему из перечисленного не могут быть отнесены в силу закона. Таким образом, хищение игрового имущества не подпадает под квалификацию по ст. 158 УК РФ или по ст. 159⁶ УК РФ.

Так, например, в апелляционном постановлении Нижегородского областного суда № 22-1216/2018 приговор Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода, согласно которому Лебеденко В. В. осужден по ч. 1 ст. 272 УК РФ, оставлен в силе. Через своего друга, желая «воспользоваться чужими достижениями в онлайн-игре Lineage 2», Лебеденко В. В. узнал логин и пароль от почтового ящика одного пользователя, тем самым получив доступ к электронной почте, к которой привязан аккаунт. Взломав учетную запись (аккаунт), Лебеденко В. В. привязал ее к своей электронной почте, далее посмотрел наличие виртуальных игровых вещей на персонаже и игровой валюты¹. Потом несколько раз запускал игру с данного аккаунта, то есть «пользовался виртуальными ценностями легального игрока». По нашему мнению, действия Лебеденко следует давать квалифицировать не только как неправомерный доступ к компьютерной информации, но и как обращение в свою собственность виртуального имущества, поскольку целью совершения преступления было желание воспользоваться чужими достижениями в игре. Обращение произошло в момент, когда легальный пользователь утратил доступ к своему аккаунту, и Лебеденко начал пользоваться виртуальными ценностями как своими (во время игры со взломанного аккаунта).

Другое дело было рассмотрено Одинцовским городским судом в 2014 г. Дегтярев И. А. незаконно получил доступ к электронному почтовому ящику потерпевшего, на котором были обнаружены логин и пароль сетевой игры, а также данные о ресурсах игрового аккаунта. Дегтярев И. А., действуя умышленно, осуществил блокирование и модификацию информации. Далее он посредством переписки по электронной почте с легальным пользователем игры «стал требовать перевести любым электронным способом денежные средства в размере 1000 рублей», угрожая продажей инвентаря и предметов вир-

---

¹ Апелляционное постановление № 22-1216/2018 от 22 марта 2018 г. по делу № 22-1216/2018 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.03.2021).

туального мира, представляющих реальную ценность, при обращении в техническую поддержку. Когда легальный пользователь через службу технической поддержки восстановил доступ к аккаунту, на нем не оказалось игрового имущества. Действия Дегтярева И. А. суд квалифицировал лишь по ч. 2 ст. 272 УК РФ¹. По нашему мнению, уголовно-правовая оценка дана не всем действиям Дегтярева И. А., потому что он, получив доступ к игровому аккаунту с виртуальным имуществом, угрожал продажей игрового имущества и требовал перевода денежных средств, что в свою очередь необходимо квалифицировать как вымогательство по ст. 163 УК РФ.

Из приведенных примеров видно, что действия лиц, получивших неправомерный доступ к аккаунту с игровым имуществом, квалифицируются только как действия по неправомерному доступу к компьютерной информации. В свою очередь, факту обращения в свою пользу виртуальных объектов, приобретенных легальным игроком за реальные денежные средства, не дается никакой уголовно-правовой оценки. Согласно ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, информация — это сведения (сообщения и данные), независимо от формы их представления. Анализируя данное определение, нельзя с абсолютной уверенностью утверждать, что игровое имущество является информацией, поскольку представляя-ет собой более сложный объект.

По нашему мнению, при решении данного вопроса необходимо обратиться к зарубежному опыту. Так, например, в 2012 г. Верховный суд Нидерландов рассмотрел дело, в котором подростки путем физического воздействия на другого потребовали отдать им виртуальные предметы из игры RunScape. Подсудимые были признаны судом виновными в совершении разбоя. Несмотря на широкое понимание имущества в уголовном законодательстве Нидерландов, именно после рассмотрения данного дела для целей уголовного права в Нидерландах виртуальные объекты стали считаться имуществом и к ним стали применяться нормы об институтах вещного права². Таким образом, ввиду отсутствия законодательного регулирования мы видим необходимость распространить на виртуальные объекты в многопользовательских онлайн-играх аналогию вещного права, что позволило бы квалифицировать преступления с игровым имуществом не только по статьям главы 28 УК РФ, но и по статьям главы 21 УК РФ.

---

¹ Приговор № 1-394/2014 от 23 мая 2014 г. по делу № 1-394/2014 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.03.2021).

² Будылин С. Л. Дело о нематериальной рыбе и другие истории. Записки компаративиста. М.: Инфотропик-медиа, 2017. 308 с.

Грошикова Я.А.,

курсант III курса ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Международное сотрудничество по противодействию преступлениям, связанным с сексуальными злоупотреблениями в отношении несовершеннолетних

Уполномоченный по правам ребенка РФ Анна Кузнецова 29 мая 2019 г. в своем ежегодном докладе сообщила, что в период с 2017 по 2019 г. выросло количество предварительно расследованных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних на 9,4% (было — 13487, стало — 14755)¹.

Эксперты ООН отмечают, что в условиях пандемии ситуация только ухудшилась — преступники для вербовки и дальнейшей эксплуатации используют современные цифровые технологии и средства, облегчающие совершение рассматриваемых общественно опасных деяний.

Так, вопросы защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних являются актуальными, а преступления, связанные с сексуальными злоупотреблениями в отношении самой уязвимой категории населения — детей, являются проблемой всего мирового сообщества.

Под сексуальными злоупотреблениями следует понимать любое использование или покушение на использование уязвимым положением, властью или доверием в сексуальных целях.

Таким образом, появляется необходимость принятия мер по противодействию данным негативным явлениям.

Женевская Декларация прав ребенка от 26 ноября 1924 г. положила начало международному сотрудничеству относительно исследуемой проблемы. Согласно одному из основополагающих принципов, ребенок должен расти в «атмосфере любви, и быть защищенным от всех форм эксплуатации»².

После окончания Второй мировой войны была создана международная организация ЮНИСЕФ (англ. United Nations International Children's Emergency Fund), которая и по сей день оказывает активное содействие в целях предупреждения сексуальных злоупотреблений и обеспечения ухода за детьми, которые когда-либо подвергались насилию или сталкивались с ним.

¹ Доклад о деятельности уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2019 году // URL: <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/May2020/5IYpevfVd8zvvdAvGE47.pdf> (дата обращения: 02.01.2021).

² Декларация прав ребенка (26 сентября 1924 г., Женева) // URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/387667572/> (дата обращения: 10.10.2020).

В рамках этой организации существуют службы реагирования и поддержки, которые занимаются восстановлением и укреплением психического здоровья детей-жертв.

Так, в Лусаке было выбрано 257 мальчиков и девочек в возрасте от 5 до 18 лет, проживающих в пяти местных сообществах; эти дети, пережившие, как минимум, один травмирующий эпизод сексуальных злоупотреблений, сообщили в указанную службу о наличии у них посттравматического стрессового расстройства. Дети были случайным образом разделены на две группы: группу вмешательства, в которой проводилось от 10 до 16 сеансов когнитивно-поведенческой терапии с акцентом на травмирующем переживании, и группу сравнения, в которой применялся обычный подход, используемый в отношении детей-сирот и детей из уязвимых групп.

Исследование показало, что в группе вмешательства выраженность симптомов, связанных с травмирующим воздействием, снизилась на 82%, а в группе обычного подхода — на 21%. В группе вмешательства функциональное состояние улучшилось на 89%, а в группе обычного подхода — на 68%, что свидетельствует об эффективности проведения таких мероприятий международной организацией ЮНИСЕФ¹.

Образование Фонда способствовало разработке и принятию Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о правах ребенка в 1959 г. Принцип 9 гласит: «ребенок должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации»².

20 ноября 1989 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция о правах ребенка³.

Конвенция, провозглашая то, что дети ввиду своего уязвимого положения нуждаются в особой заботе и помощи, возлагает обязанности на государства принимать все необходимые меры «с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, [...], включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке».

Следует отметить, что помимо универсальных международных нормативных актов ООН, на региональном уровне также издавались документы, устанавливающие правовую основу противодействия рассматриваемым нами преступлениям.

---

¹ Ежегодный доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о насилии в отношении детей. 20 December 2019 // URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/43/39> (дата обращения: 10.10.2020).

² Декларация прав ребенка Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 10.10.2020).

³ «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 10.10.2020).

К их числу относим действующую Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений ETS N 201, которая была принята 25 октября 2007 г. Вышеназванная Конвенция обязала стран-участниц принимать все необходимые меры, направленные «на предупреждение всех форм сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений в отношении детей и на защиту детей»¹.

К числу сексуальных злоупотреблений Конвенция от 25 октября 2007 г. относит (ст. 18):

1. Занятие деятельностью сексуального характера совершеннолетним с ребенком, не достигшим возраста вступления в половые отношения;

2. Занятие данной деятельностью в случаях применения принуждения, силы, угрозы; злоупотребления доверием, властью, влиянием на ребенка, в т.ч. внутри семьи;

3. Занятие деятельностью сексуального характера при злоупотреблении особо уязвимым положением ребенка (в силу его ограниченных умственных и физических возможностей, нахождения его в зависимом от совершеннолетнего положении).

Формы сексуальной эксплуатации указаны в ст. 19–23 Конвенции от 25 октября 2007 г. (преступления, касающиеся: детской проституции; детской порнографии; участия детей в порнографических представлениях; совращения детей; домогательства в отношении детей с сексуальными целями).

Российское уголовное законодательство относит следующие составы преступлений, предусмотренные п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4 ст. 131 («Изнасилование»), п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4 ст. 132 («Насильственные действия сексуального характера»), ч. 2 ст. 133 («Понуждение к действиям сексуального характера»), ст. 134 УК РФ («Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»), ст. 135 УК РФ («Развратные действия») к сексуальным злоупотреблениям.

Все перечисленные обстоятельства, свидетельствующие об особой уязвимости детей, согласно ст. 28 Конвенции от 25 октября 2007 г., в случае если они не являются составными элементами преступления, могут рассматриваться как отягчающие при определении наказания за совершение сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетнего.

Таким образом, в российский уголовный закон следует внести в качестве квалифицированных признаков обстоятельства совершения сексуальных злоупотреблений следующими лицами: с использованием материальной или иной зависимости несовершеннолетнего (членом семьи, иным лицом, живущим с ребенком и др.) и злоупотребивши-

---

¹ Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений ETS № 201 (Лансароте, 25 октября 2007 г.) // URL: <https://base.garant.ru/70359656/> (дата обращения: 13.10.2020).

ми своим служебным положением (тренер, педагог, работники различных образовательных, лечебных и иных социальных учреждений).

В связи с быстрым распространением сексуальных злоупотреблений среди несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, предлагаем внести квалифицирующий признак в рассматриваемую группу преступлений в следующей редакции: «Деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей».

Таким образом, наше исследование, позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Противодействие сексуальным злоупотреблениям в отношении несовершеннолетних требует дальнейшего международного сотрудничества. Приоритетной должна быть профилактика, в том числе с помощью образовательных программ и информационно-просветительских кампаний, ориентированных на детей и их родителей.

Подчеркивается и важность взаимодействия с частным сектором, зарубежными компаниями-операторами и иностранными правоохранительными органами.

2. Предложены рекомендации по повышению ответственности за совершение рассматриваемых преступлений родственниками, иными близкими лицами, работниками различных образовательных, лечебных и иных социальных учреждений (предназначенных для детей); а также совершение сексуальных злоупотреблений путем использования информационно-телекоммуникационных сетей.

3. Службы охраны психического здоровья должны быть расширены в качестве одного из важнейших компонентов всеобщего медицинского обеспечения и должны быть полностью интегрированы с другими стратегиями в области здравоохранения и предупреждения насилия. Необходимо развивать комплексные услуги в области здравоохранения и социального обеспечения на уровне общин, которые обеспечивали бы непрерывность оказания помощи поставщиками услуг, эффективное сотрудничество между официальными и неофициальными поставщиками услуг и поощрение самопомощи.

Гришечкина М.А.,

*студентка III курса Смоленского филиала
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»*

Самообучающийся искусственный интеллект как угроза информационной безопасности

Вопросы осуществления информационной безопасности государства и личности составляют основное направление политики Рос-

сийской Федерации (далее — РФ). Под информационной безопасностью Доктрина информационной безопасности РФ, утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»¹ понимает состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие РФ, оборона и безопасность государства.

Вектор развития системы права в сторону регулирования общественных отношений, возникающих в связи с осуществлением деятельности искусственным интеллектом, был положен Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»². В Стратегии впервые было дано легальное определение понятию, являющемуся объектом данной работы. Из сущности этого определения вытекает, что искусственный интеллект представляет собой механизм, способный подражать когнитивным функциям человека. Аналогичное определение содержится в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных».

В силу защиты национальных интересов ввиду стремительного развития искусственного интеллекта, представляется имеющим вес вопрос — является ли текущее состояние информационного прогресса достаточным для того, чтобы говорить о возможности самообучаемых роботов приносить вред человеку своими сознательными действиями?

Принимая во внимание труд Г. Кельзена «Чистое учение о праве», в соответствии с которым субъект права, имеющий своим содержа-

---

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации») // URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 23.04.2021).

² Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации») // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 25.04.2021).

нием определенное поведение, выступает как самостоятельное единство совокупности правовых норм, устанавливающих юридические обязанности, и имеет субъективные права, субъект права рассматривается не как реальность, созданная природой, а как формируемая юридическая структура, представленная для описания фактически релевантных составов¹. Тем самым, теория права не ограничивает нас в определении субъекта, как только лишь высшего органического, природного существа — человека.

Угрозу искусственный интеллект как самостоятельный субъект может представлять, если его действия преступны. Преступным является виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания. Искусственный интеллект сам по себе может выполнять объективную сторону деяния. Если это вирусная программа, то она способна уничтожать информацию, нарушать работу компьютерного оборудования и своими действиями причинять определенный ущерб. Если это искусственное программное обеспечение, оно может несанкционированно собирать сведения, перебирать сообщения в каналах связи, получать пароли. Вопрос возникает в определении субъективной стороны преступного деяния, совершенного такими механизмами.

Ключевым в определении формы вины по отечественному уголовному закону является степень осознания общественной опасности своих действий и степень предвидения общественно-опасных последствий, а также желание либо безразличное отношение к этим последствиям или неосмотрительность, легкомысленный расчет на предотвращение последствий.

Может ли искусственный интеллект осознавать характер своих действий?

В уголовно-правовой доктрине существует позиция, согласно которой осознание роботом своих действий определяется возможностью механизма к самообучению. На данный момент предпринимаются попытки определить механизм самообучения искусственного интеллекта. Большой вклад в этой сфере был внесен учеными Peilei Liu, Ting Wang. В работе «Количественная модель нейронного кодирования сенсорной памяти» авторы предложили «количественную модель нейронной сети, которая является самоорганизующейся, самоподобной, самоадаптирующей, как экосистема, следующая за Теорией Дарвина». Авторами была оценена реальная допустимость программирования искусственного интеллекта на самообучение. Из анализа, приведенного авторами следует — имитация процесса обу-

---

¹ Гордиенко В. В., Глаголев Р. В. Проблемы внедрения искусственного интеллекта и цифровых технологий в современную правовую систему // Auditorium. 2020. № 1 (25). С. 32–38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43050710> (дата обращения: 25.04.2021).

чения (запоминание на текстах) и имитация забывания составляют модель памяти. Забывание они обозначают «следом памяти» — остатком информации на низших уровнях подсознания. Данное явление происходит случайно и способствует более легкому повторному обучению по сравнению с изучением нового. Авторы также оценивают феномен мечты и воспоминаний. Так, мечта — самоусиливающееся сильное воспоминание, а само по себе воспоминание представляет собой эпизодическую память (или флеш-память). Данные явления у человека подчеркнуты гормонами¹.

Согласно модели авторов, осознание чего-либо означает срабатывание соответствующего кодирующего нейрона. Обращение внимания на объект означает передачу определенных волокон и нейромодуляторов на кодирующий нейрон, в то время как определенные чувства должны быть вызваны гормонами. В частности, головной мозг по сути является «машиной Тьюринга», выход которого определяется текущими входами и внутренними состояниями. Тем самым, на основе математических расчетов, авторы пришли к выводу о действительной возможности робота обладать сознанием и возможностью осознать свои действия.

Другой немаловажной переменной в определении формы вины является степень предвидения общественно опасных последствий. Согласно словарю С. И. Ожегова, предвидеть означает заранее знать, предполагать возможность появления, наступления чего-либо. Механизм предвидения представляет собой анализ действий, исходя из нравственных, моральных и правовых норм. Б. Ф. Малле, М. Шойц, Дж. Л. Аустервейль в работе «Сети социальных и моральных норм. Агенты-люди и роботы»² проводят анализ возможности роботов активировать и принимать социальные и моральные нормы. Авторы представляют систему норм человека до четырех свойств, которые составляют: гибкое обучение, структурированные представления, контекстно-зависимая активация и постоянное обновление. Так как норма в сущности определяется указанием (не) выполнять определенное действие, при котором достаточное количество людей в обществе действительно следуют этим указаниям и ожидают, что другие в обществе будут следовать им. Авторы предлагают реальную возможность обучения роботов состоянию анализа норм человеческого общества и осуществления правильных с точки зрения норм действий в подходящей ситуации.

---

¹ *Liu Peilei, Wang Ting. A Quantitative Neural Coding Model of Sensory Memory. 2014 // URL: <http://cogprints.org/9753/index.html> (дата обращения: 23.04.2021)*

² *Malle B. F., Scheutz M., Austerweil J. L. Networks of Social and Moral Norms in Human and Robot Agents. DOI: 10.1007/978-3-319-46667-5_1 // A World with Robots: International Conference on Robot Ethics. Lisbon, 2015. P. 3–17. URL: <https://alab.psych.wisc.edu/papers/files/malle-norms-2015.pdf> (дата обращения: 23.04.2021).*

Так как желание или сознательное допущение наступления последствий, неосмотрительность, легкомысленный расчет на предотвращение последствий, отношение к общественно опасным последствиям, наступившим или могущим наступить в результате преступного деяния составляют волевой компонент содержания вины, здесь нет смысла останавливаться. Поскольку воля составляет наряду с рациональной чувственную характеристику, которую искусственные самообразовывающиеся механизмы не смогут обрести.

Анализируя вышесказанное, стоит подчеркнуть, что в преступлениях, совершаемых «сильным» искусственным интеллектом, может иметь место аналог преступной небрежности, так как искусственный самообразовывающийся механизм, совершающий преступление не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействий), но при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия.

Проанализировав возможность искусственного интеллекта своими сознательными действиями создать реальную угрозу информационной безопасности, можно сделать следующий вывод.

Подтверждает данный вывод и текущий уровень развития самообразовывающихся вирусов. Алгоритмы «умного саботажа» (скажем, червя Stuxnet) уже плавают по интернету, и они куда опаснее обычных вирусов, каждый из которых запускается человеком. Такие вирусы могут по-тихому просочиться во многие рутинные операции компаний и целых государств. Большая их часть будет исходить от злоумышленников. Но у нас уже есть генетическое программирование и автономные информационные агенты, так что алгоритмы могут мутировать и эволюционировать по всем дарвинским законам, особенно когда это никто не пресекает¹.

Джафаров А.А.,

*студент IV курса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»*

Уголовно-правовая характеристика доведения до самоубийства

Состав преступления и способы доведения до самоубийства.

В науке уголовного права, как правило, анализ состава преступления начинается с определения объекта преступного посягательства. Объект преступления представляет собой, поставленные под

---

¹ Брокман Д. Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте. М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 35.

охрану уголовного закона общественные отношения, на нарушение которых направлено преступное посягательство¹.

Объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, направленные на обеспечение безопасности жизни человека.

По мнению большинства юристов, объект преступления, предусмотренный ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Доведение до самоубийства», обладает определенной спецификой, а именно наличием двух непосредственных объектов: основного — жизнь человека, а также дополнительного объекта — человеческого достоинства.

Другой обязательный элемент состава преступления — объективная сторона.

Согласно формулировке диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ, объективная сторона состоит в доведении лица до самоубийства или в доведении лица до покушения на самоубийство.

В объективную сторону состава входят:

- 1) поведение виновного (угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего);
- 2) создание таким поведением жизненной ситуации, в представлении потерпевшего близкой к состоянию безысходности;
- 3) принятое потерпевшим под влиянием этого решение о самоубийстве и акт самоубийства или покушение на него.

Обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого преступления является способ совершения преступления, который дополнительно характеризует деяние.

Законодатель устанавливает следующие способы совершения доведения до самоубийства или до покушения на самоубийство, за которое предусматривается уголовное наказание.

Первый способ доведения до самоубийства или до покушения на самоубийство — угроза. В Уголовном кодексе не предусмотрена какая-либо статья, дающая определение понятию угрозы, также не представлены виды угроз. В юридической литературе общепризнанным является мнение, что под угрозой следует понимать психическое воздействие со стороны виновного и потерпевшего. Подобную точку зрения разделяет В. Б. Хатуев и дает следующее определение: «Под угрозами следует понимать психическое воздействие на потерпевшего, выраженное в обещании причинить вред тем или иным его правоохраняемым интересам и благам»².

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 5 апреля 2021 г., с изм. от 8 апреля 2021 г.).

² Хатуев В. Б. К вопросу об определении понятия «Угрозы» // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 363. С. 112–118.

Угрозы должны носить противоправный характер, быть конкретными и восприниматься потерпевшим реально, то есть у потерпевшего должны быть основания опасаться осуществления такой угрозы. По своему содержанию, характеру выражения и интенсивности должны порождать у потерпевшего чувства безысходности и невозможности дальнейшего существования. Под воздействием такого психического насилия человек принимает решение о самоубийстве.

Форма, в которой могут быть выражены угрозы: устно или письменно, открыто или анонимно, для квалификации по ст. 110 УК РФ форма выражения не имеет значения. Угроза может быть высказана как лично потерпевшему, так и через его близких и посредством сети Интернет.

Так, например, гражданин А., осознавая общественную опасность своих действий, длительное время, умышленно угрожал своей жене, кричал на нее, устраивал истерики, а в свою очередь гражданка О., воспринимая это как реальную угрозу, покончила жизнь самоубийством, выбросилась с крыши 9-этажного дома.

Второй указанный законодателем способ — жестокое обращение. Жестокое обращение является оценочным понятием, может выражаться как в совершении действий (незаконное помещение в психиатрический стационар, издевательства и т.д.), образующих самостоятельный состав преступления (например, умышленное причинение вреда здоровью, истязание), бездействии (лишение пищи, воды, жилья и т.д.) по отношению к потерпевшему. Также следует отметить, что жестокое обращение чаще всего характеризуется неоднократностью совершения противоправного деяния.

Так, например, одноклассники долгое время издевались в жестокой форме над одноклассницей, периодически избивая ее, следовательно, та покончила жизнь самоубийством.

Третий способ — это систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего, может выражаться в постоянных оскорблениях, клевете, издевательствах, циничном высмеивании физических недостатков жертвы¹. Т. В. Долголенко считает, что «систематическое унижение человеческого достоинства характеризуется наличием не менее трех деяний, направленных на причинение нравственных страданий потерпевшему»².

Поэтому единичный случай унижения человеческого достоинства не будет содержать состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ.

¹ Судебная практика // URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=самоубийство&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=#searchResult

² Сараева Ю. В. Доведение до самоубийства: особенности объективной стороны. // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 2. С. 116–117.

Так, например, жительница одного из районов Пензы, долгое время унижала, оскорбляла, просила свести счет с жизнью свою невесту, та, в свою очередь, не вытерпев постоянных унижений в свой адрес, повесилась у себя дома.

Обязательным признаком объективной стороны является наступление последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство. Между действиями виновного лица и самоубийством или покушением на него обязательно должна существовать причинно-следственная связь. Причем обстоятельства должны объективно свидетельствовать, что уход из жизни потерпевшего или покушение на суицид были обусловлены поведением виновного. Например, девушка покончила жизнь самоубийством из-за безответной любви.

Так же необходимо отметить, что преступление будет считаться оконченным с момента самоубийства или покушения на самоубийство. Какие-либо приготовительные действия (написание предсмертной записки, высказывание намерения покончить жизнь самоубийством) состава преступления не образуют.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, является вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Согласно действующему законодательству, если субъект данного преступления должностное лицо, его действия квалифицируются как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий с причинением тяжких последствий). В п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблениях должностными полномочиями и превышении должностных полномочий» отмечается, что самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего следует понимать как одно из тяжких последствий преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 285 и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления заключается в умышленной или неосторожной вине.

Докучаева Е.В.,

*студентка II курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Преступления в сфере компьютерной информации и их предупреждение в условиях пандемии COVID-19

Пандемия COVID-19 полностью изменила привычную жизнь людей. Многие сферы общественных отношений перешли в дистанционный формат, что повлекло за собой рост преступлений в сфе-

ре компьютерной информации. С переходом на удаленную работу и учебу человек стал более уязвим к различным способам совершения преступлений в информационной среде. Большинство преступлений, действительно, ушли в «онлайн». Так, за январь — июнь 2020 г., по данным МВД¹, рост киберпреступности составил 91,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. А в июле 2020 г. Генеральный прокурор Российской Федерации И. В. Краснов на заседании Координационного совещания руководителей правоохранительных органов заявил о том, что за последние пять лет число киберпреступлений возросло в 25 раз.

Преступлениями в сфере компьютерной информации признаются запрещенные уголовным законом (глава 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)) виновные посяательства на безопасность в сфере использования компьютерной информации, причинившие существенный вред или создавшие угрозу причинения такого вреда личности, обществу или государству². Данные преступления характеризуются своим особым предметом, которым выступает компьютерная информация. Далее необходимо более конкретно рассмотреть, какие виды преступлений в сфере компьютерной информации участились в период пандемии.

Одним из наиболее распространенных видов преступлений стало создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ). Так, в декабре 2020 г. в открытый доступ попали личные данные трехсот тысяч жителей г. Москвы, переболевших коронавирусом. В сети были опубликованы их имена, паспортные данные, номера СНИЛС, мобильных телефонов, а также диагнозы и адреса пунктов сдачи анализа. Начальник столичного Главного управления Министерства внутренних дел России О. А. Баранов сообщил о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 273 УК РФ.

Также широкое распространение в период пандемии получила программа для организаций видеоконференций «Zoom». Этим сразу же воспользовались злоумышленники. Они стали использовать поддельные имена для распространения вредоносного программного обеспечения, которое позволяло им получить доступ к чужим видеоконференциям. В лучшем случае, происходили попытки сорвать онлайн-встречи. Но чаще всего зарегистрированный под чужим именем человек отправлял пользователям в сообщении ссылки, с помощью которых скачивал внутренние личные данные, представляющие значительную ценность.

¹ Официальный сайт МВД России // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/>

² Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А. И. Рарога. М.: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2020. С. 534.

Как же защитить себя от данного вида преступлений? Пользователям рекомендуется проявлять повышенную внимательность при работе с файлами, электронными письмами, ссылками, получаемыми из источников, происхождение которых не известно. Только такая бдительность поможет защититься от действий злоумышленников.

Следующим важным и распространенным видом преступлений является неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). В 2019 г. по этой статье в судах было рассмотрено 187 дел¹. В 2020 г. статистика возросла в разы. Один из самых распространенных случаев представляет собой внесение изменений в базы данных с целью замены сим-карты с последующей привязкой к своему лицевого счету и к лицевому счету абонента. С помощью этого способа правонарушители совершали вывод и хищение чужих денежных средств. Расследовать этот вид преступлений значительно сложнее, поскольку шансы вычислить нарушителя, использующего ложный IP-адрес, не очень велики. Не помогает даже направление запросов в Бюро специальных технических мероприятий (БСТМ) Министерства внутренних дел России.

Интерес также представляет ст. 274¹ УК РФ. Эта статья была введена относительно недавно Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»» и предусматривает ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру в Российской Федерации. Что же представляет собой эта инфраструктура? Ответ на данный вопрос можно найти в Федеральном законе от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Критическая информационная инфраструктура (КИИ) — это объекты критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов. Термин «критическая» использован потому, что данный вид инфраструктуры при выведении из строя или уничтожении ведет к катастрофическому ущербу, который может привести к значительным социальным и политическим последствиям.

Количество преступлений данного вида также увеличилось в период пандемии COVID-19. Ущерб от них стал еще более масштабным. В 2021 г. наблюдается тенденция усиления безопасности критической информационной инфраструктуры. Так, например, с 2021 г. стало известно об уязвимости более 6300 камер видеонаблюдения,

¹ Официальный сайт МВД России // URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/>

которые установлены на объектах КИИ. Отсутствие сложной защиты на камерах видеонаблюдения может стать причиной утечки данных. Для устранения этого предпринимаются необходимые меры. В частности, Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК) России увеличила число проверок, в том числе и с участием органов прокуратуры. Это сделано для того, чтобы предотвратить преступления, предусмотренные соответствующей статьей УК РФ.

В заключение, хочется сказать, что пандемия коронавирусной инфекции не только поспособствовала расширению возможностей человека в информационном пространстве, но и предопределила приоритетные направления предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации. В частности, необходимо уделять повышенное внимание осуществлению и совершенствованию ранней профилактики компьютерных преступлений, поскольку раскрытие и расследование таких преступлений гораздо сложнее и затратнее, чем своевременное реагирование на предстоящие угрозы и предотвращение их.

Евдокимов Ю.О.,

*студент IV курса ФГБОУ ВО «Петрозаводский
государственный университет»*

К вопросу о взаимодействии с информационными материалами, распространение которых на территории Российской Федерации запрещено

Актуальность данной работы заключается в том, что в современной России проблема распространения экстремизма стоит крайне остро. Преступления экстремистской направленности являются идеологическими преступлениями, по этой причине значительное влияние на вовлеченность граждан в экстремистскую деятельность оказывает уровень доступности материалов, возбуждающих рознь и вражду, а также способных побудить граждан к совершению преступлений на почве ненависти. Иными словами, экстремистские материалы могут выступать опосредованным детерминантом такого рода общественно опасных деяний.

Распространение материалов экстремистского характера подрывает социальную стабильность общества и создает угрозу причинения вреда жизни и здоровью, достоинству личности, личной неприкосновенности неопределенного круга лиц и подрывает основы конституционного строя. Именно по этой причине одной из наиболее важных задач для государства является обеспечение всестороннего контроля за состоянием информационной среды в целях выявления

экстремистских материалов и предотвращения дальнейшего распространения противоправного контента.

Согласно п. 3 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — Федеральный закон № 114-ФЗ) под экстремистскими материалами законодатель понимает предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Одним из наиболее значимых шагов законодателя по ограничению доступности противоправной информации стало формирование в 2007 г. федерального списка экстремистских материалов, который в настоящее время ведется Минюстом России и размещается в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте ведомства. В указанном перечне публикуются материалы (песни, книги, фильмы, видеоролики, листовки и т. д.), признанные в соответствии с решениями судов экстремистскими. По состоянию на 22 апреля 2021 г. в нем содержится 5176 наименований. В соответствии с порядком ведения федерального списка экстремистских материалов, утвержденного приказом Минюста РФ от 11 декабря 2015 г. № 289 (далее — приказ Минюста РФ № 289), в перечне публикуются следующие сведения об информационных материалах: порядковый номер, название, реквизиты и индивидуализирующие признаки экстремистского материала, реквизиты судебного акта о признании материала экстремистским, дата включения в список.

За производство, распространение, а также хранение в целях распространения указанных в вышеназванном списке экстремистских материалов предусмотрена административная ответственность согласно ст. 20.29 КоАП РФ. В 2020 г. количество санкций за совершение данного административного правонарушения увеличилось на 15% по сравнению с 2019 г. — 1826 и 1591, соответственно¹.

Создание федерального списка экстремистских материалов стало важным этапом для российского законодателя в части противо-

---

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. 2021 (дата обращения: 03.05.2021).

действия распространению противоправной информации, однако практические аспекты взаимодействия с таким контентом вызывают ряд неурегулированных вопросов.

Во-первых, законодательно не определено, в какой части материал признается судами экстремистским. Так, в газете «Уральский рабочий» в 2015 г. была опубликована статья автора Дмитрия Суворова «Второе пришествие бесноватого. Способно ли человечество навсегда вытравить идеи нацизма?». Управлением Роскомнадзора по Уральскому федеральному округу в адрес редакции и учредителя газеты «Уральский рабочий» было вынесено предупреждение о недопустимости злоупотребления свободой массовой информации. В предупреждении указано, что в результате анализа данного материала были выявлены выдержки из книги Адольфа Гитлера «Моя борьба» («Mein Kampf»), которая признана экстремистским материалом. ООО «Медиа-холдинг «Уральский рабочий» обратилось в суд с исковым заявлением о признании данного предупреждения незаконным, поскольку Управление Роскомнадзора по Уральскому федеральному округу не вправе определять экстремистский характер фраз и высказываний, а в самом материале отсутствует цитирование книги, призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Данный иск был удовлетворен судом первой инстанции, однако суд апелляционной инстанции отменил данное решение и отказал в удовлетворении исковых требований. В апелляционном определении Судебная коллегия посчитала, выводы районного суда об отсутствии прямого цитирования автором книги А. Гитлера «Майн Кампф», отсутствии дословных выдержек из текста данной книги, заключенных в кавычки, использовании автором косвенного цитирования, не свидетельствуют об отсутствии факта распространения через средства массовой информации экстремистского материала¹.

Исходя из вышерассмотренного апелляционного определения становится очевидным, что признание материала экстремистским подразумевает абсолютный запрет на распространение такой информации, даже если ее использование носит фрагментарный характер и выражается в неполном, косвенном цитировании, при этом не имеет значения цель воспроизведения противоправного контента. Думается, такая позиция, несмотря на категоричность, не может являться исчерпывающей, поскольку порождает еще больше вопросов при экстраполяции данного вывода на другие виды экстремистских материалов.

---

¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 20 мая 2015 г. по делу № 33-6771/2015 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Gf71ZhMuRnbb/> (дата обращения: 03.05.2021).

В частности, внимания заслуживают музыкальные произведения, указанные в федеральном списке экстремистских материалов. При изучении данного перечня можно обнаружить различие в формулировках при индивидуализации музыкального произведения: «аудиозапись и текст песни» (п. 5147 и др.), «песня» (п. 4575 и др.), «текст песни» (п. 4398 и др.). Все перечисленные термины могут иметь ввиду различное значение в зависимости от их трактовки. Так, при признании песни экстремистской и публикации в списке, невозможно установить, считается ли при этом экстремистским ее музыкальное сопровождение (фонограмма, минусовка). Такое различие индивидуализирующих признаков вызвано тем, что Минюст России, согласно Приказу № 289, обязан публиковать в перечне экстремистские материалы в строгом соответствии с резолютивной частью судебных актов о признании соответствующих материалов таковыми. Решение этой проблемы видится в законодательном закреплении дифференциации терминов и раскрытия их дефиниций, в установлении единого понятийного аппарата для использования в судебных актах о признании материалов экстремистскими.

Аналогичная проблема возникает при определении правового режима песен, музыкальных композиций, использованных в фильмах, видеороликах, видеозаписях, включенных в федеральный список экстремистских материалов. Например, рассматриваемый перечень содержит п. 4103 — это видеозапись с националистическими высказываниями, а также нацистской символикой и атрибутикой, при этом «сопровождающаяся композицией группы «Алиса» под названием «Небо славян». Таким образом, суд признал экстремистским непосредственно видеоролик, в котором была использована песня. В перечне она присутствует в статусе индивидуализирующего признака, а не экстремистского материала. Однако в 2019 г. Набережночелнинский городской суд Республики Татарстан удовлетворил иск прокурора о признании информации, размещенной в одном из сообществ «ВКонтакте» информацией, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено¹. Комментируя экстремистские материалы и нацистскую символику, опубликованную в данном сообществе, суд в описательно-мотивировочной части решения заключил следующее: «В результате проведенного сравнительного анализа аудиофайлов установлено, что аудиофайл «Алиса» под названием «Небо славян» идентичен композиции группы «Алиса» под названием «Небо славян», признанного экстремистским материалом решением Йошкар-Олинского городского суда Республики

---

¹ Решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 14 марта 2019 г. по делу № 2А-3557/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/low-idXYHFMNu> (дата обращения: 03.05.2021).

Марий Эл от 07 марта 2017 года». Таким образом, суд посчитал индивидуализирующий признак, указанный в списке экстремистских материалов применительно к вышеназванному видеоролику, — непосредственно экстремистским материалом. Данный подход не только противоречит действующему законодательству, но и позволяет безосновательно аналогично признавать экстремистскими любые другие музыкальные композиции, использованные в экстремистских фильмах, видеороликах и видеозаписях.

Подводя итог вышеизложенному, можно заключить, что в настоящее время активная государственная деятельность в сфере предотвращения диссеминации противоправного контента является эффективной, о чем свидетельствует регулярность обновления федерального списка экстремистских материалов. Тем не менее нормативное регулирование обозначенных мер противодействия распространению деструктивной информации нуждаются в совершенствовании с точки зрения юридической техники — в устранении существующих законодательных пробелов в целях достижения наиболее позитивного результата.

Ефимова М.С.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Сущность и конституционно-правовые основы противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации

Под экстремизмом понимают радикальные действия, которые осуществляются с намеренным демонстративным нарушением действующих в государстве законов, этических правовых норм и правил, попытки нарушения целостности государства путем переворота, революции, игнорирования положений Конституции Российской Федерации.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2019 г. за экстремистскую деятельность был осужден 731 человек¹. Это на 7% меньше, чем годом ранее.

Из 731 осужденного большая часть приговоров была вынесена по ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства). Чаще всего преследовали по ст. 282 УК РФ

---

¹ Официальная статистика судебного департамента Верховного Суда РФ в сфере борьбы с экстремизмом.

совершеннолетних молодых людей и людей средних лет: 145 человек осужденных — это люди в возрасте 18–24 лет, 121 — в возрасте 30–49 лет, 78 — в возрасте 25–29 лет, 59 подростков и лишь 23 человека в возрасте старше 50 лет. За создание экстремистских сообществ в 2018 г. по ст. 282¹ УК РФ были осуждены 6 человек.

Как свидетельствует судебная практика, организация и участие в экстремистских акциях осуществляется молодыми людьми. Этот симптом весьма опасный для общества. Вовлечение подростков в разного рода экстремистские действия, вербовка их в преступные нацистские или фашистские группы, а также разного рода политические общества радикального толка осуществляется на постоянной основе.

Экстремизм с участием подростков становится проблемой всего общества. Именно молодые люди, с еще не сформировавшимися взглядами, становятся жертвами обмана, работы целой сети преступных сообществ. В основном, в сети преступников-экстремистов попадают целые группы подростков из неблагополучных семей, поскольку детям не достает должного человеческого внимания и воспитания, а организация молодежного досуга и формирование позитивной патриотической идеологии пока только начинается.

В последнее время, большинство экстремистских преступлений в России совершается в сети «Интернет», в 2019 г. они составили порядка 80% от общего числа подобных преступлений. Радикальные идеи были внедрены в сознание посредством тематических сайтов сети «Интернет», которые, в свою очередь, начали активно формировать вокруг себя так называемые сетевые группы единомышленников, пропагандируя и распространяя деструктивную идеологию. Они затягивают подростков в закрытые группы в социальных сетях под любым предлогом (приглашение в «братство», «сообщество», возможное вознаграждение, бонусы, лайки и тому подобное). Под влиянием подобных идей попадают дети и подростки, испытывающие дефицит внимания в кругу семьи, имеющие проблемы в общении со сверстниками, попавшие в тяжелую жизненную ситуацию.

В настоящее время в нашем государстве действует несколько законодательных актов, регламентирующих противодействие и борьбу с экстремизмом. Основным источником является Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ), в соответствии с которой в нашем государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признается идеологическое многообразие, гарантируется каждому свобода совести, мысли, слова, вероисповедания, закрепляется право исповедовать любую религию, гарантировано право на получение и распространение информации любым законным способом, включая право на создание общественных объединений.

Вместе с тем в соответствии с Конституцией запрещается образование любых общественных организаций, которые имеют своей целью использование насильственных методов по изменению основ конституционного строя, нарушение национальной целостности, подрыв безопасности страны, создание вооруженных объединений, разжигание социальной, национальной, расовой либо религиозной розни.

Наиболее действенными способами профилактики в сети «Интернет» всей распространяемой информации следует считать мониторинг всего распространяемого контента, в том числе тематического, который может встречаться на различных ресурсах и в социальных сетях. В случае если такая информация была обнаружена, сотрудники уполномоченных ведомств принимают все допустимые в рамках закона действия, направленные на прекращение распространения такой информации. Чаще всего такое прекращение сводится к блокировке сайтов-распространителей такой информации, а также групп экстремистской направленности в социальных сетях.

Противодействие экстремизму на сегодняшний день поставлено в качестве главной цели для существования и функционирования подавляющего большинства государственных органов. Это обусловлено необходимостью плотного взаимодействия между различными государственными органами разных уровней власти для более полной проработки ситуации с распространением тех или иных экстремистских идей¹.

Тем не менее, следует заметить, что в Конституции РФ отсутствуют понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность», а также отсутствуют конкретные меры, направленные на борьбу с этим негативным явлением.

Еще в 2013 г. Европейской комиссией против расизма и нетерпимости было направлено обращение к России с рекомендацией прописать в национальном законодательстве понятие экстремизма и критерии отнесения материалов и информации к экстремистским, как это закреплено в законодательстве многих европейских стран. Однако до настоящего времени никаких изменений внесено не было.

Несмотря на то, что сегодня активно пропагандируются основные конституционные права и свободы, например, такие как свобода личности, мысли и слова, данное явление негативно влияет на общество. Это связано с системой образования и воспитания детей, которые впоследствии станут костяком общества. Для того, чтобы воспитать достойных граждан, требуется пропаганда определенных

---

¹ *Шестало С. С.* Новый раунд борьбы с экстремизмом: уголовная ответственность за распространение запрещенных материалов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Юрист. 2019. № 9. С. 64–69.

эстетических ценностей и прав. Практика показывает, что большинство граждан достаточно необразованно в правовом плане.

Например, аналитический центр Ю. Левады проводил исследования в 128 населенных пунктах, в частности, там был задан вопрос «Знаете ли Вы, какой праздник мы отмечаем 12 декабря? Что такое Конституция РФ? О чем в ней говорится?». Проанализировав полученные данные, был сделан вывод, что большинство граждан ничего не знает о Конституции РФ. В частности, только каждый десятый гражданин смог пояснить хоть какую-то информацию о ее содержании. При этом каждый пятый гражданин полагает, что нормы Конституции соответствуют действующим реалиям, другие же уверены, что ее нормы нуждаются в переработке. При этом такие выводы делаются при отсутствии каких-либо знаний о Конституции¹.

Подобный вывод говорит о том, что граждане имеют низкий уровень правового образования, в том числе в отношении негативного влияния на государство и общество различных форм проявления экстремизма, что не позволяет им адекватно оценивать правовую обстановку в государстве, принимать правильные выводы. Такая картина наглядно отражает необходимость повышения эффективности противодействия экстремизма путем совершения конституционных основ противодействия экстремистской деятельности, в соответствии с которыми будут реформировано федеральное и региональное законодательство.

Ефимова Н.В.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»*

Понятие и виды киберпреступлений

Информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни каждого человека. Без электронной обработки информации в настоящее время не обходится ни одна сфера жизнедеятельности общества. Однако с прогрессом персональной компьютерной техники зарождается киберпреступность, которая связана с электронной обработкой информации. Наша страна является одним из лидеров по числу кибератак во всем мире. За последние шесть лет киберпреступность, согласно статистике, демонстрирует десятикратный рост². Рост преступлений с использованием информационно-телекоммуникацион-

¹ Левада-Центр (Аналитический центр Юрия Левады) // URL: <http://www.levada.ru/>

² Генеральная прокуратура Российской Федерации, о преступлениях, совершаемых с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий // URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1431104/> (дата обращения: 18.03.2021).

ных технологий связан с тем, что отечественное законодательство, регулирующие вопросы киберпространства и преступных посягательств, недостаточно разработаны, что значительно ослабляет возможность своевременного предупреждения преступлений в киберсреде. Также в настоящее время преступления, которые относятся к категории «киберпреступления», не отражены в статистической отчетности¹ и не определен перечень таких преступлений.

Следует отметить, что на законодательном уровне понятие «киберпреступление» не закреплено. Виды киберпреступлений предусмотрены в международных документах. В Проекте доклада Управления по наркотикам и преступности ООН «Всестороннее исследование проблемы киберпреступности» от 2013 г. определены способы их совершения и используются три общие категории киберпреступления: «деяния, направленные против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных или систем»; «деяния, предполагающие использование компьютера в целях извлечения личной или финансовой прибыли или причинения личного или финансового вреда»; и «деяния, связанные с содержанием компьютерных данных»². В источниках международного права, а именно в Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г. (далее — Конвенция от 23 ноября 2001 г.), выделяются следующие виды компьютерных преступлений: 1) правонарушения против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем; 2) правонарушения, связанные с компьютерами, включая подделку и мошенничество, совершенные с использованием компьютеров; 3) правонарушения, связанные с содержанием информации, в частности, детская порнография, расизм и ксенофобия; 4) правонарушения, связанные с нарушением авторских и смежных прав, например, незаконное воспроизведение и использование компьютерных программ, аудио/видео и других видов файлов цифровой продукции, а также баз данных и книг³. Классификация киберпреступлений, закрепленная в Конвенции от 23 ноября 2001 г. не является исчерпывающей, так как с развитием информационных технологий появляются новые виды.

¹ Указания Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345696/ (дата обращения: 03.04.2021).

² Проект доклада УНП ООН «Всестороннее исследование проблемы киберпреступности». 2013 // URL: <https://www.unodc.org/documents/organizes-crime/cybercr/> (дата обращения: 18.03.2021).

³ Конвенция Совета Европы о компьютерных преступлениях (Будапешт, 23 ноября 2001) // Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://rm.coe.int/1680081580> (дата обращения: 03.04.2021).

В ч. 1 ст. 3 Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. (ратифицировано Российской Федерацией Федеральным законом от 1 октября 2008 г. № 164-ФЗ) (далее — Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации) перечислены следующие виды уголовно наказуемых деяний: 1) осуществление неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети; 2) создание, использование или распространение вредоносных программ; 3) нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сетей лицом, имеющим доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети, повлекшее уничтожение, блокирование или модификацию охраняемой законом информации ЭВМ, если это деяние причинило существенный вред или тяжкие последствия; 4) незаконное использование программ для ЭВМ и баз данных, являющихся объектами авторского права, а равно присвоение авторства, если это деяние причинило существенный ущерб¹.

Однако Конвенция от 23 ноября 2001 г. по сравнению с Соглашением о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации содержит более широкий перечень видов уголовно-наказуемых деяний. В указанном Соглашении не используется термин «киберпреступления», а дается определение преступлений в сфере компьютерной информации, которые представляют собой уголовно наказуемое деяние, предметом посягательства которого является компьютерная информация. Аналогичным образом в Соглашении о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 16 июня 2009 г. понятие «информационная преступность» определяется как использование информационных ресурсов и (или) воздействие на них в информационном пространстве в противоправных целях.

Что касается соотношения понятий «преступления в сфере компьютерной информации» и «информационные преступления», то категория компьютерных преступлений шире, чем категория преступлений в сфере компьютерной информации.

В узком смысле к преступлениям в сфере компьютерной информации законодатель относит преступления, закрепленные в гл. 28

---

¹ Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (Душанбе, 28 сентября 2018 г.) // URL: <https://base.garant.ru/72087644/> (дата обращения: 05.04.2021).

Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Преступления в сфере компьютерной информации». В широком смысле к преступлениям в сфере компьютерной информации национальное законодательство Российской Федерации также предусматривает уголовную ответственность за совершение преступлений, которые могут совершаться с использованием информационных технологий и содержатся в разделах УК РФ: преступления против личности, преступления в сфере экономики, преступления против общественной безопасности и общественного порядка, преступления против государственной власти, преступления против военной службы, преступления против мира и безопасности человечества.

В научной литературе выделяются следующие виды киберпреступлений: финансовые преступления — это общественно опасные деяния, посягающие на финансово-экономические отношения (мошенничество с кредитными картами, хищение денежных средств в момент совершения банковских операций и т.д.), фишинг, банкинг, скимминг, скиммер, «киберпорнография», киберторговля наркотиками, кибертерроризм, азартные игры-онлайн и киберпреследование¹.

В Министерстве внутренних дел России (далее — МВД РФ) функционирует Управление «К» БСТМ (Бюро специальных технических мероприятий). Управление «К» МВД РФ в пределах своей компетенции осуществляет выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений: 1) в сфере компьютерной информации; 2) совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»); 3) направленных против здоровья несовершеннолетних; 4) против общественной нравственности; 5) связанных с незаконным оборотом специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации; 6) связанных с незаконным использованием объектов авторского права или смежных прав. Создание вышеуказанного Управления «К» является одним из методов решения вопросов, связанных с выявлением истинных масштабов распространения «киберпреступности».

В настоящее время вышеизложенные проблемы свидетельствуют о необходимости разработки немого понятия «киберпреступления». Развитие информационно-телекоммуникационных сетей и компьютерных технологий сопровождается активной деятельностью преступников. Однако проблема заключается не только в увеличении числа киберпреступлений, но и в повсеместном распространении таких преступлений во всех сферах.

---

¹ Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-kak-novaya-kriminalnaya-ugroza> (дата обращения: 05.04.2021).

Таким образом, на основе анализа масштабности современных угроз киберпреступности представляется необходимым выделить приоритетные направления для совершенствования: 1) включить в качестве квалифицирующего признака в составы преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, преступлений против государственной власти, преступлений против военной службы, преступлений против мира и безопасности человечества признак — «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)»; 2) включить в Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 35/11, МВД РФ № 1 от 24 января 2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» перечень киберпреступлений.

Жиличкина И.А.,

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева»

Убийство в драке. Отграничение убийства в драке от убийства из хулиганских побуждений

Драка возникает на почве конфликта между людьми, которые знают друг друга, но бывают и столкновения между людьми совершенно случайным образом, оказавшимися рядом. Нередко в результате таких событий происходят убийства.

Для начала нужно определиться с понятием драки. Существует много позиций относительно данного определения, что обусловлено тем, что данная категория является социальной, а не правовой. Под дракой понимается физическая схватка между двумя или более лицами, которые приступили по обоюдному согласию друг друга и без определения условий ее проведения. Прежде всего, драка — это межличностный конфликт, в основе которого лежит столкновение интересов и стремление этот интерес отстоять. Предметом могут выступать как материальные, так и духовные ценности.

Следует отметить, что драка и ссора — это не тождественные понятия, а соответственно убийство в ссоре и убийство в драке не одно и то же, хотя с точки зрения квалификации одинаковы (ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)).

По ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство, совершенное без квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, и без смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 106, 107 и 108 УК РФ (например, в ссоре или драке при отсутствии хулиганских

побуждений, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшим на почве личных отношений). Наказание, закрепленное санкцией, предусматривает лишение свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Убийство в драке характеризуется следующими признаками: обоюдное желание участников, физическое насилие, результатом выступает убийство одного из них, в науке выделяют еще такой признак, как равенство возможностей. Кроме того, поскольку оно является простым убийством, то обладает всеми признаками, которые ему присущи, например, исполнителем убийства является только один человек, потерпевшим может быть только один человек, который не должен быть малолетним, заведомо беспомощным или беременной женщиной и т.д.

Непосредственным объектом этого преступления является жизнь человека. Объективная сторона представляет собой единство трех элементов, поскольку этот состав материальный: действие, направленное на лишение жизни другого лица, смерть потерпевшего и причинная связь между действием и наступившей смертью потерпевшего. При чем действие, направленное на лишение жизни другого лица выражено в активных действиях (в применении физического насилия).

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14-ти лет.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления — вина в форме умысла. Умысел прямой или косвенный. Правильная квалификация зависит от внимательного изучения всех обстоятельств конкретного дела, и в особенности от анализа субъективной стороны преступления, поскольку необходимо отграничивать данный вид убийства от убийства из хулиганских побуждений.

Следует признать, что убийства в драке происходят для разрешения межличностных конфликтов, возникших на почве личных неприязненных отношений. Согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» для правильного отграничения убийства из хулиганских побуждений от убийства в ссоре либо драке следует выяснять, кто явился их инициатором, не был ли конфликт спровоцирован виновным для использования его в качестве повода к убийству. Если зачинщиком ссоры или драки явился потерпевший, а равно в случае, когда поводом к конфликту послужило его противоправное поведение, виновный не может нести ответственность за убийство из хулиганских побуждений.

Если же драку спровоцировал убийца своим неправомерным или аморальным поведением и действовал по мотивам явного неуважения к обществу и окружающим, содеянное следует квалифицировать по

п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако проблемой на практике выступает, то, что обоюдный характер, не всегда может служить универсальным критерием для квалификации преступления по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Поэтому разграничение можно провести и по критериям, которые будут обозначены далее.

Во-первых, кроме того, что в драке личный мотив (месть, ревность, злоба и другие), а в убийстве из хулиганских побуждений мотивом выступает открытое противопоставление себя окружающим, пренебрежение к обществу и социальным нормам, имеет значение и содержание мотива, в первом случае — определенность, во втором — наоборот, неопределенность.

Во-вторых, потерпевший в драке всегда конкретен, в убийстве же из хулиганских побуждений потерпевший может быть случайным.

Целью в убийстве в драке выступает выяснение взаимных претензий, в убийстве из хулиганских побуждений отсутствует значимая цель.

И заключительный критерий — это отношения между участниками. Для убийства в драке характерно наличие личных контактов, для убийства из хулиганских побуждений же неустойчивое общение, а возможно и полное его отсутствие.

Таким образом, простое убийство в драке может иметь место лишь при отсутствии обстоятельств, исключающих уголовную ответственность либо отягчающих или смягчающих ее. Необходимо отграничивать данный вид простого убийства от смежных составов преступления и прежде всего от убийства из хулиганских побуждений (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Жилева А.М.,

*студентка I курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет имени И.С. Тургенева»*

Проблема отграничения террористического акта от смежных преступлений

Сущность терроризма раскрывается через его законодательное закрепление — через определение террористического акта. Проявления терроризма являются уголовно наказуемыми. Важно отметить огромную роль Уголовного кодекса Российской Федерации в части закрепления перечня преступлений террористической направленности в ч. 2 ст. 205² (далее — УК РФ). Данный перечень охватывает некоторые преступления гл. 24, 29 и 34 Уголовного кодекса.

В исследовании будет рассматриваться преступление, предусмотренное ст. 205 УК РФ — террористический акт. Проанализируем его состав, а также выделим характерные черты.

Данное преступление закреплено в гл. 24 УК РФ, что определяет объект преступного посягательства — общественная безопасность. Характерной чертой является причинение вреда общественно значимым интересам — безопасным условиям жизни и общества. При этом важно уточнить, что представляет собой общественная безопасность. Так, по мнению А. И. Рарога, это совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасные условия жизни каждого члена общества, общественный порядок, безопасность личных, общественных или государственных интересов при обращении с общепригодными предметами¹.

Важно подчеркнуть, что любое проявление террористической деятельности в конце концов направлено на совершение террористического акта. Объективную сторону преступления составляют действия, отраженные в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ. Террористический акт проявляется как в угрозе совершения взрыва, поджога, так и в реализации самого взрыва, поджога и иных действиях. При этом должна создаваться реальная угроза жизни людей, причинения существенного имущественного ущерба, как гражданам, так и государству, нарушению работы транспорта и создания других отрицательных последствий². Так, законодательство Российской Федерации приравнивает угрозу совершения террористических актов к реальному их осуществлению, то есть признается, что угроза также способна породить хаос и панику среди населения и разрушить сложившуюся социальную обстановку.

Как отмечает В. В. Меркурьев, терроризм заключается в использовании в качестве средств достижения цели наиболее опасных форм насилия, связанных не только с непосредственным силовым воздействием на конкретных жертв, но и с устрашением, созданием атмосферы страха, паники, ужаса у широкого круга субъектов³.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления — вина в форме умысла. Умысел прямой. Обязательным признаком является цель. Цель дестабилизации деятельности органов государственной власти в законодательстве впервые появилась в 2014 г. в составе террористического акта (ст. 205 УК РФ). Здесь важно упомянуть постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

---

¹ Рарог А. И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. № 4 (125); Научная электронная библиотека «Cyberleninka». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-kodeks-rossii-protiv-terrorizma> (дата обращения: 02.05.2021).

² Бушмин С. И. Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018 // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. URL: <http://www.iprbookshop.ru/84216.html> (дата обращения: 22.04.2021).

³ Меркурьев В. В. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы: монография. М.: Проспект, 2020. С. 44.

9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», где отсутствует конкретное определение цели, но указывается на направленность умысла виновного лица (п. 1)¹.

С. М. Кочои утверждает, что существует две специальные цели: 1) дестабилизация деятельности органов власти — при совершении взрыва, поджога и иных действий; 2) воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями — при угрозе совершения террористического акта².

Субъектом данного преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Уголовное законодательство формально определяет критерии классификации террористического акта.

Выделяют общий состав террористический акт (ч. 1 ст. 205 УК РФ), квалифицированный (ч. 2 ст. 205 УК РФ) и особо квалифицированный (ч. 3 ст. 205 УК РФ).

Целесообразно отметить, что террористический акт является смежным с иными преступлениями террористической направленности. Но главным основанием, как отмечают А. В. Серебренникова и М. В. Лебедев, для отграничения от террористического акта сходных преступлений является цель — дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений³.

Проанализируем отличия террористического акта от заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ст. 207 УК РФ). Говоря о разграничении данных составов, важно также подчеркнуть различие в цели преступления: для террористического акта — воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями и выдвигало соответствующие требования. В свою очередь, при совершении преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, цель — дестабилизация деятельности органов власти. Лицо не преследует цели совершения террористического акта, не выдвигает соответствующих требований, как при совершении террористического акта.

Но цель дестабилизации органов власти по делам о заведомо ложном сообщении об акте терроризма устанавливается редко. В качестве одного из примеров можно привести приговор Дзержинского город-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // РГ. 2016. № 35.

² Кочои С. М. Антиэкстремистские нормы: правовое обоснование противодействия терроризму: монография. М.: Проспект, 2020. С. 126.

³ Серебренникова А. В., Лебедев М. В. Уголовно-правовая характеристика террористического акта // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 134.

ского суда Нижегородский области от 14 декабря 2017 г., по которому гражданин был признан виновным в заведомо ложном сообщении о готовящемся взрыве в кафе. Согласно приговору гражданин имел «преступный умысел на дестабилизирование деятельности кафе, правоохранительных органов и служб быстрого реагирования»¹.

Также существует различие в объективной стороне: угроза совершения или само совершение террористического акта (ст. 205 УК РФ), а для заведомо ложного сообщения — передача несоответствующих действительности сведений о совершении террористического акта, причем различными способами: устное высказывание, публикация в печати и другие. Деяние, образующее объективную сторону террористического акта в форме угрозы, представляет собой не просто передачу сведений, а именно запугивание, обещание совершить взрыв, поджог и иные действия². Такой способ передачи информации должен сопровождаться требованиями. Данная форма совершения деяния необходима для того, чтобы оказать влияние на принятие решений органами власти или международными организациями. Деяние, образующее объективную сторону заведомо ложного сообщения об акте терроризма, представляет собой лишь доведение до адресата информации о готовящемся взрыве и поджоге.

Зачастую преступление, предусмотренное ст. 281 УК РФ (диверсия) рассматривается как составная часть террористического акта, что является ошибочным, поскольку данное преступление обладает рядом самостоятельных отличительных признаков. В частности, объектом преступного посягательства при совершении террористического акта является общественная безопасность, а объектом диверсии — основы конституционного строя и безопасности государства.

Различия между террористическим актом и диверсией заключаются и в предмете преступления. При теракте предмет, на который направлены действия, перечисленные в диспозиции ст. 205 УК РФ, не указан, что свидетельствует о том, что взрыв, поджог и иные действия могут быть направлены на различные объекты, не являющиеся определяющими для квалификации содеянного. Предметом диверсии выступают предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства, средства связи, объекты жизнеобеспечения населения, то есть ограниченный круг объектов, в отношении которых могут совершаться взрыв, поджог и иные действия, квалифицируемые как диверсия.

¹ Приговор Дзержинского городского суда Нижегородской области от 14 декабря 2017 г. по делу № 1-8842/2017 // URL: <https://rospravosudie.com/court-dzerzhinskij-gorodskoj-sud-nizhegorodskaya-oblast-s/act-561106970> (дата обращения: 30.04.2021).

² *Безрукова О. В., Капитонова Е. А., Кулешова Г. П.* Терроризм и современное право: актуальные вопросы противодействия: монография. М.: Проспект, 2020. С. 81.

В данных преступлениях различается и цель совершения преступления¹. При совершении диверсии предусматривается специальная цель — подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. В случае же совершения теракта, уничтожение или повреждение определенных материальных объектов значимо лишь с точки зрения создания атмосферы общественного страха. Кроме того, при совершении диверсии лицо действует тайно, зачастую скрытно, его действия не подлежат огласке. Террористы наоборот стараются действовать как можно более демонстративно, открыто выдвигая свои требования.

Таким образом, проанализировав отличия террористического акта от заведомо ложного сообщения об акте терроризма, а также от диверсии, можно говорить о характерных чертах террористического акта как одного из классических преступлений террористической направленности. Для данного преступления специфичен объект преступного посягательства, объективная сторона совершаемого уголовно наказуемого деяния, а также цель как один из признаков субъективной стороны преступления. Разумно отметить, что установление данных элементов состава преступления, последующая правильная квалификация совершенного деяния поможет соблюдать принципы уголовного права при отправлении правосудия. Кроме того, ошибки в квалификации преступления могут послужить причиной формирования ложного представления у граждан о степени общественной опасности преступления террористической направленности, чего нельзя допустить, поскольку терроризм представляет огромную опасность для личности, общества и государства.

Задера В.В.,

*студент II курса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»*

Незаконная вырубка лесных насаждений: пути законодательного решения проблем

В настоящее время в нашей стране сложилась достаточно неблагоприятная обстановка в области охраны окружающей среды. Поэтому появилась необходимость теоретического и практического осмысления возникновения этих причин. Одним из главных факторов, который влияет на ухудшение экологической ситуации, является проблема экологической преступности и коррупции в данной

---

¹ Тутуков А. Ю., Татаров Л. А. Правильная квалификация террористического акта и его отграничение от диверсии // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 8. С. 91.

сфере, одним из самых распространенных которой является — незаконная вырубка деревьев и лесных насаждений.

Незаконная вырубка лесных насаждений по подсчетам Рослесхоза достигает каждый год до трети всех регистрируемых экологических преступлений (ст. 260 УК РФ). Также указанный вид преступлений обладает высоким уровнем латентности, уголовно-правовых мер борьбы с ними.

Лесные ресурсы России оцениваются почти в 4 трлн долларов, и это на 28% превышает стоимость всех запасов нефти страны. Занимая около 67% территории России, лесной фонд влияет на экономику более 40 регионов, в которых продукция лесной отрасли составляет до 50% общего объема промпроизводства. По данным Росстата, в 2019 г. по сравнению с 2018 г. индекс деревообработки вырос на 5,3%, целлюлозно-бумажной отрасли — на 3,6%. Показатели могли бы быть двузначными, если бы не незаконная рубка и вывоз древесины из страны. Наибольший объем незаконной рубки лесных насаждений приходится на Иркутскую область. Только здесь по итогам 2019 г. выявлено 2,2 тыс. случаев незаконной рубки лесных насаждений объемом 441,6 тыс. куб. м, ущерб оценивается в 2,7 млрд руб. К административной ответственности, в том числе в виде штрафов на сумму свыше 2 млрд рублей, привлечены более 14 тыс. физических и юридических лиц. Перекрыто более 200 каналов контрабандного вывоза леса в Китай, Японию, Финляндию, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Латвию с общим оборотом лесопроductии на сумму свыше 23 млрд рублей. В 2019 г. для квалификации деяний по статье 226¹ УК РФ снижен порог привлечения к уголовной ответственности при незаконном перемещении лесных ресурсов с 1 млн до 100 тыс. рублей. В первом полугодии 2020 г. правоохранители выявили 6,8 тысячи фактов незаконной рубки — это более 35 случаев ежедневно. Нелегальным лесорубам назначили 1,5 тыс. административных штрафов на сумму 12,3 млн руб., при этом вред, причиненный лесам, достиг 3,9 млрд рублей¹. Почему статья об уголовной ответственности, а здесь речь идет о привлечении к административным штрафам?

На основании вышеизложенных статистических данных, можно сделать вывод о том, что вся незаконная вырубка лесов делится на две группы:

- 1) бытовая незаконная вырубка;
- 2) незаконная вырубка с коррупционной составляющей.

Вырубка первой группы, в основном, совершаются в небольших масштабах. Как правило, это сельская местность, гражданами без

---

¹ Гаевская Е. Ю. К вопросу о борьбе с незаконной заготовкой древесины // Экологическое право. 2020. № 1. С. 30–35.

работы, с низкой правовой культурой. Преступления второй группы значительно отличаются масштабом, объемом и формой.

Особенностью незаконной вырубki является то, что по фактам незаконной рубки леса, в основном, дела возбуждаются в отношении первой группы правонарушителей. В то же время огромные площади лесов, вырубленные не без помощи коррумпированных чиновников и госслужащих, часто остаются без внимания правоохранительных органов¹. Осенью прошлого года страна узнала о резонансном деле. Под стражу был взят заместитель председателя правительства Московской области Дмитрий Куракин. Его обвинили в получении взятки в особо крупном размере при незаконной продаже леса в Китае. Следствие полагает, что ущерб от действий чиновника и его подельников превысил 4 млрд рублей. Бывшему чиновнику грозит до 15 лет тюрьмы, свою вину он отрицает.

Коррупция внутри лесного сектора приводит к существенным отрицательным последствиям: а) деградация лесных экосистем; мест обитания животных и растений красной книги и национальных природных территорий; б) потери доходов государства для местного населения; в) подрыв доверия местного населения к государственной власти. Нельзя не учесть, что государством был сделан огромный шаг по решению проблемы уничтожения лесов и лесных насаждений. Была создана электронная база данных ЛесЕГАИС — информационная система, предназначенная для учета сделок с древесиной, которая производит контроль оборота лесозаготовительной продукции на территории РФ. Однако, она нуждается в дальнейшем совершенствовании, ввиду наличия ряда пробелов (сроки оформления сопроводительных документов, слабая защищенность бланков и т.д.), которыми сейчас пользуются недобросовестные предприниматели. Поэтому, в данном случае необходимо предложить собственный законодательный путь решения, который поможет регламентировать данную проблему:

- 1) формирование взвешенной законодательной базы для управления лесными ресурсами на федеральном и международном уровне;
- 2) ужесточение мер наказания за незаконные вырубки и использование несертифицированной древесины;
- 3) меры по увеличению площади лесных массивов и создание зон с особым природоохранным статусом.

На фоне необходимости увеличения общих усилий борьбы с незаконной вырубкой лесов и привлечения к ответственности виновных, не стоит забывать о том, что в ряде случаев у людей есть обоснован-

---

¹ Правовые основы природопользования и охраны окружающей среды: учебник и практикум для академического бакалавриата / С.А. Боголюбов, Е.А. Позднякова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 120.

ная необходимость такой вырубki тяжелое материальное положение. Поэтому необходимо в ст. 260 УК РФ внести примечание и изложить его в следующей редакции: «Лицо, добровольно возместившее причиненный ущерб, совершившее данное преступление в силу тяжелого материального положения, и способствовавшее расследованию и раскрытию совершенного преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Таким образом, только грамотная политика государства может остановить незаконную выработку лесных насаждений и остановить коррупцию в этой отрасли. Без введения своевременных мер, ситуация может ухудшиться до такой степени, что в скором времени Россия останется только с одними полями, что приведет к умерщвлению всей экосистемы, без которой человечеству невозможно существовать.

Захарова О.А.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»*

Надругательство над местами захоронения: проблемы толкования и правоприменения

Одним из наиболее горестных и циничных поступков человека в современном обществе, свидетельствующих о снижении уровня нравственных, духовных основ, являются случаи разрушения, уничтожения и осквернения мест захоронений и надругательства над телами умерших. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) за такое деяние ответственность предусмотрена ст. 244 УК РФ — надругательство над телами умерших либо уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением. Стоит отметить, что преступления, совершаемые по ст. 244 УК РФ, мало распространены¹.

Под объектом этого преступления понимается общественная нравственность, требующая уважительного отношения к усопшим. Суть такого отношения выражается в неприкосновенности усопшего, исполнении пожелания лица об отношении к его телу после смерти (волеизъявления по поводу способа захоронения, изъятие органов и тканей) только в том случае, если такие желания не будут противоречить законодательству, а также исполнению ритуалов поминовения в зависимости от религии усопшего.

¹ URL: <http://www.cdep.ru/>

Надругательство это безнравственное или неуважительное отношение к телу или останкам умершего человека, а также к месту, предназначенному для их захоронения, выражающееся в нарушении права каждого человека на уважительное отношение, а также к обычаям и традициям, связанным с погребением умершего (незахоронение усопшего через три дня после смерти; в иудаизме, например, запрещается смотреть на покойника, то есть в том случае если кто-то это делает, то это будет являться неуважительным отношением к умершему).

По ст. 244 УК РФ законодательно разрешенные медицинские действия не относятся к категории надругательства над телом умершего. Так, проведение патологоанатомического вскрытия для научных или образовательных целей, а также установления причин смерти путем соответствующей экспертизы не влекут уголовной ответственности. Однако, проведение указанных процедур должно осуществляться с достойным и уважительным отношением к телу умершего, поскольку в противном случае медицинский работник тоже может быть привлечен к ответственности по данной статье¹. Стоит отметить также, что надругательством не считаются действия по эксгумации трупа, которая осуществляется в законном порядке.

К предметам преступления можно отнести тело умершего, надмогильное здание или кладбищенское сооружение, скульптурное архитектурное сооружение, а также памятники религиозного назначения

Тело умершего — это труп человека, в котором развиваются помертвные изменения, включающие в себя отсутствие дыхания, сердцебиения². Происходит высыхание и деформация роговиц, появление трупных пятен и трупного окоченения. В дальнейшем происходит процесс разложения умершего.

Надмогильное здание или кладбищенское сооружение — здания, которые предназначены для погребения³.

Объективная сторона данного состава преступления включает в себя несколько форм, объединенных понятием надругательства.

Понятие «надругательство» в настоящий момент в уголовно-правовой науке не имеет единообразного толкования. С точки зрения русского языка надругательство — это оскорбительное, грубое издевательство, кощунство⁴.

---

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 22 декабря 2020 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Макарова Ю. В. Тела умерших как предмет преступного посягательства на общественную нравственность // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2017. № 9 (42).

³ Осокин Р. Б. К вопросу о предмете надругательства над телами умерших и местами их захоронения // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2012. № 6.

⁴ Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М., 2001. С. 380.

А. С. Шокель¹ рассматривает надругательство как незаконное извлечение тела умершего либо его праха или его останков из могилы, а равно умышленное нанесение не захороненному телу умершего, либо праху каких-либо повреждений или совершение иных безнравственных действий, которые, согласно обычаям, сложившимся на территории России, оскорбляют память умершего. На наш взгляд, определение А. С. Шокель наиболее полно описывает надругательство, т. к. она говорит о действиях, направленных не только на глумление над телом умершего человека, но и над вещами, которые помогают увековечить память человека.

Самостоятельной формой указанная в диспозиции ст. 244 УК РФ можно выделить надругательство над телами умерших:

надругательство над телом умершего — совершение безнравственных, оскверняющих или циничных действий в отношении захороненных или временно не захороненных человеческих останков (извлечение из могилы, нанесение повреждений, расчленение трупа, обнажение, похищение одежды, находящейся на теле умершего, ценных украшений, зубных коронок, несанкционированное перезахоронение останков и т. д.)².

Наиболее распространенной формой надругательства является расчленение тела и органов.

Формы надругательства над местами захоронения, указанные в диспозиции статьи:

1) уничтожение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением — полное разрушение этих объектов, приведение их в полную негодность, чтобы невозможно было использовать по назначению;

2) повреждение указанных объектов — существенное разрушение предмета, причинение ему такого вреда, после которого для использования его по назначению необходимо восстановление (нанесение порчи отдельным элементам сооружения, изъятие отдельных украшений и другие действия).

3) осквернение таких объектов — совершение безнравственных, циничных действий, несовместимых с предназначением сооружений (например, нанесение оскорбительных надписей, рисунков, символов, нечистот, мусора и т. п.)³.

---

¹ Шокель А. С. Предупреждение преступлений, связанных с надругательствами над телами умерших и местами их захоронения. М., 2011. С. 64.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. С. 478.

³ Калужская А. В. К вопросу о терминологическом понимании объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ // Вестник ТГУ. 2015. № 5 (145).

Третья форма, прописанная в диспозиции статьи — это осквернение, под которым понимаются все противоправные действия, не охваченные уничтожением и повреждением, совершенные только в активной форме. Согласно позиции Р. А. Исмагилова, «осквернение возможно в физической форме (например, нанесение неприличных надписей и рисунков) и в интеллектуальной форме (например, проведение песнегуляний и иных торжеств на местах захоронения)»¹. Однако представленная автором классификация, можно считать, сомнительна, так как различного рода торжества осуществляются именно в физической форме.

Таким образом, надругательством будут считаться действия, включающие в себя следующие признаки:

- 1) происходит нарушение традиционной формы погребения;
- 2) цель такого действия нарушает общественную нравственность;
- 3) действие оскверняет чувства близких умершего либо его память².

Субъективная сторона преступления выражается прямым умыслом. Лицо, совершающее данные действия, осознает их общественную опасность, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, но, тем не менее, желает их наступления. Состав данной статьи будет формальным, то есть преступление будет считаться оконченным с момента совершения действий, независимо от последствий.

Некоторые авторы склоняются к тому, что состав рассматриваемого преступления также может образоваться и при наличии вины в виде косвенного умысла³. В качестве таковых случаев можно назвать совершение деяний, направленных на уничтожение или повреждение надмогильных сооружений, если целью преступника было получение ценностей. Несмотря на это, сам факт надругательства над телом умершего не нужно рассматривать как деяние, совершаемое с косвенным умыслом, поскольку лицо осознает характер и степень общественной опасности, желает наступления последствий (осквернение памяти усопшего).

Таким образом, именно здоровое развитие нации в большинстве определено соблюдением вечных нравственных принципов. Защита нравственности находит свое закрепление в нормах, которые предусматривают юридическую ответственность за неуважение к обществу, пренебрежение традициям и обязанностями.

¹ См.: *Исмагилов Р. А.* Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. С. 8–9.

² *Сорокина Ю. В.* Понятие надругательства над телами умерших: проблемы теоретического определения // *Вопросы современной юриспруденции.* 2013. № 29.

³ *Кондрашова Т. В.* К вопросу о возможности косвенного умысла и легкомыслия в формальных составах преступлений // *Пенитенциарная наука.* 2008. № 2.

Зеленова З.В.,

*студентка II курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Тверской государственный
университет»*

Защита конституционного права на жизнь в ситуациях необходимой обороны

Право на жизнь важнейшее и неотъемлемое право каждого человека. Обеспечение права на жизнь своих граждан одна из основных функций государства.

Защита права на жизнь возможна в рамках в рамках такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как необходимая оборона, которая регламентируется в ст. 37 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ: не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Данный правовой институт за период действия УК РФ, неоднократно подвергался изменениям, но при этом остается ряд правовых коллизий, которые создают препятствия для применения допустимой обороны на практике. Для иллюстрации указанной проблемы уместно привести ряд реальных случаев из практики, где правоохранительные органы допустили ошибку в квалификации и посчитали действия в ситуации необходимой обороны преступлением.

Приговором Алтайского краевого суда от 4 августа 2014 г. гражданин Ш., осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации определила приговор Алтайского краевого суда от 4 августа 2014 г. в отношении Ш. отменить, дело в этой части прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления. Деяние произошло при следующих обстоятельствах. В апреле 2013 г. с Ш., С. и К. употребляли алкоголь. В процессе употребления спиртных напитков между Ш., с одной стороны, и К. и С. — с другой, возник конфликт, перешедший в драку. В результате драки Ш. были нанесены два удара кулаком в область лица. После этого К. нанес Ш. ножом удар в область бедра правой ноги, а С., присоединившись к действиям К., стал наносить Ш. удары кулаками в область головы и туловища. Однако когда К., продолжая наносить удары, от которых Ш. защищался руками, в очередной раз замахнулся на Ш. ножом, последнему удалось перехватить руку К.

и выхватить нож. После чего Ш. нанес несколько ударов ножом К. и С. В результате вышеуказанных действий Ш. потерпевшим К. и С. был причинен тяжкий вред здоровью, повлекший смерть¹. Как видно из приведенных обстоятельств, Ш. подвергся нападению К. и С., сопряженному с насилием, опасным для его жизни. Об этом свидетельствует нанесение обоими нападавшими ударов в область лица и головы и применение при нападении ножа, которым Ш. были причинены телесные повреждения. При таких обстоятельствах, в силу положений ч. 1 ст. 37 УК РФ, Ш. имел право на причинение нападающим любого вреда в целях защиты от такого нападения. Переход оружия, то есть ножа, от посягавших лиц к обороняющемуся не может свидетельствовать об окончании посягательства, так как была возможность перехода оружия обратно к нападающим². Таким образом, фактические обстоятельства происшедшего свидетельствуют о том, что Ш., причиняя вред нападавшим, не вышел за пределы необходимой обороны, поскольку в отношении него имело место посягательство, предусмотренное частью первой, а не второй статьи 37 УК РФ.

Однако орган предварительного расследования и суд первой инстанции не дали правильной оценки данному обстоятельству, что привело в итоге к необоснованному осуждению лица, хотя сопряженность посягательства с наличием опасности для жизни была достаточно очевидна.

Иным примером иллюстрирующим применение необходимой обороны может быть Апелляционное постановление № 10-3/2020 от 24 июля 2020 г. по делу № 10-3/2020³. В данном судебном акте рассматривается апелляционное представление прокурора на приговор мирового судьи судебного участка № 20 Холмского района Сахалинской области, которым гражданка А. была оправдана по ч. 1 ст. 114 УК РФ, так как ее действия были признаны необходимой обороной. В результате рассмотрения выявлено, что между гражданкой С. и гражданкой А. возник конфликт, в результате которого С. угрожал убить А., зарезав ее ножом. В результате возникшей драки А. смогла перехватить нож, тогда С. потянулся к шее А. и пытался ее задушить, обороняясь от С., А. нанесла ему удар ножом (который отняла у С. в процессе борьбы) в грудь, чем причинила тяжкий вред здоровью. Действия А. целиком подпадают под понятие необходи-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 августа 2015 г. указанной части — отмене в связи с отсутствием в действиях осужденного состава преступления // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2021).

² Арзамасцев О. П. Судебные ошибки по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне // Наука. Общество. Государство. 2017. С. 104–109.

³ Апелляционное постановление № 10-3/2020 от 24 июля 2020 г. по делу № 10-3/2020 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 24.04.2021).

мой обороны: оборона происходила от конкретного общественно-опасного посягательства совершаемого в данный момент времени. Удар ножом был нанесен в тот момент, когда С. пытался задушить А., то есть посягательство было реальным и действительно угрожало жизни А. Защита была произведена в момент посягательства в отношении лица, которое посягало на право на жизнь А. В ходе драки произошел переход орудия преступления от нападающего к обороняющему, но как было сказано ранее это не представляет собой окончание нападения. В данной ситуации существовала реальная угроза жизни А. в результате чего, она была вынуждена обороняться, следовательно, указанная ситуация признается правомерной необходимой обороной. Прокурор в апелляционном представлении ссылается на то, что С. угрожал убить А. ножом, а оборонялась она от удушения. Это обстоятельство не влияет на возможность обороняться, так как угроза убийством и объективная сторона убийства могут не совпадать. Таким образом, Холмский городской суд, оставил апелляционное представление без удовлетворения, а оправдательный приговор без изменения.

В данной ситуации суд первой и апелляционной инстанции, как представляется, правильно и компетентно оценил обстоятельства дела и признал вред, причиненный посягающему правомерной необходимой обороной.

Еще одним примером может быть Приговор № 10-34/2018 от 26 сентября 2018 г. по делу № 10-34/2018 Ленинского районного суд г. Оренбурга¹. В данном случае в суде апелляционной инстанции рассматривалась апелляционная жалоба на приговор мирового судьи, в отношении гражданки Ф., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 115 УК РФ.

В ходе рассмотрения дела было выяснено, что гражданка Ф. со своим мужем направлялись в магазин, дорогу им перегородил автомобиль гражданина И., стоящий на посередине дороги. Муж Ф. вышел спросить, почему автомобиль размещен в таком месте, в результате чего И. стал оскорблять мужа Ф. и ее саму, когда она вышла из автомобиля. После этого И. взял лопату и ударил мужа Ф. по голове, он упал, Ф. закричала, так как предполагала, что есть опасность для жизни ее мужа. После этого И. стал размахивать лопатой в сторону Ф., далее И. ударил Ф. лопатой по спине, в процессе падения Ф. умышленно уронила И., а также понарапала ему лицо. В результате падения Ф. получил легкий вред здоровью. Действия Ф. были квалифицированы, как умышленное причинение легкого вреда здоровью. Но, исходя из материалов дела, действия Ф. долж-

---

¹ Приговор № 10-34/2018 от 26 сентября 2018 г. по делу № 10-34/20182020 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 24.04.2021).

ны признаваться необходимой обороной, так как выполняются все условия ее правомерности. Оборона происходила от общественно-опасного посягательства, И. размахивал лопатой, которой мог нанести вред здоровью, а также убить Ф. или ее мужа. Причинение вреда здоровью и угроза убийством является общественно-опасными деяниями, от которых можно обороняться. Необходимая оборона Ф. происходила в реальности и по времени совпадала с нападением И. на нее саму и ее мужа. Кроме того, Ф. оборонялась от конкретного посягательства и толкнула И. когда тот нанес ей удар, для того чтобы он не смог продолжить наносить ей удары лопатой, опасные для жизни Ф. Защита от посягательства происходила своевременно и именно в тот момент, когда И. напал на Ф.

Судом апелляционной инстанции было принято решение, о наличии в действиях Ф. необходимой обороны, вследствие чего обвинительный приговор мирового судьи был отменен. То есть в данном случае снова понадобилось рассмотрение дела судом вышестоящей инстанции для того, чтобы норма о необходимой обороне была применена правильно и справедливо.

Таким образом, анализ судебной практики последних лет позволяет сделать вывод о том, что суды апелляционной и кассационной инстанций достаточно часто отменяют и пересматривают обвинительные приговоры по делам, связанным с реализацией гражданами права на необходимую оборону. Представляется, что это достаточно значимая тенденция в судебной практике. На наш взгляд целесообразным было бы обобщений и обзоров судебной практики в целях правильного и единообразного применения норм о необходимой обороне судами первой инстанции.

Зуева Ю.С.,

*студентка I курса ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»*

Релевантен ли принцип крепости для Уголовного кодекса Российской Федерации?

Институт необходимой обороны длительное время существует в российском уголовном праве, однако, по мнению ряда исследователей, он не является окончательно оформленным в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ). Так, в Государственную Думу РФ не раз вносились законодательные инициативы о расширении границ необходимой обороны путем дополнения ст. 37 УК РФ соответствующим положением. Инициаторы таковых изменений основываются на принципе «Мой дом — моя крепость» (также принцип или доктрина крепости), корни которого

восходят к англосаксонскому обычному праву. Он заключается в дозволении защищать свое жилище от незаконных вторжений любыми средствами вплоть до причинения смерти вторгшимся лицам, что не считается превышением пределов необходимой самообороны.

Прежде всего, важно отметить, что необходимая оборона — это правомерное пресечение общественно опасного посягательства при защите интересов личности, общества или государства путем причинения посягающему вреда, который внешне напоминает преступление¹. Важным условием, согласно Уголовному кодексу, является наличие или отсутствие факта сопряжения посягательства с насильем, которое несет опасность для жизни обороняющегося, однако упоминание об имуществе этого лица отсутствует.

В настоящее время в ст. 37 УК РФ нет четкого закрепления положений, связанных с необходимой обороной при посягательстве на имущество. Это, по нашему мнению, создает значительные трудности в правоприменительной практике, имеющей место в обществе, где собственность обладает особым весом.

Если обратиться к практике, то наиболее важным относительно ст. 37 УК видится постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»². В нем обращается внимание судов на то, что необходимо учитывать, что оборонявшийся не всегда способен к объективной оценке степени общественной опасности посягательства из-за его неожиданности, однако возможность применения силы для обороны от посягающих непосредственно на жилище, не указана.

Рассмотрим аргументы в поддержку предлагаемых изменений.

Так, не поддается сомнению право обитателя жилища на собственную безопасность, чему противоречит необходимость отступления из дома, чтобы обеспечить себе безопасное положение при незаконном вторжении. Кроме того, бегство из своего дома влечет обесценивание чести и достоинства человека. Если для последнего в собственном жилище существует опасность, то вне жилища риск таковой лишь повышается.

Дополнение ст. 37 УК РФ положениями, основанными на принципе крепости, вероятно, повлечет уменьшение количества пося-

---

¹ Уголовное право России. Общая и особенная части: учебник / Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2017 // URL: <https://znanium.com/catalog/product/954290>. С. 130.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/

гательств на жилище. Презумпция правоты жильца, подвергнувшегося вторжению в его дом, и дозволенность ему действовать в свою оборону любыми средствами будет препятствовать возникновению умысла на вторжение, а следовательно, сократит процент преступности, в частности, преступлений, квалифицируемых по статье 158 УК РФ (кража).

Дополнения ст. 37 УК нашли поддержку в лице известных российских политиков, юристов и общественных деятелей. Так, Михаил Барщевский, заслуженный юрист Российской Федерации, не раз высказывался за введение принципа «мой дом — моя крепость»¹, позднее такую инициативу предложил Владимир Жириновский, лидер партии ЛДПР, «за» нее выступили политик Алексей Журавлев и доктор юридических наук Алексей Александров.

Против внесения изменений в ст. 37 УК РФ можно привести следующие доводы.

Возможность причинения смерти посягателю может привести к росту числа бытовых убийств, поскольку под необходимой обороной может скрываться совсем иная причина убийства: будь то личная неприязнь, наличие задолженности и др.

Основной вопрос, на который предстоит ответить законодателю при введении принципа крепости, состоит в том, что более ценно: жизнь человека или собственность, ведь вторжение в жилище не всегда сопряжено с целью причинения вреда жильцу — вторгшийся может посягнуть на материальные ценности (деньги, предметы роскоши), которые хранятся в доме. Предпочтение, бесспорно, отдается человеческой жизни, однако именно той, для которой есть угроза. Закон не будет становиться на сторону преступника, который нарушает права жильца на спокойствие и безопасность.

Не менее дискуссионным аспектом является и вопрос соразмерности: соразмерно ли убийство жильцом посягателя за то, что последний покушался, например, на кражу спичечного коробка? По нашему мнению, для решения проблемы необходимо с особым вниманием отнестись к разработке критериев соразмерности и пропорциональности, согласно которым и будет определяться наличие или отсутствие злоупотребления правом.

Заслуженный юрист Российской Федерации, адвокат, Анатолий Кучерена считает, что ст. 37 УК РФ не нуждается в изменениях, однако, по его словам, проблема заключается в расследовании преступлений, связанных с упомянутой статьей и правоприменением соответствующих положений. Действительно, многие эксперты

---

¹ Кучерена: В вопросе разрешенной самообороны не стоит равняться на США // РГ. 2019. Федеральный выпуск № 266 (8024). URL: <https://rg.ru/2019/11/25/kucherenav-voprose-razreshennoj-samooborony-ne-stoit-ravniatsia-na-ssha.html>

считают¹, что на практике суды и органы следствия не всегда верно дают оценку событиям: пределы необходимой обороны могут быть не превышены, но действия оборонявшегося все равно квалифицируются по ст. 108 УК РФ.

Разумеется, перед внедрением доктрины крепости в отечественное уголовное право нельзя не оглянуться на зарубежный опыт функционирования рассматриваемого принципа. Прежде всего, следует обратить внимание на некоторые штаты США, в которых он действует и является наиболее подробно оформленным со специально разработанными условиями применения. Так, в статье 3.06 Примерного Уголовного кодекса США (1962 г.) указано, что применение насилия возможно для защиты от незаконного вступления в пределы жилища².

Доктрина крепости в США, с точки зрения ряда исследователей, действует успешно, однако профессор Марк Хоэкстра (Mark Hoekstra) приводит противоположную статистику: за десять лет со времени вступления в силу закона о защите территории в двадцати одном штате число убийств увеличилось на 8%, а такие преступления, как кража, разбой и др. остались на прежнем уровне³.

Законы, основанные на доктрине крепости, были приняты в 2000-х в Израиле (в связи с резонансным делом Шая Дроми⁴) и Италии, где действуют до сих пор.

Таким образом, вопрос о внесении изменений в ст. 37 УК РФ, предусматривающих возможность для защиты себя, своего жилища в случае незаконного вторжения в него, не признающуюся превышением пределов необходимой обороны, действительно, дискуссионный. По нашему мнению, его преимущества в значительной степени весомы, но требуют более детальной проработки, учитывающей настоящую криминогенную обстановку, особенности национального законодательства и уровень правосознания граждан. Возможно, в процессе законотворчества стоит ориентироваться на модель принципа крепости в уголовном праве США, где существует

---

¹ Курганов Д. «Мой дом — моя крепость»: границы допустимой самообороны снова хотят расширить // Парьград. URL: https://tsargrad.tv/articles/moj-dom-moja-crepost-granicu-dopustimoy-samooborony-snova-hotjat-rasshirit_227319 (дата обращения: 25.11.2019).

² Примерный Уголовный кодекс США // URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?NormID=1250258&8subID=100114498,100114499,100114505,100114541#text>

³ Cheng Cheng, Mark Hoekstra. Does strengthening self-defense law deter crime or escalate violence? Evidence from castle doctrine // Working Paper 18134. URL: <http://www.nber.org/papers/w18134> June 2012

⁴ Шай Дроми: я не ждал закона в свою честь. Пусть меня просто оправдают // Newsru.co.il. URL: <https://newsru.co.il/israel/15feb2007/dromi.html> (дата обращения: 15.02.2007).

подробная перечневая система регламентации необходимой обороны при посягательстве на имущество.

Иванченко М.М., Юшкевич Н.Д.,

*студенты III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: некоторые проблемы теории и практики

Преступления экстремистской направленности уже долго обращают на себя внимание общественности. Значение данных составов обусловлено в первую очередь необходимостью обеспечения конституционных прав граждан, а в частности положения статьи 29 Конституции РФ: «не допускается пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую или религиозную ненависть и вражду...». Хотя обусловленность появления самих статей весьма понятна, рассматриваемые составы, подвергаются вполне заслуженной критике со стороны юридического сообщества. Наиболее спорным среди остальных преступлений видится статья 282 УК РФ, которую мы и хотели бы подробно разобрать.

Хоть сам термин «экстремизм» является относительно новым для отечественного законодательства, аналог интересующей нас статьи можно встретить и в более ранних уголовных законах, в частности УК РСФСР 1960 г. В статье 74 данного закона ответственность была предусмотрена за два вида деяний: «Умышленные действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды или розни...», а также за «прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой, национальной принадлежности или отношения к религии».

Что примечательно, ранее оба этих деяния относились к государственным преступлениям (раздел II: Иные государственные преступления). То есть, объектом преступления в обоих случаях считались общественные отношения, направленные на сохранение безопасности государства. Теперь же два этих деяния были отнесены к разным главам УК РФ: дискриминация к 19-й (статья 136), а возбуждение ненависти или вражды к 29-й (статья 282). Таким образом законодатель начал иначе определять объект преступления в данных деяниях. В случае с статьей 136 общественные отношения, направленные на защиту конституционные права и свободы человека и гражданина, а в 282 статье уже на защиту основ конституционного строя.

В своей начальной редакции УК РФ статья 282 называлась «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды», и в первой части предусматривала наказание только за соответствующие деяния, совершенные публично или с использованием СМИ. Во второй части статьи были квалифицированные составы за те же действия, но совершенные с применением насилия, с использованием своего служебного положения и организованной группой.

25 июля 2002 г. был принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». В нем были сформулированы принципы противодействия экстремизму, а также дано определение понятию «экстремизм». Вместе с данным Федеральным законом были приняты и поправки в Уголовный кодекс, который в свою очередь был дополнен новыми статьями и вносил изменения в уже существующие.

Однако статья 282 была изменена только при принятии последующий поправок от 8 декабря 2003 г. Название статьи было изменено на то, которое она носит и до сих пор: «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Посредством данных изменений, привлечение по статье 282 стало возможным также при совершении действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение человеческого достоинства. Вырос, вместе с тем, и перечень признаков по которым возможно совершение данных деяний, к уже существующим прибавились: пол, язык, происхождение и принадлежности к какой-либо социальной группе.

Дальнейшие значимые поправки были приняты 28 июня 2014 г. В данной редакции, к уже предусмотренным признакам публичности или использования СМИ, прибавилось взаимодействие с информационно-телекоммуникационными сетями, в том числе с сетью «Интернет».

После принятия данных поправок статья обрела огромный простор для расширительного толкования и подвергалась объемной критике как со стороны юридического сообщества, так и со стороны простой общественности. Наиболее резонансными стали дела в отношении блоггеров, а также осуждения за «лайки» и «репосты» в социальных сетях¹.

К последним можно, например, отнести дело, в котором Матвеев Р. И., ранее не судимый, размещал на своей странице, а также на странице группы в социальной сети текстовые записи, которые впоследствии были признаны экстремистскими. По своим словам,

---

¹ Симащенко П. Д. Ответственность за лайки и репосты: проблемы юридической квалификации // Концепт. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-layki-i-reposty-problemy-yuridicheskoy-kvalifikatsii> (дата обращения: 25.10.2021).

он был введен в заблуждение посредством сети Интернет, запутался и не понимал, что нарушает закон, распространение же материалов не преследовало цели унижить кого-либо, он хотел, чтобы люди были осознаннее, грамотнее. За данные действия подсудимый был приговорен к двум годам лишения свободы¹.

Осознавая данные проблемы, законодатель посредством принятия новых поправок внес в закон административную преюдицию. Таким образом, после поправок 2018 г., субъект преступления должен был привлекаться к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. Однако, данная мера никак не может признаваться коренным решением проблемы, так как она лишь несколько смягчает возможные последствия и никак не воздействует на размытость формулировок в статье 282 УК РФ.

Для понимания правоприменения, необходимо также рассмотреть и проведение лингвистической экспертизы. В сложившейся ситуации она является очень важным процессом для анализа деяний на наличие экстремизма. Во время проведения данных действий эксперт должен установить в рассматриваемом тексте или высказывании факт запрещенных призывов и высказываний, направленных на возбуждение ненависти или вражды

Наибольшей проблемой лингвистической экспертизы видится отсутствие общих стандартов, в связи с которыми специалист мог бы объективно оценить представленные ему тексты. В свое время, из-за отсутствия таковых норм, создается ситуация, в которой эксперту может быть задан вопрос: «Имеется ли в тексте призыв к совершению деяний с мотивами расовой, религиозной или национальной ненависти?» В такой ситуации происходит смешение лингвистической и правовой компетенции, что начинает выходить за рамки знаний эксперта и может приводить к необъективности ответов. Таким образом для вынесения объективного вывода потребуется несколько экспертов: лингвист, психолог, и другие возможные специалисты².

Немаловажную роль в определении деяний статьи 282 УК РФ играет Федеральный список экстремистский материалов, составляемый Министерством юстиции России. Он включает в себя материалы, признанные судом экстремистскими, за массовое распространение которых законодателем установлена ответственность.

Из проблем данного списка можно выделить недостаток структурированности и удобства подачи. Все материалы сортируются в со-

¹ Приговор № 1-710/2018 от 22 ноября 2018 г. по делу № 1-710/2018.

² Солдатов А.Д. Некоторые проблемы лингвистической экспертизы по делам об экстремизме // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. Vol. 12-2 (51). P. 82.

ответствии с датой запрета, без разделения по типу информации или любому другому признаку, что исключает возможность быстрой проверки тех или иных источников на наличие экстремизма¹. Мешает процессу ознакомления и неумолимый рост существующего списка (с 2017 г. количество пунктов выросло более чем на две тысячи), особенно учитывая то, что часть материалов все еще доступна в интернете. Совокупность данных проблем приводит к неоправданному росту правонарушений по данной статье. Факт увеличения числа зарегистрированных «экстремистских» преступлений признает и Вячеслав Лебедев, председатель ВС РФ².

Подводя итоги, стоит сказать, что статья 282 сама по себе является важной составной частью законодательства, обеспечивающей охрану основ конституционного строя государство. Однако, ее положения, как статьи Уголовного кодекса, носят слишком размытый характер, что недопустимо для такого рода нормативно-правового акта. Реформирование требуется также процессу лингвистической экспертизы, которой не достаает наличия общих стандартов оценивания. Федеральный список экстремистский материалов, в свою очередь, требует качественных структурных изменений, введение которых не является сложным процессом, однако способно улучшить понимание сути экстремизма среди населения и предотвратить возникновение преступлений в данной области.

Ивлева Л.Н.,

курсантка IV курса ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»

Доведение до самоубийства несовершеннолетних посредством использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

Преступление, предусмотренное ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), является специфичным, а также имеет особенности, благодаря которым оно сильно отличается среди преступлений против жизни. Жертва сама стремится к самоубийству (суициду) по причине угроз, жестокого обращения или систематического унижения со стороны лица, которое действует, в свою очередь, как минимум аморально, а как максимум — нарушая законодательство Российской Федерации.

¹ Кожанова Е. В., Чурилов С. А. Федеральный список экстремистских материалов: 10 лет со дня создания // Обзор. НЦПТИ. 2017. Выпуск № 2 (11). С. 44.

² Состояние преступности в России за январь — декабрь 2020 года // Сайт МВД России. 21 января 2021 г.

То, что рост таких преступлений с каждым годом увеличивался, данная проблема имела место обсуждения на расширенном заседании коллегии МВД России в 2017 г. Президентом РФ, после которого федеральным законом № 120-ФЗ от 7 июля 2017 г. уголовная ответственность ужесточилась за доведение до самоубийства. Также законодателем были закреплены квалифицирующие признаки во второй части 110 статьи УК РФ, которые стали дополнением данной нормы. Такое решение вызвало много вопросов в области исследования о множественности преступлений при квалификации доведения до самоубийства, так как нет достаточного обозначения степени общественной опасности при совершении деяния в отношении родных или близких людей. Безусловно, требуются и разработки, и анализы, и научные рекомендации для применения этой нормы и, соответственно, верной квалификации.

Законодателем не конкретизирована форма вины доведения до самоубийства, что предполагает совершение преступления как умышленно (с прямым или косвенным умыслом), так и по неосторожности (по легкомыслию либо небрежности), это вызывает сложность при оценке доведения до самоубийства на практике. Несмотря на мнения многих авторитетных ученых, все же вопрос о форме вины остается дискуссионным, и единое мнение отсутствует.

По статистике Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в мире число смертей от самоубийств достигает 800 тысяч, или «один случай смерти каждые 40 секунд»¹. В 2019 г. в России закончили жизнь самоубийством 16 983 человека, это примерно 47 суицидов в день, но тем не менее общий показатель самоубийств уменьшился на 1 176 по сравнению с 2018 г. (18 159 суицидов), что подтверждает тенденцию снижения роста самоубийств, ведь в 2016 году Российская Федерация находилась в тройке-лидеров (44 673 — всего, 122 в день, 5 каждый час).

К сожалению, по детским самоубийствам есть своя статистика, которая только растет. В 2018 г. в России резко увеличились случаи суицида подростков и достигло почти 800 случаев, если же сравнивать с предыдущим 2017 г. — было зафиксировано 692 случая.

На современном этапе развития нашего общества достаточно сложно представить повседневную жизнь без использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Несмотря на все преимущества, нельзя не отметить, что Интернет для некоторых является средством достижения преступных целей.

Как пример, одной из угроз является присоединение несовершеннолетнего к «группам смерти». «Группы смерти» — такие сообще-

---

¹ Предотвращение самоубийств. Глобальный императив: докл. Всемир. орг. здравоохранения // URL: http://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_suicide_report_russian.pdf?ua=1

ства в социальных сетях, которые регулярно и системно размещают информацию, а именно аудио- и видео, о способах совершения суицидов. Причем деятельность таких групп непосредственно направлена на доведение до самоубийства несовершеннолетних, пользуясь их неосознанностью последствий своих действий, неустойчивой психикой, любопытством, а также отсутствием инстинкта самосохранения. Тем более подростку легче что-либо внушить, нежели взрослому. К 2019 г. число «групп смертей» удалось минимизировать, однако сейчас они снова активизировались — причиной эксперты называют пандемию¹.

Ранний подъем — в 04:20, эмоциональная загрузка с помощью просмотров видеороликов, прослушиванием музыки, которая вводит в, своего рода, наркотический транс, принуждением смотреть фотографии с элементами крови либо изображением трупов, висельников, и обязательных заданий, которые должен пройти ребенок, последнее — самоубийство. Если подросток не выполняет последнее задание, в его адрес поступают самые различные угрозы, в основном это расправа с ним или с кем-то из членов его семьи, например, мамы. В совокупности все эти действия и подталкивают несовершеннолетнего к «последнему заданию», а именно совершению самоубийства.

«Доказать вину в доведении до самоубийства очень сложно, поскольку расследование ограничено возможностями в проведении следственных действий, так как зачастую после возбуждения уголовного дела возможно провести лишь допросы или назначить судебные экспертизы»². Затрудняет поиск злоумышленников и преступников в совершении таких преступлений, как доведение до самоубийства, киберпространство.

Из-за возрастания социальной роли виртуального общения подростки все больше подвергают себя опасности, не замечая этого. Анонимные угрозы, шантаж, оскорбления, видеоролики со сценами насилия (хепшислепинг), а также простая на первый взгляд, конфиденциальная информация, которая по факту носит преступный характер — все это приводит к возникновению серьезных психических нарушений, заболеваний у детей — в лучшем случае, в худшем — суицид.

Следственный Комитет Российской Федерации, при расследовании дел по «Группам смерти», пришел к мнению, что их ликвидация будет малоэффективна, так как несовершеннолетних наоборот будет это привлекать, и группы станут более известными.

---

¹ Скороделова Т. Самоизоляция спровоцировала появление новых «групп смертей» в социальных сетях // URL: <http://spbdnevnik.ru/news/2021-01-22/samoizolyatsiya-sprovotsirovala-poyavlenie-novyh-grupp-smerti-v-sotsialnyh-setyah>.

² Ильин Н. Н. Актуальные вопросы расследования доведения до самоубийства // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 100–104.

Пресс-служба МВД в своем отчете о состоянии преступности в стране сообщила о том, что показатель преступлений с использованием сети — Интернет вырос на 91,3%, по сравнению с предыдущим годом. Это говорит о том, что Интернет — это и мотив, и инструмент совершения такого преступления как доведение до самоубийства. Недаром одним из квалифицирующих признаков статьи 110 УК РФ и является преступление, совершенное в СМИ или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

В последнее время участились случаи суицидов несовершеннолетних из-за таких социальных сетей, как «Instagram», не говоря уж о других не менее популярных, как «VK», «Одноклассники», «WhatsApp», «Viber» и прочих.

Следует сказать, что на данный момент законодателем не учтены возрастные категории, и данную норму стоило бы совершенствовать. В силу возрастных особенностей и, соответственно, несформированной психики, а также неустойчивости и других прочих отличительных сторон подростки не могут должным образом защитить свои права, и в этом проявляется большая общественная опасность, нежели при таком же воздействии на взрослого человека. Несовершеннолетним сложно оценивать происходящее объективно и адекватно, что опять же отличает его от совершеннолетних. Следовало бы в качестве квалифицирующего признака в Уголовном Кодексе РФ признать до самоубийства или до покушения на самоубийство несовершеннолетнего, и назначить более строгую санкцию.

К слову, правовой базы недостаточно для предотвращения таких преступлений, необходим комплекс мероприятий как со стороны родителей, так и педагогического состава.

Илюк Е.Д.,

*студент III курса ФГБОУ ВО «Владимирский
государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»*

Подмена ребенка: актуальные вопросы квалификации

За последние пару десятков лет, среди различных правонарушений, особое внимание российской общественности привлекало такое преступление, как подмена ребенка. Конечно, мы не можем говорить о том, что данное преступление является чем-то новым, поскольку такие лежащие во внеправовом поле ситуации возникали во все времена и непосредственно привлекали внимание законодателя.

Однако, в последние годы данный состав преступления стал вызывать очень громкий резонанс, вследствие широкой огласки путем средствами массовой информации и кинематографии.

Нам необходимо вспомнить, что для российского государства на сегодняшний день приоритетной задачей остается охрана жизни и здоровья человека, а также его прав, свобод и законных интересов. Данная норма закреплена в статье 2 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ), которая гласит, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства». Стоит отметить, что в современной системе прав граждан особое место отведено правам семьи и детей. И на это есть причина. Ведь, как известно, семья является основным социальным институтом становления и развития человека и непосредственно ее эффективная правовая охрана — залог стабильности государства. Конституция РФ закрепляет, что под защитой государства находится семья, материнство и детство. Но, несмотря на закрепление данных положений, мы все равно можем увидеть, что, так или иначе возникают посягательства на данную сферу, что в свою очередь, говорит нам о наличии пробелов в современном уголовном законе.

Как уже было отмечено выше, подмена ребенка, норма которого закреплена в Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) на сегодняшний день является актуальным. И на это есть ряд причин. Во-первых, данное противоправное деяние разрушает семью на самом начальном этапе ее становления — рождения ребенка. Во-вторых, такое деяние посягает на права того лица, которое еще не может осознавать в силу своего положения, кем они нарушаются и в какой степени. И стоит отметить, что, несмотря на четкую определенность положений, закрепленных в ст. 153 УК РФ, до сих пор многие отечественные правоведы полагают, что в ней остается достаточно много неразрешенных вопросов.

В первую очередь, необходимо уделить внимание тому, что отсутствуют квалифицирующие признаки, позволяющие не дифференцировать степень уголовной ответственности в зависимости от обстоятельств совершения преступления или даже от возможных последствий. Если посмотреть с точки зрения закона, то здесь не важно, было ли осуществлено данное деяние одним человеком или группой лиц, по сговору или спонтанно. Данная позиция по рассматриваемому нами преступлению считается нераскрытым, учитывая при этом, что общественная опасность данного правонарушения достаточно высока и затрагивает не только частный интерес, но и общественный, так как посягает на интересы отдельной семьи и всего общества, ячейкой которого она является.

Здесь также стоит отметить, что если участникам задуманного противоправного деяния не удалось осуществить замысел, то формальная определенность статьи не допускает ее применения, то есть,

таким образом, данное деяние квалифицируется по ст. 30 УК РФ. И это означает, что в повторной попытке закон не увидит рецидива¹.

Помимо этого, правоведы так же обращают внимание на то, что в данной норме отсутствуют факультативные признаки. В данном положении не расписаны способы и средства совершения преступления.

Ведь, например, данный вид преступления может совершаться, как и по сговору родителей одного из подменяемых детей или только одним из родителей, так и лицом, которое не имеет никаких родственных отношений ни к одному из детей, например медперсоналом родильного дома.

Также данный вид преступления может иметь совершенно разные мотивы. Однако здесь спорный момент, возникающий между правоведами, заключается в сложности определения низменных мотивов. Если корыстное побуждение имеет вполне определенные материально выраженные характеристики, то, как же установить наличие низменных побуждений? Здесь большинство правоведов склоняются к тому, что толкование низменности мотива оставлено на усмотрение суда.

Есть еще один нюанс, на который мы должны обратить свое внимание. Большинство правоведов видят схожесть таких правонарушений как подмена и похищение ребенка, и считают, что данные составы можно объединить в одну (ст. 126 УК РФ). Однако это нельзя считать целесообразно. Нужно различать похищение с подменой. Ведь под похищением мы можем понимать ситуацию, когда ребенка просто изымают, крадут у родителей. Если же ребенок был заменен, на другого в надежде, что это останется незамеченным, то данное правонарушение подпадает под норму ст. 153 УК РФ.

Для разграничения таких преступлений, необходимо отталкиваться от того, какую цель преследовали лица при совершении данного деяния. Как утверждают К. С. Кошман и Л. В. Сотникова, «при подмене, когда одного ребенка заменяют на другого из корыстных или иных низменных побуждений, лицо или родители (родители), который совершает деяние не преследует цели дальнейшего развития преступного умысла, а хотят, скорее всего, иметь ребенка желаемого пола, либо иметь здорового ребенка. Ведь возможны случаи подмены мертворожденного ребенка на живого, следовательно, заменяя живого ребенка на мертвого, лицо преследует цель иметь и воспитывать здорового ребенка.

При похищении несовершеннолетнего, целью преступника является его последующее удержание в другом месте и, говоря о несовершеннолетнем, чаще всего это цель не просто завладеть и удерживать

---

¹ См.: Шейджен А. А. Подмена ребенка // Социально-экономические и гуманитарные науки. 2020. С. 126.

несовершеннолетнего, а, например, потребовать от родителей выкуп, либо использовать несовершеннолетнего для изъятия органов и тканей или сексуальной эксплуатации. В таких случаях действия виновного следует квалифицировать по ст. 126 УК РФ и по соответствующей норме Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации»¹.

Но самым дискуссионным вопросом, возникающим среди правоведов, касается объекта рассматриваемого преступления. Текущая формулировка толком не решает существующих проблем при применении соответствующей статьи УК РФ и все же требует дальнейшей доработки. Что же мы можем считать объектом преступления данного преступления?

В юридической литературе существуют различные подходы. Одни считают, что объектом будет считаться «неотчуждаемое право ребенка находиться, расти и воспитываться в семье»². Вторые полагают, что это «общественные отношения, обеспечивающие защиту личной свободы ребенка, а также и интересов семьи»³. А третьи утверждают, что под объектом данного преступления стоит понимать «отношение, которое выражает положительную направленность деятельности семьи как социального института»⁴.

Если все эти три мнения объединить в одно единое, то, под объектом данного преступления, мы можем понимать интересы семьи как совокупность отношений, которые складываются в процессе реализации права ребенка проживать с родителями и воспитываться в семье, а также нормальное духовное и психическое его развитие.

Подводя итог всему вышеизложенному, хотелось бы сказать, что, несмотря на достаточно редкое применение данной статьи, обусловленное высокой скрытностью действий необходимых для реализации подмены ребенка, а также сложностью законодательной конструкции его состава, закрепление статьи 153 в Уголовном Кодексе Российской Федерации очень важен, поскольку, в современной практике встречаются инциденты преступных деяний в чистом виде, когда преступники ограничиваются лишь заменой детей.

Доработка и внесение в действующее законодательство, а в частности, в данную статью изменений поспособствует избеганию от-

---

¹ См.: Кошман К. С., Сотникова Л. В. Уголовно-правовая характеристика подмены ребенка // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2019. Т. 3. № 4 (27). С. 70.

² См.: Красиков А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Полиграфист, 2013. С. 186.

³ См.: Пономарев П. Г. Уголовная ответственность за преступные посягательства на семью и несовершеннолетних // Российский следователь. 2001. С. 36.

⁴ См.: Гуль Н. В. Конституционное право на защиту семьи в уголовном законодательстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 15.

дельных сложностей при применении норм российского уголовного закона и повысит эффективность охраны общественных отношений в сфере семьи.

Инкин Д.А., Погорелов А.Е.,

*студенты III курса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»*

Треш-стрим в уголовном праве России и проблемы введения его законодательного запрета

За последние 20 лет наша жизнь претерпела кардинальные изменения, причиной чего стало внедрение новых технологий и формирование информационного общества. И одним из качественных изменений стало проникновение Интернета во все сферы жизнедеятельности человечества. При этом, данный процесс нельзя оценивать исключительно положительно, так как многие нововведения информационного века развращают молодое поколение и могут привести к его деградации. Одним из ярких примеров подобного являются приобретшие популярность «треш-стримы», то есть трансляции, в которых ведущий, за донаты, выполняет унижительного рода действия и челленджи, чем и привлекает огромную аудиторию¹. И если ранее, выполняемые действия носили правомерный с точки зрения закона характер, то сейчас все больше казусов, которые подпадают под предусмотренные Особенной частью УК РФ составы. Яркий пример тому резонансный случай с убийством девушки в прямом эфире блогером Reeflay.

Следствием того, стала закономерная реакция законодателя, которая выразилась в инициативе криминализации подобных деяний, так как в данный момент, для привлечения к ответственности правоприменитель вынужден пользоваться составами из иных статей, например — ст. 115, ст. 116, ч. 2 ст. 282 УК РФ, руководствуясь тем, что нарушается норма ст. 21 Конституции РФ.

Для решения проблемы, Советом Федерации была высказана идея введения изменений в УК РФ для запрета «треш-стримов» как данности, а именно: введение отдельной статьи, предусматривающей ответственность за данную деятельность, либо дополнить ст. 282 УК РФ введя в нее ч. 3. Идея была поддержана В. Матвиенко, но в тоже время создала общественный резонанс со стороны блогеров и депутатов Государственной Думы РФ, которые рас-

---

¹ Полунина Е. Н., Антонова А. В. Проблемы законодательного регулирования ответственности за «треш-стрим» в Интернете // Закон и право. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zakonodatel'nogo-regulirovaniya-otvetstvennosti-za-tresh-strim-v-internete> (дата обращения: 10.04.2021).

критиковали предложение¹. И актуально будет проанализировать спорные аспекты.

1. Можно ли привлечь к ответственности при согласии жертвы? Так как чаще всего, на подобные стримы с причинением вреда жизни и здоровью жертва согласна, поскольку является таким же выгодополучателем, как и ведущий, то есть, с заявлением в полицию обращаться не будет. Но в данной ситуации Интернет-пространство стоит оценивать наравне с общественным и несмотря на мнение жертвы, подобные деяния являются нарушением общественного порядка и преследуются по закону.

2. Как привлечь к ответственности лиц, финансирующих деятельность стримеров? Основная проблема заключается в количестве данных лиц, так как на одном стриме их может быть до нескольких тысяч человек. При этом привлекать их точно надо, поскольку своими активными действиями они побуждают, поощряют и мотивируют ведущих к совершению преступлений, то есть являются соучастниками в них. Единственным разумным решением будет ввести запрет на перевод средств блогерам.

3. Разумно ли введение обязанности для платформ по контролю за треш-контентом? Считаем это решение неэффективным, ведь в правилах любой платформы изначально имеются предписания, запрещающие демонстрацию насилия в любом виде, поэтому это не приведет к изменениям. И в случае обращения органов к платформе они будут ссылаться на уже закрепленные правила. Такую позицию поддерживает и Михаил Бахман. Поэтому справедливым будет не перекладывать все на платформы, а осуществлять контроль совместно, силами киберполиции², создание которой является одним из главных приоритетов правоохранительной системы на сегодняшний день.

4. Как отделить треш-стрим от обычного? На инициативу Совета Федерации РФ негативно отреагировали блогеры, так как для многих стрим — средство заработка, причем их деятельность является законной. Поэтому, если ввести ответственность без четкого разъяснения понятия, то это дает возможность органам, в лице Роскомнадзора, даже без судебного порядка блокировать неугодный государству контент, как предусматривает Совет Федерации. Ведь в настоящий момент, такое возможно только по иску от прокуратуры и это дополнительная гарантия от необоснованного ограничения прав.

¹ Мисливская Г. Матвиенко поддержала введение отдельной статьи УК РФ за «треш-стримы» // РГ. URL: <https://rg.ru/2021/03/03/matvienko-podderzhala-vvedenie-otdelnoj-statii-uk-rf-za-tresh-strimy.html> (дата обращения: 10.04.2021).

² МВД создает в своей структуре киберполицию // Информационное агентство России ТАСС. URL: <https://tass.ru/>

Именно поэтому представляется, что во избежание ненужных коллизий и минимизации негативных последствий следует делать все поэтапно: четко отграничить категорию треш-стримов и ввести критерии, выражающие качественные характеристики данного понятия. Для этого стоит п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»¹, то есть стоит вынести Постановление ВС РФ, в котором данные аспекты и будут отражены. И лишь потом вводить запреты и соответствующие меры наказания. Это позволит избежать образования понятия «треш-стрим», как оценочной категории.

И на наш взгляд, законодательное закрепление ответственности за проведение треш-стримов, должно выражаться в дополнении ст. 282 УК РФ отдельной частью, а именно:

ч. 3 ст. 282 УК: Действия, направленные на унижение достоинства человека либо группы лиц, с применением или угрозой применения физического и/или психического насилия, оскорблений и других форм хулиганского поведения, совершенные публично, с использованием сети «Интернет», с целью извлечения материальной и иной (достижение популярности) выгоды.

Исаева А.А., Шапкина Е.А.,

*студентки III курса ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина»*

Об ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в свете изменений уголовного закона

Во всеобщей декларации прав человека отраженно, что семья — это такой вид социальной микросреды, где закладываются и формируются основы духовного и физического развития человека, где он получает первоначальные знания об окружающем его мире, формирует представления о нормах поведения, подвергается первому воспитательному влиянию и делает первые шаги на пути формирования себя как личности.

Семья является одной из ячеек общества и представляет собой один из его институтов. Роль семьи очень значима, так как внутри нее человек может получить поддержку, именно она способствует помочь ему пережить некоторые проблемы. Но, кроме этого, семья

---

¹ Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 2 августа 2019 г.) «О Верховном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25 октября 2019 г.) // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2021).

имеет и воспитательный характер, например, при осуждении лица за определенный проступок. В силу чего, именно от семьи зависит физическое, эмоциональное и социальное развитие человека.

В свою очередь, ст. 38 Конституции России, отражает обязанность родителей заботиться о своих несовершеннолетних детях и обязанность совершеннолетних трудоспособных детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях. Семейный кодекс в своих ст. 80 и 85, по факту, дублирует конституционное положение.

К проблеме защиты прав семьи тесно примыкает проблема защиты прав и интересов ребенка, которая в Российской Федерации является первоочередной задачей государства, реализуемой в целях всестороннего развития несовершеннолетних. Защита прав семьи и несовершеннолетних обеспечивается широким кругом нормативно-правовых актов, немалое значение среди которых отводится Уголовному кодексу Российской Федерации.

УК РФ обеспечивает защиту прав семьи и несовершеннолетних посредством отражения ряда уголовно наказуемых деяний за совершение которых следует наказание.

При этом следует сделать акцент на том, что отечественный законодатель на протяжении нескольких последних лет обращает достаточное внимание на реформирование уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в рамках семьи и несовершеннолетних (криминализация деяния, сопряженного с вовлечением несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151² УК РФ), изменение признаков состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» и квалифицированных признаков ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», изложение в новой редакции ст. 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей»).

В настоящей научной статье мы обратим внимание внесенным изменениям Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и в ст. 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей».

Во-первых, в силу того, что с момента внесенных изменений в ст. 157 УК РФ, необходимо сказать, что на диссертационном уровне, а также на уровне большинства научных статей, фактически все были написаны до внесения в нее изменений, что также подтверждает нашу значимость акцента внимания на данную статью уголовного закона.

Во-вторых, указанный нами Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, изложил анализируемую нами статью в новой редакции, в том числе, с отражением в ней административной преюдиции.

Тем самым, отечественный законодатель гуманизировал ответственность за данное деяние, так как первоначально лицо должно подлежать ответственности по ст. 5.35.1 КоАП РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей».

Однако, в научной литературе позиции на наличие административной преюдиции в составе преступлений расходятся, так как первые ученые говорят, что она должна быть в УК РФ, ведь она имеет предупредительный характер, в силу того, что лицо первоначально подвергается административной ответственности, в соответствие с КоАП РФ, а уже если в период года со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания вновь совершит аналогичное деяние (будучи предупрежденным правоохранительными органами), то лицо уже подвергается уголовной ответственности¹. Вторые ученые указывают, что институт административной преюдиции противоречит, непосредственно, положению понятия «преступление» и приводит к смешению уголовного и административного законодательства, в силу чего, необходимо ее исключить из отечественных нормативных актов².

Как отмечено в пояснительной записке к данному Федеральному закону, имеет место быть избыточность уголовного наказания, в частности, за совершение преступлений, отраженных в ст. 157 УК РФ.

Так, обращаясь к статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, был осужден в 2015 г. — по ч. 1 ст. 157—64927 человек, а по ч. 2 этой статьи — 42 человека, в 2018 г. — по ч. 1 ст. 157—45751 человек, по ч. 2 ст. 157—36,

---

¹ Колесник К. Р. Сущность административной преюдиции в уголовном праве // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2017. № 10. С. 88—92; Акименко П. А., Осокин П. Б. Проблемы разграничения уголовной и административной ответственности за противоправные деяния в сфере миграционных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2016. № 1 (24). С. 277—285; Осокин П. Б. О необходимости совершенствования норм об ответственности за жестокое обращение с животными // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 71—74; Курсаев А. В. Административная преюдиция как способ гуманизации уголовной политики в преступлениях против трудовых прав граждан // Наука. Мысль. 2017. № 3—1. С. 71—74.

² Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 64—71; Кокорев В. Г., Иванничева А. П. К вопросу об административной преюдиции за совершение преступления, предусмотренного статьей 158.1 УК РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию» // Державинский форум. 2019. Т. 3. № 12. С. 17—27.

за 2019 г. был осужден по ч. 1 ст. 157 УК РФ — 46864 человека, а по ч. 2 ст. 157–20, за первое полугодие 2020 г. по ч. 1 ст. 157 УК РФ — 17588 человек, а по ч. 2 ст. 157 УК РФ — 9¹.

Таким образом, даже с учетом административной преюдиции, мало сокращается число лиц, подлежащих уголовной ответственности за данное преступление.

Кроме того, наша позиция, что административная преюдиция противоречит действующему отечественному уголовному законодательству, в частности, определению «Преступление» и, в силу этого, основанию криминализации является именно общественная опасность деяния, которая не сопоставима с опасностью правонарушения, отраженного в КоАП РФ. Об этом же говорит Н. А. Лопашенко² и Б. Т. Разгильдиев³.

В остальной части, действующая редакция соответствует всем необходимым критериям. Следует подчеркнуть, что она устранила такой оценочный признак как «злостное», который встречается, например, в ст. 177 «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности» УК РФ.

Также, хотелось бы отметить, что в этот раз законодатель предоставил более подробное трактование почти каждого признака (неуплата без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание, если это деяние совершено неоднократно), отраженного в ст. 157 УК РФ, которые отмечены в Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей), утв. ФССП России от 25 мая 2017 г., 26 мая 2017 г. № 0004/5 и представлены в Обзоре судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей от 13 мая 2015 г.⁴

---

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 17.04.2021).

² Лопашенко Н. А. Административной ответственности в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 69.

³ Разгильдиев Б. Т. Сущностные различия охраняемых уголовным и административным законодательством России объектов, их межотраслевое значение (на примере экологических составов) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 167–169.

⁴ Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей): утв. ФССП России 25 мая 2017 г., 26 мая 2017 г. № 0004/5 // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2017. № 7.

Таким образом, можем сказать, что отечественный законодатель более оптимально построил диспозиции ст. 157 УК РФ, но, при этом, по нашему суждению, следует убрать из данного состава преступления указание на административную преюдицию, так как она противоречит понятию преступление (ст. 14 УК РФ).

Казаков К.А.,

*студент IV курса ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Акт международного терроризма: некоторые проблемы квалификации

Преступления террористической направленности становятся все большей угрозой для общества в последнее время. Хотя на современном этапе государства достигли относительных успехов в борьбе с местными проявлениями данного явления, победа над международным терроризмом не может быть достигнута по ряду причин. Одной из таких причин является проблема квалификации актов международного терроризма с точки зрения национального права.

В российском уголовном праве под актом международного терроризма понимается «совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угроза совершения указанных действий». Данная формулировка вызывает ряд споров относительно объективной (место) и субъективной (цели) стороны рассматриваемого преступления.

В настоящем виде местом совершения акта международного терроризма признается любая территория, находящаяся вне юрисдикции Российской Федерации. Подобный подход активно критикуются правоведами по двум причинам.

Во-первых, в данном случае террористические акты, совершенные на борту российских судов и самолетов, находящихся в иностранном или нейтральном пространстве, не попадают под действия этой статьи¹.

Во-вторых, в этой ситуации террористические акты, направленные против иностранцев или иностранных государств и совершен-

---

¹ См.: Бельский А. И., Якимова В. И., Карпушина Е. В. Проблемные вопросы квалификации акта международного терроризма // Право: история и современность. 2020. № 1. С. 48–54.

ные на территории Российской Федерации, которые должны быть квалифицированы как акты международного терроризма, не попадают под действие ст. 361 УК РФ¹.

Представляется, что формулировка «вне пределов территории Российской Федерации» должна быть убрана из ч. 1 ст. 361 УК РФ, так как она имеет формальный характер. С одной стороны, акты терроризма, направленные на нарушение принципа мирного сосуществования государств и народов, могут иметь локальный характер (например, в рамках сепаратистской деятельности), однако квалифицируются как международный терроризм, если пострадали граждане Российской Федерации (даже в случае, если они являлись случайными жертвами). С другой стороны, террористические акты, совершенные на территории Российской Федерации и обладающие основными признаками, которые позволяют отнести их к актам международного терроризма², квалифицируются по ст. 205 УК РФ.

В нынешней редакции целями актов международного терроризма выступают интересы Российской Федерации, а также мирное сосуществование государств и народов. Если интересы Российской Федерации четко определены, то понятие мирное сосуществование государств и народов не определено и может иметь разные толкования.

Большинство исследователей считает, что под актом международного терроризма, целью которого является нарушение принципа мирного сосуществования государств и народов, необходимо понимать действия, приведшие к ухудшению отношений между государствами или к началу вооруженного конфликта между ними. На наш взгляд, подобный подход упрощает современную ситуацию в мировой политике и не позволяет квалифицировать многие виды террористических атак, носящих международный характер, в качестве преступлений, предусмотренных ст. 361 УК РФ. Например, действия ИГИЛ на территории Сирии и Ирака несут угрозу мирному сосуществованию государств и народов, однако не провоцируют ухудшение отношений между государствами. В связи с этим, кажется целесообразным, использовать вместо понятия «мирному сосуще-

---

¹ См.: *Левандовская М. Г.* Уголовная ответственность за акт международного терроризма в российском законодательстве // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 6А. С. 57–64. и др.

² Основные признаки международного террористического акта: 1) цели, преследуемые террористами, затрагивают два и более государств; 2) преступление или подготовка к нему начинается в одной стране, а заканчивается в другой; 3) финансовые средства, на которые осуществляется террористическая деятельность, происходят из государства отличного от места совершения террористического акта; 4) нанесенный ущерб затрагивает несколько государств или международных организаций. См.: *Террористические и правовые аспекты противодействия терроризму: современные подходы.* М.: РГГУ, 2019. 264 с.

ствованием государств и народов» формулировку «международному миру и безопасности».

Таким образом, действующая редакция ст. 361 УК РФ в связи с неточностью отдельных формулировок, которые не учитывают сложившуюся практику международного терроризма, не позволяет определить значительную часть террористических актов, имеющих международный характер, в качестве соответствующего преступления. В связи с этим необходимо пересмотреть ряд формулировок рассматриваемой статьи с целью улучшения борьбы с международным терроризмом.

Киндеева А.А.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

Использование электронных платежных систем, цифровой валюты и социальных сетей в целях финансирования терроризма

На данный момент существует большое количество способов финансирования терроризма как традиционных, так и инновационных. Их появление и совершенствование напрямую зависит от достижений научно-технического прогресса. Именно поэтому в условиях глобализации и существования общедоступной сети Интернет использование электронных платежных систем, социальных сетей и криптовалюты в XXI в. является наиболее привлекательным механизмом для материального обеспечения террористической деятельности.

Система электронных платежей представляет собой совокупность методов, которые позволяют осуществлять расчеты между лицами посредством сети Интернет. Такие системы способствуют развитию международных экономических отношений, упрощению процесса передачи денежных средств, однако, наряду со всеми преимуществами, являются серьезной угрозой национальной безопасности государства. Это связано с тем, что подобные способы перевода средств достаточно сложно отследить в условиях существования схем, разработанных террористическими организациями¹. Например, перечисление денежных средств между банковскими картами или при помощи системы быстрых платежей осуществляется через ряд подставных лиц, субъектов преступления, предусмотренных ст. 205¹

---

¹ Гурьянов К. В., Шатило Я. С. Развитие электронных платежных систем и правовых основ противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Базис. 2018. № 1.

УК РФ. Затем средства выводятся в наличные деньги, в результате чего правоохранительные органы сталкиваются с трудностями при выявлении начального отправителя и конечного получателя средств, что осложняет пресечение подобных преступлений. Такой метод является привлекательным для использования террористическими организациями, так как не акцентирует на себе внимания из-за распространенности платежных систем среди населения. Согласно статистике, доля безналичных платежей составляет 70% от общего числа платежей в РФ, а наиболее популярными среди населения способами оплаты являются банковские карты, электронные кошельки, мобильные платежи, а также предоплаченные карты. В целях пресечения и предупреждения финансирования терроризма посредством безналичных платежей в Российской Федерации разрабатывается ряд норм, регулирующих денежное обращение в сети Интернет.

В частности, принят Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹, устанавливающий обязательный контроль за операциями с денежными средствами или иным имуществом, сумма которых превышает шестьсот тысяч рублей или по характеру относится к видам операций, перечисленных в ст. 6 данного закона. Кроме того, любое лицо, в отношении которого имеются сведения о причастности к террористической деятельности включается в перечень, устанавливаемый Правительством РФ. С 3 августа 2020 г. по инициативе Росфинмониторинга вступили в силу поправки в Федеральный закон «О национальной платежной системе»², в соответствии с которыми пользователям электронных кошельков, таких как «Яндекс.Деньги», «QIWI-Кошелек», PayPal, VK Pay и аналогичных сервисов, необходимо идентифицировать свою личность и привязать к кошельку банковский счет. Такие меры позволят усилить контроль за незаконными финансовыми операциями, а также оперативно блокировать счета осуществляющих их пользователей, что поможет устранить проблему анонимности пополнения электронных кошельков через платежные терминалы³. Кроме того, сейчас в России возможно снятие наличных денежных средств с предоплаченных карт, единственное предусмотренное ограничение — снятие с карты определенной установленной суммы. Однако Центральный Банк РФ и Росфинмониторинг предлагают запретить получение наличных

¹ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. 29 декабря 2020 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2021. № 1. Ст. 75.

² Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (22 декабря 2020 г.) «О национальной платежной системе» // СЗ РФ. 2021. № 1. Ст. 38.

³ Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. <http://duma.gov.ru/>

средств с электронных кошельков и prepaid карт, а также ввести обязательную идентификацию при их открытии.

Также террористическими организациями активно используется цифровая валюта, которая представляет собой совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые могут быть приняты в качестве средства платежа, но не являются денежной единицей. Обращение цифровой валюты не регулируется государством, оно контролируется разработчиками, что с одной стороны позволяет развивать инновации в финансовом секторе, а с другой представляет риск финансирования терроризма. Опасность такой валюты проявляется в том, что она допускает осуществление анонимных переводов денежных средств в международных масштабах, и, хотя факт приобретения валюты может быть зафиксирован, дальнейшие операции по переводам виртуальной валюты достаточно сложно отследить. Однако, в 2020 г. были предприняты попытки законодательно урегулировать порядок обращения цифровой валюты при помощи принятия Федерального закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. При этом, данная информационная инфраструктура, на мой взгляд, недостаточно контролируется государством, в связи с чем необходимо разрабатывать нормы, направленные на пресечение преступлений в информационной среде. На данный момент слабым местом в борьбе с финансированием терроризма является криптовалюта, которая вызывает ряд дискуссий в обществе в связи с ее малоизученностью. С одной стороны, криптовалюта позволяет создать свободное экономическое пространство и прийти к концепции свободного рынка, но с другой создает угрозу появления новых механизмов финансирования терроризма. Это обусловлено тем, что использование криптовалюты допускает полное исключение легальных экономических структур из процесса обмена денежными средствами, то есть создает независимые каналы движения денежных средств во всем мире. Опасность криптовалюты заключается в том, что средства перемещаются между двумя зашифрованными наборами символов, отправителем и получателем, чья личность практически невозможно идентифицировать². Росфинмониторинг уже выступил с инициативой о создании сервиса «Прозрачный блокчейн» для отслеживания транзакций преступников, что позволит контролировать все движения с криптовалютой и раскрыть конечного бенефициара.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (последняя редакция) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Сальников Е. В., Сальникова И. Н. Криптовалюта как инновация экономики террора // Вестник евразийской науки. 2016. № 3.

Однако, по мнению Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), выраженному в отчетах последних лет, при всей привлекательности криптовалюты, она является наименее распространенным способом финансирования терроризма. Особую опасность представители международной организации видят в использовании социальных сетей и интернет-сайтов. С таким утверждением нельзя не согласиться, так как социальные сети, обладают признаками широкой доступности, распространенности и анонимности. Террористические организации используют их для установления контактов с поддерживающими их лицами. Деятельность по сбору средств чаще всего совершают «распространители», создающие подставные аккаунты и размещающие информацию о сборе денежных средств. Примечательно, что такие лица чаще всего осуществляют свою деятельность под видом законной благотворительной или гуманитарной деятельности. Затем пользователи социальных сетей, введенные в заблуждение о целях направления средств, перечисляют денежные средства на указанные счета, где их получают лица, управляющие финансами организации. Такой метод называется «краудфандинг» и подразумевает осуществление сбора средств через Интернет за счет пожертвований или инвестиций, поступающих от неограниченного количества лиц. Он создает ряд проблем для правоохранительных органов в связи с тем, что объявления о сборе средств и реквизиты могут размещаться не только в текстовой форме, но и в графической, что затрудняет выявление таких объявлений при помощи стандартных поисковых систем. Кроме того, вследствие ложного указания целей, на которые собираются средства, компетентные органы сталкиваются с серьезными трудностями при выявлении субъектов преступления, так как в такой ситуации достаточно сложно установить форму вины, которая для привлечения лица к ответственности должна быть умышленной.

Основываясь на проведенном мной исследовании, можно сделать вывод о том, что внедрение инновационных технологий приводит к появлению новых способов финансирования терроризма. Материальное обеспечение терроризма является определяющим фактором развития террористической деятельности, а также ее эффективности, поэтому, я считаю, что это глобальная проблема, которая в УК РФ на данный момент не нашла своего достаточного отражения. Руководствуясь современными мировыми тенденциями и направлениями противодействия финансированию терроризма, определяемыми специальными Рекомендациями ФАТФ¹, актами, принятыми ООН и иными международными организациями, а также заинтересованностью органов государственной власти Российской Федерации, что подтверждается

---

¹ Специальные Рекомендации ФАТФ по предотвращению финансирования терроризма (октябрь 2004).

принятием нормативно-правовых актов и созданием различных систем пресечения материального обеспечения терроризма, необходимо, на мой взгляд, выделить финансирование терроризма в отдельный состав преступления с учетом установления уголовной ответственности в соответствии с уровнем общественной опасности его совершения.

Кириллов Н.М.,

*студент III курса ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия»*

Особенности квалификации нарушения авторских и смежных прав

Развитие информационных технологий, культуры и общества вынуждают нас по-новому взглянуть на аспекты защиты авторских и смежных прав, на вопросы разграничения преступления и гражданско-правового деликта. В настоящее время интеллектуальная собственность является одним из самых распространенных объектов авторских и смежных прав. Закрепленная в ст. 44 Конституции РФ гарантия защиты интеллектуальной собственности должна лаконично реализовываться в отраслевом законодательстве. Актуальность данной тематики не исчерпывается исключительно теоретическим и частноправовым аспектом защиты прав авторов и правообладателей. Устранение проблем с так называемым «пиратством» интеллектуальной собственности позволит не только обеспечить гарантированную Конституцией РФ защиту охраняемых авторским правом результатов интеллектуальной деятельности, но и позволит существенно повысить налоговые отчисления государству за легальное использование объектов интеллектуальных прав.

Защита авторских и смежных прав может происходить как в порядке, предусмотренном гражданским законодательством (часть 4 главы 69–71 ГК РФ), так и в порядке, предусмотренном статьей 146 УК РФ. Как отмечают большинство исследователей ключевое отличие заключается в размере причиненного ущерба¹. Для квалификации деяния по ст. 146 УК РФ необходимо установление наличия ущерба в крупном (превышающем сто тысяч рублей) или в особо крупном (превышающем один миллион рублей) размере.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака»: «Неза-

---

¹ *Кривин Д. В.* Особенности юридической ответственности за нарушение авторских и смежных прав // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2017. № 5 (68). С. 24.

конным по смыслу статьи 146 УК РФ следует считать умышленное использование объектов авторских и смежных прав, осуществляемое в нарушение положений действующего законодательства Российской Федерации»¹. Незаконное использование объектов авторских и смежных прав может выражаться в, совершаемых без согласия автора или иного правообладателя, действиях по воспроизведению, продаже, сдаче в прокат, публичному показу или публичному исполнению, обнаружению для всеобщего сведения, переводу, переработке объектов авторских и смежных прав, а также в иных действиях, совершенных без оформления в соответствии с законом договора либо лицензионного соглашения. В соответствии со ст. 1229 ГК РФ правообладатель по своему усмотрению может разрешать или запрещать использование интеллектуальной собственности. Отсутствие запрета не является согласием на использование результата интеллектуальной деятельности. Плагиадом в соответствии с указанным постановлением пленума ВС РФ признается — присвоения авторства путем объявления себя автором чужого произведения, выпуска чужого произведения (в полном объеме или частично) под своим именем, издания под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени².

Дела по ч. 1 ст. 146 УК РФ возбуждаются на основании заявления потерпевшего, по ч. 2 и 3 как на основании заявления потерпевшего, так и по инициативе правоохранительных органов (ст. 20 УПК РФ). В гражданском и арбитражном процессе соответственно защита происходит в порядке предусмотренном АПК РФ и ГПК РФ с обязательным соблюдением претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора (ч. 4 ст. 3 ГПК РФ; ст. 4 АПК РФ).

В случае отказа в возбуждении уголовного дела по ст. 146 УК РФ, у автора или иного правообладателя есть право обратиться за защитой в порядке арбитражного или гражданского судопроизводства. Общие положения по защите авторских и смежных прав закреплены в ст. 1250—1253 ГК РФ. В соответствии со ст. 1301 ГК РФ «В случаях нарушения исключительного права на произведение автор или иной правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации:

- 1) в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения;
- 2) в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения;

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // ВС РФ. 2007. № 7.

² Там же.

3) в двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который использовал нарушитель». Компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения (пункт 3 статьи 1252 ГК РФ). При этом правообладатель, обратившийся за защитой права, освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков (пункт 3 статьи 1252 ГК РФ).

Анализируя судебную практику, можно проследить определенную тенденцию в защите отдельных объектов авторских и смежных прав. Например, правообладатели зарегистрированных программ для ЭВМ, при незаконном использовании своих программных продуктов довольно часто обращаются сначала в правоохранительные органы для привлечения нарушителя к уголовной ответственности, а затем используя преюдицию вступившего в законную силу приговора суда по уголовному делу, уже взыскивают компенсацию (ст. 1252, ст. 1301 ГК РФ; ст. 69 АПК РФ; ст. 61 ГПК РФ).

Следует отметить, что в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака»: «Предусмотренные частями 2 и 3 статьи 146 УК РФ незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозку контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта следует считать оконченными преступлениями с момента совершения указанных действий в крупном (особо крупном) размере независимо от наступления преступных последствий в виде фактического причинения ущерба правообладателю»¹. Таким образом, состав преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ является формальным. Однако так было не всегда первоначально данный состав был материальным, но в связи с затруднительностью правоприменения, в части определения размера ущерба, Федеральным законом от 8 апреля 2003 г. № 45-ФЗ «О внесении изменения в статью 146 Уголовного кодекса Российской Федерации», состав с материального был сменен на формальный². Данные изменения способствовали усилению защищенности авторов и иных правообладателей.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // БВС РФ. 2007. № 7.

² *Титов С. Н.* Объективная сторона преступного использования результатов интеллектуальной деятельности // Законодательство. 2012. № 2. С. 79.

Таким образом, основным критерием при разграничении гражданско-правовой и уголовной ответственности является размер причиненного ущерба. В делах, где затруднительно привлечение нарушителя к гражданско-правовой ответственности (в связи с спецификой определенных объектов интеллектуальных прав) возможно обращение с заявлением в правоохранительные органы для привлечения виновного к уголовной ответственности. Отказ в возбуждении уголовного дела по статье 146 УК РФ не лишает автора или иного правообладателя права на взыскания убытков или компенсации в порядке арбитражного или гражданского судопроизводства.

Кладовикова М.А.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Тюменский
государственный университет»*

Анализ конституционности норм, предусматривающих ответственность за побои и истязания

Побои и истязания относятся к группе преступлений, посягающих на жизнь и здоровье человека. В Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Насильственные преступления посягают на такие ценности, провозглашенные Конституцией РФ, как право на свободу и личную неприкосновенность, право на охрану достоинства личности и другое. Под насильственными преступлениями понимается широкий круг общественно-опасных деяний, посягающий на жизнь и здоровье человека.

Данная тема является достаточно актуальной, поскольку посягательства на здоровье человека обладают повышенной общественной опасностью, так как причиняют ему физические страдания. Также необходимо отметить, что, к сожалению, лица, которым причиняются физические страдания, довольно редко обращаются за защитой к правоохранительным органам, поэтому данные преступления обладают повышенной латентностью. Побои являются делами частного обвинения, поэтому возбуждение уголовного дела возможно только по заявлению лица, которому причинен вред.

Согласно статистическим данным, размещенным на сайте Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации¹, за первые 6 месяцев 2020 г. было осуждено:

- 1) по статье 116 УК РФ 261 человек;
- 2) по статье 116¹ УК РФ 754 человека;
- 3) по части 1 статьи 117 УК РФ 427 человек;
- 4) по части 2 статьи 117 УК РФ 165 человек.

---

¹ Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/>

Приведенная статистика свидетельствует о том, что достаточное количество лиц совершает данные преступления. Следует отметить, что это лишь небольшая часть, поскольку абсолютно точно можно сказать, что по факту количество совершаемых преступлений гораздо больше, так как не все потерпевшие обращаются за защитой в правоохранительные органы.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой» статья 116¹ УК РФ была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации¹.

Статья 116¹ УК РФ предусматривает ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ (легкого вреда здоровью), и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

В данном случае законодатель предусматривает административную преюдицию, это означает, что лицо обязательно должно быть привлечено к административной ответственности, предусмотренной статьей 6.1.1 КоАП РФ за нанесение побоев при отсутствии признаков преступления.

Следует отметить, что лицо считается подверженным административному наказанию до истечения одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания. То есть если лицо повторно после привлечения к административной ответственности вновь совершит побои, и, если к этому моменту прошел год после исполнения административного наказания, мы вновь должны будем привлечь его к административной, а не к уголовной ответственности. В этом случае законодатель как бы игнорирует факт наличия у виновного судимости, хотя это, безусловно, является обстоятельством, повышающим общественную опасность.

Хотя в данном случае нужно говорить о повышенной общественной опасности, поскольку лицо после привлечения к административной ответственности продолжает осуществлять неправомерные действия, а именно наносить побои. Это означает, что привлечение лица к административной ответственности оказалось недостаточно эффективным, о чем свидетельствует повторное применение насилия. Также стоит отметить, что наказание, которому был подвергнут виновный, не выполнило своей функции, а именно не ис-

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой» // РГ. 2021. № 84.

правило виновного, а также не предупредило совершение им новых противоправных деяний.

Учитывая данные аргументы, КС РФ отметил, что статья 116¹ УК РФ не обеспечивает уголовно-правовую защиту в случае, когда побои нанесены лицом, имеющим судимость за предусмотренное в этой статье или аналогичное по объективным признакам преступление, ведет к неоправданным различиям между пострадавшими от противоправных посягательств, ставит лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию.

Поэтому необходимо законодательно отнести лиц, имеющих непогашенную или неснятую судимость за побои или иные аналогичные по объективным признакам преступления к субъектам преступления, предусмотренного ст. 116¹ УК РФ.

Если говорить об истязаниях, то они подразумевают под собой причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями одному и тому же лицу, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 УК РФ. Систематическое нанесение побоев означает их нанесение три и более раза. В данном случае побои и иные насильственные действия наносятся одному и тому же лицу, которое испытывает особые физические и психические страдания. И в этом случае независимо от того было ли виновное лицо подвергнуто административному наказанию или нет, оно сразу должно привлекаться к уголовной ответственности по ст. 117 УК РФ, поскольку оно умышленно причиняло потерпевшему особые страдания, что говорит о высокой общественной опасности.

Нигде не дается официального разъяснения в каких случаях подлежит применению ст. 117 УК РФ. Поэтому сложившаяся судебная практика исходит из того, что в систему не входят те случаи, за которые лицо привлекалось к административной или уголовной ответственности.

В целях реализации требований Постановления КС РФ я предлагаю внести в законодательство следующие изменения:

1. Статью 116¹ УК РФ изложить в следующей формулировке: нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ, если это деяние совершено неоднократно.

2. В примечании к ст. 116¹ УК РФ указать, что под совершением деяния неоднократно в настоящей статье понимается совершение деяния лицом, которое является подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, а равно лица, имеющие неснятую

или непогашенную судимость за преступления, предусмотренные ст. 116, 116¹ УК РФ, а также любые иные преступления, совершенные с применением насилия.

3. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ или в примечании к ст. 117 УК РФ необходимо дать разъяснение относительно того, что по ст. 117 УК РФ необходимо квалифицировать все случаи систематического нанесения побоев независимо от того привлекалось ли лицо ранее к административной ответственности, является ли административно наказанным за нанесение побоев либо лицо привлекалось к уголовной ответственности, имеет непогашенную или неснятую судимость за нанесение побоев.

Таким образом, систематичным будет признаваться нанесение трех и более побоев в период времени, когда лицо считается административно наказанным (в течении 1 года), когда лицо привлекалось к административной ответственности в течении 2 лет либо в течении 1 года после исполнения административного наказания, а также в течении срока непогашенной или неснятой судимости.

Думается, что внесение данных изменений позволит повысить эффективность уголовно правовой охраны здоровья граждан от нанесения побоев и совершения иных насильственных действий, вызывающих сильную физическую боль.

Колесова Ю.А., Тыщенко А.Б.,

*студенты III курса, ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»*

Введение в уголовный закон самостоятельного состава преступления, связанного с домашним насилием в отношении супруга(и)

В XXI в. семья остается таким же ключевым звеном в жизни человека, как и была на протяжении всей нашей многовековой истории. Несомненно, проблемы и разногласия в семье всегда были, но с эволюцией человечества люди постепенно ушли от архаичных устоев при разрешении конфликтных ситуаций. Сейчас важное место во взаимоотношениях супругов занимает обсуждение проблем и нахождения путей их решения. Некоторые семьи все еще прибегают к насилию как к способу разрешения спора, что заставляет задуматься о правовом урегулировании данного метода. Актуальность темы заключается в отсутствии детального уголовно-правового регулирования проблемы.

По данным на 2019 г., ежегодно от домашнего насилия со стороны мужей погибает около 14 тысяч жен. С наступлением карантина, вызванного пандемией, данная ситуация обострилась. По информации

РБК за весну 2020 г. число случаев домашнего насилия в РФ выросло на 15 процентов по сравнению с весной прошлого года¹. В то же время МВД сообщает, что число звонков в дежурную часть возросло на ¼. К тому же данная статистика не является точной, поскольку в России это преступление было декриминализовано еще в 2017 г. и из статьи 116² было убрано словосочетание «нанесение побоев или совершение иных насильственных действий... в отношении близких лиц» и исключено примечание, раскрывающее смысл понятия «близкие лица». Неточность статистики выражается еще и в том, что многие женщины не желают «выносить сор из избы» и молча терпят насилие³.

В настоящий момент, ответственность лиц, за такое деяние в большинстве случаев подпадает под ст. 112, 115, 116, 119, 105 УК или 6.1.1 КоАП, но ни в одной статье нет такого квалифицированного вида, как «совершенного в отношении супруга/супруги». К тому же статья 115–116 — дела частного обвинения, соответственно, потерпевшая может забрать заявления, подвергаясь давлению со стороны мужа или желанию сохранить брак любыми способами.

Ученые выделяют несколько подходов и аспектов к определению понятия «домашнее насилие»⁴. Так, одним из наиболее корректных, по нашему мнению, является — систематическое применение насилия между людьми, которые находятся в личных отношениях, в основе которого лежат власть и контроль. Насилие может выражаться не только в физическом воздействии на жертву, но и в психологическом, экономическом, сексуальном давлении.

Анализируя международное законодательство, можно выделить отдельный способ защиты жертвы, как охранный ордер. Суть данного метода состоит в том, что у потерпевшей есть документ, который запрещает приближаться обидчику под угрозой наложения штрафа или ареста за нарушение. Так, в США существует специальный закон, который предписывает медработникам сообщать о своих подозрениях о насилии в полицию или иные специальные ведомства. Но врачебная тайна идет в противоречие с данным законом.

В МВД зарегистрировано огромное количество таких дел. Так, одним из самых громких является дело «Володина против России»,

---

¹ Слободянюк М. В. Домашнее насилие: криминологическая характеристика // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/domashnee-nasilie-kriminologicheskaya-harakteristika> (дата обращения: 07.04.2021).

² Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ Муханова Е. Д. Насилие в семье: проблема социальная и правовая // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-v-semie-problema-sotsialnaya-i-pravovaya>

⁴ Кирюхин А. Б. К вопросу о терминологии насилия // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 4.

которое рассматривал ЕСПЧ¹. Женщина подвергалась неоднократно насилию со стороны мужа, но российские правоохранительные органы не смогли оказать должной защиты. Результатом стало признание 20 тысяч евро и признание нарушения ст. 3 и 14 Европейской конвенции о правах человека. Кроме этого, отсутствие должного урегулирования законодательства в этой области ведет к халатному поведению правоохранительных органов. Например, Яна Савчук, обратившаяся в полицию осенью 2016 г., с заявлением на сожителя Андрея Бочкова, получила отказ в принятии заявления, который выражался в ответе участкового: «Если вас убьют, обязательно выедем, труп отпишем, не переживайте». В тот же день жертва была избита до смерти.

В настоящее время в РФ нет ни одной нормы прямого действия, которая бы регулировала данную проблему. Существует лишь 2 акта, которые применяются в России, но они имеют декларативный характер: Всеобщая декларация прав человека² и Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин³.

Таким образом, существует ряд проблем и необходимо изменение и детальное урегулирование законодательства. Во-первых, введение самостоятельного состава в уголовный закон, а именно в главу 16 «преступления против жизни и здоровья» статьи 116² УК РФ — побои в отношении супруга (и), установление признаков жертвы и агрессора, четко сформулировать и дать легальное толкование понятию «домашнее насилие», которое можно изложить в примечании к статье УК РФ. В данной статье, субъект преступления будет специальным, а именно лицо, которое находится в браке с потерпевшим лицом. Во-вторых, необходимо заимствовать зарубежный опыт по введению защитных механизмов для пострадавших, первичной мерой может стать выдача ордера на запрет приближаться к жертве, в случае его нарушения уже необходимо применять уголовную норму. В-третьих, можно выбрать такой способ решения проблемы, как включение в отягчающие обстоятельства совершение насилия и иных насильственных действий в отношении супруга (и).

Подводя итог, можно сказать, что отсутствие нормативного регулирования «домашнего насилия» создает препятствия на пути к развитию правового государства. Эта проблема является глобальной, поэтому пробелы в законодательстве должны быть устранены

¹ Дело № 41261/17 «Володина против России».

² Всеобщая декларация прав человека: принята и провозглашена Генер. Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // РГ. 1998. 10 дек. С. 4.

³ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (заключена 18 декабря 1979 г.) (с изм. от 22 мая 1995 г.) // Из информационного банка «Международное право».

ны, а защита потерпевших- осуществляться более эффективно на государственном уровне.

Котова Е.В.,

*студентка II курса ФГБОУ ВО «Орловский
государственный университет
имени И.С. Тургенева»*

Проблемы применения норм, связанных с малозначительностью в уголовном праве России

Далеко не любую противоправную деятельность, имеющую определенное сходство с уголовным преступлением, обязательно квалифицируют, следуя положениям Уголовного кодекса РФ, поскольку существуют такие противоправные деяния, которые, несмотря на внешнее сходство с уголовным преступлением, не имеют среди своих признаков таких, которые характеризовали его как уголовное деяние. Так, если человеком была совершена кража чужого имущества, но объем украденного такой, что говорить о серьезном составе преступления не приходится, то данное лицо не может быть осуждено по ст. 158 Уголовного кодекса РФ, что возможно благодаря наличию в законодательных нормах РФ такого понятия, как малозначительность деяния, т.е. отсутствие у его какой-либо общественной опасности.

Несмотря на то, что малозначительность в уголовном праве в качестве отдельного института зародилась достаточно давно, стоит отметить тот факт, что, на фоне остальных источников права, нормы, связанные с малозначительностью, практически не развивались с течением времени, то есть ни формулировка, ни сущность данного понятия не менялись ни в юридической науке, ни в уголовном праве.

Малозначительность, как деяние, обладает следующими признаками (ч. 2 ст. 14 УК РФ):

- с формальной точки зрения деяние можно формально охарактеризовать как преступное;
- деяние не представляет собой общественную опасность;
- деяние имеет умышленный характер, носит в себе прямой конретизированный умысел, желание причинить незначительный вред.

Получается, с объективной стороны, малозначительное деяние подразумевает причинение мелкого вреда, с субъективной же стороны речь идет о наличии у лица умысла на причинение исключительно мелкого вреда.

Часть 2 ст. 14 Уголовного кодекса РФ содержит достаточно противоречивую формулировку малозначительности: деяние, казалось бы, обладает признаками состава преступления, но таковым не признается, а сам факт того, что малозначительное деяние есть деяние,

которое формально содержит признаки состава преступления, может окончательно запутать законодательную норму. При этом имеется оговорка, что для малозначительности свойственно отсутствие общественной опасности, которая характеризует деяние как преступное. Так, если хотя бы один признак, характеризующий состав преступления, отсутствует, то отсутствует и сам состав преступления, а значит деяние — не преступное, и нет оснований привлекать лицо к уголовной ответственности.

Поскольку правовая природа малозначительности изучена слабо, а законодательные нормы содержат в себе лишь косвенные упоминания в ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса РФ, правильным было бы проанализировать судебную практику Верховного суда РФ, связанную с данным вопросом.

Например, постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (ст. 253, 256 УК РФ)»¹ в п. 12 гласит, что в качестве оснований, позволяющих признать действия подсудимого малозначительными, выступает незначительный в количественном и стоимостном плане улов подсудимого, при этом не причинены никакие вредные и опасные последствия для окружающей среды. То есть, данное постановление несколько разъясняет, в каком случае преступления, предусмотренные ст. 253, 256 Уголовного кодекса РФ, можно признать незначительными.

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»² в п. 5 гласит, что данное деяние может считаться малозначительным, если в рамках необходимой обороны не был причинен вред здоровью, т.е. отсутствует общественная опасность, от этого постановление в большей степени рассматривает вопрос не с точки зрения малозначительности, а с точки зрения соблюдения условий, при которых необходимая оборона может считаться правомерной. С другой стороны, вопрос о том, каким образом обороняющееся лицо сможет определить степень значительности деяния, остается открытым, поскольку ответ на данный вопрос отсутствует.

Получается, основной проблемой применения малозначительности является его слабая представленность и разобранность в рос-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 (в ред. от 31 октября 2017 г.) «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ)» // БВС РФ. 2011. № 1.

² Мальцев В. В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Законность. 1999. № 1. С. 17–21.

сийском правовом поле. Так, помимо ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса РФ, данный термин больше не используется нигде, а потому и данное явление, как обособленный правовой институт, достаточно слабое.

Данная проблема периодически освещается в работах современных ученых-юристов (С. Базаровой¹, В. Н. Винокурова², В. В. Мальцева³, Н. Э. Мартыненко, В. Ф. Цепелева⁴ и др.).

Так, по мнению С. Базаровой, актуальность и необходимость исследования данного института высока, в настоящее же время, по причине того, что малозначительность не имеет толкования на законодательном уровне, то право применения данной нормы остается у правоприменителя. По мнению В. Ф. Цепелева и Н. Э. Мартыненко, современная наука по-разному понимает и трактует признаки малозначительности. Иными словами, в научной среде также существует неопределенность по данному вопросу.

Поскольку имеется проблема в теоретизации данного института, то отсюда вытекают и проблемы его применения на практике. При этом, наличие теоретической проблемы объясняется субъективным толкованием этого правового явления на практике. Более того, малозначительность как правовое явление в теории влияет также на смежные отрасли права, однако уголовный процесс вообще не имеет точек касания с понятием малозначительности. Так, если в процессе возбуждения уголовного дела выяснится, что деяние малозначительно, то возбуждения уголовного дела вообще не происходит, поскольку отсутствует состав преступления (ч. 1 ст. 148 УПК РФ); если же подобное выясняется в процессе разрешения уголовного дела, то его прекращают (ч. 1 ст. 212 УПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

То есть, уголовное дело на этапе досудебного разбирательства прекращается не по причине его «малозначительности», а по причине отсутствия состава преступления вообще, хотя подобное утверждение является не совсем корректным.

В рамках судебного разбирательства такая ситуация также возможна, если прокурор полностью или частично отказывается от государственного обвинения вследствие малозначительности деяния (ч. 7 ст. 246 УПК РФ), после чего уголовное дело полностью или частично прекращается, а лицо, которое необоснованно привлекли к уголовной ответственности, обладает правом на реабилитацию (ч. 2 ст. 212 УПК РФ). Но здесь следует понимать, что подобная ситуация, как

---

¹ Базарова С. Малозначительность деяния // Законность. 2019. № 1. С. 53–57.

² Винокуров В. Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 74–83.

³ Мальцев В. В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Законность. 1999. № 1. С. 17–21.

⁴ Цепелев В. Ф., Мартыненко Н. Э. Малозначительность деяния в судебной практике и интересы потерпевшего // Уголовное право. 2018. № 3. С. 71–74.

правило, свидетельствует о низком качестве работы органов предварительного расследования, которые нарушили права обвиняемого.

Примером может служить Определение Верховного суда РФ от 22 апреля 2015 г. № 51-УД15-1¹, которое гласит, что в рамках соответствующего уголовного дела принятие решения касаясь малозначительности деяния весьма затруднительно, а потому принятие этого решения перекладывается на правоприменителя и суд.

Учитывая существующую правовую действительность, можно выделить следующий перечень проблем практического применения малозначительности в уголовном праве:

- размытость и противоречивость формулировки ч. 2 ст. 14 УК РФ;
- отсутствие конкретных критериев и признаков малозначительности;
- отсутствие единого подхода к определению малозначительности;
- высокая степень субъективизма в вопросе определения малозначительности деяния.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что малозначительность является, по сути, не работающим на практике правовым механизмом, поскольку малозначительность как институт российского уголовного права вообще не развивался, в отличие от остального законодательства.

Таким образом, целесообразным было бы вообще исключить малозначительность из уголовного права, поскольку это практически никак не изменит существующее законодательство и не приведет к перестройке всей уголовной системы РФ. Подобный шаг был бы необходим и оправдан, поскольку настолько слабо развитый институт создает лишь проблемы его практического применения, разрешением которых законодательная власть заниматься не собирается, а потому можно говорить об утрате этим институтом самостоятельности в рамках российского уголовного права.

Кочеткова М.Е.,

*студентка II курса ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»*

Объективные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 150 Уголовного кодекса Российской Федерации

Статья 150 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) открывает главу преступлений против семьи и несовершенно-

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 22 апреля 2015 г. № 51-УД15-1 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=426290#05718832059136039> (дата обращения: 12.03.2021).

нолетних, которая, в свою очередь, является заключительной главой раздела преступлений против личности. Необходимо отметить, что непосредственным объектом состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие интересы нравственного и духовного формирования личности несовершеннолетнего, а в качестве дополнительного можно также выделить его телесную неприкосновенность и здоровье. Потерпевшим по данной статье выступает несовершеннолетнее лицо. В свою очередь, понятие несовершеннолетнего лица вытекает из ст. 21 ГК РФ, в которой дано понятие несовершеннолетия в качестве возраста, с которого гражданин способен в полном объеме своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Следовательно, несовершеннолетнее лицо — это лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет, при этом низшая возрастная планка не определена, то есть возраст исчисляется с момента рождения¹. Однако в науке существует и другая точка зрения, согласно которой минимальный предел установить нельзя, он подлежит определению в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела. Например, Б. А. Мкртычян отмечает, что в каждом конкретном случае необходимо рассматривать был ли способен несовершеннолетний понимать фактический характер происходящего². Но при этом, данная точка зрения критикуется некоторыми авторами, в частности, Е. П. Коровиным, который отмечает, что эта позиция видится не совсем оправданной, потому что остается не ясным, кто и каким образом будет устанавливать такую способность и как такая способность должна отражаться в сознании виновного лица³. Представляется, что установить данные факты, действительно, практически невозможно, либо это требует комплексной оценки с психологической точки зрения, что весьма затруднительно в каждом конкретном случае. Неспособность несовершеннолетним понимать фактический характер происходящего может быть очевидна лишь в случае вовлечения в преступление малолетнего лица в период его раннего детства. В этот временной промежуток ребенок объективно

¹ Сильченко А. В. Несовершеннолетний потерпевший от деяний, предусмотренных ст. 150 УК РФ и ст. 151 УК РФ // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 55.

² Мкртычян Б. А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 41.

³ Коровин Е. П. Признаки объекта и потерпевшего в составе преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ // Теория и практика общественного развития. 2006. № 1. С. 10.

не осознает характер совершаемых им действий в полной мере в силу возраста, и, соответственно, это никоим образом не отразится на его нравственном благополучии. Данный состав преступления не будет образовываться и в случае малозначительности причинения вреда объекту. Например, в том случае если два подростка (примерно одного возраста) росли вместе и совершали кражи. На момент совершения последней кражи первому из них исполнилось восемнадцать лет, а второму нет, в данном случае квалификация будет осуществляться только по ст. 158 УК РФ при условии применения ч. 2 ст. 14 УК РФ в отношении статьи 150.

Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, составляет, соответственно, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. ПП ВС РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» содержит определение этого понятия, согласно которому под вовлечением понимаются действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление¹. Предполагается, что данное понятие подлежит расширительному толкованию, то есть побудить несовершеннолетних к совершению противоправных деяний можно не только в качестве исполнителей, но и других соучастников преступления. Стоит также отметить, что вовлечение может быть как конкретизированным (то есть заключаться в склонении к участию в конкретном преступлении), так и не конкретизированным (то есть выражаться в пропаганде романтики преступного образа жизни), что, конечно же, является более трудно доказуемым.

Обязательным признаком рассматриваемого состава преступления считается также способ вовлечения. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в иной форме, например, путем разжигания чувства зависти, корысти, мести или иных низменных побуждений, навязывания идеологии и т. д. Таким образом, перечень способов вовлечения является открытым.

Следует заметить, что термин «вовлечение» можно понимать двояко: во-первых, как процесс по привлечению к участию в совершении преступления; во-вторых, как результат таких действий. В связи с этим мнения специалистов относительно конструкции со-

---

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (ред. от 29 ноября 2016 г.). Абз. 3 п. 42 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 02.05.2021).

става преступления разделились: одни считают состав преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, формальным, другие — материальным¹. ПП ВС РФ № 1 закрепляет, что преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ считается оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление. Из чего можно сделать вывод, что Верховный Суд трактует данный состав как материальный. В свою очередь, если последствия, предусмотренные диспозицией нормы, не наступили по не зависящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 УК РФ и по ст. 150 УК РФ.

Практика Верховного Суда РФ разъясняет, что вовлечение нескольких несовершеннолетних в совершение одного преступления не образует совокупности преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ². В свою очередь, вовлечение одного несовершеннолетнего в совершение нескольких преступлений квалифицируется как совокупность преступлений, предусмотренных данной статьей.

Указанное выше ПП ВС № 1 в абз. 5 п. 42 отмечает, что в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения. В свою очередь, в абз. 6 закрепляется, что действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления при наличии признаков состава указанного преступления должны квалифицироваться по ст. 150 УК РФ, а также по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в виде подстрекательства) в совершении конкретного преступления. Исходя из логики данных положений, вытекает, что виновный не должен привлекаться к ответственности по ст. 150 УК РФ в случае, если несовершеннолетний не может считаться совершившим преступление в силу возраста (так как отсутствует такой обязательный признак, как субъект). Однако, если рассмотреть иные постановления Пленума Верховного Суда (в частности, ПП ВС РФ № 29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»), то можно заметить, что они указывают на необходимость квалификации по совокупности в данном случае. П. 13 ПП ВС РФ № 29 закрепляет, что лицо, организовавшее преступление

¹ *Климанов А. М.* Актуальные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ // *Верховенство права и правовое государство*. Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2017. С. 97.

² Определение ВС РФ от 12 ноября 2004 г. № 24-о04-5 // *Официальный сайт Верховного Суда РФ*. URL: <http://www.supcourt.ru/> (дата обращения: 02.05.2021).

либо склонившее к совершению кражи, грабежа или разбоя заведомо не подлежащего уголовной ответственности участника преступления, в соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность как исполнитель содеянного. При наличии к тому оснований, предусмотренных законом, действия указанного лица должны дополнительно квалифицироваться по статье 150 УК РФ¹. Судебная практика в данном случае также гласит о необходимости квалификации по совокупности преступлений.

Крупнова Е.А.,

курсантка III курса ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в деятельности медицинских работников

Полезьа медицины бесценна, однако медицинские манипуляции и вмешательства могут сопровождаться рисками, опасными для жизни и здоровья человека, о чем свидетельствует как медицинская, так и юридическая практика. Вопрос о законности и обоснованности деятельности медицинских работников, возникает в случае наступления вреда здоровью человека или его смерти в связи с оказанием некачественной помощи².

Действующее уголовное законодательство нашей страны предусматривает ряд составов преступлений, связанных с ненадлежащим выполнением профессиональных обязанностей медицинского персонала. В рамках нашей статьи хотим обратить внимание на обстоятельства, исключающие преступность деяния, при оказании медицинской помощи, поскольку именно при их реализации возникают сложности в юридической оценке действий медработника.

Согласно части 1 ст. 14 УК РФ, обязательными признаками преступления являются: общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость.

Однако в некоторых случаях (гл. 8 УК РФ) при внешней схожести с преступлением, поведение человека исключает уголовную ответ-

---

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». П. 13 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 02.05.2021).

² Обстоятельства, исключающие преступность деяния в сфере профессиональной медицинской деятельности // Медицинское право. 2006. № 1. URL: <http://www.alppp.ru/law/osnovy-gosudarstvennogo-upravlenija/administrativnyepравonarushenija-i-administrativnaja-otvetstvennost/20/statja-obstojatelstva-isklyuchayuschie-prestupnost-dejanija-v-sfereprofessionalnoj-medic.html> (дата обращения: 22.04.2021).

ственность. Проблема обстоятельств, исключающих преступность деяния в сфере здравоохранения, состоит в том, что они не имеют четкой законодательной регламентации. В доктрине можно встретить упоминание о таких обстоятельствах как «медицинский риск», «крайняя необходимость», «согласие потерпевшего» и «общественно полезная профессиональная деятельность».

Крайняя необходимость играет важную роль в медицине, так как от действий медицинского персонала будет зависеть жизнь человека. Нередко врач действует в условиях крайней необходимости согласно ст. 39 УК РФ. Как известно, условия правомерности причинения вреда при крайней необходимости зависят от угрозы опасности и выбранных средств ее устранения. Угроза опасности должна быть наличной, которая выражается в причинении вреда, а также — неустранимой при помощи других средств. Следовательно, если говорить про источник опасности в медицинской сфере, то им может выступать травма или иное расстройство здоровья человека, требующие вмешательства врача, действия которого могут привести к неблагоприятным последствиям.

Также в медицинской практике встречается еще одно обстоятельство, исключающее преступность деяния, — обоснованный риск. Данное обстоятельство обусловлено тем, что для достижения общественно-полезной цели (спасения жизни, испытании эффективности нового лекарства или вакцины и т.п.) необходимо принимать нестандартные рискованные решения, которые не всегда могут привести к гарантированному благоприятному исходу.

Рисковое поведение человека может проявляться, как в быту, так и на работе. Риск — это своего рода выбор человека, деятельность которого направлена на получение определенного социального значимого результата для достижения полезной цели. Он наиболее свойственен отдельным профессиям, к которым можно отнести деятельность медперсонала. Неправильный вариант решения проблемы может привести к тяжелым последствиям для пациента.

Право на обоснованный риск для врача и медработника гарантировано уголовным законом. Согласно ст. 41 УК РФ преступлением не является причинение вреда интересам, цель которого направлена на достижение общественно полезной цели при соблюдении условия обоснованности риска. Как отмечает законодатель, — риск является обоснованным, если поставленная цель не могла быть достигнута с помощью осуществления определенных действий, сопряженных с опасностью для жизни и здоровья человека. Риск не обоснован, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни большого количества людей.

Безусловно, медицинские работники осознанно идут на риск для того, чтобы спасти людей, тем самым сохраняется вероятность

причинения вреда здоровью человека, но их экспериментальные новаторские действия являются вынужденными, так как без риска, используя имеющиеся средства и технологии, достичь полезной цели (например, попытаться вылечить новое заболевание) не представляется возможным. Действия, сопряженные с риском, должны быть направлены на достижение общественно полезной цели, а если опираться на медицинскую практику, то данные действия должны быть нацелены на сохранение жизни и здоровья человека, а также медработник обязан стремиться к минимальному причинению вреда здоровью.

В современном мире, каждый практикующий специалист, который оказывает медицинскую помощь, должен знать законодательство, в том числе и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан»¹, где указаны ключевые принципы оказания медицинской помощи без причинения какого-либо вреда здоровью человека или минимизируя его.

Так, например, не образует состава преступления поведение врача, действующего в следующей ситуации. В отделение приемного покоя одной из больниц скорой помощи города В., вбежал мужчина с ребенком на руках. Ребенок был синего цвета, без каких-либо признаков жизни. Дежурная бригада врачей, а именно один из хирургов взял со стола ручку, точнее корпус ручки и вонзил в горло ребенку, после чего ребенок задышал. Именно благодаря действиям хирурга удалось спасти ребенка². Затем ребенка прооперировали, но риск был в том, что вследствие проведения экстраординарной трахеотомии, ребенка возможно бы и не удалось спасти, что привело бы к летальному исходу. С нашей точки зрения, действия хирурга необходимо относить к обоснованному риску так, как перед ним стоял выбор, либо в экстремальных условиях рискнуть и оказать ребенку помощь недопустимым медицинским протоколом способом или соблюдать инструкции, однако, скорее всего, смерть тогда была бы неизбежна.

Таким образом, говоря об обоснованном риске как обстоятельстве, исключающим преступность деяния, стоит сказать о строгом соблюдении условий правомерности рискованных действий. При возникновении конкретной ситуации правоприменителю необхо-

---

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 22 декабря 2020 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2021 г.) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² *Сидакова И. А.* Крайняя необходимость и обоснованный риск, как основания освобождения от уголовной ответственности медицинских работников // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 17 мая 2018 г.). Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 170–172.

димо осуществлять детальный анализ всех обстоятельств, таких как цель медицинского вмешательства, характер действий врача, умения и навыки медицинского работника и др. Анализ всех условий правомерности причинения вреда позволяет сформулировать вывод об обоснованности риска или наоборот о неправомерности действия со стороны медицинского работника. Также стоит отметить, что обоснованность риска характеризуется отсутствием вины у лица, так как он не осознает общественной опасности своих действий, поскольку считает результат своей работы общественно полезным.

Таким образом уголовное законодательство охраняет гарантированные Конституцией России права на жизнь и здоровье человека, в том числе посредством регламентации условий правомерности при крайней необходимости и обоснованном риске со стороны лиц, оказывающих медицинскую помощь.

Крылов Д.А.,

*студент IV курса ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции»*

К вопросу криминализации stalking в Российской Федерации

Принятие нового Уголовного кодекса в 1996 г. ознаменовало новый этап развития отечественного уголовного права. Кодекс 1996-го основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах, и нормах международного права. Это во многом и определило его структуру и содержание. Как отмечал А. В. Наумов: «Кодекс отказался от приверженности в этом отношении старым отечественным традициям и перешел к новой иерархии ценностей, охраняемых уголовным законом: личность — общество — государство»¹. Первой задачей (согласно ч. 1 ст. 2 УК РФ) стала охрана прав и свобод человека и гражданина. Особенная часть Уголовного кодекса 1996 г. открывается с Раздела VII. Преступления против личности.

Современный уголовный закон имеет подробную регламентацию норм, посягающих на права и свободы человека, в этом составители УК упрекнуть нельзя. При этом стоит отметить, что все-таки в некоторых конкретных случаях отечественный УК отстает от уголовного законодательства зарубежных государств, корректнее будет даже сказать, что наш законодатель упускает некоторые общественно-опасные деяния, не называя их преступными.

---

¹ Наумов А. В. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть: историко-филологический и доктринальный (научный) комментарий. М.: Проспект, 2021. С. 32.

Об одном таком упущении и пойдет речь в настоящей работе. Законодательство зарубежных выделяет такое преступление как «преследование» или сталкинг (от англ. *stalking* — преследование, выслеживание). Законодатели Германии, Франции, Японии, Румынии, Великобритании, Канады и некоторых штатов США, криминализовали данное явление, а в некоторых странах, например, в Республике Молдова, сталкинг — административное правонарушение. Для того чтобы понять, что такое «сталкинг» или «преследование» с точки зрения уголовного права зарубежных государств, необходимо дать определение данному явлению. Согласно Толковому Словарию Ожегова слово «преследовать» может употребляться в смысле «Неотступно следовать за кем-нибудь»¹. К. А. Барышева дает такое определение этому термину: «Сталкинг — навязчивое проявление внимания к человеку, который этого внимания вовсе не хочет»². О. А. Рыжкова и Ю. С. Корнишина определяют «сталкинг» следующим образом: «Сталкинг — это поведение, характеризующееся постоянными и повторяющимися попытками вторжения в чужую жизнь, включая нежелательное общение, контакты, в том числе слежка, наблюдение»³. В КоАП Республики Молдовы содержится достаточно емкое и полное определение, характеризующее это явление: «Систематическое преследование лица, вызывающее тревогу, страх за личную безопасность или безопасность близких родственников, вынуждая изменить образ жизни, совершенное путем: а) выслеживания лица; б) установления контакта или попытки установления контакта с лицом при помощи любых средств или посредством другого лица».

Распространенность проблемы «преследований», если изучать ее через призму статистики, впечатляет. Согласно проведенному в 2017 г. в США исследованию, 41% американцев подвергались преследованию в интернете. А в Великобритании было установлено, что 76% женщин, которые были убиты своими партнерами подвергались преследованию⁴.

Общественная опасность такого деяния может выражаться в посягательстве на личный интерес человека, например, нарушение права на неприкосновенность частной жизни, сталкинг также способен

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1997. 944 с.

² Барышева К. А. Преследование как новый вид уголовно-наказуемого деяния // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 178–182.

³ Рыжова О. А., Корнишина Ю. С. Об ответственности за сталкинг в Российской Федерации и в зарубежных странах // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6. № 4(24). С. 49–55.

⁴ Duggan M. Online Harassment 2017 / Pew Research Center Internet and Technology // URL: www.pewinternet.org/2017/07/11/onlineharassment-2017/ (дата обращения: 01.05.2021).

нанести ущерб психологическому здоровью жертвы. Человек, который стал объектом слежки, испытывает постоянное эмоциональное напряжение, страх за свою жизнь и за жизнь и здоровье родных людей, так как они также часто становятся объектами преследования. В 2019-м, например, СМИ опубликовали новостной сюжет, согласно которому пожилая женщина и ее дочь оформили денежный займ, который, как сообщается они погасили, кредитор, в свою очередь указал, что займ погашен не был, после этого личные данные гражданина были переданы юридическому лицу, которое занимается возвратом задолженностей (в обиходе коллекторское агенство). Согласно СМИ, коллекторы стали писать сообщения и угрожать пожилой женщины, после очередной угрозы женщина была госпитализирована в больницу, где позднее скончалась. Такие ситуации возникают достаточно часто, на данный момент «недобросовестных коллекторов» можно привлечь к ответственности лишь по ст. 14.57 КоАП РФ. Но тут стоит отметить, что действия «недобросовестных коллекторов» лишь часть этого явления, в реальности проблема гораздо шире и заниматься stalkingом человек может не только ради взыскания задолженности. На данный момент в сети «Интернет» распространена следующая классификация stalkеров, которая была выделена Центром судебном психиатрии Американской психиатрической ассоциации: «отверженные» — преследуют бывших супругов, работодателей и т.д., «требующие близких отношений» — преследуют своих жертв, руководствуясь идеями «истинной», «вечной» любви, «несостоятельные» — группа, в целом, схожая с предыдущей, различие состоит в том, что «несостоятельные» пытаются «добиться» свою жертву с помощью навязчивых ухаживаний, «злопамятные» — группа, которой «движет» цель отомстить за какую-либо обиду, «хищники» — группа, считающаяся наиболее опасной, чаще всего у них сформирована цель причинить боль или удовлетворение своих сексуальных желаний¹. Справедливо отметить, что и приведенная типология не будет полной, к какой группе, например, отнести лиц, взыскивающих задолженность навязчивыми способами? Однако, подобная классификация позволяет посмотреть на проблему преследований с помощью психологии.

Объективная сторона такого деяния как «stalkинг» в этом смысле может выражаться только в действии лица: в звонках на личный номер жертвы, дарением подарков, отправкой сообщений, попыткой установить общение в соц. сетях. Конечно, такой разовый эпизод, как звонок человеку, который выступает решительно против общения не может признаваться «преследованием» или дарение, например, одного подарка. Действия стоит рассматривать если они имеют

---

¹ Mullen Paul E., Pathé Michele, Purcell Rosemary, Stuart Geoffrey W. A Study of Stalkers // American Journal of Psychiatry. Philadelphia, Pennsylvania: American Psychiatric Association. 1999. August.

систему, то есть их многократное осуществление, они должны быть связаны небольшим промежутком времени, хотя в данном смысле трудно говорить о каких-либо временных рамках, например, если жертве раз в год приходят сообщения на телефон или нежеланные подарки, тут тоже можно говорить о системе. Необходимо отметить, что поведение stalkера может быть и не связано с действиями жертвы (не обязательно, чтобы жертва оскорбила преследователя, отказала во взаимности и т.д.) В этом смысле, возможно, что жертва, просто «привлекает» преследователя внешним видом.

К сожалению, stalking, не является преступным в нашей и даже не признано правонарушением. Конечно, можно рассмотреть в качестве решения такой проблемы следующие составы преступлений, закрепленные в УК РФ: ст. 119, ст. 128¹, ст. 137, ст. 138, ст. 272, не могут полностью охватить объективную сторону stalking, следующие составы могут быть направлены на борьбу с его крайними проявлениями. На основе приведенных выше исследований, можно с уверенностью заявить, что stalking несет в себе общественную опасность и законодательство должно противодействовать ему. В отечественной юридической литературе можно обнаружить несколько проектов криминализации stalking, думается, они имеют определенную ценность для их изучения и дальнейшего рассмотрения законодателем.

Куряева А.А., Сушарина Т.О.,

*студентки IV курса ФГАОУ ВО «Южно-Уральский
государственный университет (национальный
исследовательский университет)»*

Проблемы охраны жилья осужденного во время отбывания наказания по уголовному делу

В данной статье исследуются проблемы охраны жилья осужденного во время отбывания наказания. В соответствии с действующим законодательством при наличии у осужденного имущества или жилища, остающихся без присмотра, суд выносит определение или постановление о принятии мер по их охране. В статье анализируются проблемы исполнения данного постановления Конституционного Суда РФ на практике, а также проблемы недостаточного внимания иному имуществу.

В соответствии с ч. 2 ст. 313 УПК РФ к вопросам, решаемым судом одновременно с постановлением приговора, относится и принятие мер по охране имущества или жилья осужденного, которые остались без присмотра, при их наличии.

В июле 2020 г. Конституционный Суд РФ признал данную норму неконституционной, так как она не предусматривает четкий перечень мер по охране данных объектов, не устанавливает субъектов,

на которых судом может быть возложена обязанность по принятию таких мер, и не определяет источники их финансирования.

Примером неоднозначных ситуаций, которые складываются из-за недочетов и пробелов в законодательстве, может послужить следующая ситуация: Постановлением Первомайского районного суда города Мурманска от 2 июля 2018 г. было удовлетворено ходатайство осужденного к лишению свободы гражданина С. о принятии мер по охране принадлежащего ему на праве собственности жилого помещения на период отбывания им наказания, обязанность по охране данного жилого помещения возложена на администрацию муниципального образования город Мурманск. На администрацию муниципального образования город Мурманск возложена обязанность по опечатаванию жилого помещения и его передаче под присмотр службы жилищно-коммунального хозяйства. В данном ходатайстве не содержалось указаний на то, какой службе жилищно-коммунального хозяйства должно быть передано под присмотр названное жилое помещение. В свою очередь, представитель управляющей компании отказался принять указанное помещение под присмотр. По мнению заявителя, часть вторая статьи 313 УПК Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 46 (часть 1) и 123 (часть 3), поскольку по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, в силу неопределенности своего нормативного содержания не позволяет определить, какой именно орган, предприятие или учреждение должен нести обязанность по охране жилого помещения, собственником которого является осужденный, на период отбывания им наказания, а также допускает возможность неоднозначного толкования понятия «меры по охране имущества» и, следовательно, их произвольного применения¹.

В соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой администрации муниципального образования город Мурманск» в статье 313 УПК РФ целесообразно внести следующие изменения и дополнения в статью:

1. В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством, а именно ч. 2 ст. 313 УПК РФ, суд принимает решение об охране жилого помещения осужденного, которое осталось без присмотра.

Данное решение принимается при следующих условиях:

1) если в данном жилом помещении не проживают члены семьи осужденного или иные лица, которые вправе проживать в нем

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой администрации муниципального образования город Мурманск».

2) если у осужденного нет возможности самостоятельно принять меры по охране своего жилого помещения. К данным мерам можно отнести:

а) у лица, которое осуждено, есть возможность вселить в свое жилое помещение родственником или иных лиц, в соответствии с гражданским законодательством;

б) у лица, которое осуждено, есть возможность сдавать жилое помещение на основании договора найма, договора безвозмездного пользования, юридическому лицу на основании договора аренды;

в) у лица, которое осуждено, имеется возможность передать свое жилое имущество в доверительное управление на определенный срок. Данное лицо, которому доверили жилое помещение, обязано осуществлять управление жилым помещением в интересах собственника, то есть осужденного.

2. В случае если осужденный самостоятельно не принял гражданско-правовые меры по охране своего жилого помещения, то суд возлагает их исполнение на определенный круг субъектов, так, в частности, органы внутренних будут отвечать за сохранность данного жилого помещения.

Примером может послужить Апелляционное определение Московского областного суда от 20 сентября 2012 г. по делу № 33-17223/2012, в соответствии с которым осужденный освобождается из мест лишения свободы, но не может вселиться в ранее занимаемую квартиру, так как жилое помещение приватизировано членами его семьи и продано третьим лицам. При оформлении договора приватизации права осужденного были нарушены действиями Новинского фонда и которая произвела государственную регистрацию только на имя его отца. Находясь в местах лишения свободы, осужденный имел право на оформление приватизации на спорную квартиру. Кроме того, у него отсутствует жилая площадь, принадлежащая ему на праве собственности.

3. Часть вторая статьи 313 УПК РФ не определяет источников осуществления финансирования мер, по охране остающегося без присмотра жилого помещения. Если данные меры будут возлагаться на органы государственной власти, то расходы, связанные с ними, будут осуществляться за счет бюджета РФ, а в остальных случаях за счет осужденного.

Одно из достоинств данного законопроекта заключается в том, что законодатель находит недостатки и пробелы в нормативно-правовых актах и устраняет их с целью исполнения конституционных прав граждан. Также реализация данных положений, предусмотренных законопроектом, не повлечет социально экономических, финансовых и иных последствий, в том числе для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, а также не повлияет на достижение целей государственных программ Российской Федерации, по мнению юрист АБ «ЗКС» Олег Вострякова.

Несмотря на ряд положительных изменений, юристы отмечают и ряд недостатков в анализируемом законопроекте, так:

1. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой администрации муниципального образования город Мурманск» речь идет только о жилых помещениях, о других видах собственности перечня мер по охране нет. Хотя в ч. 2 ст. 313 УПК РФ упоминается помимо жилых помещений другое имущество, которое так же осталось без присмотра. Действовать в отношении, например, движимого имущества по аналогии с жилыми помещениями не получится, так как остаются открытыми вопросы на кого, в каком порядке, за счет каких средств, на каких условиях возлагать обязанности по хранению данного имущества, можно ли оставить право пользования данным имуществом. Также необходимо уделить внимание другим видам собственности, например, интеллектуальному праву.

2. Помимо этого к недочетам в данном законопроекте можно отнести то, что перечень мер по охране имущества не является исчерпывающим. Также не является исчерпывающим перечень конкретных органов, на которые возлагается исполнение данных мер.

3. Следующий недочет заключается в том, что законопроект не определяет механизм доказывания отсутствия у осужденного возможности самостоятельно обеспечить сохранность имущества.

В связи с этим, считаем, что данный законопроект необходимо дополнить ведениями, позволяющими охватить защиту не только жилых помещений, но и другого вида имущества и собственности, а также интеллектуальное право. Также следует определить исчерпывающий перечень мер по охране имущества и жилых помещений и субъектов исполнения данных мер. Помимо этого необходимо определить четкий порядок доказывания отсутствия у осужденного возможности самостоятельно обеспечить сохранность имущества. Этот факт может подтвердить, например, отсутствие, как достаточного количества денег, так и близких родственников.

Куцык В.П.,

курсант 371-го взвода ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»

К вопросу о необходимости установления уголовной ответственности за преследование личности

Особым объектом уголовно-правовой охраны является личность, в связи с чем наблюдаются тенденции к совершенствованию норм, устанавливающих уголовную ответственность за различные виды

посягательств на данную категорию. Модернизируя отечественное уголовное законодательство в целях полного регулирования общественных отношений и достижения должного уровня защиты личности от преступных деяний, представители научного общества и законодатель все чаще сталкиваются с вопросом о необходимости введения уголовной ответственности за преследование личности или же «сталкинг». Рассмотрение такого явления в качестве самостоятельного состава преступления представляет особый интерес ввиду частой встречаемости, а также причинения вреда личности, что нарушает ее нормальное функционирование в обществе.

Преследование личности представляет собой активные действия лица, выражающиеся в навязчивом поведении и в проявлении внимания сомнительного характера, направленные на вторжение в чужую жизнь помимо воли преследуемого, которые имеют повторяющийся и постоянный характер. Такие деяния зачастую заключаются в осуществлении нежелательных контактов, общении, выслеживании, наблюдении и т. д., в результате чего у преследуемого лица присутствует чувство страха или боязни. Следует отметить, что в условиях научно-технического прогресса и цифровизации всех сфер общественных отношений от типичного преследования отъединяется киберсталкинг, который также нуждается в уголовно-правовой оценке.

Исследуя зарубежный опыт выделения преследования личности в самостоятельный состав преступления, следует выделить такие государства, как Германия, США, Великобритания, Польша и другие. Первым федеративным образованием, установившим уголовную ответственность за сталкинг является штат Калифорния, в уголовном законодательстве которого под данным деянием понимается «преднамеренное, злоумышленное и повторяющиеся преследование и домогательство до другого человека»¹. Также, следует отметить функционирование специализированных учреждений, в задачи которых входит принятие мер по оказанию помощи лицам, которые подвергаются преследованиям, например, в Великобритании «The Suzy Lamplugh Trust».

Основанием целесообразности установления в Российской Федерации уголовной ответственности за преследование личности является то, что при совершении таких деяний, нарушаются неотъемлемые и основополагающие права и свободы человека и гражданина, например, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, свободу и личную неприкосновенность и другие. Препятству-

---

¹ California Penal Code // California Legislative Information. URL: <https://leginfo.ca.gov/faces/codes/ГОСSelected.xhtml?tocCode=%20PEN&tocTitle=+Penal+Code++PEN> (дата обращения: 05.04.2021).

ющим признаком для формирования рассматриваемого деяния в качестве самостоятельного преступления является установление наличия или отсутствия признака общественной опасности. Признак общественной опасности вызывает бурные дискуссии в научном обществе, так как ряд исследователей, например, В. И. Смирнов, полагают, что данный признак характерен лишь для преступлений, а другие, например, В. В. Мальцева, полагают, что общественная опасность характерна для всех посягательств. Следует отметить, что преследование личности несомненно обладает рассматриваемым признаком, так как такое посягательство наносит вред не только фундаментальным правам и свободам человека и гражданина, но и психологическом, психическому и эмоциональному состоянию потерпевшего, в результате чего для лица характерно постоянное состояние стресса, чувства страха и боязни, опасения причинения вреда здоровью и жизни. Преследование личности зачастую предшествует совершению преступлений, посягающих на жизнь и здоровье, половую неприкосновенность и половую свободу, собственность и т.д. В целях недопущения причинения вреда указанным общественным отношениям, отличающимся повышенной степенью общественной опасности, разумно установить уголовную ответственность за деяния, являющиеся, в большинстве случаев, неким «шагом» к их совершению, но также причиняющим существенный вред.

В отечественном уголовном законодательстве закреплена уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, которая по мнению некоторых исследователей может применяться в отношении лиц, осуществляющих преследование лица. Однако, применение данной уголовно-правовой нормы в отношении лиц, совершающих преследование за личностью невозможно по ряду причин: во-первых, данная норма применима только в случаях осуществления таких угроз, а преследование может предшествовать таким действиям, однако, также причинять вред потерпевшему; во-вторых, при преследовании личности видовым объектом преступного посягательства являются общественные отношения, охраняющие конституционные права и свободы человека и гражданина, что является основным объектом для данного состава преступления; в-третьих, не всегда при преследовании выражается угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Деяния, заключающиеся в преследовании личности, также в большинстве случаев не могут быть квалифицированы как нарушение неприкосновенности частной жизни, по причине того, что субъект преступления при осуществлении преследования не всегда собирает и распространяет информацию о частной жизни потерпевшего.

Лица, которые осуществляют преследование, представляют опасность не только для потерпевшего, но и для общества, так как зача-

стую они обладают психическими расстройствами, которые могут являться признаком состояния невменяемости, состояния, не исключающего вменяемости или же просто представлять собой различные девиации психики, которые могут являться основанием для лечения лица. Так, психологи, психиатры и психотерапевты сходятся во мнении, что при осуществлении преследования субъект зачастую имеет ряд таких расстройств психики, как шизофрения, личностные расстройства психики группы В, эротомания, парафилия и т.д. Лица, не обладающие вышеуказанными отклонениями психики, представляют более опасную категорию, что обусловлено их осознанием своих действий.

Вследствие вышеизложенного, мы полагаем, что российское уголовное законодательство нуждается в закреплении уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность лица за совершение преследования. В связи с этим, мы полагаем включить в УК РФ статью 137¹ «Преследование личности» и изложить в диспозиции данной нормы следующее: «Преследование личности, заключающееся в систематическом предпринятии попыток установления контактов и связей, физической близости и совершение иных действий, наносящих существенный ущерб обычному образу жизни». Признаками, дифференцирующими уголовную ответственность, могут быть признаны такие, как осуществление преследования, сопряженного с насилием или угрозой его применения, группой лиц по предварительному сговору, лицом с использованием своего служебного положения.

Таким образом, существует необходимость в выделении преследования в самостоятельный состав преступления, что позволит расширить уголовно-правовые меры защиты личности, в связи с чем следует перенять положительный опыт зарубежных стран.

Лапшова Я.О.,

*студентка III курса ФГАОУ ВО «Самарский
национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»*

Разграничение преступлений террористической и экстремистской направленности в уголовном законе России

На сегодняшний день экстремизм и терроризм в различных формах проявления признаются одной из самых глобальных проблем, с которыми столкнулось человечество.

Террористические акты представляют собой угрозу, которая может нанести урон национальной безопасности, они часто сопро-

вождаются взятием заложников, похищением людей, различными видами взрывов, а также случаями угонов самолетов. Проблема противодействия террористической деятельности и экстремизму является наиболее значимой из массы иных противоправных деяний и требует основательного подхода для принятия решений и установления задач, которые позволят обеспечить безопасность на государственном уровне.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» закрепляет понятие экстремистской деятельности, которое включает в себя обширный перечень деяний, направленных против государственной власти.

Исходя из указанного закона, само понятие экстремистской деятельности считается более широким в отличие от террористической деятельности. В данном аспекте можно выделить, что террористическая деятельность является некой составной частью экстремистской деятельности, одним из видов его проявлений, направленной против общественной безопасности. Но, тем не менее, Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» выделяет террористическую организацию как, организацию, действия которой направлены на совершение преступлений экстремистской направленности, предусмотренных статьями 280, 281 и 282 УК РФ. Так, экстремистская деятельность может осуществляться в двух направлениях, первым выделяют осуществление хулиганских действий, реализация массовых беспорядков, а также совершение актов вандализма по идеологическим, политическим, расовым, национальным или религиозным мотивам; вторым признается насаждение в обществе экстремистских идей, зарождение расовых, национальных или религиозных волнений, а также финансирование и пропаганда экстремистской деятельности.

Наличие данных противоречий в нормативно-правовых актах, регулирующих борьбу с экстремистской и террористической деятельностью на современном этапе, не дает возможности осуществлять эффективно и в полной мере предупредительную деятельность.

Характер общественной опасности является разграничительным признаком преступлений, относящихся к террористическим, и преступлений, образующих экстремизм, так как у данных преступлений различные объекты посягательства.

Общественная безопасность служит родовым объектом в отношении преступлений, связанных с террористической деятельностью, а экстремистская деятельность охватывает общественные отношения в более широком спектре. Так, например, учитываются преступления против личности, общественной безопасности, а также преступления против государственной власти. Уголовное законода-

тельство разграничивает данные преступления, относя их к разным главам уголовного закона¹.

Помимо вышесказанного, террористическая и экстремистская деятельность отличаются друг от друга также характером общественной опасности, данное разграничение проявляется в различных мотивах и целях этих видов преступной деятельности. Экстремистской деятельности присущ характерный мотив — политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной конфронтации, что обусловлено враждой между какими-либо социальными группами. Что касается деятельности экстремистского характера, противоправность деяния закрепляется, как в уголовном законодательстве, так и в административном, о чем свидетельствует ст. 20.29 КоАП РФ «Производство и распространение экстремистских материалов». Помимо этого, УК РФ предусматривает отдельные виды преступлений, имеющих экстремистский характер независимо от наличия квалифицирующих признаков и отягчающих обстоятельств. Так, преступления экстремистской деятельности наказываются штрафами, обязательными работами и лишением свободы вплоть до двадцати лет, а также пожизненным лишением свободы.

Действия и преступления же, которые имеют террористический характер, регулируются только УК РФ. Ответственность за такие преступления влечет за собой наказания в виде лишения свободы на различные сроки, вплоть до двадцати лет, а также пожизненное лишение свободы. Известный криминолог Я. И. Гишинский выделяет основные признаки терроризма, как применение или угроза применения насилия и политическая мотивация². В данном случае политическая мотивация не имеет отличительный характер, который позволил бы отграничивать террористические преступления от преступления экстремистской направленности. По мнению Ю. И. Авдеева непосредственное принуждение и насилие является основными признаками терроризма, что, по его мнению, основополагающим разграничительным критерием. Так, под терроризмом, в одном из научных трудов Ю. И. Авдеева им понимается принуждение политического противника к совершению выгодных террористам действий³.

---

¹ *Затейщикова Е. Л.* О разграничении экстремистской и террористической деятельности. Преступления против общественной безопасности // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2019. Вып. 11. Т. 4 «Юриспруденция», часть 2. С. 47–50.

² *Гишинский Я. И.* «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркопизма, терроризма и иных девиаций // Труды СПб Юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2004. № 6. С. 69–77.

³ *Авдеев Ю. И., Арсеньев В. В., Найденов В. Н.* Экстремизм в современной России: истоки, содержание, типология (часть вторая) // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3. С. 77–91.

В настоящее время в уголовном законе России, политический мотив не является основным признаком ни преступлений, относящихся к экстремистской деятельности, ни преступных деяний террористической направленности.

Объединение этих двух преступлений как части и целого, по нашему мнению, неправомерно на основании того, что социальная цель, которая присуща лишь преступлениям террористической направленности, признается главным критерием разграничения преступлений террористической направленности и преступлений, связанных с экстремистской деятельностью, которые совершаются по мотиву политической ненависти и вражды. У преступлений, связанных с экстремистской деятельностью политический мотив не является конкретной целью, как при совершении террористического акта.

Полагаем, что на сегодняшний день, необходимо четко разграничить на законодательном уровне уголовно-правовые понятия экстремистской и террористической деятельности. Так, для совершенствования и структурного закрепления правовой базы противодействия экстремизму и предупреждения различных его проявлений, целесообразно дополнить Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» более развернутым перечнем характерных признаков преступлений, связанных с экстремистской направленностью.

Так, необходимо структурировать нормы законодательства таким образом, чтобы понятие «экстремизм» включало в себя определения, которые могли бы устанавливать уголовную ответственность за посяательства на соответствующие объекты, которым причиняется вред либо создается угроза причинения вреда при совершении противоправных деяний с мотивом присущем лишь для экстремистской деятельности.

Мишкина А.А.,

*студентка IV курса ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»*

Ограниченная защита прав на свободу совести и вероисповедания

В статье 28 Конституции РФ сказано, что «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Это право охраняется ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», но не в полной мере. Исходя из названия статьи, логично предположить, что она предполагает защиту не только права исповедовать любую религию, но и права не исповедовать никакую. Однако, это не так. Данная норма односторонне, можно сказать, односторонне осуществляет защиту права на свободу и вероисповедание.

В ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» закреплено, что «установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается».

Думается, что исходя из этого положения, норма ст. 148 УК РФ является дискриминирующей, поскольку она защищает права только «верующих» граждан.

В ч. 5 данной же статьи указано, что никто не обязан сообщать о своем отношении к религии и не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, в деятельности религиозных объединений, в обучении религии. Запрещается вовлечение малолетних в религиозные объединения, а также обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих¹.

Как раз таки именно у этого положения отсутствует правовая защита. Довольно часто лиц, которые не относят себя ни к какой религии, принуждают принять ту или иную веру; родители, вопреки воле своих детей, распространяют на них свои религиозные убеждения.

Представляется, что должна быть дополнительно принята ст. 148¹ УК РФ, в которой была бы отражена защита положения ч. 5 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Монахов Д.А.,

студент I курса магистратуры АНО ВО «Московский гуманитарный университет»

Актуальные проблемы уголовной ответственности за экстремизм в сети «Интернет»

Российская Федерация — демократическое, правовое государство, которое обладает определенным механизмом защиты госу-

---

¹ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс». Ст. 5.

дарственных устоев, принципов и законов. В целях защиты государственных основ, прав и свобод граждан, демократического строя в целом от действий, которые несут в себе опасность для указанных государственных институтов, законодатель предусмотрел уголовную ответственность в соответствии со ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), к которой привлекаются лица за «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года».

Указанная статья в последнее время приобрела большую «популярность», особенно с учетом развития технологий, увеличения значимости СМИ и сети «Интернет» в жизни граждан. Еженедельно мы наблюдаем в средствах массовой информации заголовки о том, что в очередной раз возбудили уголовное дело за «репост» контента, содержащего информацию экстремистского характера. Подобные ситуации требуют более тщательной проработки указанной статьи и выработки четкого плана действий, особенно, когда возбуждается уголовное дело по 282 ст. УК РФ, связанное с распространением такой информации с помощью сети «Интернет», поскольку технологии не всегда контролируются пользователями, и действие, не несущее в себе умысла, может считываться как уголовное преступление.

Актуальность данного исследования также продиктована слишком малой изученностью вопроса преступлений в сети «Интернет», квалифицирующихся по исследуемой статье, несмотря на то, что сама статья за экстремизм изучена давно и подробно.

Основным документом, кроме УК РФ, который дает подробные пояснения относительно рассматриваемой статьи, является Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее — Постановление). Указанный документ помогает более полно понять и определить состав преступления, связанного с экстремизмом в сети «Интернет».

В тексте Постановления говорится о том, что под распространением информации экстремистского характера в сети «Интернет» необходимо понимать такое распространение, в рамках которого лицо осознает экстремистскую направленность своих действий и имеет прямой умысел на разжигание вражды на почве национальных, ре-

лигиозных и др. взглядов. Причем особое внимание уделяется тому, что преступление, квалифицирующееся по исследуемой статье, может быть совершено только с прямым умыслом¹.

Пленум дает очень важное уточнение касательно умысла лица, чьи действия квалифицируются по 282 ст. УК РФ. Для определения прямого умысла есть целый комплекс обстоятельств, который должен учитываться судьей при вынесении приговора.

На практике указанные пояснения Пленума игнорируются и периодически мы слышим об абсурдных решениях за «репост». Так, спустя пару месяцев после публикации Постановления был условно осужден мужчина, который решил подшутить над своим товарищем, с которым они были в ссоре. Более того, конфликт между товарищами был улажен, но уголовное дело все-таки было заведено. Поводом послужил комментарий в сообществе «ВКонтакте», в котором осужденный оскорбил и пожелал смерти марксистам и антифашистам. В итоге суд приговорил мужчину к 2 годам условного лишения свободы².

Данный пример показывает чрезмерную осторожность судебной и правоохранительной системы, которая разрушающе влияет на жизни и судьбы людей.

Но есть и решения судей, которые указывают на то, что правоохранительная и судебная системы начинают придерживаться тех рекомендаций, которые им предписывает Постановление. Так Следственный комитет закрыл дело о привлечении к уголовной ответственности женщины, которая опубликовала ролики с частушками о судьях. Следственный комитет в итоге прекратил уголовное производство, поскольку в действиях подследственной не было обнаружено прямого умысла на разжигание ненависти к представителям судейского корпуса³.

По нашему мнению, существование решений, в которых явно не учитывается характер действий, умысел, может крайне негативно и губительно сказаться на многих людях, не сведущих в технологиях.

Особой сложностью, по нашему мнению, является непредсказуемость алгоритмов в сети «Интернет» и соотношения такой непредсказуемости с уголовным законом. Во «ВКонтакте» появилась

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 20 сентября 2018 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2021).

² Петербуржец получил 2 года условно за шуточный пост, которым он решил «потроллить» друга // URL: <https://www.newsru.com/crime/28dec2018/gyazantzev.html> (дата обращения: 24.04.2021).

³ СК закрыл дело обвиняемой в экстремизме из-за частушек про судей // URL: <https://www.rbc.ru/society/07/10/2018/5bb9e3219a794746d4342cab> (дата обращения: 24.04.2021).

функция, в соответствии с которой запись, которую оценил или прокомментировал человек, видят люди, которые находятся «в друзьях» у оценившего. То есть лицо, оценившее какую-либо запись, не имеет умысла на распространение такой информации, поскольку отсутствуют даже прямые действия по распространению. Алгоритм социальных сетей решает это за пользователя. Возникает вопрос, каким образом должно квалифицироваться указанное действие.

Также в Постановлении указано, что лицо должно иметь прямой умысел и осознавать характер своих действий при совершении преступлений экстремистского характера. По нашему мнению, необходимо учитывать, являлись ли действия лица выражением своей точки зрения, или такие действия являются способом для разжигания межгрупповой ненависти.

Поэтому считаем, что необходимо внести изменения в законодательство, уточнив конкретные действия в сети «Интернет», относящиеся к экстремистским в рамках исследуемой статьи, учитывая работу алгоритмов в сети «Интернет». Также необходимо закрепить в УК РФ тот факт, что выражение своей точки зрения и критика не могут быть квалифицированы как экстремизм.

Мурадян А.А.,

*студент III курса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»*

Незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры: некоторые проблемы уголовной ответственности

Актуальность данной темы заключается в том, что за последние несколько лет на территории Российской Федерации остается весьма высоким уровень незаконного оборота и потребления наркотических средств. В свою очередь, это ведет к разрушению государственной политики, направленной на обеспечение здорового образа жизни населения.

По статистическим данным Международного комитета по контролю наркотиков, в Российской Федерации насчитывается более 6 млн человек, которые употребляют наркотические средства и психотропные вещества. Наша страна занимает третье место в мире по числу людей, употребляющих наркотические и психотропные вещества, уступая лишь Ирану и Афганистану¹.

---

¹ См.: Статистика наркомании в России 2021 // URL: <https://narcorehab.com/articles/statistika-narkomanii-v-rossii-2020-2021/> (дата обращения: 01.02.2021).

Среди уголовно наказуемых деяний, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения, особое место занимает незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. Ответственность за указанное деяние установлена в статье 231 УК РФ. В 2019 г. по ч. 1 и по ч. 2 ст. 231 УК РФ в совокупности были осуждены 488 человек¹. Официальная же статистика свидетельствует о снижении количества осужденных за преступление, предусмотренное ст. 231 УК РФ, к 2019 г., по сравнению с 2017 г.² Так, в 2016 г. по ст. 231 УК РФ на территории Российской Федерации осуждено 538 человек, в 2017—655, в 2018—574, а в 2019—488 человек³.

Объективной стороной является незаконное культивирование растений, содержащих наркотические вещества.

В правоприменительной практике существуют проблемы определения признаков объективной стороны преступления. Проблемы связаны с многочисленными вопросами к такому элементу объективной стороны, как деяние — «культивирование».

«Под культивированием наркосодержащих растений понимается деятельность, связанная с созданием специальных условий для посева и выращивания наркосодержащих растений, а также их посев и выращивание, совершенствование технологии выращивания, выведение новых сортов, повышение урожайности и устойчивости к неблагоприятным метеорологическим условиям»⁴ — такие разъяснения даны Пленумом Верховного суда РФ 2006 г. (п. 29). В доктрине же определение культивирования, данное Постановлением Пленума Верховного суда, критикуется. Так, например, определение не дает ответа на вопрос, как квалифицировать охрану посевов. Можно считать ее «созданием специальных условий»? Или создание специальных условий следует понимать более узко и отнести к нему конкретные действия, направленные на поддержание благоприятного температурного режима, уровня влажности и т. п.?

В некоторых регионах, в частности, в Астраханской области есть благоприятные климатические условия, которые помогают хорошему произрастанию наркосодержащих растений, к примеру, конопли,

---

¹ См.: Судебная статистика РФ // URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 21.02.2021).

² Там же.

³ См.: Судебная практика по данным по назначению наказаний по ст. 231 УК РФ // URL: <http://stat.api-пресс.рф> (дата обращения: 01.12.2020).

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2021).

из которой в последующем изготавливают марихуану¹. Ввиду специфических условий в регионе, таких, как раннее продолжительное лето, наличие большого количества водоемов и т.д., произрастание наркотических растений протекает естественным путем (например, произрастание дикорастущей конопли очаговым способом на всей территории Астраханской области)². С целью устранения дальнейшего изготовления из нее таких растений, как «марихуана», «гашиш», правоохранительными органами совместно с общественностью проводятся рейды по их ликвидации путем перекопки участков, на территории которых она произрастает, или скопом растений с последующим сожжением. Так, в рамках 4-этапной межведомственной оперативно-профилактической операции «Мак», в Астраханской области было обнаружено 48 очагов произрастания дикорастущей конопли в 2013 г. (годом ранее было обнаружено 36 очагов); в 2018 г. выявлено уже 10 000 кустов, в 2019 — 101 очаг, и выяснить тяжело: дикорастущих растений ли стало больше или поисковые отряды увеличились. Уничтожено дикорастущей конопли в 2019 г. на общей площади 452,1 га³. Несмотря на крайне высокие цифры, по результатам операции не было возбуждено уголовных дел.

Таким образом, в некоторых субъектах Российской Федерации выявляется произрастание наркосодержащих растений без посева и выращивания. Лица ввиду климатических условий могут и не совершать посев наркосодержащих растений, однако они осознают, что осуществляют действия по прополке почвы, окучиванию грядок, рыхлению почвы, осуществлению поливов наркосодержащих растений. В постановлении Пленума от 15 июня 2006 г. не раскрывается смысл понятий «технологии выращивания», «повышение урожайности и устойчивости к неблагоприятным метеорологическим условиям», через которые Постановление Пленума объясняет культивирование.

Поэтому на практике вопросы о квалификации действий как культивирования решаются неоднозначно. Например, в апреле 2008 г. Шигонским районным судом Самарской области Аллянова З. П. признана виновной по п. «в» ч. 2 ст. 231 УК РФ. Вселившись в новый дом, она заметила произрастание дикорастущих растений, посаженных до нее. Данные цветы она поливала, полола с целью простого ухода, но не осознавала, что они являются наркосодержащими⁴.

---

¹ См.: В Астраханской области подведены итоги предварительного этапа операции «Мак-2019» // URL: <https://30.мвд.рф> (дата обращения: 01.12.2020).

² См.: Там же.

³ См.: В Астраханской области подведены итоги предварительного этапа операции «Мак-2019» // URL: <https://30.мвд.рф/news/item/17297473> (дата обращения: 01.02.2021).

⁴ См.: Приговор от 17 апреля 2008 г. по делу 1-48 Аллянова З. П. // URL: <http://shigonsky.sam.sudrf.ru> (дата обращения: 08.12.2020).

Преступление имеет формальный состав. Крупный или особо крупный размер в данном случае характеризуют предмет совершения преступления. В примечании к ст. 231 УК РФ указывается, что Правительство РФ утверждает определение крупного и особого крупного размера культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры¹. Сейчас действует постановление Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 934 (в ред. от 29 июля 2020 г.).

Таким образом, существует проблема определения количества наркосодержащих выращенных растений, и зачастую дела, квалифицируемые по ст. 231 УК РФ, прекращаются, поскольку при подсчете количества растений экспертами допускаются ошибки, а ошибка в одном растении может влиять на привлечение лица к уголовной ответственности.

Считаю целесообразным убрать фразу «крупный размер» из диспозиции ч. 1 ст. 231 УК РФ и признавать преступным непосредственно сам факт наличия хотя бы одного такого растения. Таким образом, диспозиция ч. 1 ст. 231 УК РФ примет следующий вид: «Незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные веществ либо их прекурсоры, —...». Значительное расширение сферы преступного будет оправдано тем, что государственная политика в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков и наркоманией направлена на увеличение мер ответственности, на появлении новых форм и способов борьбы государства против наркомании и незаконного оборота наркотиков (о чем, например, писали З. Л. Шагапсоев и А. Ю. Тутуков)².

С субъективной стороны преступление совершается с прямым умыслом. На практике возникает немало проблем с определением наличия прямого умысла на культивирование наркосодержащих растений. Каких-либо рекомендаций по особенностям определения наличия субъективной стороны данного преступления не имеется, хотя это способствовало бы справедливому и законному рассмотрению и разрешению дел.

Таким образом, проблемы в толковании нормы ст. 231 УК, проблемы по определению субъективной и объективной сторон преступления являются губительными, и часты случаи оправдательных приговоров в связи с отсутствием состава преступления, но и имеются обвинительные приговоры, к которым имеется много вопро-

¹ См.: Комментарий к ст. 231 УК РФ // URL: <http://stykrf.ru/231> (дата обращения: 08.12.2020).

² См.: *Шагапсоев З. Л., Тутуков А. Ю.* Перспективы развития государственной политики в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков, направления по ее совершенствованию // *Вестник университета.* 2016. № 2. С. 34.

сов. В связи с этим предлагается внести изменения в Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2006 г., а именно раскрыть такие понятия, как «технологии выращивания», «повышение урожайности и устойчивости к неблагоприятным метеорологическим условиям», а также изменить понятие культивирования, дать ответ на вопросы, будет ли охрана наркосодержащих растений квалифицироваться как культивирование. Так же справедливым можно считать предложение закрепить в примечании к статье 231 УК РФ определение понятия культивирования.

Муслимов М.М.,

*курсант III курса ФГКОУ ВО «Ростовский
юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации»*

Уголовно-правовое значение деструктивной молодежной субкультуры «АУЕ»

Уголовная романтика в среде молодежи появляется в кризисные или переходные периоды. Принадлежность к той или иной субкультуре зачастую сопровождается противостоянием традиционной, принятой в обществе, культурой. Именно молодое поколение подвержено воздействию со стороны пропагандистов данной идеологии. Переоценка ценностей, идеологическая пустота, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, конфликты со старшим поколением и родителями подталкивают подростков искать единомышленников там, где отсутствуют социальные требования к своей жизни, к окружающим. Но по всем законам природы общества, которые формировались на протяжении многих веков, ни в одном в человеческом социуме жить в нем и быть свободным одновременно нельзя.

Аббревиатуру «АУЕ» можно встретить на стенах зданий, часто даже школ. Под этой аббревиатурой понимается криминальное молодежное движение, несущее непосредственную угрозу безопасности и стабильности общества. «АУЕ» имеет несколько расшифровок — «Арестантское уркаганское единство» и «Арестантский уклад един». Оно содержит название и девиз данного криминального движения. Его можно охарактеризовать как молодежное неформальное движение, участники которого придерживаются воровских понятий¹.

Впервые о нем заговорили на федеральном уровне несколько лет назад, когда банда подростков АУЕ атаковала полицейский участок в Забайкалье. То, что это случилось городе Хилок, никого не удивило.

---

¹ Шиханов В. Н. Криминализация АУЕ: подводные камни реализации политико-правового решения // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1 (92). С. 68–70.

ло, так как в Забайкалье самый высокий уровень детской преступности в России. На данный момент наибольшее скопление «хранителей» нового культа находится в Сибири, однако в век глобализации и Интернета становится понятно, что данная проблема касается всех регионов нашей страны, и нет гарантии, что через год на улице нашего региона группа подростков не крикнет вслед патрульной машины ППСП эти три буквы.

Безусловно, это неформальное движение культивировалось на протяжении десяти лет, но до недавнего времени носило локальный характер. Свое наибольшее отражение оно получило в 2016 г. Тогда в социальной сети «Вконтакте» начали создаваться группы, продвигающие и пропагандирующие идеологию воровского мира. Администраторы данных сообществ посвящали свои посты правильной жизни «Саши Белого» и фотографиям, которые показывают как всю роскошь жизни. Все это, несомненно, влияет на широкую аудиторию, так как ее в основном составляют подростки возраста 13–17 лет. Дети в этом возрасте, если их не направлять в нужное русло, начинают впитывать все, что им преподносят. Поэтому пропагандистам несложно влияет на молодежь.

По сведениям правоохранительных органов, лидеры «АУЕ» в некоторых местных школах, не стесняясь, собирают ежемесячные подати со своих одноклассников и других учеников. На их языке это называется «греф на зону» — деньги переводятся криминальным авторитетам, отбывающим наказания в тюрьмах. Члены «АУЕ» мыслят так: деньги, которые мы собираем, работают на будущее: сейчас мы финансово обеспечиваем «зэков», а впоследствии уже новое поколение АУЕ будет снабжать нас деньгами, если мы окажемся в тюрьме. Вся эта тюремная романтика и ощущение безнаказанности, воодушевляет подростков и толкает на вступление в ряды движения.

Но, однако, ключевым признаком идеологии является негативное отношение к правоохранительным органам, закону и государству. Неосмысленное отрицание общепринятых в обществе ценностей, по мнению носителей культа, индивидуализирует их, делает не такими как все. Подростки в этом возрасте стараются выделиться из толпы, ввиду того, что большинство членов «АУЕ» из достаточно бедных семей, а способов это сделать мало. Немаловажную роль играет юридическая безграмотность их родителей, ведь многие не знают толкование и значение права, наивно полагая, что правомерные действия и требования представителей власти, а в частности, правоохранительных органов, незаконные¹.

---

¹ *Меняло Д.В., Иванова Ю.А., Меняло Л.Н.* АУЕ — криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 107–110.

Исходя из всего выше сказанного, можно выделить главную суть движения — под предлогом тюремной романтики объединить молодежь на антисоциальных и антигосударственных принципах, завербовать и подготовить новое поколение, чтобы обеспечить базу криминалитета в будущем.

Исследователи не без оснований считают, что данное антиобщественное движение не может существовать на самоорганизации. За той стороной, которая предназначена для массового, широкого потребления, скрыто грамотное и организационной и психологической точки зрения управление. Рассматривая проблему более широко, то можно сказать, что она ставит вопрос угрозы национальной безопасности¹.

До недавнего времени сторонников движения АУЕ не могли привлечь к ответственности по конкретной статье. Чаще их привлекали к административным видам наказания, но не за принадлежность, распространение и пропаганду этой криминальной субкультуры. Иногда причиной не привлечения за совершения преступления, являлся возраст членов движения. Судебная практика показывает, что обычно сотрудники полиции привлекали по статье 20.1. КоАП РФ — мелкое хулиганство, или при нанесении телесного вреда по статье 6.1.1 КоАП РФ — побои.

Недавно произошло расширение антиэкстремистского законодательства. 17 августа 2020 г., Верховный Суд России постановил признать экстремистским криминальное движение АУЕ («Арестантское уголовное единство»). С иском в суд обратился лично генеральный прокурор Игорь Краснов².

Очевидным и единым остается один факт — деятельность субкультуры «АУЕ» предоставляет реальную угрозу обществу и государству в целом, приводя к дезорганизации общественных отношений. Воздействие на молодежь является ключевым моментом. Следовательно, перед государством появляется новая задача — принятие мер по противодействию деятельности данной субкультуры. Поэтому ужесточение закона может поспособствовать осознанию всей серьезности совершаемых действий. Статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, предусматривающие ответственность за преступления экстремистской направленности, предусматривает достаточно суровые виды наказаний и большие сроки лишения свободы.

---

¹ Меркурьев В. В., Аганов П. В., Стешич Е. С., Смылова В. Н. Прокурорский надзор в сфере противодействия проявлениям экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения: вопросы теории и практики (часть 1) // Юристы-Правоведь. 2021. № 1 (96). С. 57–62.

² Бочкарева Е. В. Распространение криминальной антикультуры в молодежной среде // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 144–150.

Полагаем, целесообразно рассмотреть вопрос об уголовной ответственности за создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права гражданина. «АУЕ» по нашему мнению является именно такой организацией (существование в ней определенной структуры, иерархично расположенного руководства, финансирование).

Мустафина Ю.Ф.,

*студентка IV курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Преступления против информационной безопасности

Информация в современном мире стала неотъемлемой частью нашей жизни, ежедневно происходит разработка и усовершенствование новых источников получения информации¹.

Создание правового аппарата, который смог бы обеспечить должное функционирование механизма защиты представляет собой сложную задачу. В быстро меняющемся мире законодатель не успевает за темпами развития общества.

Наиболее актуальной правовой проблемой является установление правовых оснований контроля над доступом к данным в системы. Компьютерная преступность является международным понятием. С появлением и развитием новейших технологий в жизни человека, молниеносным и доступным обменом информацией, а также пандемия COVID-19 способствовали росту статистики преступлений в информационной сфере. Данное явление несет риск к нанесению колоссального ущерба экономике страны.

Компьютерные преступления² целесообразно разделить на две основные категории — преступления, связанные с вмешательством в работу компьютеров, и преступления, использующие компьютеры как необходимые технические средства. Проблемы информационной безопасности постоянно ухудшаются процессами проникновения во все сферы деятельности общества технических средств обработки и передачи данных и прежде всего вычислительных систем. Использование компьютеров и автоматизированных технологий приводит к появлению ряда проблем для руководителей организаций³. Компьютерные системы име-

---

¹ Закон РФ от 20 февраля 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации».

² Карелина М. М. Преступления в сфере компьютерной информации. М., 1998.

³ Крылов В. В. Информационные компьютерные преступления. М., 1997.

ют доступ к обширному количеству различных данных. Общество обеспокоено безопасностью информации и существованием рисков, связанных с автоматизацией и предоставлением доступа к конфиденциальным, персональным данным. Операции с вычислительной техникой выполняются не специально подготовленным техническим персоналом, а штатными сотрудниками, что свидетельствует о неосведомленности своей ответственности за защиту информации.

В законодательстве России в последние годы появилось колоссальное количество законов и актов, регулирующих вопросы информации и информатизации.

С 1 января 1997 г. вводится в действие новый Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), принятый Государственной думой 24 мая 1996 г. Впервые в российском уголовном законодательстве введено понятие «компьютерные преступления». Компьютерным преступлениям посвящена глава 28 УК РФ, которая называется «Преступления в сфере компьютерной информации». Преступными считаются такие действия, как неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ, нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. При этом неправомерный доступ к компьютерной информации квалифицируется как преступление при следующих условиях: если компьютерная информация охраняется законом, то есть представлена на машинном носителе, в ЭВМ или их сети; если неправомерный доступ к компьютерной информации повлек уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 272 УК РФ).

Эти действия наказываются штрафом, либо исправительными работами, либо лишением свободы на срок до двух лет.

Те же действия, совершенные с использованием служебного положения, влекут за собой наказание в более крупном размере (ст. 272 ч. 2 УК РФ). Эта норма означает, что посторонние хакеры несут меньшую уголовную ответственность, чем сотрудники фирмы или лица, допущенные к компьютерной информации фирмы на основании договора.

Новый УК РФ вводит в оборот новое понятие: «вредоносные программы».

Под вредоносными программами для ЭВМ понимаются программы, заведомо приводящие к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, а также приводящие к нарушению работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 273 УК РФ).

Уголовному наказанию подлежат действия, связанные не только с созданием вредоносных программ, но и с изменением уже существующих программ во вредоносные (имеется в виду заражение вирусом), а также использование и распространение этих вредоносных программ или их машинных носителей.

В зависимости от тяжести последствий такие преступления наказываются лишением свободы на срок до трех лет либо до семи лет (ст. 273 ч. 1 и ч. 2 УК РФ). К разряду преступлений отнесено также нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, повлекшее уничтожение, блокирование или модификацию компьютерной информации в случае, если причинен существенный вред или, по неосторожности, тяжкие последствия (ст. 274 УК РФ).

В настоящее время все меры противодействия компьютерным преступлениям можно подразделить на технические, организационные и правовые.

К техническим мерам можно отнести защиту от несанкционированного доступа к компьютерной системе, резервирование важных компьютерных систем, принятие конструктивных мер защиты от хищений и диверсий, обеспечение резервным электропитанием, разработку и реализацию специальных программных и аппаратных комплексов безопасности и многое другое.

К организационным мерам относятся охрана компьютерных систем, подбор персонала, исключение случаев ведения особо важных работ только одним человеком, наличие плана восстановления работоспособности центра после выхода его из строя, организацию обслуживания вычислительного центра посторонней организацией или лицами, незаинтересованными в сокрытии фактов нарушения работы центра, универсальность средств защиты от всех пользователей (включая высшее руководство), возложение ответственности на лиц, которые должны обеспечить безопасность центра, выбор места расположения центра и т. п. В мире и нашей стране техническим и организационным вопросам посвящено большое количество научных исследований и технических изысканий.

К правовым мерам следует отнести разработку норм, устанавливающих ответственность за компьютерные преступления, защиту авторских прав программистов, совершенствование уголовного и гражданского законодательства, а также судопроизводства. К правовым мерам относятся также вопросы общественного контроля за разработчиками компьютерных систем и принятие соответствующих международных актов»

Предусмотренные составы компьютерных преступлений не охватывают полностью всех видов совершения компьютерных посягательств.

Назарова О.М.,

*студентка IV курса ГБОУ ВО Московской области
«Университет “Дубна”»*

Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации

Преступления в сфере компьютерной информации выделяются в особый вид правонарушений в связи с тем, что в современных условиях развития обладают повышенной общественной опасностью. Критерием выделения данного вида преступлений в особую главу УК РФ выступает в данном случае предмет посягательства — компьютерная информация, который и обуславливает особенности объекта уголовно правовой охраны.

В настоящее время киберпреступность представляет собой проблему мирового масштаба.

В рекомендациях экспертов ООН под термином «киберпреступность» подразумевается абсолютно любое преступление, совершающееся с помощью компьютерной сети или систем¹. Таким образом, любое преступление, которые могло быть совершено в электронной среде, может быть отнесено к киберпреступности.

Киберпреступление — это противозаконное вмешательство в работу компьютеров, сетей, компьютерных программ, а также иные противоправные и общественно опасные действия, которые совершаются с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей и программ².

Сегодня вредоносные программы пишутся с целью незаконно получения не только денег, но и ценной информации, а также с целью дезорганизации нормального функционирования различных учреждений и организаций. Развитие интернета стало одним из ключевых факторов, определивших эти перемены. Компании и отдельные пользователи уже совсем не мыслят без него свою жизнь, и все больше и больше финансовых операций проводится через интернет. Киберпреступники поняли, какие огромные возможности для «зарабатывания» денег с помощью вредоносного кода появились в последнее время, и многие из вредоносных программ, которые существуют сейчас, написаны по заказу или с целью последующей продажи другим преступникам.

---

¹ Доклад X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

² Преступления, связанные с использованием компьютерной сети // Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. А/CONF. 187/15.

Появление новых общественных отношений повлекло за собой определенные негативные последствия, а именно правонарушения в сфере компьютерной информации, в том числе и в форме преступлений, представляющих реальную угрозу нормального развития и течения общественной жизни, нормального функционирования органов управления, учреждений и организаций. Эти последствия достаточно серьезны и не обращать на них внимания нельзя, иначе это может вылиться в будущем в огромную проблему, которую будет крайне сложно решить.

Если посмотреть на количество изменений в главе 28 УК РФ, то следует отметить, что уголовное законодательство в данной сфере меняется не так часто, в связи с чем правовое регулирование в этой области не достаточно действенное. В связи с чем было бы уместно провести ряд изменений законодательства в данной сфере.

В последнее время можно заметить существенный рост количества данных преступлений, а также следует отметить их высокую степень латентности. По мере развития информационных технологий, киберпреступления все чаще и чаще совершаются без учета национальных границ. Уже очень давно киберпреступления вышли из внутригосударственных в международные. Но международным правом данные преступления не были отнесены к транснациональным преступлениям до настоящего времени.

На сегодняшний день в системах мобильной связи, системах спутниковых каналов и других используются современные цифровые технологии, что обеспечивает возможность создания открытой сети. Одной из таких сетей является сеть Интернет. Через существующие незащищенные сети можно иногда получить доступ к национальным, в том числе и специально защищенным ресурсам разных государств. Именно такие сети в основном и являются каналом для совершения разных противоправных деяний. Новизна и отсутствие необходимого уровня правового регулирования данных отношений породило множество проблем, которые мешают правильному становлению отношений в сфере компьютерных коммуникаций. В международном сообществе крайне озабочены тем, что все чаще и чаще информационные технологии применяются в криминальной сфере, что создает угрозу интересам не только отдельных пользователей сетей, но и информационной безопасности целых государств.

Суды, рассматривая дела, связанные с компьютерными преступлениями, сталкиваются с рядом серьезных проблем. Это обусловлено тем, что законов, которые защищали бы обеспечили всестороннюю защиту государственных и иных информационных ресурсов еще пока нет ни в одной стране.

В связи с этим, по нашему мнению, возможны следующие решения существующих проблем:

1. В век информационных технологий подделка документов перешла на значительно новый уровень. Имеется возможность подделки не только бумажных документов, но и электронных. Однако за подделку документов, которые существуют в электронном формате ответственности не предусмотрено. Обычно данные преступления квалифицируют по одной из статей 28 главы УК РФ, но мы считаем, что нужно ввести статью, которая бы предусматривала ответственность за подобного рода деяния.

Например: в какой-либо фирме есть несколько конкурирующих сотрудников и один из них по личным мотивам решил подставить другого путем удаления с его компьютера какой-либо важной информации для данной фирмы, либо изменяет эту информацию так, то она теперь становится непригодной для работы и т.д. Проблема в этом случае заключается в том, что данное деяние невозможно квалифицировать как преступление.

В части 1 статьи 272 УК РФ присутствует лишь указание на факт доступа к информации, таким образом, получается, что факт посягательств сам по себе не является преступлением, преступлением признается только незаконный доступ к информации.

На основании вышеизложенного мы считаем, что ч. 1 ст. 272 УК РФ следует изложить в следующей редакции: Причинение существенного вреда посредством неправомерного доступа к охраняемой законом информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации.

2. В ч. 2 ст. 272 УК РФ предусмотрен квалифицированный состав, т.е. это те же деяния но, которые повлекли за собой наступление тяжких последствий или опасность их наступления. Данное преступление является умышленным и состав у него материальный. В прежней редакции данная статья квалифицировалась двумя формами вины: умыслом и неосторожностью.

Кроме создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ преступники также изготавливают специальные технические средства, чтобы неправомерно получать доступ к компьютерной системе или хранящейся там информации. Это могут быть какие-то аппаратные средства, или определенные программы (не вредоносные программы), которые помогают преступникам неправомерно проникать в компьютер или систему.

На основании всего вышеизложенного предлагаем ввести в главу 28 Уголовного кодекса Российской Федерации статью 273¹ следующего содержания

Статья 273¹. Изготовление либо сбыт специальных средств, для получения неправомерного доступа к компьютерной системе, сети или информации.

Изготовление с целью сбыта либо сбыт специальных программ или аппаратных средств для получения неправомерного доступа к защищенной компьютерной системе, сети или информации — наказываются ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок со штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев

3. В ст. 274 УК РФ предметом данного преступления являются электронные устройства, с помощью которых была совершена обработка компьютерной информации. Суть правонарушения заключается в том, что в следствии его совершения наносится значительный вред нормальному функционированию информативных коммуникаций, повреждаются информативные средства.

По нашему мнению главу 28 УК РФ необходимо дополнить статьей следующего содержания:

Статья 274² Подделка документов, находящихся в электронном формате.

1. Подделка документов, находящихся в электронном формате с помощью различных компьютерных программ в целях лично воспользоваться такими документами —

наказывается ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. Те же деяния, совершенные с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, —

наказываются принудительными работами на срок до четырех лет либо лишением свободы на тот же срок.

3. Использование заведомо подложного документа —

наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев.

Наминов А.А., Салдысов М.А.,

*студенты III курса ФГБОУ ВО «Калмыцкий
государственный университет
имени Б.Б. Городовикова»*

К вопросу о проблемах квалификации убийства суррогатной матерью новорожденного ребенка

Борьба с детоубийством как общественная проблема возникла достаточно давно, поэтому охрана жизни ребенка не является

новой для российского законодательства. Детоубийство в разные периоды времени расценивалось по-разному. Ответственность за детоубийство на Руси возникла достаточно в ранние периоды истории¹. Вместе с развитием общества, возникают новые формы общения, совершаются новые виды преступлений. На сегодняшний день в уголовном законодательстве РФ не урегулирован вопрос квалификации убийства новорожденного ребенка суррогатной матерью, и дальнейшее развитие права только усиливает актуальность данной проблемы.

Ныне действующая редакция ст. 106 УК РФ фактически содержит три возможных варианта совершения матерью убийства новорожденного:

- 1) убийство во время или сразу же после родов;
- 2) убийство в условиях психотравмирующей ситуации;
- 3) убийство в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Особым объектом преступного посягательства, предусмотренного ст. 106 УК РФ, является жизнь новорожденного. Объект входит в основание уголовной ответственности, поэтому необходимо установить, какому именно объекту желало причинить вред своими действиями мать ребенка, либо создавалась ли угроза причинения такого вреда.

Объективная сторона рассматриваемого преступления заключается в сознательных действиях матери, направленных на убийство новорожденного, а также в преступном результате в виде смерти младенца и причинно-следственной связью между ними.

Рассматривая вопрос уголовно-правовой характеристики убийства матерью новорожденного ребенка, исследуем вопрос субъекта данного преступления. Исходя из буквального толкования текста диспозиции статьи 106 УК РФ, субъектом данного преступления является мать новорожденного ею ребенка, которого она лишает жизни².

В рамках лишения ребенка жизни со стороны генетической матери, которая предоставила свою яйцеклетку, но рожденному суррогатной матерью, остается открытым. Проблема будет существовать

---

¹ Сильченко Е. В., Кольвах А. Ю. Проблемы квалификации и определения санкций за убийство матерью новорожденного ребенка в истории уголовного права России // Уголовная политика в сфере обеспечения здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов: материалы V Международной научно-практической конференции. Ч. II (Краснодар, 15 апреля 2016 г.). С. 99.

² Копылов В. В. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Научный диалог: вопросы гуманитарных исследований. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс». URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/470996/discussion_platform (дата обращения: 28.04.2018).

в связи с тем, что генетически ребенок имеет родство с генетической матерью, а суррогатная мать, выступает своего рода биологическим инкубатором, в котором созревает плод ребенка, не являющимся наследием биологической матери (суррогатной). В связи с тем, что законодательно данный вопрос не урегулирован, считаем возможным применять статью 106 УК РФ к матери, выносившей и родившей ребенка. Основанием такой квалификации является то, что именно у нее, а не у генетической матери, которая только лишь предоставила свою яйцеклетку, происходят процессы в организме, связанные с гормональными и иными сбоями, которые являются детерминантой совершения убийства новорожденного ребенка. В то же самое время уголовное законодательство, предусматривая ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, не предусматривает понятие матери, из чего мы делаем вывод о том, что данная норма является по сути бланкетной.

О типичности и относительной распространенности этого деяния свидетельствует официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по вынесению приговоров по делам убийства матерью новорожденного ребенка. Количество зарегистрированных и квалифицированных по ст. 106 УК РФ преступлений почти не меняется. Однако, количество их остается стабильным: в 2016 г. — по ст. 106 УК РФ в России были осуждены 58 человек, 2017 — 42 человека, 2018 — 33, а в 2019 — 26¹.

Учитывая остроту проблемы, в 2011 г. было принято решение внедрить проект «бэби-бокс» и в Российской Федерации, так как «бэби-боксы» успешно использовали Австрия, Бельгия, Германия, Италия, США, Швейцария Чехия, Япония и Польша².

На территории Российской Федерации к 2016 г. функционируют 19 «окон жизни» в 12 регионах: Владимирская область, Калининградская область, Камчатский край, Краснодарский край, Курская область, Ленинградская область, Московская область, Пермский край, Псковская область, Свердловская область, Ставропольский край и Тюменская область³.

Краснодарский край первым в России запустил программу бэби-боксов в 2011 г. В ноябре этого года в Сочи благодаря «контейнеру жизни» был спасен первый новорожденный. Опыт Краснодара

---

¹ Копылова К. И. Характеристика субъекта убийства матерью новорожденного ребенка на основании статистических данных / К. И. Копылова // Молодой ученый. 2020. № 4 (294). С. 392–394. URL: <https://moluch.ru/archive/294/66616/> (дата обращения: 20.04.2021).

² Западнова Ю. А. Возможно ли считать babybox мерой профилактики жестокого обращения с детьми? // Политика, государство и право. 2015. № 5. URL: <http://politika.snauka.ru/2015/05/2908> (дата обращения: 28.04.2018).

³ Там же. С. 22.

показывает, что бэби-боксы — это исключительно положительная инициатива. Медики отмечают, что оказавшимся внутри устройства малышам ничего не угрожает — они попадают в руки реаниматолога, затем проходят комплексное обследование. Иногда мамы одумываются и через суд устанавливают родство, забирая в семью беспечно оставленного ребенка (каждый четвертый младенец, опущенный в бэби-бокс на Кубани, вернулся к родителям). К 2016 г. в Краснодарском крае за неполные пять лет бэби-боксы спасли жизни 17 новорожденным.

Мнения о данном проекте разделились. Сторонники бэби-боксов используют простую и эффективную формулу: «Бэби-бокс спасает от смерти детей, которые должны были быть убиты матерью¹». Противники утверждают, что нет никакой уверенности в том, что женщина-убийца вдруг начнет заботиться о ребенке, которого хотела убить, и отнесет в бэби-бокс². С другой стороны, бэби-боксы собирают детей, матери которых оказались в трудной жизненной ситуации и должны были бы получить от государства помощь, а не легкий способ отказа от детей. Однако противники проекта также, указывают на практический и финансовый аспект данного проекта³.

Совершая детоубийство, женщина, как правило, находится в особом психофизическом состоянии. Вследствие чего, она не будет искать бэби-бокс, который возможно находится за несколько сотен километров от нее⁴.

Проанализировав статистику количества подкидышей в бэби-боксы в и количество убитых новорожденных в регионах, где есть бэби-боксы, можно сделать вывод, что эти числа почти одинаковые.

Значит, увеличение количества бэби-боксов не приведет к уменьшению статистики инфантицида, таким образом нельзя утверждать, что наличие бэби-боксов влияет на количество преступлений по ст. 106 УК РФ. В июне 2016 г. заместитель председателя комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Елена Мизулина внесла в Госдуму законопроект, запрещающий установку бэби-боксов. В свою очередь официальный представитель Следственного комитета России Вла-

---

¹ Запиднова Ю. А. Возможно ли считать babybox мерой профилактики жестокого обращения с детьми? // Политика, государство и право. 2015. № 5. С. 13.

² Там же.

³ Сильченко Е. В., Шамигурина Н. А. «Окно жизни», или Некоторые аспекты реализации в России проекта «бэби-бокс» // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 11 дек. 2016 г.): в 2 т. Т. 2 / редкол.: О. Н. Широков и др. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 336–338.

⁴ Там же. С. 337.

димир Маркин заявлял, что бэби-боксы доказали свою эффективность и стали дополнительным инструментом защиты детей¹.

На сегодняшний день, данный вопрос остается дискуссионным.

При анализе субъективной стороны привилегированных составов убийства, стоит отметить, что и как любое иное убийство, все три состава — ст. 106–108 УК РФ содержат вину в форме умысла.

Борьба с детоубийством на сегодняшний день не теряет своей актуальности.

Статья 106 УК РФ нуждается в доработке для правильной квалификации преступления. Считаем целесообразным дополнить статью, в которой будет говориться об убийстве новорожденного ребенка суррогатной матерью и изложить ее в следующей редакции: «Убийство матерью, в том числе суррогатной матерью, новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью, в том числе суррогатной матерью, новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, — наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок».

Низамеева В.Р.,

*студентка IV курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Предмет преступления, предусмотренного статьей 272 Уголовного кодекса Российской Федерации

За последние несколько десятилетий компьютер и Интернет стали важными компонентами в жизни большинства людей и организации. Люди используют Интернет и компьютер каждый день, проводя время в социальных сетях, используя их в качестве электронной коммерции и в качестве платформы для хранения личной идентификационной информации.

С увеличением значимости Интернета, компьютера, внедрение их в нашу жизнь, вместе с ними появилась и преступность в сфере компьютерной информации.

Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, в обществе называемое хакерством, описывает преступ-

---

¹ Сильченко Е. В., Шамигурина Н. А. «Окно жизни», или Некоторые аспекты реализации в России проекта «бэби-бокс» // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 11 дек. 2016 г.): в 2 т. Т. 2 / редкол.: О. Н. Широков и др. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. . С. 339.

ное действие, в результате которого лицо, которое не имеет права на получение и работу с данной информацией и компьютерной системой, использует компьютер для сознательного получения доступа к данным без разрешения доступа такого.

В связи с тем, что компьютерная информация и информационно-телекоммуникационные сети в наше время являются значительным и ключевым звеном в развитии и функционировании различных технологических, научных и других процессов, появилась необходимость уголовно-правовой охраны компьютерной информации.

Норма, устанавливающая ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, содержится в Уголовном кодексе Российской Федерации под номером 272.

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, которые обеспечивают безопасный оборот, а именно хранение, обработка, передача, компьютерной информации. В данном преступлении могут выступать такие дополнительные объекты, как личные права и интересы граждан, интересы собственности, факультативные объекты в зависимости от наступивших последствий — жизнь, здоровье.

Предметом преступления выступает охраняемая законом компьютерная информация. Понятие компьютерной информации раскрывается в Примечании к статье 272 УК РФ. В данном случае предмет имеет два обязательных признака: во-первых, физический признак предмета — информация должна быть компьютерной, во-вторых, юридический статус — компьютерная информация должна охраняться законом.

Объективная сторона состава преступления являются действия, состоящие в неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации. Последствия в виде уничтожения, блокирования, модификации и копирования информации.

Под неправомерным доступом к компьютерной информации следует понимать незаконное либо не разрешенное собственником или законным владельцем использование возможности получения информации. Доступ к информации рассматривают в качестве возможности проникновения в любой форме в источник информации, которая в дальнейшем позволяет использовать данную информацию.

Данное преступление носит материальный характер и, соответственно, предполагает обязательное наступление следующих последствий.

Уничтожение информации — приведение информации в непригодное для использования.

Блокирование информации — воздействие на информацию таким способом, в результате которого использование информации не представляется возможным, в связи с ограничением или закрытием доступа к оборудованию и ресурсам.

Модификация информации — внесение изменений в компьютерную информацию.

Копирование информации — создание копий определенной информации на другом носителе, перенос информации на другой носитель.

Субъектом преступления является вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Субъективная сторона характеризуется виной в форме умысла.

В современном мире главной причиной криминализации противоправных деяний в сфере компьютерной информации является их высокая общественная опасность. Несмотря на то, что они приносят вред интересам физических и юридических лиц, такие преступления могут повлечь ужасные масштабные проблемы, поэтому необходимо более тщательно следить за совершением преступлений, определить основные направления и меры предупреждения совершения данных преступлений.

Новиков Я.Ю.,

*студент IV курса ФГБОУ ВО «Тверской
государственный университет»*

Конституционные права и свободы личности как дополнительный объект в составе преступления, предусмотренного статьей 286 Уголовного кодекса Российской Федерации

В соответствии с ч. 1 ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), превышение должностных полномочий представляет собой совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Согласно п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19, под существенным нарушением прав граждан в результате превышения должностных полномочий следует понимать нарушение прав и свобод физических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.)¹.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс».

Одним из наиболее значимых прав личности является право на судебную защиту их прав и свобод, гарантированное ч. 1 ст. 46 Конституции РФ. Наиболее часто при раскрытии содержания данной гарантии речь идет о праве подачи лицом заявления в уполномоченный суд и о корреспондирующей ему обязанности суда рассмотреть указанное заявление и принять по нему законное, обоснованное и справедливое решение. Однако, согласно ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Следовательно, право на судебную защиту существует и в рамках уголовного процесса, и в данном случае содержание указанного права в основном заключается в том, что лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, имеет право быть привлеченным к участию в уголовном деле в качестве потерпевшего, пользоваться правами, установленными Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ), в том числе ст. 42 УПК РФ, а также требовать полного восстановления его нарушенных прав и свобод. Данное право заключается и в том, что подозреваемый, обвиняемый имеют право на справедливое судебное разбирательство, а сами уголовные дела должны возбуждаться только при наличии установленных законом оснований.

Вышеуказанное право, как и другие конституционные права, может являться дополнительным объектом превышения должностных полномочий. Однако проблема заключается в том, что само государство было создано для обеспечения и защиты прав и свобод человека, с целью чего оно и сформировало уполномоченные органы, в первую очередь, правоохранительные, которыми в Российской Федерации являются в том числе суды, Прокуратура РФ, Следственный комитет РФ, Министерство внутренних дел РФ и т.д. В связи с указанными обстоятельствами возникает серьезное противоречие, когда должностное лицо правоохранительного органа, уполномоченное на обеспечение и защиту прав и законных интересов граждан, своими действиями нарушает эти права, в особенности, право на судебную защиту, которое существует для того, чтобы лицо имело возможность защитить другие права, например, право собственности, право на здоровье, на неприкосновенность жилища и т.д.

При этом право на судебную защиту нарушается, в основном, когда имеет место именно специальный состав превышения должностных полномочий. К таковым относятся, например, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ), фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 303 УК РФ), вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного

судебного акта (ст. 305 УК РФ). По мнению автора настоящей статьи, одной из причин выделения указанных составов является именно объект преступления — право на судебную защиту, а также право на справедливое судебное разбирательство. Однако имеют место и случаи, когда должностное лицо совершает действия, явно выходящие за пределы его полномочий, влекущие существенное нарушение права на обращение в суд, и его деяния квалифицируются именно по ст. 286 УК РФ, содержащей общий состав превышения должностных полномочий.

Так, например, старший инспектор ОПДН ОМВД России о Кемеровском району Кончилова Н. Г. в период с 22 января 2018 г. по 20 февраля 2018 г. совершила превышение должностных полномочий при следующих обстоятельствах:

20 января 2018 г. несовершеннолетний, обозначенный в Постановлении Суда как ФИО11, похитил пять мешков комбикорма из стайки, расположенной на территории домовладения Потерпевшей, чем причинил материальный ущерб на сумму 2500 рублей. В рамках проведения процессуальной проверки по заявлению Потерпевшей о привлечении неустановленных лиц к уголовной ответственности 22 января 2018 г. Кончилова Н. Г., достоверно зная, что в деянии ФИО11, совершившего вышеуказанное хищение, содержатся признаки преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ — кража, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенное с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище, с целью искусственного снижения уровня подростковой преступности, выполняя заведомо незаконные указания своего непосредственного начальника по сокрытию указанного преступления, а также, при наличии достаточных оснований для возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, совершила действия, которые могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе, а именно вынесла определение «О возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования», где указала заведомо для нее ложные сведения о том, что в действиях ФИО11 усматривается состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Далее Кончилова Н. Г. совершила действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не может совершать: умышленно уничтожила все содержащиеся в материале проверки документы, в т. ч. заявление Потерпевшей, а также сфальсифицировала протокол осмотра места совершения административного правонарушения, указав заведомо не соответствующие действительности сведения. Далее 7 февраля 2018 г. Кончилова Н. Г. получила от Потерпевшей заявление о привлечении ФИО11 к административной ответственности, а также получила от нее объяснения, указав в нем заведомо не соответствующие действительности сведения о том, что

ФИО11 лично по просьбе Потерпевшей вернул ей похищенное имущество, а также, что ФИО11 помогал ей по хозяйству и имел доступ в подсобные помещения и надворные постройки. Кончилова Н. Г. получила объяснения также от ФИО11 и его матери. На основании указанных материалов Кончилова Н. Г. составила протокол об административном правонарушении по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Также она подготовила определение о передаче указанного дела об административном правонарушении на рассмотрение в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Незаконные действия Кончиловой Н. Г. повлекли существенное нарушение прав и законных интересов Потерпевшей, выразившееся в нарушении прав на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, а также повлекли существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства, выразившихся в подрыве авторитета государственного органа, авторитета его работников, а также доверия граждан к государству в целом¹. Указанные действия органами предварительного следствия и судом квалифицированы по ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Приведенный пример является достаточно иллюстративным, так как демонстрирует, что в результате превышения должностных полномочий может оказаться затронутым целый комплекс конституционных прав и свобод личности. Право на судебную защиту является своего рода гарантией защиты и восстановления других прав, предусмотренных Конституцией РФ. Представляется, что именно поэтому Пленум ВС РФ совершенно обоснованно назвал указанное право, определяя содержание такого конструктивного признака состава превышения должностных полномочий, как существенное нарушение прав и законных интересов граждан.

Новиков В.Д., Эбзеев И.Т.,

*студенты III курса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»*

Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни: вопросы законодательного совершенствования

О непрерывной динамике качественных изменений социально- прогресса и интенсивности возникновения новых видов обще-

---

¹ Постановление Заводского районного суда города Кемерово от 5 января 2020 г. по делу № 1-254/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TrJEAlPFg9ZV/>

ственных отношений, обуславливающих принципиальную необходимость расширения сферы применения юрисдикционных средств и методов целенаправленного государственно-правового воздействия, свидетельствуют тенденции развития современного отечественного уголовного законодательства в области защиты интересов несовершеннолетних. Одной из последних новелл, затрагивающих вышеуказанные интересы, является ст. 151.2 УК РФ, закрепляющая в качестве самостоятельного состава преступления вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего.

Ключевой признак объективной стороны ст. 151² УК РФ законодательно сформулирован как склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в противоправное деяние, создающее угрозу безопасности его жизнедеятельности. Ввиду этого в правовой доктрине неоднократно освещался вопрос о соотношении указанных форм внешнего проявления преступного деяния в реальной действительности. Ряд авторов, указывая на незначительные различия данных понятий, признают их синонимами¹. Однако подобная точка зрения представляется весьма спорной ввиду того, что в Общей части УК РФ понятие «склонение» используется для определения подстрекательства, то с позиции ст. 151² УК РФ, устанавливающей отдельную ответственность за данный институт соучастия, на наш взгляд, указанные понятия необходимо рассматривать как взаимодополняющие. На основании этого, полагаем, что склонение признается оконченным с момента совершения действий, направленных на возбуждение у несовершеннолетнего желания совершить противоправное деяние, в то время как признаком вовлечения надлежит считать начало выполнения потерпевшим действий, заведомо угрожающих его жизни.

Оценивая степень общественной опасности исследуемого деяния с точки зрения индивидуальных чувственных и эмоциональных особенностей восприятия окружающего мира, в результате системного анализа способов воздействия, описанных в диспозиции ст. 151² УК РФ, следует обратить внимание на отсутствие, в отличие от ст. 150 и 151 УК РФ, квалифицированного признака применения насилия или угрозы его применения в отношении несовершеннолетнего. В силу того, что данные деяния могут выступать факультативными способами вовлечения, полагаем, что в современной правоприменительной практике такое непреднамеренное законодательное упущение разрешается посредством дополнительной квалификации по преступлению против личности².

¹ *Егорова Н. А.* Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6. С. 16.

² *Иногамова-Хегай Л. В.* Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М., 2015. С. 288.

Кроме того, в науке уголовного права в связи с тем, что обязательным признаком рассматриваемого общественно опасного деяния является очевидное присутствие угрозы жизни потерпевшему, предмет практических дискуссий образует вопрос определения непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 151² УК РФ. Представляется достойной внимания позиция специалистов, в соответствии с которой жизнь является объектом анализируемого посягательства¹, несмотря на то, что видовым объектом гл. 20 УК РФ в специализированной юридической литературе принято считать общественные отношения, обеспечивающие охрану интересов семьи, а также безопасность и гармоничность развития и воспитания несовершеннолетних².

Так же, особого внимания заслуживает проблема виктимности исследуемого преступления. Полагаем, что при даче характеристики жертвы противоправного вовлечения в опасное для жизни деяние следует учитывать не только возрастные особенности, но и специфику психофизиологического здоровья потерпевшего, его предшествующие взаимоотношения с виновным, а также иные социально-демографические аспекты.

Более того, стоит признать недостатком правотворческого процесса непредусмотрительность в регламентации потенциально возможной причинно-следственной связи между деянием и наступлением смерти вовлеченного лица. Иными словами, обстоятельства, при которых преднамеренным умыслом виновного не охватывается причинение смерти потерпевшему, на наш взгляд, должны образовывать особо квалифицированный состав рассматриваемого преступления.

Таким образом, исходя из вышеизложенных положений, связанных с толкованием ст. 151² УК РФ, необходимо признать несовершенство использованной законодательной техники. В этой связи, для достижения целей уголовного закона в сфере охраны прав и свобод несовершеннолетнего, считаем возможным исключение данного состава преступления из гл. 20 и включение в главу 16 с изложением его в следующей редакции:

Ст. 110³ УК РФ. Склонение несовершеннолетнего к совершению противоправных действий, представляющих опасность для его жизни.

1. Склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного пред-

---

¹ *Клименко Т. М.* Склонение к незаконному потреблению наркотиков как один из видов наркобизнеса // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 3. С. 82–84.

² *Палый В. В.* Объект преступлений против семьи и несовершеннолетних: спорные вопросы // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3 (16). С. 284–291.

ставляющих опасность для жизни потерпевшего, путем уговора, предложений, обещаний, угроз или иным способом, а равно с применением насилия или угрозой его применения.

2. То же деяние, совершенное:

- а) в отношении двух или более несовершеннолетних;
- б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- в) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения.

4. Деяние, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или иное тяжкое последствие.

Примечание. Действие настоящей статьи не распространяется на случаи, содержащие признаки склонения к совершению самоубийства или попытки самоубийства, а также вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или совершения антиобщественных действий.

Одинцова Ю.А.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Оставление в опасности: основные проблемы

Объектом данного преступления признаются общественные отношения по охране жизни и здоровья человека. Потерпевшим признается лицо, которое на момент оставления в опасности находится в опасном для жизни и здоровья состоянии и не в состоянии принять меры к самосохранению вследствие малолетства, старости, болезни или иного беспомощного состояния. Беспомощность может быть вызвана разными обстоятельствами. Так, некоторые авторы среди таких обстоятельств называют и употребление алкоголя. Объективная сторона выражается в заведомом оставлении лица без помощи, то есть в бездействии. Обязательным признаком является то, что опасность должна быть реальной. Например, суды учитывают климатические и географические условия местности, где было совершено преступление. Таким образом, была ли опасность реальной необходимо решать, исходя из обстоятельств конкретного дела.

Субъект специальный — лицо, достигшее 16 лет: 1) обязанное заботиться о потерпевшем и имевшее возможность оказать ему помощь без ущерба для себя или третьих лиц; 2) само поставившее пострадавшего в опасное для жизни или здоровья состояние. Обязанность иметь заботу, как правило, закреплена в различных нормативно-правовых актах. Так, например, согласно ч. 2 ст. 38 Конституции РФ забота о детях и их воспитание в равной степени является и правом, и обязанностью родителей. Подобная норма закреплена и в Семейном Кодексе. В соответствии с ч. 3 ст. 36 ГК РФ опекуны и попечители обязаны заботиться о содержании своих подопечных, об обеспечении их уходом и лечением, защищать их права и интересы. Одним из случаев, когда виновный сам поставил лицо в опасное для жизни и здоровья состояние является ДТП. В п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» приведен следующий пример: когда водитель скрылся с места происшествия, не вызвал скорую медицинскую помощь или не доставил пострадавшего в ближайшее лечебное учреждение¹.

Современный УК РФ фактически продублировал ст. 127 УК РСФСР, название которой было аналогичным. Однако ст. 127 УК РСФСР содержала в себе еще одно положение: неоказание лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, необходимой и явно не терпящей отлагательства помощи, если она заведомо могла быть оказана виновным без серьезной опасности для себя или других лиц, либо несообщение надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания помощи². Оказывать помощь должен был каждый, а не только тот, на кого возложена такая обязанность. На сегодняшний день закон даже не требует вызвать скорую помощь или полицию, если кому-то станет плохо или будет совершаться преступление. Таким образом, если лицо не было обязано иметь заботу о потерпевшем и оказывать ему помощь, оно не является субъектом рассматриваемого преступления. В теории уголовного права это называют простое неоказание помощи³. Противники криминализации простого неоказания помощи утверждают, что

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // БВС РФ. 2009. № 2.

² Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

³ Горбатова М. А. К вопросу об ограничении круга субъектов оставления в опасности // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 460.

нельзя наказывать человека за те действия, которые не вменены ему в обязанность. По их мнению, оставление в опасности человека, которому необходима помощь, лицом, необязанным ее оказывать, является жестокостью, которая должна рассматриваться с моральной и этической позиций, но никак не с юридической¹. Тем не менее возложение на людей обязанности хотя бы сообщить в соответствующие органы или учреждения о том, что кто-то нуждается в помощи, помогло бы сохранить немало жизней, а также сделать граждан более ответственными. Обратимся к опыту зарубежных стран, где закон обязывает всех граждан оказывать помощь тем, кто находится в опасности. Согласно УК Франции любой, кто умышленно воздерживается от оказания лицу, находящемуся в опасности, помощи, которую он мог ему оказать без риска для себя или для третьих лиц, либо своими личными действиями, либо вызовом помощи, понесет наказание². Таким образом, субъект указанного преступления — общий. Подобная норма содержится и в Уголовном Кодексе ФРГ³.

Субъективная сторона выражается в прямом или косвенном умысле. Признак заведомости предполагает, что виновный осознает, что оставляет лицо, нуждающееся в помощи, в опасном для жизни и здоровья состоянии. Однако много трагедий возникает вследствие неосторожности. В 2017 г. против жительницы Махачкалы возбудили уголовное дело по ст. 125 УК РФ. Женщина оставила 2-летнего ребенка возле калитки дома, а сама зашла в этот дом. В результате малолетняя девочка оказалась рядом с водоемом, который находился на расстоянии примерно 700 м от дома. Девочка утонула. Однако дело было закрыто, так как у обвиняемой отсутствовал умысел на совершение преступления. Более того, защита ссылаясь и на отсутствие признаков объективной стороны, поскольку пруд находился далеко от дома, а значит реальная опасность отсутствовала⁴. Несмотря на то, что состав преступления отсутствует, нельзя отрицать, что в действиях обвиняемой все же присутствовал элемент неосторожности, поскольку 2-летний ребенок, очевидно, не в состоянии руководить своими действиями, а значит женщина должна была быть более предусмотрительна.

¹ Горбатова М. А. К вопросу об ограничении круга субъектов оставления в опасности // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 460.

² Уголовный кодекс Франции 1992 г. (Code pénal) // Legifrance — официальное опубликование. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006070719/>

³ Уголовный кодекс Германии (Strafgesetzbuch) // dejure.org — официальное опубликование. URL: <https://dejure.org/gesetze/StGB>

⁴ Рамазанов Г. Дело в отношении женщины, оставившей ребенка возле дома, прекращено // Адвокатская газета. 2018. № 11. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/delo-v-otnoshenii-zhenshchiny-ostavivshey-rebenka-vozhle-doma-prekrashcheno/> (дата обращения: 30.04.2021).

Особое внимание следует уделить проблеме отграничения оставления в опасности от смежных составов преступления. Обратимся к судебной практике. В ходе ссоры Б. избил К. Затем Б. вытащил потерпевшего на улицу и оставил лежать на снегу в мороз, в результате чего К. скончался от потери крови. Действия Б. были квалифицированы судом по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4, ст. 111 и ст. 125 УК РФ. Президиум Верховного Суда, рассмотрев дело, исключил из приговора ст. 125 УК РФ, мотивировав это тем, что лицо, причинившее потерпевшему тяжкий вред здоровью, не может быть осуждено за оставление в опасности, так как действия, предусмотренные ст. 125 УК РФ, полностью охватываются ст. 111 УК РФ¹. Известны случаи, когда действия подсудимого были переквалифицированы со ст. 105 УК РФ на ст. 125 УК РФ. Так, Г. с целью ограбления напоил потерпевшего водкой и оставил его в безлюдном месте, в результате чего потерпевший скончался от переохлаждения. Изначально действия Г. были квалифицированы, как убийство, однако потом суд указал на то, что в деле нет доказательств того, что Г. оставил пьяного потерпевшего в безлюдном месте именно с целью лишения его жизни. Поэтому суд переквалифицировал действия Г. на ст. 125 УК РФ². Рассмотрим другой пример. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда была рассмотрена апелляционная жалоба гражданина Г., который был признан виновным в совершении убийства группой лиц. Совместно с В. и Х. подсудимый на почве конфликта избил О. После чего осужденные поместили потерпевшего в багажник и вывезли его за пределы населенного пункта. Там они высадили мужчину из багажника, и оставили его на морозе, а сами поехали домой. Согласно результатам судебно-медицинской экспертизы смерть О. наступила в результате переохлаждения, а не избиения. Г. утверждал, что не имел умысла лишить жизни О. вместе с товарищами он только хотел «проучить» потерпевшего. Тем не менее жалоба была оставлена без удовлетворения. Верховный Суд счел квалификацию по ст. 105 УК РФ верной, указав, что Г. совместно с другими лицами оставил потерпевшего в безлюдном месте, заведомо зная о том, что тот является неместным и может заблудиться. По мнению суда, Г. осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность наступления общественно опасных последствий в виде смерти потерпевшего от переохлаждения, но относился к этим

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда за 3 квартал 2006 г. по уголовным делам. Вопросы квалификации преступлений // URL: <http://www.supcourt.ru/files/12531/> (дата обращения: 02.05.2021).

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу № 48-006-124/2007 г. // URL: http://supcourt.ru/stor_pdf.php?id=161638 (дата обращения: 02.05.2021).

последствиям безразлично¹. Суд посчитал, что данное деяние является убийством с косвенным умыслом.

Таким образом, судебная практика по ст. 125 УК РФ достаточно противоречива: проблемы возникают даже при отграничении оставления в опасности от убийства. Немало дискуссий вызывает и ограниченный круг субъектов рассматриваемого преступления. Отсутствуют также какие-либо разъяснения высших судов по вопросам применения ст. 125 УК РФ.

Пекова Р.А.,

студентка III курса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: некоторые проблемные вопросы

Общественные отношения, охраняемые главой 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), затрагивают право каждого человека на половую неприкосновенность и половую свободу личности. Реализация соответствующих прав человеком является неотъемлемой частью жизнедеятельности. Право неприкосновенности до достижения 18-летнего возраста установлено с целью невмешательства в несформированные психофизиологические процессы. Посягательство в отношении несовершеннолетнего является аморальным и опасным, влекущим за собой совокупность самых разных негативных последствий. В частности, затрагиваются, как внутренние процессы в организме человека, так и процессы адаптации в жизни.

В связи с этим государство особое внимание уделяет защите прав и свобод несовершеннолетних, их половой неприкосновенности. Об этом говорят многократные изменения норм УК РФ, направленных на гарантию защиты и безопасности несовершеннолетних.

Однако на сегодняшний день проблемы в данной сфере все же существуют. Прежде всего, они касаются применения положений статей 134 и 135 УК РФ.

Так, не решена проблема несоответствия названия и диспозиции статьи 134 УК РФ. Название статьи «Половое сношение и иные действия сексуального характера» шире содержания диспозиции, поскольку в части 1 статьи указывается на половое сношение, а в ч. 2 только на мужеложство и лесбиянство. Стоит отметить, что в ч. 1 ст. 132

---

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. по делу № 2-1/2019 // URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1759222 (дата обращения: 02.05.2021).

УК РФ указано, что совершаются мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера. Это говорит о том, что на практике под иными действиями понимают действия, подпадающие не только под признаки мужеложства и лесбиянства. Однако по ст. 134 УК РФ уголовная ответственность предполагается только за деяния, носящие характер мужеложства и лесбиянства.

По мнению Н. К. Семерневой, под иными действиями сексуального характера следует понимать действия как совершаемые в виде полового акта, так и совершаемые путем воздействия на тело без признаков полового акта¹. А. А. Бимбинов считает, что рассматриваемое понятие подразумевает сексуальные контакты между мужчиной и женщиной, между мужчинами или между женщинами². Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что данные действия имеют такой признак, как контактная форма, то есть непосредственно предусматривают контакт с телом потерпевшего (ей).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, охватывает как контактные, так и бесконтактные, что в свою очередь говорит о том, что законодатель не учитывает повышенную степень общественной опасности именно контактных развратных действий. Однако именно по признаку контактности можно разграничить иные действия сексуального характера от развратных действий.

Так, из материалов уголовного дела следует, что М. вступил в интернет-переписку с 12-летней девочке и в процессе переписки отправлял ей фото- и видео файлы порнографического характера, тем самым оказывал на нее психологическое воздействие. Суд признал М. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 135 УК РФ³.

Стоит рассмотреть еще один пример из практики. Так, из материалов уголовного дела следует, что Н. находясь в одной комнате с девочкой 12-летнего возраста, снял с нее одежду и начал дотрагиваться руками до ее половых органов. Решением суда Н. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 135 УК РФ⁴.

---

¹ Козаченко И. Я., Незнамова З. А., Новоселов Г. П. Уголовное право. Особенная часть. М.: Норма, 2001.

² Бимбинов А. А. Ненасильственные половые преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 158.

³ Приговор Московского городского суда г. Москвы от 18 февраля 2014 г. по делу № 22-691/11 // СПС «РосПравосудие». URL: <http://rospravosudie.com/> (дата обращения: 24.04.2021).

⁴ Приговор Баланковского районного суда Саратовской области от 24 августа 2010 г. по делу № 1-412/10 // СПС «РосПравосудие». URL: <http://rospravosudie.com/> (дата обращения: 24.04.2021).

Степень общественной опасности при контактных формах обратных действий значительно выше, чем при бесконтактных. Однако, исходя из вышеуказанных примеров, можно заметить, что названные формы подлежат одинаковой правовой оценке на практике.

Решением данной проблемы могло бы быть внесение изменений в ст. 134 УК РФ путем дополнения диспозиции понятием «иные действия сексуального характера», которые как раз-таки будут включать в себя те самые контактные формы воздействия, которые на данный момент предусматривает ст. 135 УК РФ.

Першина В.А.,

студентка III курса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Deepfakes как угроза личности и национальной безопасности

Развитие технологий искусственного интеллекта и применение их в различных сферах жизни, остро поставило вопрос об угрозах для информационной безопасности и личности.

С совершенствованием искусственного интеллекта нередко в сети Интернет стало внедряться и распространяться технология deepfake.

Deepfake — это методика компьютерного синтеза изображения, основанная на искусственном интеллекте, которая используется для соединения и наложения существующих изображений и видео на исходные изображения или видеоролики¹. Искусственный интеллект интегрирует изображения, на которых человек запечатлен с разных ракурсов и с разным выражением лица, и делает из них видео.

Так, к примеру, во время пандемии коронавируса, на рабочей конференции в Zoom, программист создал дипфейк с лицом Илона Маска. Внешне достоверность этого ни у кого не вызывала сомнений, и сначала никто не поверил, что это подделка².

Однако существуют понятные риски использования такой технологии как deepfake³. Deepfake крайне трудно выявить, а затем ограничить их распространение по сети. Фейковые видео могут быть задействованы для дезинформации, кибербуллинга и угроз. Жерт-

---

¹ См.: *Игнатовский Я., Иванов В.* Deepfakes: где начинается угроза для личности и национальной безопасности? // Политген. 05.03.2020. URL: <https://www.politgen.ru/analytics/reports/deepfakes-gde-nachinaetsya-ugroza-dlya-lichnosti-i-natsionalnoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 25.03.2021).

² См.: *Мун Д. В., Понета В. В.* «From fake to deepfake»: угрозы и риски развития и распространения технологий искажения реальности в глобальном информационном пространстве // *Культура: теория и практика* М., 2020 С. 188–190.

³ См.: *Красовская Н. Р., Гуляев А. А.* К вопросу о контроле фейков, фейковых аккаунтов в интернете // *Вестник Удмуртского университета.* М., 2021 С. 98–99.

вами дипфейка уже стали известные политики. К примеру, deepfake-видеообращение, на котором бывший президент США Барак Обама публично оскорбляет 45-го президента США Дональда Трампа¹.

Из-за быстрого развития технологий искусственного интеллекта, каждый, кто имеет изображения в сети Интернет, может оказаться под угрозой².

Кроме того, в настоящее время закон неспособен защитить потенциальных жертв. На данный момент есть определенные трудности в определении преступников и жертв дипфейков. Более того, не до конца урегулированы вопросы, касающиеся определения причиненного вреда и наступления ответственности. Также, Президент России Владимир Путин на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН отметил, что на сегодняшний день в России нет правовых инструментов, позволяющих защитить граждан от deepfake.

Поэтому, прежде всего, необходимо принимать меры на национальном уровне путем принятия внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации против дипфейков, так как в настоящее время ни один федеральный закон не предусматривает ответственности за создание или распространение дипфейков. Представляется, что уголовное преследование за дипфейки будет иметь более сдерживающий эффект на правонарушителей.

Предлагается внести следующие изменения в уголовный закон, регулирующий создание и распространение дипфейков:

Для начала необходимо решить вопрос, касающийся определения жертв данного преступления. Жертвами должны считаться оба человека, изображенных на дипфейк-видео: чье лицо было наложено, и тот чье тело появляется на видео. Поскольку человек, лицо которого использовали, не давал согласия на участие в фейковом видео. В свою очередь, человек, чье тело появляется на видео, скорее всего, не давал согласие на то, чтобы чье-то лицо было приставлено к его телу.

Далее, надлежит включить в федеральное законодательство термин «дипфейк», который будет означать аудиовизуальную запись, созданную или измененную таким образом, что она ошибочно представляется разумному наблюдателю аутентичной записью реальной речи, поведения, внешности или образа индивидуума³. «Индивиду-

---

¹ Fallis D. The Epistemic Threat of Deepfakes // Philosophy & Technology. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AmUC4m6w1wo> (дата обращения: 10.04.2021).

² См.: Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Удмуртского университета. М., 2020 С. 379–386.

³ См.: Делфино Р. А. Порнографические дипфейки: следующий трагический акт феномена «порно из мести» и необходимость принятия уголовного закона на федеральном уровне // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 105–141.

умом» является человек, чье лицо изображено в дипфейке, а также к человеку, чье тело изображено в фейковом видео.

Представляется, что необходимо дополнить главу 28 Уголовного кодекса РФ новой статьей, которая будет предусматривать уголовную ответственность за создание и распространение дипфейков. Так, например, является незаконным сознательное применение любых средств коммуникации для распространения дипфейков при отсутствии согласия индивидуума на использование его внешний облик, а также ущерб, который таковое распространение может причинить индивидууму.

Также видится возможным дополнительно установить уголовную ответственность провайдера коммуникационных услуг, который намеренно распространяет дипфейк, о котором ему известно.

Таким образом, предлагаемые изменения в Уголовный кодекс РФ, в первую очередь имеют своей целью соразмерить защиту жертв и наказание для правонарушителей. Также уголовная ответственность за дипфейки на федеральном уровне показала бы значительность ситуации и привлекла внимание к причиняемому вреду, который может наступить от распространения поддельных фото и видео изображений.

Кроме того, криминализация дипфейков, создала бы значительную и эффективную преграду для их распространения.

Повисок Д.А.,

*студент III курса Дальневосточного института
(филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции»*

Проблемы квалификации убийств, совершенных с особой жестокостью

Убийство, совершенное с особой жестокостью, является квалифицирующим признаком убийства. Вменение этого признака вызывает трудности в правоприменительной практике. Законодатель не разъясняет определение понятия «особая жестокость», оставляя решение этого вопроса на усмотрение следственной и судебной практики. Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» приводит в пример несколько способов совершения убийства, когда виновному будет вменяться данный квалифицирующий признак (сожжение заживо, применение мучительно действующего яда и т.д.), но конкретного перечня таких способов нет, что нередко вызывает проблемы при квалификации.

В судебной практике трактовка понятия особой жестокости вызывает ряд вопросов. Любое убийство является проявлением жестокости, но общественная опасность этого преступления повышается в связи с тем, что такая жестокость является чрезмерной, даже с целью отнять у человека жизнь¹.

Состав убийства, совершенного с особой жестокостью, имеет ряд особенностей. Главная из них заключается в том, что особая жестокость относится к оценочным понятиям. Избежать оценочных понятий в уголовном праве в принципе невозможно, но их применение традиционно вызывает значительные трудности. Поэтому задача состоит в том, чтобы найти критерии особой жестокости, которые позволяют правильно определить наличие или отсутствие его в каждом конкретном случае при совершении убийства. Кроме того, необходимо составить примерный перечень обстоятельств, свидетельствующих о том, что убийство было совершено с особой жестокостью².

В ходе становления и развития российского уголовного законодательства термин «особая жестокость» приобретал все более широкое содержание, трансформируясь из признака конкретного состава преступления, посягающего на жизнь и здоровье, в обстоятельство, отягчающее вину.

Н. П. Попова связывает понятие «особая жестокость» с умышленным причинением человеку жестокости, когда преступник в процессе содеянного осознает, что причиняет потерпевшему излишние страдания. Она считает, что при квалификации преступления необходимо учитывать: умышленный выбор орудия совершения преступления, частоту ударов, характер телесных повреждений, обстановку места происшествия³.

Понятие особой жестокости связано не только со способом убийства, но и с другими обстоятельствами, указывающими на проявление особой жестокости со стороны преступника. Признак особой жестокости присутствует, в частности, в тех случаях, когда перед убийством или в процессе него потерпевший был подвергнут пыткам или надругательству, либо когда убийство было совершено способом, заведомо причиняющим потерпевшему особые страдания (при-

---

¹ Андреева Л. А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998.

² Попов А. Н. Убийства, совершаемые с особой жестокостью, а также общепонятным способом. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2001.

³ Попова Н. П. Проблемы квалификации убийства, совершенного с особой жестокостью // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2011. № 4.

чинение большого количества телесных повреждений, применение болезненно действующего яда, сожжение заживо и т.д.). Особая жестокость может выражаться также в совершении убийства в присутствии близких жертве лиц¹.

Особая жестокость проявляется также в тех случаях, когда преступник, причинив вред потерпевшему, умышленно усугубляет его страдания, препятствуя в оказании ему помощи².

Глава 16 УК РФ защищает права живого человека, издевательство над трупом не может считаться убийством с особой жестокостью. Деяние в таких случаях, если отсутствуют иные данные об особой жестокости виновного до лишения жизни потерпевшего или в процессе совершения убийства, должно квалифицироваться соответствующей частью ст. 105 и ст. 244 УК РФ, предусматривающей ответственность за осквернение трупов³.

Убийство, совершенное с особой жестокостью, в соответствии с действующим законодательством, является преступлением, которое трудно поддается четкому определению. Несмотря на то, что в УК РФ сформулирован расширенный, по сравнению с предыдущим уголовным законодательством, состав убийства с особой жестокостью, отсутствуют четкие критерии квалификации действий виновного лица.

В судебной практике имеются многочисленные примеры, связанные с оценкой множественности причиненных телесных повреждений как основного критерия особой жестокости, однако, нанесение большого количества телесных повреждений само по себе не доказывает наличие в составе преступления признаков особой жестокости. Например, приговором Самарского областного суда гражданин Обсоков был осужден по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Верховный суд, исключив пункт «д», указал, что множественность ранений при убийстве не может быть признана обстоятельством, которое во всех случаях должно рассматриваться как свидетельство особой жестокости: других фактов, свидетельствующих о том, что Обсоков намеревался не только лишить жертву жизни, но и жестоко пытать и мучить его перед смертью, в деле не установлено.

Н. Ф. Кузнецова считает, что для квалификации преступления как убийства с особой жестокостью необходимо установить, во-первых, тот факт, что выбранный способ убийства был объективно болез-

¹ Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. Ю. В. Грачева. М.: ИНФРА-М, 2013.

² Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. Н. Игнатова и Ю. А. Красикова. М.: Норма, 2000.

³ *Голенко Д. В.* Преступления против жизни и здоровья. Самара: Издательство Самарского университета, 2019.

ненным для потерпевшего, а во-вторых, желание или сознательное допущение субъектом такого способа убийства¹.

Особая жестокость как способ лишения жизни указывает только на прямой умысел. С психологической точки зрения, нельзя специально выбирать метод лишения жизни и не желать смерти. При косвенном умысле последствия случайны, и преступник не делает ничего специально, чтобы получить результат. Выбор мучительного способа убийства, пытки или истязания, применяемые в процессе лишения жизни, свидетельствуют о желании виновного убить жертву, причинив ей особые мучения и страдания.

Показательным в данном отношении является дело № 9-006-96, рассмотренное Верховным Судом РФ 29 января 2007 г. П. в ходе ссоры с Х. из-за алкоголя стал избивать его, а когда проснулась М. и потребовала не трогать Х., П. стал избивать и М. П. взял нож, которым разрезали закуску, и стал наносить множественные удары по лицу, туловищу, животу М., а затем подошел к Х. и стал наносить ему удары тем же ножом. В течение 20–25 минут П. избивал потерпевших и наносил им удары ножом. Из заключений судебно-медицинских экспертиз следует, что в процессе лишения М. жизни было нанесено 48 ножевых ранений, многочисленные кровоподтеки, Х. — 53 колото-резанных ранения, 9 резаных ранений лица, шеи и многочисленные кровоподтеки. Все повреждения были причинены прижизненно. Принимая во внимание характер и количество телесных повреждений, нанесенных потерпевшим, продолжительность причинения телесных повреждений различных частей тела, суд пришел к выводу, что П. совершил убийство двух лиц с особой жестокостью и его действия квалифицированы по пп. «а», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ².

Особая жестокость относится к оценочным категориям, а определение ее характерных признаков относится к компетенции правоохранительных органов, что не способствует единообразию практики ее применения и требует уточнения.

Поэтому необходимо унифицировать понятие «особая жестокость», разъяснив в специальном постановлении Пленума Верховного Суда РФ его содержание не только в отношении убийства, но и в отношении преступлений против здоровья личности, преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, а также дополнив УК РФ уточнением содержания этой характеристики как отягчающего обстоятельства.

¹ Кузнецова Н. Ф. Вопросы квалификации умышленного убийства // Вестник МГУ. 1961. № 2.

² Законы России. URL: https://lawrussia.ru/texts/legal_215/doc215a747x940.htm (дата обращения: 26.09.2020).

Подводя итог вышеприведенному анализу, следует еще раз отметить, что убийство с особой жестокостью является оценочной категорией, которая выражается в причинении потерпевшему или его близким особых мучений и страданий, которые для преступника имеют личностный смысл. В целях исключения ошибочных толкований понятия «особая жестокость» целесообразно его закрепление на законодательном уровне.

Рагачурин К.Р.,

*студентка II курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности

На сегодняшний день экстремизм остается одним из самых животрепещущих и актуальных вопросов не только на общеправовом уровне, но и в жизненных ситуациях. Экстремизм, в первую очередь, это социальное явление, проявляющееся в приверженности отдельных лиц, групп, организаций к крайним взглядам, позициям и мерам в общественной деятельности. Данное социальное явление распространяется на сферу общественного сознания, морали, идеологии.

Для определения, закрепленного законодательно, обратимся к положениям статьи 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Экстремистская деятельность — насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с на-

силием либо угрозой его применения¹. Приведенный выше перечень не исчерпывающий. Все положения пункта 1 данной статьи раскрывают все формы проявления экстремистской деятельности. Если рассматривать данное понятие на международном уровне, то исходит следующее: экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультра-национализма. Из двух рассмотренных нами определений можно вывести одно сходство: оба варианта характеризуют экстремизм как неоднородное понятие, то есть оно затрагивает не одну сторону общественной жизни. Кроме того, в научной литературе различают «левый» и «правый» экстремизм. Левые представлены анархистами, марксистами, троцкистами, критикующими социализм за господство бюрократии, а капитализм за порождение социального неравенства; правые же представлены консерваторами и в своих идеях выступают против падения нравов, отсутствия порядка (в отличие от анархистов): наиболее ярким представителем можно назвать националистическую партию Ле Пен во Франции, которая некогда считалась ультраправой.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно с уверенностью сказать о том, что экстремизм является социально-правовым явлением. Социальный аспект данного явления состоит в возникновении противоречий в обществе, которые основаны на религиозной, национальной, этнической почве. Одно лишь расхождение взглядов, сформированных благодаря таким явлениям, как мировоззрение, вероисповедание, культура, может породить социальный конфликт. Говоря конкретно о России как о межнациональной и межконфессиональной стране, стоит отметить, что здесь риск возникновения подобных противоречий велик². А правовой аспект как раз и состоит в создании основы для противодействия экстремизму.

Так, например, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации выступает против пропаганды идей, теорий превосходства, стремящихся поощрять расовую ненависть (ст. 4)³. Подстрекательство к расовой дискриминации или оказание помощи для проведения подобных мероприятий, в том числе фи-

---

¹ Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // СПС «КонсультантПлюс».

² Костюк М. Ф. Правовые основы противодействия экстремизму // Евразийская адвокатура. 2017. № 4 (29).

³ Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации // СПС «КонсультантПлюс».

нансирование, считается преступным. На международном уровне важное место занимает Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В 6 статье дается перечень некоторых мер, которые способствуют борьбе против экстремизма: например, обмен информацией, выполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий, принятие мер по предупреждению, выявлению и пресечению мероприятий, связанных с осуществлением экстремистской деятельности, терроризма и сепаратизма¹.

Отечественное законодательство основывается большей частью на Конституции РФ и общепризнанных принципах. Обращаясь к пункту 5 статьи 13 Конституции РФ, сразу же прописывается запрет «создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя...» Значимым представляется решение Мосгорсуда о запрещении Национал-большевистской партии от 19 апреля 2007 г.: идеи данной организации, призывавшие к осуществлению экстремистской деятельности, публиковались в средствах массовой информации. Суд на основании положений статей 7 и 9 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. Федеральных законов от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ, от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ) признал экстремистской и запретил деятельность межрегиональной общественной организации «Национал-большевистская партия»². Еще одним ярким примером правоприменительной практики в области борьбы с экстремизмом в России можно считать решение Верховного суда РФ, постановившего ликвидировать религиозную организацию «Свидетели Иеговы». Суд постановил следующее: «Начиная с 2009 г. в связи с выявлением в деятельности религиозных организаций признаков, свидетельствующих о наличии угроз безопасности Российской Федерации и целенаправленной экстремистской деятельности, судами Российской Федерации признаны экстремистскими, запрещена деятельность и ликвидированы восемь местных религиозных организаций Свидетелей Иеговы, входящих в структуру Организации»³. Правовой основой здесь выступает еще и Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных организациях» (п. 2 статья 14 «основаниями для ликвидации религиозной организации являются действия, направленные на осуществление

¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // СПС «КонсультантПлюс».

² Решение Мосгорсуда о запрещении НБП от 19 апреля 2007 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³ Решение Верховного Суда РФ от 20 апреля 2017 г. № АКПИ17-238 // СПС «КонсультантПлюс».

экстремистской деятельности»). В Конституции стоит обратить внимание на часть 2 статьи 29: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства». прописывается. Любое из упомянутых нарушений будет считаться преступным и нарушающим конституционные основы. Массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный список экстремистских материалов, также является правонарушением и влечет ответственность. Статья 20.29. КоАП РФ регулирует данный вопрос: в этом случае на лицо может быть наложен административный штраф или административный арест. Помимо Конституции, КоАП и решений суда, важной нормативной базой по противодействию экстремизма является уголовное законодательство РФ.

Так, статья 282¹ УК РФ посвящена организации экстремистского сообщества. В первую очередь, в Кодексе дается важное пояснение: под преступлениями, связанными с экстремизмом, подразумеваются те деяния, которые совершены по мотивам политической, расовой, идеологической и религиозной ненависти, либо вражды и ненависти по отношению к какой-либо социальной группе. Также в УК варьируется тяжесть наказания в зависимости от роли лица в деятельности экстремистского сообщества: создание; склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность сообщества; участие в экстремистском сообществе. Однако если лицо впервые совершило преступление и добровольно прекратило участие в его деятельности, то оно освобождается от уголовной ответственности при условии отсутствия другого состава преступления. Основными в противодействии экстремизму являются следующие уголовно-правовые нормы: возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), организация экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ), организация деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ) и финансирование экстремистской деятельности (ст. 282³ УК РФ).

Однако что происходит на практике? Статистика показывает негативную динамику роста преступлений, связанных с экстремистской деятельностью: так, например, в 2011 г. зарегистрировано 622, в 2012 г. — 696, а в 2013 г. уже 896 экстремистских преступлений¹. Экстремизм является опасным явлением в любых формах проявле-

---

¹ Тимофеев М. С. Проблемы реализации Стратегии противодействия экстремизму в деятельности сильного российского государства // Вестник РУК. 2015. № 2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-strategii-protivodeystviya-ekstremizmu-v-deyatelnosti-silnogo-rossiyskogo-gosudarstva> (дата обращения: 25.10.2021).

ния. Поэтому нынешние реалии требуют обеспечения национальной безопасности, организованной работы не только на законодательном, но и на правоприменительном уровне и, конечно, увеличения гражданской активности населения.

Романюк А.В.,

*студентка II курса Оренбургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Московского государственного
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Преступления террористической направленности: анализ правовых основ противодействия

Терроризм сегодня является глобальной проблемой, беспокоящей все мировое сообщество, память которого омрачена горькими событиями и 11 сентября 2001 г., и террористического акта в Беслане, в Ницце, и, к сожалению, во многих других уголках планеты. Общество в настоящий момент находится под серьезнейшей угрозой действий террористических организаций, наносящих колоссальный ущерб не только каждому человеку на земле, ведь данные преступления являются не просто противоправными, а античеловечными, но и каждому государству, образованному на планете Земля, ведь целью террористов является именно дестабилизация политической, экономической ситуации в странах современного мира. В связи с этим, представляется интересным рассмотреть правовую природу борьбы с преступлениями террористической направленности в Российской Федерации.

Безусловно, стоит начать с рассмотрения уголовно-правовой охраны общества от террористических преступлений, закрепленной в главном уголовном законе нашей страны — Уголовном кодексе Российской Федерации¹. Он предусматривает уголовную ответственность за данные преступления в широком круге статей. Многие ученые относят эти составы преступлений к преступлениям против общественной (общей) безопасности, определяя, что «данная группа преступлений может совершаться в любых сферах общественной жизни, затрагивать наиболее важные интересы в области обеспечения нормальных и безопасных условий жизни всего общества»², что отражает высокий уровень опасности данных дея-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 февраля 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Журавлев М. П., Наумов А. В., Никулин С. И., Понятовская Т. Г., Рарог А. И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. А. И. Рарога; 10-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018.

ний. В связи с этим, Уголовный кодекс РФ дает подробную характеристику каждого действия, направленного на совершение рассматриваемых преступлений.

Так, открывает перечень преступлений, составляющих объект нашего исследования, ст. 205 УК РФ, предусматривающая ответственность за террористический акт — «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями». Из данного определения мы видим, что основная опасность данного состава преступления состоит не в уничтожении имущества путем взрыва или поджога, как это предусмотрено ст. 167 УК РФ, а в деяниях, направленных на устрашение населения, создание опасности гибели людей, но не ради уничтожения одного человека или группы лиц, а для совершения действий, направленных против государства, в целях нарушения его деятельности, давления на государственный аппарат ради достижения собственных преступных целей.

Самыми яркими факторами, отражающими резко отрицательную оценку законодательства к данному деянию и большинству других преступлений, рассматриваемым в данном исследовании, являются возраст, с которого физическое лицо может считаться субъектом этого преступления, а также вид наказаний, предусмотренный за его совершение. Так, «В настоящее время, в соответствии с поправками, внесенными в УК РФ, субъектом анализируемого преступления может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста. Ранее уголовная ответственность за указанное деяние наступала с 16 лет»¹. Снижение возраста уголовной ответственности от рамок, установленных для общего субъекта уголовной ответственности — 16 лет, до 14 лет, регламентируемых ст. 20 УК РФ, иллюстрирует особую опасность террористической деятельности, как и наказание, диапазон которого варьируется от десяти лет лишения свободы до самого строго наказания в Российской Федерации, с учетом меморандума на смертную казнь, — пожизненного лишения свободы, что относит данные деяния, в соответствии со ст. 15 УК РФ, к категории особо тяжких преступлений.

Далее преступления, обозначенные в УК РФ как ст. 205 с индексами от 1 до 6, закрепляют ряд деяний, предшествующих осу-

---

¹ Гогин А. А. Понятие, признаки и виды террористических преступлений // Символ науки. 2016. № 12–3. С. 77.

шествлению террористических актов, которые также представляют значительную степень опасности для общества и государства. Примечательным является то, что в отдельные статьи выносятся преступления, которые могли бы квалифицироваться по ст. 205 с учетом положений Общей части УК РФ. Так, ст. 205¹, 205⁴ и 205⁵, регламентирующие содействие террористической деятельности, организацию террористического сообщества или террористической организации и участие в них могли бы охватываться положениями главы 7 УК РФ «Соучастие в преступлении». Также специфичным является состав преступления, закрепленный в ст. 205³, — прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, ведь это единственное положение, закрепляющее уголовную ответственность за обучение с целью совершения преступления.

В этой связи среди ученых существует дискуссия по вопросу обоснованности введения в Уголовный Кодекс статей 205¹–205⁶. Так, по мнению С. М. Кочои, «сам принцип дополнения УК статьями, подобными ст. 205¹, порочен. Сегодня самостоятельной нормой Особенной части УК является содействие совершению терроризма, завтра таковым признают вовлечение в государственную измену, послезавтра — организацию убийства и т.д.»¹. Но существует и противоположное мнение, заключающееся в том, что введение новых статей позволило сделать борьбу с преступлениями террористической направленности более эффективной: «комплексный подход законодателя к защите общественной безопасности представляется верным ... в области противодействия преступлениям террористической направленности наблюдается активный процесс криминализации новых общественно опасных деяний. Так, в 2013 г. были криминализованы три общественно опасных деяния террористической направленности (ст. 205³, 205⁴ и 205⁵ УК РФ), а в 2016 г. введена уголовная ответственности за ... несообщение о преступлении террористической направленности (ст. 205⁶ УК РФ)»²

В целом, анализ положений Уголовного кодекса Российской Федерации в части преступлений террористической направленности показал не только высокий уровень общественной опасности данных деяний в виде причинения значительного имущественного ущерба, подрыве политической стабильности государства, угрозе жизни широкому кругу лиц, но и отразил особое отношение законодателя к охране общества от такого вида противоправных действий, что выразилось в их подробном регламентировании, сниженном возрасте

¹ Кочои С. М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика // Lex russica. 2005. № 2. С. 79.

² Маякова А. С., Шелепова С. А. Борьба с терроризмом: новое в российском уголовном законодательстве // Социально-политические науки. 2017. № 5. С. 148.

уголовной ответственности за их совершение и закрепления наивысшей степени наказуемости за такие преступления.

Следующим в иерархии законодательных актов по борьбе с преступлениями террористической направленности является Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ¹, который выделяет основные понятия в области противодействия терроризму, его правовую основу, состоящую из Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации, федеральных законов и подзаконных актов РФ. Рассматриваемый Федеральный Закон выделяет ряд принципов, позволяющих осуществлять эффективное противодействие террористическим преступлениям, регулирует процедуру его осуществления, определяя условия проведения операций такого характера, круг лиц, их осуществляющих, и их полномочия, а также средства, привлекаемые к борьбе с преступлениями террористической направленности.

Важнейшим подзаконным актом, регламентирующим деятельность государства по борьбе с террористическими преступлениями, является постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», ведь оно не только закрепляет некоторые процессуальные особенности при рассмотрении данной категории дел, но и в своей преамбуле закрепляет важнейшие постулаты по борьбе с терроризмом, определяя глобальность данной проблемы: «Терроризм представляет угрозу международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, сохранению территориальной целостности государств, их политической, экономической и социальной стабильности, а также осуществлению основных прав и свобод человека и гражданина, включая право на жизнь», что придает особую важность уголовно-правовой охране общества и государства от преступлений террористической направленности.

Итак, терроризм признан мировым сообществом одним из опаснейших преступлений против человечества на сегодняшний день, именно поэтому каждое государство должно обеспечить своему населению достойный уровень защищенности от данных противоправных деяний. Проанализировав юридическую базу Российской Федерации в данной области, мы убедились в том, что в нашей стране уровень юридической защищенности населения от терроризма является высоким. Ведь центральный уголовный за-

---

¹ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

кон России досконально регламентирует данные преступления, вынося в отдельные статьи каждую стадию его совершения, в специализированном Федеральном законе определяются важнейшие принципы и процедура противодействия терроризму, в подзаконных актах подробнейшим образом регламентируется правоприменительная деятельность по борьбе с преступлениями террористической направленности.

Рябова И.О.,

*студентка II курса ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского»*

Убийство по мотивам кровной мести

Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, является особо тяжким преступлением, предусмотренным ст. 105 УК РФ. В части 2 данной статьи, описано 13 видов убийств с отягчающими обстоятельствами, за которые устанавливается повышенная мера уголовной ответственности.

Убийство по мотиву кровной мести ранее относилось к п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство «...по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести». Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ данное деяние было отнесено к п. «е»¹ ч. 2 ст. 105 УК РФ как отдельный квалифицирующий признак.

Под кровной мезтью принято понимать обычай, в соответствии с которым лицо, которому причинена кровная обида, или его родственники обязаны «отомстить кровью» обидчику или его родственникам. Стоит отметить, что отвечать кровью может только мужчина. В тех случаях, когда обида нанесена женщиной, то «объектами мести» становятся ее родственники мужского пола — отец, братья, сыновья¹.

В большинстве случаев основанием для кровной мести является убийство, из-за которого родственники убитого обязаны отомстить, причинив смерть убийце или его родственникам. У некоторых народов данный обычай применяется так же при оскорблении, прелюбодеянии, изнасиловании, похищении женщины.

Одной из причин акцентирования особого внимания на кровной мести является факт того, что в некоторых местностях субъектов РФ все еще встречаются случаи, когда семья пострадавшего не дожидается окончания суда и самостоятельно наказывает виновно-

---

¹ Маркарян С. А. Совершение преступления по мотиву кровной мести // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. С. 81–83.

го¹. То есть, кровная месть противоречит не только нравственным нормам, но и закону, а именно ст. 118 Конституции РФ. В соответствии с данной статьей правосудие осуществляется только судом. Непосредственно ст. 2 Конституции РФ, содержащая положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью государства, также нарушается.

Стоит отметить, что для тех народов, которые все еще осуществляют данный обычай, он является обязанностью, а не правом семьи жертвы. Это их долг, и если они его не исполняют, то навлекут позор на весь свой род. Например, на Кавказе отказ от кровной мести рассматривался как грех и позор, так как данная обязанность носила не только светский, но и религиозный характер.

На основании этого, в уголовно-правовой науке делается вывод, что для квалификации деяния по п. «е»¹ ч. 2 ст. 105 УК РФ мотив виновного должен быть связан не столько с чувством личной неприязни к жертве, сколько со стремлением соблюсти обычаи, чтобы завоевать авторитет, получить признание у своего народа.

Кровная месть раньше рассматривалась законодателем как один из самых опасных пережитков местных обычаев. В связи с этим было принято решение, что действие нормы, запрещающей данное деяние должно ограничиваться определенной территорией. Это положение содержалось в статье 236 УК РСФСР 1960 г.² В современном законодательстве такое ограничение отсутствует. Из этого можно сделать вывод, что местом преступления может быть любой субъект РФ в независимости от традиций, проживающих в нем народов.

Некоторые ученые придерживаются точки зрения о том, что субъектом убийства по мотивам кровной мести может быть только лицо, принадлежащее к определенной нации или этнической группе, где существует данный обычай. Однако это утверждение не основывается на буквальном толковании нормы и в некотором смысле носит дискриминационный характер. То есть представители одной нации всегда могут рассматриваться в качестве субъекта данного преступления, когда лица другой национальности не могут руководствоваться этим мотивом, поэтому не могут быть субъектами. В связи с этим более распространенной является теория другой группы исследователей. Они считают, что основную роль играет не национальная принадлежность виновного лица, а то, признает ли он обычай кровной мести, следует ли ему. Следовательно, в основу признания

---

¹ *Могутевцева А. В.* Убийство по мотивам кровной мести // Конституционно-правовое регулирование общественных отношений: теория, методология, практика. 2018. С. 211–216.

² Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) (ред. от 30 июля 1996 г.).

убийства совершенным по мотиву кровной мести должно быть положено осознанное стремление виновного соблести обычай, что входит в субъективную сторону преступления¹.

Из этого можно сделать вывод, что субъект является общим — вменяемой физическое лицо, достигшее 14 лет. Но, можно выделить несколько особенностей лица, виновного в совершении данного преступления.

1) Лицо должно обладать правом кровной мести
2) Субъект должен испытывать личные враждебные чувства к потерпевшему

3) Виновный должен признавать обычай кровной мести и при совершении противоправных действий руководствоваться именно им

На основании вышеизложенного материала можно сделать несколько выводов. При квалификации убийств возникает сложность отграничения мотивов «месть» и «кровная месть». Суду необходимо подробно анализировать действия обвиняемого, чтобы определить, что именно послужило причиной совершения им преступного деяния. Это можно увидеть на примере судебной практики. Рассмотрим дело Малгобекского городского суда (Республика Ингушетия) об умышленном причинении смерти подсудимым Е. — жертве Р. Дядя Е. погиб в результате взрыва бытового газа. У подсудимого возникла личная неприязнь к Р. (жене дяди), так женщина общалась с посторонними мужчинами и равнодушно отнеслась к смерти своего мужа. По мнению Е., она своим поведением поставила под сомнение достоинство семьи его родственников. Ее убийство подсудимый считал делом чести. Достоверных доказательств того, что она причастна к смерти его дяди не было, к тому же она женщина, а по исламу женщинам не относится правило кровной мести. Говоря о том, что это было для него делом чести, Е. подразумевал, что, уже решив совершить данное преступление, он твердо стоял на своем намерении. Именно поэтому суд решил, что действия виновного не направлены на совершения обычной кровной мести, и квалифицировал данное деяние по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Убийство по мотивам кровной мести является опасным общественным деянием, поэтому придание ему более высокой квалификации, чем умышленному причинению смерти другому человеку (ч. 1 ст. 105 УК РФ), вполне оправдано. Данное деяние несет очень большой вред общественным отношениям. Ведь, например, если одна семья отомстит другой за убийство сына, убив их дочь, то вторая семья тоже захочет отомстить. В результате это может привести к массовым убийствам, вырождению или уничтожению целого рода, общности.

---

¹ Алиев Р. И. Убийство по мотивам кровной мести: субъект как элемент состава преступления // Юридический факт. 2018. № 32. С. 36–38.

До настоящего время обычай кровной мести сохранился у народов Северного Кавказа: Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария. Для предотвращения совершения данных преступлений необходимо развивать систему примирительного производства, наладить ее работы в тех субъектах РФ, где изучаемое общественно опасное деяние является пережитком местных обычаев.

Саломатина А.С.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Клевета: особенности уголовно-правового регулирования в свете последних изменений в статью 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации

В современном мире репутация играет огромное значение в деятельности человека, а честь и достоинство личности являются непререкаемой ценностью, которые признаются таковой как в международно-правовых актах, так и в российской законодательстве. Возрастает значение информации в современном обществе, ложность и порочащий характер которой могут привести к неизгладимым последствиям в жизни людей, поэтому уголовно-правовой порядок охраны чести и достоинства личности представляется обоснованным. Под клеветой понимается распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. В Уголовном кодексе РФ 1996 г. понятие клеветы оставалось неизменным, однако норма претерпевала декриминализацию и криминализацию за достаточно короткий период времени, а в декабре 2020 г. приняты новые поправки в статью о клевете¹. Представляется, что такая ситуация частого изменения уголовного закона приводит к дестабилизации общественных отношений. Тем более возникает потребность в научном исследовании этой нормы и практики правоприменения.

Итак, поправки коснулись квалифицирующих признаков клеветы, а основной состав не изменился по сравнению с прошлой редакцией. В первую очередь следует отметить, что в ч. 2 ст. 128¹ УК РФ как квалифицирующий признак выделяется публичность клеветы. Публичный способ совершения преступления повышает общественную опасность, так как порочащие ложные сведения распространя-

---

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 77.

ются среди широкого круга лиц, следовательно честь, достоинство и репутация гражданина подвергаются значительно большему урону. Публичность как признак клеветы предполагает открытость, доступность распространяемых сведений, их способность быть воспринимаемыми неопределенным кругом лиц. Ранее не предусматривалась ответственность за распространение клеветы на ресурсах «Интернета», не зарегистрированных в качестве СМИ: «клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации» — глагола предыдущая редакция. Так, в соответствии со ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» к СМИ относится «сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», зарегистрированный в качестве средства массовой информации»¹. Несмотря на это, очевидным является тот факт, что общественная опасность данного деяния не зависит от того, зарегистрирован конкретный сайт как СМИ или нет, так как с информацией на нем может ознакомиться крайне широкий круг лиц. В этой связи закономерны изменения в ч. 2 ст. 128¹ УК РФ, устанавливающие ответственность за клевету в «Интернете».

Также ч. 2 ст. 128¹ УК РФ была дополнена формулировкой «либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных». Представляется, что речь здесь может идти о каких-либо партиях, чиновниках, общественных объединениях и других лицах, которые прямо не называются, но всем понятно, о ком идет речь². Видится, данное изменение продиктовано участвовавшей критикой органов власти, различных учреждений и т.д. со стороны журналистов, блогеров и обычных пользователей.

Возникает вопрос относительно защиты репутации юридических лиц в рамках ст. 128.1 УК РФ. При буквальном толковании ч. 1 ст. 128.1 УК РФ усматривается неопределенность в отношении признания юридических лиц потерпевшими от клеветы, так как используется формулировка «другое лицо», то есть может подразумеваться и физическое, и юридическое. Однако правоприменительная практика, видится, обоснованно, идет по пути защиты репутации организаций в гражданско-правовом порядке³. Теперь если неопределенный круг лиц, работающий в какой-либо органи-

---

¹ Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 30 декабря 2020 г.) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2021 г.) // РГ. 1992. № 32. 8 февр.

² *Осадчая Н. Г.* Клевета: особенности уголовно-правового регулирования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2 (129). С. 122–125.

³ О клевете в уголовном праве // Главное управление МВД России по Самарской области. URL: <https://63.мвд.рф/document/3456256> (дата обращения: 02.05.2021).

зации, подвергается клевете, то непонятно, кого признавать потерпевшим — неопределенный круг лиц (и квалифицировать деяние по ч. 2 ст. 128¹ УК РФ) или юридическое лицо (и защищать его репутацию в гражданско-правовом порядке). Например, клеветнические сведения распространяются о поварах местной известной пекарни о том, что они готовят не в соответствии с нормами СанПин, не имеют медицинской книжки, их продукция небезопасна. В данном случае и репутации поваров как профессионалов, и репутации пекарни наносится вред. Соответственно, данные поправки в ч. 2 ст. 128¹ актуализируют необходимость разъяснения высшей судебной инстанцией вопроса о возможности признания юридического лица потерпевшим от клеветы, а также о примерных критериях разграничения неопределенного круга лиц от юридического лица в каждом конкретном случае.

Новая редакция ч. 2 ст. 128¹ УК также таит опасность уголовного преследования за высказывания в отношении прямо не названных лиц, которые сочтут, что эти утверждения касаются их. Любой нелестный отзыв о деятельности органа власти, организации с изложением фактов, но без указания на конкретных физических лиц может быть расценен как клевета¹. Появление в диспозиции ч. 2 ст. 128¹ УК указания на «индивидуально неопределенных» лиц вызывает вопросы установления признаков объективной и субъективной стороны состава преступления. Если потерпевшие от клеветы не конкретизированы, то возникает проблема оценки распространяемой информации как ложной или правдивой, так как непонятно, к кому именно она относится, что порождает и проблемы доказывания прямого умысла. Соответственно, необходимо разъяснить, каковы «границы» неопределенности в этом квалифицированном признаке, так как размытость формулировки дает правоприменителю возможность недопустимо широкого усмотрения.

Видится важным отдельно отметить криминогенный потенциал технологии дипфейк (от англ. «deep learning — глубокое обучение» и «fake — подделка») и возможность признания клеветой распространение сведений, созданных с помощью этой технологии. Вполне доступные рядовому пользователю приложения позволяют создать подрывающие репутацию конкретного человека видео-, аудиозаписи и фото, на которых неотличимое от реального лицо совершает заданные разработчиком действия. Одним из наиболее популярных и доступных противоправных вариантов использования технологии дипфейк является так называемая «порноместь» — фото или видео тысяч искусственно обнаженных женщин распространяются

---

¹ Егорова Н. А. Новое в уголовно-правовом противодействии клеветы // Законность. 2021. № 3. С. 41–45.

злоумышленниками в Интернете¹. Напрямую это явление не урегулировано российским законодательством², зачастую эти деяния совершаются с корыстной целью, поэтому юристами предлагается квалификация по ст. 163 УК РФ³. Однако, если человек на фото или видео был обнажен с помощью технологии дипфейк (не изначально был запечатлен в обнаженном виде), его изображение совершало действия, порочащие честь и достоинство человека, не соответствующие действительности, при этом у лица не было цели шантажировать потерпевшего ради материальной выгоды, то усматривается состав именно клеветы.

Таким образом, представляется, что сегодня благодаря искусственному интеллекту и технологии дипфейк клеветническими можно признать даже видеозаписи с «самим потерпевшим». Видится, что в уголовном законе необходимо предусмотреть специфику такой клеветы (возможно, путем выделения нового квалифицирующего признака), так как она имеет большую общественную опасность ввиду высокой верифицируемости этих видео в силу использования изображения, голоса и всех отличительных черт человека, а отличить подделку от оригинального видео становится все сложнее с развитием технологии. При этом посягательство на честь, достоинство и репутацию личности очевидно и часто трагично для самого потерпевшего, а объекты преступлений, которые сейчас можно инкриминировать в таких случаях, являются общественными отношениями другого рода.

Таким образом, законодатель идет по пути криминализации и пенализации квалифицированной клеветы. Несмотря на то, что некоторые проблемы, порождаемые изложением норм в предыдущей редакции, устранены, появляются новые вопросы, касающиеся практики применения нормы о клевете в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально неопределенных. Видится необходимым детальное разъяснение высшим судебным органом проблем квалификации, возможных на практике, особенно с учетом существенного ужесточения наказания, предусмотренного санкциями квалифицированных составов клеветы в новой редакции. Также представляется целесообразным выделить квалифицированный состав клеветы, предусматривающего ответственность за распространение клеветни-

---

¹ Порнографические дипфейки // URL: <https://www.bbc.com/ukrainian/news-russian-54633978> (дата обращения: 02.05.2021).

² *Соловьев В. С.* Порноместь: сущность явления и проблемы его уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2017. № 6. С. 60–64.

³ Право на приватность. Что такое «порноместь», и как закон защищает от нее женщин. Екатерина Тягай // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/381831-pravona-privatnost-cto-takoe-pornomest-i-kak-zakon-zashchishchaet-ot-nee> (дата обращения: 02.05.2021).

ческого дипфейка, так как оно обладает повышенной общественной опасностью, достаточно распространено в современном мире и не исчерпывается основным составом, существующим на сегодняшний день и инкриминируемым в подобных делах.

Сальникова А.К.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Сравнительно-правовой анализ норм, регулирующих коммерческую тайну в России и Испании

Мы живем в XXI в., веке информации и информационных технологий. Информационные технологии все глубже и глубже проникают в нашу жизнь, а информация обладает все большей ценностью. А после пандемии 2020 г., каждая сфера жизнедеятельности человека использует информационные технологии. Посетить выставки, экспозиции в музее, купить товар, пообщаться с друзьями и даже попутешествовать, все это возможно с помощью информационных технологий. Информацию понимают по-разному. Информация то свойство материи, и, поэтому, информацией можно считать полноправную философскую категорию. По мнению Г. Кастлера, информация — это случайный и запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных. Определение понятия «информация» содержится и в законодательных актах. В федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в статье 2 приводится определение понятия «информация»¹. В соответствии с приведенным выше федеральным законом, информация — сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

В научных публикациях информацию делят на две категории в зависимости от степени доступа. По данному основанию информация бывает общедоступной и ограниченного доступа. Информация ограниченного доступа делится в свою очередь, на государственную тайну, служебную тайну, коммерческую тайну, профессиональную тайну (которая также подразделяется на виды), а также персональную информацию. Владелец информации в некоторых случаях стремится защитить информацию от посторонних лиц. Если данная информация не является государственной тайной,

---

¹ Федеральный закон 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 20 марта 2021 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 2) // СПС «КонсультантПлюс».

то обладатель информации может использовать такой способ защиты сведений, как коммерческая тайна. Под коммерческой тайной понимается режим конфиденциальности информации, который позволяет ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду¹. В том же федеральном законе можно встретить определение понятия «информации, составляющей коммерческую тайну». Информация, составляющая коммерческую тайну — сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны². Коммерческая тайна непосредственно связана с коммерческой деятельностью организации, ею может являться тайна предпринимателя или организации, технические сведения, например, незапатентованные технологии (секреты производства, «ноу-хау»), сведения о клиентуре, персональные данные и т.д.

Обладатель информации, составляющей государственную тайну, то есть лицо, которое владеет информацией, составляющей коммерческую тайну, на законном основании, ограничило доступ к этой информации и установило в отношении ее режим коммерческой тайны, обладает правом на отнесение конкретной информации к информации, которая составляет коммерческую тайну. Также Федеральный закон содержит перечень сведений, которые не могут составлять информацию, отнесенную к коммерческой тайне. К примеру, сведения, содержащиеся в учредительных и некоторых других документах организации; сведения, которые затрагивают общественную безопасность; сведения о трудовых отношениях, включая оплату труда; сведения о правонарушениях и другие. Но, к сожалению, нередки случаи, когда третьи лица желают завладеть информацией, составляющей коммерческую тайну, и получают ее незаконным путем. Уголовный Кодекс Российской Федерации содержит статью 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну». Данная статья

---

¹ Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 9 марта 2021 г.) «О коммерческой тайне» (ст. 3) // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

содержит два самостоятельных состава преступления: незаконное собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну; незаконное их разглашение или использование. Не предусмотрена уголовная ответственность за собирание и разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну, при условии, что это не сопряжено с нарушением законодательства о налоговой, банковской и государственной тайне. Раскрывая содержание понятия собирания сведений, составляющих коммерческую тайну, которое вызывает наибольшее количество споров ввиду неопределенности, то уголовная противоправность данного деяния содержится в незаконном способе получения подобных сведений, «если ее получение осуществлялось с умышленным преодолением принятых обладателем информации, составляющей коммерческую тайну, мер по охране конфиденциальности этой информации, а также если получающее эту информацию лицо знало или имело достаточные основания полагать, что эта информация составляет коммерческую тайну, обладателем которой является другое лицо, и что осуществляющее передачу этой информации лицо не имеет на передачу этой информации законного основания»¹.

Перейдем к анализу нормативно-правовых актов, регулирующих коммерческую тайну в Испании. Понятие информации, составляющей коммерческую тайну, содержится в Законе № 1/2019 от 20 февраля 2019 г. «О коммерческой тайне»². В статье 1 главе 1 указанного закона информация, составляющая коммерческую тайну, определяется как любая информация или знания, включая технические, научные, промышленные, коммерческие, организационные, финансовые, которые отвечают следующим условиям: во-первых, они должны быть секретными, в том смысле, что в целом или по отдельности и в соответствии с его компонентами, они, как правило, не известны лицам, которые являются членами того круга людей, среди которых часто используется тот тип информации или знаний, о которых идет речь, и не являются легкодоступными для этих людей; во-вторых, имеют коммерческую ценность, реальную или потенциальную в силу ее секретности; в-третьих, по отношению к ней могут быть применены разумные меры для сохранения ее секретности со стороны ее обладателя. В Уголовном кодексе Королевства Испании содержатся три статьи, регулирующих взаимоотношения в сфере коммерческой тайны. Это статьи 278, 279 и 280 УК Испании. Отмечается, что ст. 278 УК Испании является достаточно схожей со ст. 183 УК РФ. Часть 1 ст. 278 УК Испа-

---

¹ Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 9 марта 2021 г.) «О коммерческой тайне» (ст. 4) // СПС «КонсультантПлюс».

² Ley N° 1/2019, de 20 de febrero de 2019, de Secretos Empresariales.

нии предусматривает ответственность за завладение информацией «каким-либо способом, сведениями, которые относятся к коммерческой тайне, либо использует какое-либо средство или орудие...». Основным отличием ч. 1 ст. 278 УК Испании и ч. 1 ст. 183 УК РФ является то, что в Испанском УК уголовно-наказуемым деянием является раскрытие коммерческой тайны, а в УК РФ — собирание сведений, которые составляют коммерческую и иные тайны. Кроме того, указанные статьи испанского Уголовного кодекса относятся только к коммерческой тайне, в то время как Уголовный кодекс РФ объектом этих преступлений определяет коммерческую, налоговую и банковскую тайны. В ч. 2 ст. 278 УК Испании содержится следующий квалифицирующий признак: раскрытая тайна будет распространяться, выдана или передана третьим лицам. В УК РФ в ч. 3 содержится похожий состав, но он предусматривает обязательное наличие особого мотива: корыстной заинтересованности. Ст. 279 УК Королевства Испании содержит уголовную ответственность за распространение, выдачу или уступку коммерческой тайны и данное преступление должно быть совершено специальным субъектом — лицом, которое в силу договора или иного обязательства имеет обязанность охранять данные сведения. В Российской Федерации же санкция за совершение подобного преступления специальным субъектом содержится в части 2 ст. 183 УК. Статья 280 УК Испании предусматривает ответственность того лица, которое, зная о незаконном происхождении коммерческой тайны, не принял участия в ее раскрытии, совершил какое-либо действие, которое предусмотрено статьями 278 и 279 УК Испании.

В связи с участвовавшими случаями незаконного завладения информацией, составляющей коммерческую тайну, в 2018 году Европейским союзом была принята Директива о защите коммерческой тайны. Данная директива содержит положения о незаконном приобретении, использовании или раскрытии коммерческой информации. До принятия данной Директивы в Испании не существовало закона, регулирующего правоотношения, касающиеся коммерческой тайны. Существовали статьи в Уголовном кодексе и некоторые положения Закона «О недобросовестной конкуренции». Основным новшеством после принятия данной директивы стала необходимость доказывания компанией-обладателем информации того, что были предприняты меры для защиты этой информации. Если компания не может этого доказать, то информация может утратить статус коммерческой тайны.

Подводя итог, стоит сказать, что правовое регулирование отношений в сфере информации, составляющей коммерческую тайну в России и Испании, является схожим. В Уголовных кодексах этих стран содержатся сходные составы преступлений, определение по-

нятия «коммерческой тайны» и «информации, составляющей коммерческую тайну» также является практически идентичным.

Семиколонова В.А.,

студентка III курса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Освобождение медицинских сотрудников от уголовной ответственности за профессиональный оборот наркотических средств

Вопрос привлечения медицинских сотрудников к уголовной ответственности за профессиональный оборот наркотических средств является достаточно обсуждаемым в СМИ и среди всего юридического сообщества в последнее время.

Одним из возможных вариантов привлечения к ответственности на сегодняшний день является нарушение правил оборота наркотических и психотропных веществ по неосторожности. Сейчас медицинским сотрудникам грозит за это до трех лет лишения свободы. Данное преступление регулируется ст. 228² УК РФ — «Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ», перечень которых весьма высок, таковыми могут стать: нарушение правил производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения наркотических средств или психотропных веществ либо их прекурсоров, инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем, повлекшее их утрату, нарушение правил культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для использования в научных, учебных целях и в экспертной деятельности либо для производства используемых в медицинских целях и (или) в ветеринарии наркотических средств и психотропных веществ, а также нарушение правил хранения, учета, реализации, продажи, перевозки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, повлекшее утрату таких растений или их частей, если это деяние совершено лицом, в обязанности которого входит соблюдение указанных правил.

В 2019 году во время «Прямой линии» к В. В. Путину обратилась руководитель Московского центра паллиативной помощи Нюта Фе-

дермессер с вопросом о смягчении ответственности за данное уголовно-наказуемое деяние¹.

Вопрос, действительно, спорный и требующий модернизации законодательства. Нужно отметить, что врачи, из-за угрозы лишения работы, порой не могут сосредоточиться на помощи людям, присутствует опасность лишения свободы за случайную ошибку или неосторожность. Применение наркотических средств «зарегулировано» настолько, что врачи, начинают сомневаться в том, могут ли прописать то или иное вещество. Сегодня, в том случае, если медик использует чуть больше необходимого лекарства, либо капсула с таковым в ходе оказания помощи теряется — он вполне может оказаться на скамье подсудимых.

Однако, при всей важности и казалось бы очевидности проблемы, мнения о декриминализации разнятся.

Так, например, Министерство внутренних дел Российской Федерации на одном из своих собраний заявило, что предусмотренная ответственность «не является избыточной и в достаточной мере эффективна»². Кроме этого, МВД предоставило статистику, согласно которой с 2016 по 2019 г. было возбуждено всего 29 уголовных дел по данной статье, часть из которых была прекращена и всего 15 дел направлено в суд.

Однако, как подчеркивает председатель правления АЮР — «Небольшая цифра не должна успокаивать: фактически любой медицинский работник, которому в ходе профессиональной деятельности приходится использовать обезболивающие средства, находится в зоне риска»³.

Депутат от КПРФ Юрий Синельщиков заявил, что фракция не поддерживает законопроект по причине его несовершенства. По его мнению, проблема, которую призвана решить эта инициатива, возникает не из-за формулировок действующего закона, а из-за их неадекватной правоприменительной практики⁴.

Однако, законодатель остается на стороне медиков. Так, уже 7 апреля 2021 г. Госдума в первом чтении рассмотрела законопроект, кото-

---

¹ См.: В первом чтении рассмотрен законопроект об ответственности медиков за утрату наркотических средств // URL: https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2021-04-07/404435-v_pervom_chtenii_rassmotren_zakonoproekt_ob_otvetstvennosti_medikov_za_utratu_narkoticheskikh_sredstv (дата обращения: 10.04.2021).

² С врачей снимут уголовную ответственность по ст. 228.2 УК РФ // URL: <https://www.zdrav.ru/news/1087572-s-vrachej-snimut-ugolovnyuyu-otvetstvennost-po-state-ob-oborote-narkotikov> (дата обращения: 09.04.2021).

³ Кабмин предложил декриминализовать для медиков статью о потере наркотиков // РГ. URL: <https://rg.ru/2021/01/20/kabmin-predlozhit-dekriminalizirovat-dlia-medikov-statiu-o-potere-narkotikov.html> (дата обращения: 10.04.2021).

⁴ См.: Медиков могут освободить от ответственности за оборот наркотиков // URL: <https://pravo.ru/news/230732/> (дата обращения: 10.04.2021).

рый гуманизирует привлечение к ответственности по данному составу. В случае если утраченный психотропный препарат не поступил в незаконный оборот, ответственного за это медика не привлекут по ст. 228.2 УК¹.

Мнение законодателя является досконально верным — за данное правонарушение достаточно применения административной, дисциплинарной или материальной ответственности.

Данный законопроект был подготовлен по поручению В. В. Путина, Верховный суд поддержал инициативу.

Павел Крашенинников, председатель профильного комитета Госдумы по госстроительству и законодательству, уточнил, что речь идет об освобождении от ответственности за разбившиеся ампулы, нарушения правил перевозки, учета и подобные случаи. Кроме этого, необходимо максимальное содействие врача при расследовании данного деяния.

Таким образом, необходимость данных законодательных нововведений крайне важна. Предлагаемые изменения направлены на гуманизацию российского законодательства в отношении добросовестных медицинских сотрудников, которые не связаны с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ. На практике, действительно может возникнуть ситуация с неаккуратным обращением с данными веществами, нарушением порядка их эксплуатации — все это исключительно человеческий фактор, умысел на совершение преступления, которое предусмотрено текущим законодательством отсутствует.

Российская Федерация строго нуждается в применении таких препаратов, ежегодно в их помощи нуждаются миллионы человек. Поэтому для законодателя стратегически важно обезопасить сотрудников здравоохранения, поспособствовать их эффективной деятельности путем внедрения необходимых нововведений в законодательную базу.

Сергиенко В.И.,

*студент III курса ФГБОУ ВО
«Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»*

Снижение возраста привлечения к уголовной ответственности – решение проблемы или тупик?

Проблема снижения возраста уголовной ответственности несовершеннолетних в России является одной из самых обсуждаемых

---

¹ См.: Медиков могут освободить от ответственности за оборот наркотиков // URL: <https://pravo.ru/news/230732/> (дата обращения: 10.04.2021).

в последнее время. Причина в том, что несовершеннолетние — особый субъект уголовного права. В Уголовном кодексе РФ ответственность и наказание лиц, не достигших 18-летнего возраста, регулируются специальным разделом. Так законодатель демонстрирует свое особое отношение к молодым людям в возрасте до 18 лет. В данном разделе отмечается, что при назначении наказания несовершеннолетнему помимо общих начал назначения наказания принимаются во внимание условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц. Это вполне обоснованно, поскольку у лиц, не достигших 18 лет, еще окончательно не сформировалась психика, не выработано в полной мере самовосприятие и восприятие окружающего мира. Государство допускает, что в этом возрасте человек не полностью осознает общественную опасность своего преступления, что он заслуживает определенного снисхождения, и общество, как правило, в этом с ним солидарно. Но вот камнем преткновения и объектом жарких дискуссий становится вопрос: с какого возраста несовершеннолетний уже способен минимально достаточно для привлечения его к уголовной ответственности осознавать опасность своего преступления и оценивать вред, причиненный обществу?

В настоящее время УК РФ предусматривает общий возраст наступления уголовной ответственности — 16 лет. Для некоторых преступлений, таких как похищение человека, изнасилование, кража и др. ответственность наступает с 14 лет. Уже давно в СМИ обсуждается вопрос снижения этого возраста до 12 лет в отношении некоторых составов преступлений. Еще в 2009 г. с такой инициативой выступили депутаты Государственной Думы В. В. Жириновский, С. В. Иванов, М. С. Рохмистров. Был подготовлен соответствующий законопроект (номер 293093-5), который предусматривал уголовную ответственность с 12-летнего возраста за убийство, кражу, разбой, вымогательство и ряд других преступлений. Однако он был отклонен в первом чтении Госдумой. Позднее, в 2017 году зампреда Комитета Госдумы по развитию гражданского общества Иван Сухарев работал над другим проектом закона, в котором он предлагал снизить возраст уголовной ответственности до 12 лет за особо тяжкие преступления. Однако и тогда государство не оценило положительно эту идею. В конце 2019 года в законопроекте Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (номер 750685-7) было предложено понизить возраст наступления уголовной ответственности за жестокое обращение с животными с 16 до 14 лет. Его авторы убеждены в том, что лица, издевающиеся над животными, полностью осознают общественную опасность совершаемого деяния уже с 14 лет. Более того, они совершают это преступление груп-

пой лиц, в присутствии малолетних, ведут видеосъемку и транслируют преступление в сети Интернет, но избегают ответственности из-за установленной в настоящее время возрастной границы. Тем не менее, судьба этой инициативы пока не predetermined и до сих пор активно обсуждается. В 2020 г. о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности вновь заговорили на сайте Российской общественной инициативы. Эту позицию поддержал и депутат Государственной Думы Сергей Вострецов. По его мнению, преступности среди молодежи, а именно лиц младше 14 лет, потакает падение нравственных ценностей и, в первую очередь, чувство безнаказанности. С выводами, представленными в данном абзаце, сложно не согласиться. Действительно, порой малолетние совершают преступления вполне осознанно, понимают, что своими действиями причиняют вред обществу, даже пытаются «замести» следы совершенного преступления. Это заставляет задуматься над тем, что несовершеннолетние могут «повзрослеть» до уголовной ответственности многим ранее 14 лет и, благодаря действующему законодательству, остаться безнаказанными. Но возникает вопрос: разве снижение возраста привлечения к уголовной ответственности — действительно решение проблемы?

На этот счет свое мнение высказала Уполномоченная по правам человека в Москве Татьяна Потяева. Она не поддерживает инициативу снижения возраста привлечения к уголовной ответственности. По ее словам, решение проблемы заключается в том, чтобы уделять больше внимания воспитанию малолетних, формировать в них крепкие социально-нравственные устои. Она предлагает больше внимания уделить созданию специализированных школ, в которых несовершеннолетние, склонные к девиантному поведению, будут проходить ресоциализацию. По мнению Потяевой, ключевым положительным фактором воздействия на неустойчивую психику несовершеннолетнего послужит то, что с ними будут проводить работу педагоги, психологи, социологи, а не представители ФСИН. Государством и обществом должны приниматься ответственные решения в первую очередь для предупреждения совершения малолетними преступлений, а не расширения круга привлекаемых к ответственности субъектов. Этому способствует повышение доступности различных секций, спортивных мероприятий, учебных конкурсов, в которых подрастающие молодые люди, смогут обрести интерес, почувствовать себя лидером и найти достойных «авторитетов». Я считаю, что понижение возраста привлечения к уголовной ответственности не решит проблему. Бесспорно, снижение возраста послужит средством борьбы с детской преступностью, но не повлияет на источник, очаг формирования асоциального мировоззрения и склонности к деструктивному поведению. На мой взгляд, необходимо также учитывать то,

что помещение малолетнего в воспитательную колонию может навсегда изменить его отношение к жизни. Возможна ситуация, когда несовершеннолетний в возрасте до 14 лет, совершит преступление необдуманно, в силу ужасных условий жизни, тяжелого материального положения, тлетворного воздействия старших, но сохранив при этом положительные социальные качества и тенденции к развитию в сторону законопослушного поведения. В таком случае высока вероятность, что помещение такого несовершеннолетнего в колонию не только не достигнет цели наказания, а наоборот «выпустит готового преступника». Помимо этого, также следует учитывать, что судимость малолетнего навсегда останется клеймом в его биографии, лишит его перспектив на будущее, закроет дорогу к полноценной жизни в обществе.

Сергушкина К.М.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»*

Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: некоторые проблемные вопросы

Спорт занимает неотъемлемое место в жизни многих людей на протяжении долгой истории нашего общества, причем как на любительском, так и на профессиональном уровнях. Профессиональный спорт является профессиональной (трудовой) деятельностью человека, которая наряду с целью достижения высоких спортивных результатов имеет и цель заработка спортсмена. Ввиду этого деятельность спортсменов не может быть не регламентирована нормами современного законодательства, в том числе и уголовного.

Современное развитие фармацевтики и медицины дает возможность спортсменам наиболее эффективно организовывать свой тренировочный процесс и как итог улучшать свои результаты. В целях недопущения злоупотребления современными достижениями фармацевтики и медицины Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) был дополнен статьей 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте». Актуальность рассмотрения данной статьи в контексте потенциальных сложностей и недочетов при ее применении обусловлена активной борьбой спортивного сообщества с применением спортсменами и работниками в сфере физической культуры и спорта запрещенных препаратов и методов, а также отсутствием исчерпывающей правоприменительной практики по рассматриваемой статье, которая позволила бы определить эф-

фективность уголовно-правового противодействия рассматриваемому преступлению.

Прежде всего, необходимо охарактеризовать некоторые элементы состава рассматриваемого преступления, которые на наш взгляд индивидуализируют данное преступное деяние и позволяют разграничить со смежными составами преступлений.

Так, объективная сторона рассматриваемого состава преступления выражена в действиях направленных на склонение спортсмена тренером, специалистом по спортивной медицине либо иным специалистом в области физической культуры и спорта к использованию субстанций и (или) методов запрещенных для использования в спорте, за исключением случаев предусмотренных статьёй 230 УК РФ. То, что описанные в диспозиции статьи действия не охватываются статьёй 230 УК РФ, даёт основания утверждать о том, что статья 230¹ УК РФ является специальной по отношению к статье 230 УК РФ. По конструкции объективной стороны за исключением части 3, состав является формальным. Объективная сторона части третьей рассматриваемой статьи УК РФ является материальной ввиду того, что деяния, описанные в части 1 статьи влекут последствия в виде причинения по неосторожности смерти спортсмену либо наступление иных тяжких последствий.

Субъект рассматриваемого состава преступления специальный, а именно — тренер, специалист по спортивной медицине либо иной специалист в области физической культуры и спорта. Собственно, по признаку субъекта и проводится разграничение между статьями 230 и 230¹ УК РФ.

Субъективная сторона рассматриваемого деяния характеризуется виной в форме прямого умысла, то есть наличие в действиях указанных ранее субъектов неосторожности в любой ее форме исключает возможность квалификации по статье 230¹ УК РФ, за исключением части третьей.

Нельзя не отметить бланкетный характер рассматриваемой уголовно-правовой нормы, который выражается в закреплении перечня субстанций и методов, запрещенных для использования в спорте в Постановлении Правительства РФ от 28 марта 2017 г. № 339¹. Анализируя содержание и объем указанного перечня, определение и закрепление его в отдельном подзаконном акте видится вполне обоснованным со стороны законодателя.

Рассматривая потенциальные проблемные вопросы, которые могут возникнуть у правоохранительных органов и суда при примене-

---

¹ Постановление Правительства РФ от 28 марта 2017 г. № 339 (ред. от 29 апреля 2019 г.) «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

нии положений статьи 230¹ УК РФ, а также неосознанные упущения законодателя, можно отметить следующее.

Так, квалифицированным видом склонения спортсмена по смыслу и содержанию диспозиции статьи 230¹ УК РФ является совершение деяния, которое повлекло по неосторожности смерть спортсмена или иные тяжкие последствия. Ввиду того, что статья 230¹ УК РФ является специальной по отношению к статье 230 УК РФ, представляется, что раскрытие формулировки «иные тяжкие последствия» допустимо провести на основании Постановления Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее — Постановление Пленума). Так, согласно указанному Постановлению Пленума под иными тяжкими последствиями следует понимать самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, развитие у него наркотической зависимости, тяжелое заболевание, связанное с потреблением наркотических средств или психотропных веществ, заражение ВИЧ-инфекцией и т. п.¹. Анализируя указанные разъяснения нельзя не отметить тот факт, что перечень не является закрытым, что дает правоприменителю с одной стороны свободу в трактовке наступивших тяжких последствий исходя из своего внутреннего убеждения, основанного на всесторонней оценке доказательств. С другой стороны неограниченность перечня может создавать размытость и неопределенность в трактовке иных тяжких последствий. Особенно значение это приобретает для целей статьи 230¹ УК РФ, ввиду специфики субъекта преступления и потерпевшего.

Несмотря на то, что в перечне субстанций, запрещенных к использованию в спорте, имеются субстанции, которые содержат наркотические или психотропные вещества, специфика их употребления спортсменами определяет необходимость другой трактовки иных тяжких последствий при их употреблении. Так, с учетом специфики рассматриваемого состава, представляется разумным в качестве иных тяжких последствий для целей статьи 230¹ УК РФ понимать развитие у спортсмена наркотической или иной зависимости от запрещенных субстанций, тяжелое заболевание, связанное с потреблением запрещенных субстанций, а также причинение вреда здоровью средней тяжести и тяжкого вреда здоровью спортсмена вызванного употреблением запрещенных субстанций и т. п. Указанную трактов-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16 мая 2017 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс».

ку необходимо закрепить в примечании к статье 230¹ УК РФ или дополнить ей Постановление Пленума.

Также нельзя обойти стороной и ситуации связанные с дисквалификацией спортсмена и его отстранением на определенный срок от спортивных соревнований ввиду выявления у него следов употребления запрещенных субстанций, которые сейчас приобретают особую актуальность ввиду неоднократного отстранения российских спортсменов от крупных международных соревнований. В том случае, если будет доказана вина тренера, специалиста по спортивной медицине либо иного специалиста в области физической культуры и спорта в склонении спортсмена к употреблению запрещенных субстанций, если их употребление повлекло дисквалификацию и отстранение спортсмена от состязаний, то данное деяние на наш взгляд должно образовывать квалифицирующий состав преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена статьей 230¹ УК РФ. Таким образом, предлагается дополнить часть вторую статьи 230¹ УК РФ пунктом: «г) повлекло отстранение или дисквалификацию спортсмена на длительный срок». Указанное нововведение позволит расширить уголовно-правовую охрану в сфере спорта и будет иметь профилактический эффект для субъектов, которые потенциально могли бы нарушить нормы статьи 230¹ УК РФ.

Таким образом, необходимо заключить, что уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере спорта является важным направлением государственной политики, направленность которой не должна обходить стороной спорт как на юношеском и детском, так и на профессиональных уровнях. Защита и укрепление «чистого спорта» позволит увеличить престиж государства на международной арене, а также защитить жизнь и здоровье наших спортсменов.

Сиренко Е.Н., Тхазеплова А.З.,

студенты III курса ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Актуальные проблемы противодействия терроризму в XXI веке

С каждым годом уровень терроризма неумолимо растет. Проблема эффективной борьбы с актами терроризма порождает множество горячих дискуссий, в которых эксперты предлагают свои способы и меры для ее разрешения, в том числе посредством внесения изменений в законодательную базу. В связи с этим выделяют три актуальных направления, затрагивающих наиболее острые проблемы

противодействия терроризму: борьба с склонением и вербовкой людей, а также с кибертерроризмом и финансированием деятельности террористов.

В настоящее время кибертерроризм — наиболее серьезная и относительно новая угроза безопасности XXI в. На это указывают и статистические данные МВД России, в которых отмечается, что количество совершенных террористами преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и предусмотренных статьей 205² УК РФ, неумолимо растет (в период с января по март 2021 г. было зафиксировано 108 преступлений¹; для сравнения, в прошлом году за такой же период зарегистрировано всего 67). К тому же стоит отметить, что законодательство Российской Федерации не совсем отвечает на вызовы новейшего времени: подтверждением этому может послужить отсутствие закрепленных правовых норм, которые бы предусматривали состав такого преступления, как кибертерроризм, а также уголовную ответственность за его совершение (существующих составов недостаточно — кибертерроризм как явление слишком широко и не охватывается ими в полной мере). Недостатком является отсутствие законодательного закрепления определения кибертерроризма в России (ни в ФЗ № 35², ни в постановлениях Пленума ВС РФ, ни в рекомендациях ведомств не содержится такой термин), что усложняет возможность правильной квалификации деяния. Директор ФСБ А. В. Бортников отмечает, что террористы быстро приспосабливаются к новым методикам распространения, обработки и шифровки информации и развитию площадок, на которых может производиться взаимодействие членов террористических организаций (чаще это происходит посредством сети Интернет и популярных мессенджеров)³. Данные навыки помогают им не только искать новые кадры, но и довольно успешно совершать террористические акты, выходя на качественно новый уровень, и наличие правового пробела в сфере борьбы с терроризмом, где необходимо точечное и грамотное регулирование, может привести к фатальным последствиям.

Перейдем к вопросу вербовки молодежи. Террористические организации зачастую используют сеть для вербовки молодых людей

---

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — март 2021 года // URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/23816756>

² Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) // РГ. 2006. № 48.

³ Речь директора ФСБ Александра Бортникова на открытии 15-го совещания руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов // URL: <http://kvnews.ru/news-feed/aleksandr-bortnikov-zayavi..> (дата обращения: 29.04.2021).

или поиска финансов для своего существования. Новые кадры выбирают посредством изучения их психологического состояния и ценностных ориентиров, которые у наиболее подверженных чаще всего довольно размыты, а сами молодые люди — незрелы и испытывают чувство одиночества и непризнания в обществе. Длительный процесс вербовки преимущественно происходит через каналы виртуального общения, в том числе Интернет, и данный факт существенно осложняет возможность контроля происходящего. Кроме того, прямое взаимодействие через всемирную сеть не является обязательным; процесс привлечения новых кадров может происходить и через публичный призыв к участию в террористических актах посредством постов и публикаций на сайтах — такую информацию не всегда можно сразу обнаружить. В нашем уголовном законодательстве предусмотрена ответственность за данные деяния нормами 205¹ и 205² УК РФ соответственно.

Склонять к присоединению к террористическим организациям проще молодых людей, воспитанных в тяжелой обстановке: отсутствие достаточной заботы пагубно отражается на характере и мировоззрении. Такой тип личности является самым удобным для террористов, ведь они преисполнены жестокостью и агрессией. С помощью взаимодействия террористы порождают чувство зависимости от общения с ними, используя различные психологические методы, тем самым сознание человека превращается в отличную основу для закладывания новых радикальных ориентиров и выполнения «приказов». Кроме того, существуют и другие методы привлечения новых кадров, например, вербовка мусульман в мечети, в вузах, а также в спортивных секциях. Но Интернет предоставляет широкое виртуальное пространство, через которое можно влиять на людей в каждом уголке света. К сожалению, осознание ошибочного выбора если и приходит, то очень поздно, когда выбраться из террористической организации невозможно.

Еще одной существенной проблемой является финансирование терроризма. Отметим, что у террористических организаций нет конечной цели в виде финансового благосостояния, но им необходимо иметь достаточное количество материальных ресурсов для привлечения новых бойцов и приобретения взрывчатых материалов, оружия и других вспомогательных инструментов. Сложность противодействия финансированию террористических организаций состоит в том, что их система довольно сложна не только для понимания, но и для расследования. Например, участники террористических организаций живут скромной жизнью, но их деятельность спонсируется жертвованиями заинтересованных лиц: денежные суммы предоставляются для реализации чаще всего политических целей. Другая сложность состоит в определении

субъектного состава финансирования: оно может осуществляться как коммерческими и некоммерческими организациями, частными лицами, так и государствами-спонсорами. Одним из способов передачи является перевозка наличных средств, перевод денежных средств через банки, но с использованием множества подставных лиц и офшоров. В последнее время популярностью пользуются обменные бюро (за которыми контроль почти не осуществляется). К сожалению, отследить все денежные переводы террористическим организациям довольно трудно, потому как финансирование осуществляется через системы нескольких государств, что подчеркивает важность международного сотрудничества стран в вопросе борьбы с финансированием терроризма. На международном уровне приняты Конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма, а также используются Международные стандарты по противодействию финансированию терроризма от Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ). Стандарты устанавливают рекомендации для финансовой системы государств (требования по идентификации клиентов и проверке подлинности счетов), для национального законодательства (введение ответственности за финансирование) и для сотрудничества стран по данному вопросу (финансовые санкции, взаимодействие внутренних ведомств). Ответственность за данное деяние закреплена частью 1.1. статьи 205¹ УК РФ.

Таким образом, можно вывести несколько рекомендаций для совершенствования противодействия терроризму:

— Кибертерроризм — необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу на основе опыта зарубежных стран (например, нанесение серьезного ущерба компьютерным данным, программам в террористических целях является уголовно наказуемым деянием в США, Франции¹, Великобритании); усилить агитацию и пропаганду противодействия терроризму на различных платформах, особенно в сети Интернет, и в будущем применить технологии искусственного интеллекта для отслеживания активности террористов;

— Для борьбы с вербовкой молодых людей следует усилить воспитательскую и просветительскую деятельность как для подрастающего поколения, так и для их родителей — это поможет поднять уровень осознанности поведения и не допустить манипулирования неокрепшими умами;

— Способами повышения эффективности противодействия финансированию террористических организаций являются обеспечение сотрудничества государств, в том числе между внутренними ведом-

---

¹ Часть 2 ст. 421-1 Уголовного кодекса Франции // URL: https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/doc-5-.pdf (дата обращения: 29.04.2021).

ствами и банками стран, которые могли бы направлять уведомления о подозрительных операциях и субъектах; а также усиление и оптимизация внутригосударственной системы контроля за осуществлением финансовых операций посредством более эффективного использования международных рекомендаций ФАТФ.

Слепнев Ф.Ю.,

*студент II курса ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Интеллектуальная собственность как объект уголовно-правовой охраны

В условиях рыночной экономики интеллектуальная собственность приобрела качественно новое значение в обществе. Вместе с тем в доктрине уголовного права уже несколько лет ведутся дискуссии о месте интеллектуальной собственности в системе объектов уголовно-правовой охраны. Многие ученые не согласны со структурой уголовного кодекса в части расположения норм, предметом которых является интеллектуальная собственность. Однако при широком спектре мнений в доктрине не содержится единого решения данной проблемы. Вышеизложенные обстоятельства обуславливают актуальность исследования.

Целью данного исследования является определение места интеллектуальной собственности в системе объектов уголовного-правовой охраны.

Объектом исследования являются общественные отношения, обуславливающие сущность интеллектуальной собственности как объекта уголовно-правовой охраны.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) закрепляет отдельные составы преступлений, предметом которых выступает интеллектуальная собственность. Так, интеллектуальная собственность выступает предметом таких посягательств, как, например, нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ), нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 147 УК РФ), незаконное использование товарного знака (ст. 180 УК РФ) и другие. При этом нормы, предметом которых является интеллектуальная собственность расположены в разных главах и разделах.

Все большее количество ученых обращают внимание на проблему охраны интеллектуальной собственности и на положение норм, охраняющих интеллектуальную собственность, в структуре уголовного кодекса. Одни ученые высказывают мнения, в соответствии с которыми расположение статей, предметом которых является интеллекту-

альная собственность, не соответствует их действительному родовому объекту, что приводит к теоретическим противоречиям¹. Другие ученые концентрируются на практическом аспекте и утверждают, что современное состояние уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности характеризуется сложностью в определении объекта преступлений, совершенных в данной сфере. Как следствие, создаются существенные проблемы для правоприменителей. Так, М. А. Желудков, В. Н. Чернышов и М. Н. Кочеткова, на основе анализа судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 146 УК РФ, пришли к выводу, что сложность в определении объекта негативно влияет на правильную оценку деяний и, как следствие, вынесение правильных решений².

При этом, характеризую спектр проблем и противоречий представители доктрины уголовного права предлагают разные пути решения. Так, А. В. Шульга убежден, что интеллектуальная собственность должна быть отнесена к объектам уголовно-правовой охраны главы 21 УК РФ³. Соответственно в дальнейшем указанная глава должна быть распространена и на хищение интеллектуальной собственности. Некоторые авторы предлагают расположить нормы, предметом которых является интеллектуальная собственность в разные разделы УК РФ на основании правильного определения непосредственного и родового объектов⁴.

На мой взгляд, необходимо отграничить интеллектуальные права от иных объектов уголовно-правовой охраны и выделить интеллектуальную собственность в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны.

Объект уголовно-правовой охраны определяется значимостью и социальной ценностью общественных отношений, являющихся содержанием данного объекта. Соответственно ключевым фактором, обуславливающим целесообразность выделения интеллектуальной собственности в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны, выступает возросшая значимость общественных отношений по поводу интеллектуальной собственности.

---

¹ Дологов Р. О. Механизм уголовно-правового регулирования в сфере преступных посягательств на объекты интеллектуальной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 9–10.

² Желудков М. А., Чернышов В. Н., Кочеткова М. Н. Уголовно-правовые проблемы при определении объекта преступлений в сфере интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 115–116.

³ Шульга А. В. Объект и предмет преступлений, посягающих на собственность, в условиях рыночных отношений и информационного общества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 12.

⁴ Лепина Т. Г. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2014. С. 88–89.

Развитие рыночных отношений обуславливает изменение характера экономических отношений. В современных реалиях интеллектуальная собственность является значимым элементом в структуре экономики государства. Рынок интеллектуальной собственности с каждым годом расширяется, а общественные отношения в рамках такого рынка приобретают новое качество, что вызывает необходимость комплексного законодательного регулирования. Так, за последние пять лет рынок интеллектуальной собственности вырос почти на 80 триллионов долларов США¹. Также подтверждением вышеизложенных тезисов являются данные из исследования, проведенного экспертами Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». В соответствии с проведенным исследованием эксперты сделали вывод, что неэффективная охрана интеллектуальной собственности привела к ежегодному убытку в размере 4,8% ВВП или же 3,5 триллионам рублей².

Более того, в условиях цифровизации, потенциал экономического развития зависит от внедрения инновационных технологий. С развитием цифровых технологий и повышением уровня информатизации общества интеллектуальная собственность становится основой современной мировой экономики. Данный тезис также подтверждается эмпирическими данными, в соответствии с которыми свыше 70% трафика в цифровых сетях приходится на движение объектов интеллектуальной собственности³.

О целесообразности отграничения интеллектуальных прав от иных объектов уголовно-правовой охраны также свидетельствует законодательный опыт зарубежных государств. Так, Н. С. Титов исследовав законодательство Италии, Франции, Норвегии, Австрии, Швейцарии, Германии, Голландии и других стран в сфере интеллектуальной собственности пришел к выводу, что в основном для законодательства развитых европейских государств, характерно понимание законодателем интеллектуальной собственности как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны⁴. Очевидно, что такое зако-

¹ *Ицук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С.* Цифровая криминология: учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 184.

² В России впервые подсчитали потери от неэффективного управления интеллектуальной собственностью // URL: <https://rg.ru/2020/11/03/v-rossii-vpervye-podschitali-poteri-ot-neeftivnogo-upravleniia-intellektualnoj-sobstvennostiu.html>

³ *Ицук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С.* Цифровая криминология: учеб. пособие. М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 190.

⁴ *Титов С. Н.* Уголовная ответственность за преступления против интеллектуальной собственности по законодательству европейских стран // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10–1. С. 174–176.

нодательное представление обусловлено объективной значимостью общественных отношений в сфере интеллектуальной собственности.

Выделение интеллектуальной собственности в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны предполагает объединение норм, предметом которых является интеллектуальная собственность в одну главу или один раздел УК РФ. В доктрине уголовного права обосновываются оба предложенных подхода. Однако, на мой взгляд, более целесообразно создать новую главу и поместить ее в раздел VIII УК РФ. Помещение норм в указанный раздел обусловлено экономическим содержанием интеллектуальной собственности. Так, Р. О. Долотов отмечает, что из всех видов отношений, относящихся к объектам интеллектуальной собственности в первую очередь в уголовно-правовой охране, нуждаются экономические отношения¹. Более того, многие авторы предлагают отнести ст. 146, 147 и 180 УК РФ в раздел VIII УК ввиду того, что их общим родовым объектом является экономика².

Отделение интеллектуальных прав от иных объектов уголовно-правовой охраны и объединение норм в одну главу станет неким катализатором системного исследования данной категории, разработки доктриной различных законодательных конструкций и признаков, что в совокупности приведет к качественному законодательному регулированию отношений интеллектуальной собственности как категории крайне значимой для экономики государства и современного общества в целом.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Эволюция экономических отношений, развивающаяся рыночная экономика и цифровизация как объективный процесс общественного развития являются факторами возросшего значения интеллектуальной собственности, что обуславливает необходимость отграничения интеллектуальных прав от иных объектов уголовно-правовой охраны. Утверждается, что объединение норм в одну главу обусловит системное исследование интеллектуальной собственности и как следствие качественное регулирование отношений в данной сфере.

Наиболее релевантный способ такого отграничения — объединение норм, предметом которых является интеллектуальная собственность в одну новую главу раздела VIII УК РФ. Выбор данного раздела УК опосредован значимостью экономических отношений по поводу интеллектуальной собственности и доктринальными позициями, в соответствии с которыми нормы уголовного права, направленные на охрану интеллектуальной собственности, имеют общий родовый объект — экономику.

¹ Долотов Р. О. Указ. соч. С. 10.

² Лепина Т. Г. Указ. соч. С. 86–87.

Спиридонова Е.Д.,

студентка IV курса
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Проблемы квалификации нарушения авторских и смежных прав

Нарушение авторских и смежных прав, ответственность за которое закреплена в статье 146 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), относится к преступлениям против личности, а точнее против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Охрана таких прав гарантируется Конституцией Российской Федерации.

Проблемы защиты интеллектуальной собственности являются для России достаточно актуальными. Несмотря на быстрое развитие технологий и существенное увеличение количества преступлений, связанных с нарушением авторских и смежных прав, эффективность борьбы с ними растет намного медленнее. Суды рассматривают только около 2% от возбужденных дел, и почти 98% прекращаются на стадии предварительного расследования в силу недоказанности вины подозреваемого¹. Качество применения норм уголовного закона по делам о нарушении авторских и смежных прав остается довольно низким². Нередки и ошибки на стадии предварительного следствия. Кроме того, уголовное законодательство не отвечает современным реалиям и имеет определенные недостатки.

1) Часть 1 статьи 146 УК РФ, согласно судебной статистике³, почти не применяется на практике.

Состав ч. 1 ст. 146 УК РФ является материальным, что означает необходимость наличия причинно-следственной связи между деянием и последствиями, в виде причинения крупного ущерба.

При этом, понятие «крупного ущерба» законодателем не определено. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ⁴, су-

---

¹ Мухина Р. Р. Методика расследования преступлений, нарушающих авторские и смежные права на аудиовизуальные произведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. С. 1–2.

² Ашев В. М., Борисов А. В. О наиболее распространенных ошибках, допускаемых при квалификации преступления, связанного с нарушением авторских и смежных прав // Российский следователь. 2011. № 2. С. 19–22.

³ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>, свободный (дата обращения: 23.03.2021).

⁴ Абзац 3 п. 24 постановления Пленума ВС РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака».

ды при установлении крупного ущерба должны исходить из обстоятельств каждого конкретного дела. Как отмечают Кузьмина И.К.¹ и Борисов А.В.², до настоящего момента так и не выработано четких критериев определения крупного ущерба для целей ч. 1 ст. 146 УК РФ.

Отсутствие конкретного законодательного определения крупного ущерба порождает определенные сложности в применении указанной нормы. За 2016–2020 гг. был вынесен только один приговор по ч. 1 ст. 146 УК РФ.

Кроме того, отсутствие четких критериев может привести к вынесению несправедливых приговоров, повышенному субъективизму, отсутствию единообразия в судебной практике, а также к отказу в возбуждении дел.

Также стоит отметить, что не совсем справедлива позиция Пленума Верховного суда РФ³, согласно которой при квалификации действий виновных в размер причиненного ущерба не должен включаться причиненный потерпевшему моральный вред, в том числе связанный с подрывом его деловой репутации.

Когда речь идет о нарушении авторства (плагиате), нарушаются личные неимущественные права автора, что соответственно влечет наступление физических и нравственных страданий, а значит и морального вреда. Видится необходимым включение причиненного морального вреда в размер ущерба при квалификации действий виновного.

Одновременно следует учитывать, что включение морального вреда в размер ущерба может вызвать ряд проблем, в частности, вероятнее всего, на момент возбуждения дела размер вреда будет определять потерпевший, что неминуемо приведет к его завышению. И только суд сможет определить его окончательный размер. Такая ситуация приведет к возложению дополнительной нагрузки на органы предварительного расследования и суды, так как часть возбужденных дел будет в дальнейшем прекращаться судом вследствие отсутствия крупного ущерба. Таким образом, получится ситуация, что вследствие завышения размера морального вреда потерпевшим органы предварительного расследования будут впустую тратить время на расследование уголовного дела, которое заведомо будет прекращено судом.

---

¹ Кузьмина И. К. Уголовно-правовая охрана авторских, смежных, изобретательских и патентных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 14–15.

² Борисов А. В. Уголовно-правовые и специально-криминологические меры борьбы с нарушениями авторского и патентного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 17.

³ Пункт 28 постановления Пленума ВС РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака».

Однако представляется возможным решить указанную проблему посредством разработки единых методических рекомендаций по определению размера морального вреда применительно к ч. 1 ст. 146 УК РФ для органов предварительного расследования.

2) При применении судами ст. 146 УК РФ на практике возникают ошибки в разграничении ч. 2 и п. «в» ч. 3 ст. 146 УК РФ в уголовных делах, в которых имеется несколько потерпевших.

Кузьминским районным судом г. Москвы¹ было рассмотрено уголовное дело по обвинению Кулиева, который незаконно использовал объекты авторского права, принадлежащие нескольким компаниям. Он незаконно приобрел в сети «Интернет», хранил с целью последующего сбыта заведомо контрафактные копии программного обеспечения, принадлежащие этим компаниям. Затем Кулиев незаконно реализовал их путем установки на жесткий диск компьютера заказчика с имеющихся у него при себе носителей.

Суд первой инстанции квалифицировал действия Кулиева по ч. 3 ст. 146 УК РФ, определив размер как особо крупный, исходя из совокупной стоимости всех программных обеспечений. Суд апелляционной инстанции² не согласился с позицией суда первой инстанции и изменил квалификацию с п. «в» ч. 3 ст. 146 УК РФ на ч. 2 ст. 146 УК РФ, определив размер как крупный отдельно в отношении каждого потерпевшего, не учитывая стоимость программ в совокупности.

Однако в рассмотренном деле не все так однозначно. Ни в Уголовном кодексе РФ, ни в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ не дан ответ, как определять размер в уголовных делах с несколькими потерпевшими.

Видится правильным при определении крупности размера, совершенного преступления, исходить из изначального умысла подсудимого независимо от количества потерпевших. В уголовных делах с несколькими потерпевшими следует устанавливать одним или разными способами совершены преступления, о чем свидетельствуют обстоятельства: об умысле совершить преступления в крупном или особо крупном размере. Аналогичная позиция применяется в делах о мошенничестве³.

Исходя из информации, имеющейся в приговоре Кузьминского районного суд г. Москвы, Кулиев за один раз реализовал программные обеспечения, принадлежащие нескольким компаниям, уста-

---

¹ Приговор Кузьминского районного суда гор. Москвы от 27 июня 2017 г. по делу № 1-486/2017.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 28 августа 2017 г. по делу № 10-14163/2017.

³ Пункт 30 Обзора Судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2017 г. № 2 (2017).

новив их на жесткий диск компьютера заказчика. Таким образом, можно сделать вывод, что умысел Кулиева был изначально направлен на совершение преступления в особо крупном размере, а значит суд первой инстанции верно квалифицировал его действия как совершенные в особо крупном размере.

На основе изученной судебной практики можно сделать вывод, что современное уголовное законодательство, отвечающее за охрану авторских и смежных прав, а именно ст. 146 УК РФ, нуждается в доработке и усовершенствовании, так как не отвечает современным реалиям в полном объеме.

Стафеева В.В.,

*студентка I курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Жестокое обращение с несовершеннолетним: вопросы уголовно-правовой оценки

В ч. 1 ст. 38 Конституции РФ провозглашается, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства. Обеспечение прав, свобод и интересов несовершеннолетних от преступных посягательств, является приоритетной задачей для правоохранительных и судебных органов. Уголовная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию детей является одной из мер такой защиты.

По данным судебной статистики за 2019 — первое полугодие 2020 г. по ст. 156 УК РФ было осуждено 1087 человек¹. Из содержания большинства изученных нами приговоров следует, что обвиняемый был привлечен к ответственности за то, что применял к несовершеннолетнему физическое насилие². Можно ли в связи с этим отождествлять понятия «физическое насилие» и «жестокое обращение» в контексте обозначенной нормы? Очевидно, что оно является проявлением жестокого обращения с потерпевшим. Важно при этом определить, исчерпывается ли таким насилием жестокое

---

¹ Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 27.04.2021).

² Приговор Плесецкого районного суда Архангельской области по делу № 1-11/2020 от 22 января 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ: Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/>; Приговор Чкаловского районного суда г. Екатеринбург по делу № 1-135/2017 от 15 мая 2017 г. // URL: <https://sudpraktika.ru/precedent/371850.html> (дата обращения: 02.05.2021).

обращение, о котором идет речь в ст. 156 УК. Для решения вопросов, связанных с квалификацией содеянного необходимо также определиться с оценкой психического насилия его содержанием.

Возникновение этих и других сопутствующих вопросов обусловлено тем, что термин «жестокое обращение», законодатель использует, но не раскрывает его содержание, оставляя его определение на усмотрение правоприменителя. Использование оценочного понятия в данном случае не следует рассматривать как отрицательный фактор. Нельзя не согласиться с позицией Конституционного суда, согласно которой разнобразие его фактических проявлений делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочного понятия позволяет более эффективно применять норму к неограниченному числу правовых ситуаций¹.

Для правильного применения закона определенную ценность представляют, по-нашему мнению, разъяснения ПВС РФ. Например, в постановлении от 27 января 1999 г. № 1 разъясняется понятие особой жестокости, под которой рекомендуется понимать применение к потерпевшему пытки, истязаний, глумление над жертвой²; в другом Постановлении воспроизводятся эти признаки. Общим для них является направленность деяния — причинение особых страданий потерпевшему (потерпевшей)³. Эти разъяснения отчасти служат ориентиром и для судов, применяющих ст. 156 УК. Например, гражданка К., являясь опекуном несовершеннолетних М. и Р., с апреля по сентябрь 2016 г. будила детей рано утром для выполнения несоразмерной для их возраста работы; получая ежемесячное пособие, не сдавала деньги на дополнительное питание для детей; с целью причинения физической боли и на почве неприязненных отношений неоднократно наносила детям удары по голове и лицу, из-за чего М., в один из таких дней, упала и ударилась о черенок мотыги, в результате чего ей были причинены телесные

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2008 г. № 120-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яновича Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 статьи 1079 и абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты. URL: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 27.04.2021).

² Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (п. 8) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.04.2021).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (п. 11) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.04.2021).

повреждения¹. Приведенный пример свидетельствует о действиях К., сопряженных в т.ч. с особой жестокостью.

Как уже отмечалось выше, на практике жестокое обращение чаще всего проявляется в физическом насилии (побои, истязание и др.). Они могут сопровождаться причинением вреда здоровью ребенка различной степени тяжести. Примером действий, сопряженных с физическим насилием, может послужить приговор Курганского городского суда в отношении Р., которая в период с 31 июля по 7 августа 2016 г. наносила дочери множественные удары рукой, хватала и тянула за волосы, в результате чего ребенку были причинены телесные повреждения в виде кровоподтеков головы, ушных раковин, лица, шеи, грудной клетки, а также ссадины на теле².

Жестокое обращение может также выражаться в психологическом насилии, т.е. действиях виновного, непосредственно воздействующих на психику потерпевшего и проявляемые во времени, обстановке, используемых способах, выраженных в интенсивности применяемого насилия (оскорбление, угрозы причинения вреда, скандалы при детях)³. Согласно материалам другого уголовного дела П. с 7 мая по 13 июня 2018 г. П. самоустранилась от своих родительских обязанностей: оставляла детей одних дома без присмотра и пищи, не следила за санитарным состоянием жилого помещения, в котором проживают дети, что негативно сказалось на психическом и нравственном развитии несовершеннолетних⁴.

Примером применения обоих видов насилия могут послужить действия родителей, описанные в приговоре одного из судов Краснодарского края, из содержания которого следует, что отец малолетней девочки хватал последнюю за ногу и, держа вниз головой, тряс ребенка, а мать в это время снимала все происходящее на видео⁵.

---

¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Советского района Саратовской области по делу № 1-2/2017 от 23 января 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.05.2021).

² Приговор Курганского городского суда Курганской области от 28 декабря 2017 г. по делу № 1-1360/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.05.2021).

³ Дайшутов М. М., Динека В. И., Денисенко М. В. Психическое насилие в уголовном праве // Юридические науки. Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 78.

⁴ Решение Первомайского районного суда Нижегородской области от 17 сентября 2020 г. по делу № 2-213/2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.05.2021).

⁵ В Краснодарском крае вынесен приговор в отношении родителей, обвиняемых в ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Новости Генеральной прокуратуры РФ. 2020. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1890722/> (дата обращения: 04.05.2021).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что жестокое обращение характеризуется самыми различными проявлениями. Правоприменительная практика признает таковым деяния сопряженные с насилием как физическим, так и психическим; они носят систематический характер (два или более раза), при этом продолжительность их не уточняется. Все действия виновного судами оцениваются как умышленные.

Обращение к доктрине уголовного права показывает, что в ней, прежде всего, нет однозначного подхода к определению «жестокое обращение». Т. М. Журавлева, Т. Я. Сафонова, Е. И. Цимбал понимают его как любое действие/бездействие со стороны родителей (и других лиц, указанных в диспозиции нормы), в результате которых нарушается здоровье и благополучие несовершеннолетнего, создаются условия, мешающие его нормальному физическому или психическому развитию, ущемляющие его права и свободы¹. Определение представляется нам достаточно общим. Оно не позволяет выявить отличительные признаки жестокого обращения. Н. О. Зиновьева и Н. Ф. Михайлова к жестокому обращению относят действия виновного, причиняющие только психологическую травму ребенку². Приведенные примеры свидетельствуют об ином подходе судов к его пониманию. Е. Н. Волкова утверждает, что жестокое обращение — умышленное или неосторожное действие со стороны взрослых и (или) других детей, которые привели к травмам, нарушению в развитии, смерти ребенка либо угрожают правам и благополучию ребенка³. В приведенном утверждении представляется необходимым обратить внимание на признание жестоким обращением неосторожных действий взрослого по отношению к ребенку. Оно противоречит, на наш взгляд, смыслу закона, согласно которому виновный должен осознавать жестокость своих действий (бездействия), т. е. действовать умышленно.

Исходя из вышеизложенного, полагаем возможным выделить признаки, характеризующие жестокое обращение, подлежащие учету при применении статьи 156 УК. Оно, во-первых, может быть совершено как в форме действия, так и бездействия; во-вторых, должно охватываться умыслом лица, его совершающего; в-третьих, должно

---

¹ Сафонова Т. Я., Цимбал Е. И. Жестокое обращение с детьми. Помощь детям, пострадавшим от жестокого обращения, и их родителям / под ред. Т. Я. Сафоновой, Е. И. Цимбала. М., 2001.

² Зиновьева Н. О., Михайлова Н. Ф. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации. СПб.: Речь, 2003.

³ Волкова Е. Н. Междисциплинарный подход предотвращения насилия и жестокого обращения с детьми // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2006. № 6.

носить систематические характер; в-четвертых, совершаться в течение какого-то периода времени; может выражаться в насилии, как физическом, так и психологическом.

Анализ приговоров судов (далеко не всех) показывает, что жестокое обращение сопровождается зачастую причинением реального вреда здоровью ребенка. Когда речь идет о физическом насилии, особую актуальность на правоприменительном уровне приобретает вопрос о том, как квалифицировать содеянное: только по ст. 156 УК или по совокупности с иными составами преступления (статьями 115, 116, 117 и др.). Не возникает вопросов по квалификации жестокого обращения, сопряженного с убийством, причинением тяжкого и среднего вреда здоровью: содеянное квалифицируется судами по совокупности преступлений. Загруднения возникают в случае неисполнения/ненадлежащего исполнения виновным своих обязанностей в виде побоев, истязаний, умышленного причинения легкого вреда здоровью. Встречаются приговоры, где содеянное квалифицируется либо по совокупности с указанными статьями¹, либо только по ст. 156 УК².

Все вышеизложенное позволяет констатировать, что во избежание ошибок при применении статьи 156 УК представляется целесообразным раскрыть содержание термина «жестокое обращение» на законодательном или правоприменительном уровнях, указав в т.ч. на предлагаемые нами признаки. В подтверждение актуальности вопроса можно привести также письмо, направленное Следственным комитетом РФ еще в 2013 г. в Верховный Суд РФ с обоснованием необходимости разработки соответствующих разъяснений³.

Суворова А.А.,

*студентка IV курса ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»*

Побои: некоторые вопросы квалификации

По ст. 116 УК РФ квалифицируются побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 УК РФ, совершенные из

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области по делу № 10-42/2011 // Судебные решения РФ. URL: <http://old.xn--90afd1baav0bd1afy6eub5d.xn--plai/bsr/case/2835354> (дата обращения: 02.05.2021).

² Приговор Хабаровского краевого суда по делу № 2-13/2018 от 19 апреля 2018 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3ZlmL2pTL3Nc/> (дата обращения: 02.05.2021).

³ См. об этом: *Галкин Д. В.* Жестокое обращение: проблемы толкования и доказывания // *Lex russica*. 2016. № 4.

хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Объектом побоев являются общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации человеком принадлежащего ему от рождения права на личную телесную неприкосновенность, гарантированного нормами международного и конституционного права, и гарантирующие безопасность его физического и психического здоровья. Потерпевшим от преступления выступает любое лицо.

Достаточно часто побои и иные насильственные действия совершаются в процессе ссоры или драки виновного и потерпевшего. Взаимное нанесение побоев не является обстоятельством, устраняющим уголовную ответственность каждого из виновных, если при этом не было достигнуто примирение.

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется деянием в форме активных действий, последствием в виде физической боли и причинной связи между ними.

В составе преступления закон альтернативно указывает два вида действий: побои и иные насильственные действия.

Побои — это действия, характеризующиеся многократным нанесением ударов (не менее трех)¹. Сами по себе они не составляют особого вида повреждения, хотя в результате их нанесения могут возникать телесные повреждения (в частности, ссадины, кровоподтеки, небольшие раны, не влекущие за собой временной утраты трудоспособности или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности)². Вместе с тем побои могут и не оставить после себя никаких объективно выявляемых повреждений.

К иным насильственным действиям практика относит причинение боли щипанием, сечением, причинением небольших повреждений тупыми или острыми предметами, воздействием термических факторов и другие аналогичные действия. Перечень носит открытый характер.

Рассматривая данные определения, можно сделать вывод, что понятие насильственных действий шире, чем понятие побоев. Из этого можно вывести, что название рассматриваемой статьи не совсем соответствует ее содержанию. И целесообразнее изложить на-

---

¹ Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов: в 2 т. / И. А. Подройкина и др.; отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. Т. 1. С. 91.

² Приказ Минздрава России от 24 апреля 2008 г. № 194н (ред. от 18 января 2012 г.) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 13 августа 2008 г. № 12118) // СПС «КонсультантПлюс».

звание как «Умышленные насильственные действия, не причинившие вреда здоровью».

Субъективная сторона побоев характеризуется виной в форме прямого или косвенного умысла. Неосторожное причинение физической боли без последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, ответственности не влечет. Также к обязательным признакам субъективной стороны относятся: хулиганские побуждения, а равно мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Субъект преступления общий — физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Побои могут составлять элемент объективной стороны иного преступления (например, изнасилования, насильственного грабежа). Они всегда охватываются признаками «насилие» и «насилие, не опасное для жизни или здоровья», в силу чего в данном случае не требуют самостоятельной квалификации.

Побои могут составлять часть хулиганских действий виновного¹. При этом, если обвинение по ст. 213 УК РФ не найдет своего подтверждения, осуждение лица по ст. 116 УК РФ возможно только при наличии жалобы потерпевшего, поскольку уголовные дела о побоях возбуждаются не иначе как по жалобе потерпевшего.

Если в результате побоев умышленно причиняется вред здоровью (тяжкий, средней тяжести или легкий), то такие действия не рассматриваются как побои, а оцениваются как причинение вреда здоровью соответствующей тяжести. Побои выступают в качестве способа причинения вреда².

В ситуации, когда в результате побоев вред здоровью той или иной степени тяжести причиняется по неосторожности, ответственность за неосторожно причиненные последствия наступают в случае, если она прямо предусмотрена в УК РФ. Например, побои, повлекшие по неосторожности причинение легкого вреда здоровью, квалифицируются только по ст. 116 УК РФ, поскольку ответственность за неосторожное причинение легкого вреда законом не предусмотрена.

Действия, начатые как побои, а впоследствии переросшие в более тяжкое преступление (например, в убийство), не требуют самостоятельной дополнительной квалификации по ст. 116 УК РФ.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 г. «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений».

² Уголовное право. Особенная часть: учеб. пособие для вузов / В. В. Свечков. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. С. 39.

Побои могут оставить после себя следы на теле потерпевшего (ссадины, царапины, кровоподтеки, небольшие раны и т. п.) и не оставить каких-либо видимых повреждений. Если следы оставлены, повреждения есть, они фиксируются экспертом. Он их описывает, отмечает характер повреждений, их локализацию, признаки, свидетельствующие о свойствах причинившего их предмета, давности и механизме образования. При этом указанные повреждения не квалифицируются как вред здоровью и тяжесть их не определяется.

Если побои не оставляют после себя объективных следов, то в экспертном заключении отмечаются жалобы потерпевшего, в том числе при пальпации тех или иных частей тела, а также отсутствие объективных признаков повреждений. Тяжесть вреда здоровью при этом тоже не определяют. В подобных случаях установление факта побоев осуществляется органами предварительного расследования, прокурором и судом на основании немедицинских данных¹.

Действующая редакция статьи устанавливает уголовную ответственность за побои или иные насильственные действия, являющиеся ранее квалифицированным составом. Такое решение законодателя, по моему мнению, является не совсем обоснованным, так как подобного рода декриминализация основного состава преступления может повлечь за собой определенные негативные последствия.

Специалисты в области права указывают на то, что потерпевшие от преступных посягательств лица не получают должной защиты от государства и ежегодно большое количество потерпевших не получают никакой правовой помощи.

В связи с этим можно предположить, что основная масса потерпевших будет против освобождения от уголовной ответственности виновного, а административное наказание посчитает недостаточным.

Согласно статье 20 УПК РФ, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 116 и 116.1 Уголовного кодекса РФ, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, при этом, дела о преступлениях, предусмотренных статьей 116.1 Уголовного кодекса РФ, относятся к категории дел частного обвинения, возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд, подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым, дела о преступлениях, предусмотренных статьей 116 Уголовного кодекса РФ, относятся к категории дел частного-публичного обвинения, возбуждаются дознавателем, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат.

---

¹ Уголовное право. Особенная часть: учеб. пособие для вузов / В. В. Сверчков. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. С. 39.

ВС РФ предложил отнести дела о побоях к делам частно-публичного обвинения. Это значит, что правоохранительные органы будут проводить по ним расследование и, если есть вина, сами предъявлять обвинения и направлять дело в суд.

По оценке Верховного Суда Российской Федерации, повысится эффективность предупреждения семейно-бытового насилия, а в суд перестанут поступать дела, по которым отсутствует предварительное подтверждение наличия события и состава преступления.

Свою инициативу Верховный суд обосновал позицией Европейского суда по правам человека в решении от 9 июля 2019 г. по жалобе «Володина против РФ», где ЕСПЧ подчеркнул, что проблема домашнего насилия, способного принимать различные формы, от физического нападения до эмоционального или словесного насилия, выходит за пределы отдельного дела и является общей проблемой для всех государств, поскольку часто имеет место в рамках личных отношений или в узком кругу, при этом подавляющее большинство жертв — женщины. В связи с этим ЕСПЧ обратил внимание на необходимость активного участия государства в защите жертв домашнего насилия¹.

Тюрина А.В.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

«Казнить нельзя помиловать». Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ медицинскими работниками

Нелегальный оборот наркотических средств и психотропных веществ в последние годы не теряют своей актуальности и имеет стабильную тенденцию к росту. Такие преступления совершаются лицами, в обязанности которых входит соблюдение этих правил. Рассматриваемое преступление посягает на нормальную деятельность государственных организаций, занимающихся производством, переработкой, реализацией и иными операциями с наркотическими (психотропными) веществами.

Непосредственный объект преступления — безопасность здоровья населения. В качестве дополнительного объекта выступают жизнь, здоровье человека или собственность. (ст. 228² УК)².

¹ URL: <https://rg.ru/2021/04/06/vs-rf-predlozhit-otnesti-dela-o-poboiah-k-delam-chastno-publichnogo-obvineniia.html>

² Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М.: Проспект, 2020. С. 356–358.

Лекарственные препараты, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, в соответствии с Федеральными законами от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»¹ и от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»², разрешены к применению в Российской Федерации с целью оказания медицинской помощи. Их оборот в учреждениях здравоохранения находится под строгим государственным контролем.

Преступление следует считать оконченным с момента наступления последствий — утраты предмета преступления как результата нарушения правил их оборота. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»³ разъяснил, что под утратой наркотических средств, психотропных веществ, оборудования, инструментов, растений понимается их фактическое выбытие из законного владения, пользования или распоряжения либо такое повреждение оборудования или инструментов, которое исключает в дальнейшем их использование по прямому назначению, если указанные последствия находились в причинной связи с нарушениями, допущенными лицом, в обязанности которого входило соблюдение соответствующих правил (пункт 21).

Такую же позицию выразил и Конституционный Суд РФ в определении от 28 мая 2009 г. № 806-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мозолевой Ларисы Николаевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 228 и 228² Уголовного кодекса Российской Федерации»⁴. Конституционный Суд РФ указал, что «состав преступления, предусмотренного частью первой статьи 228² УК Российской Федерации, в качестве условия наступления уголовной ответственности предполагает не только

---

¹ Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2021).

² О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2021).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16 мая 2017 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2021).

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 806-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мозолевой Ларисы Николаевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 228 и 228.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2021).

нарушение виновным соответствующих правил, но и наступление общественно опасного последствия в виде утраты наркотического средства или психотропного вещества».

Если последствия выразились в причинении вреда здоровью или иных тяжких последствиях, ответственность наступает по ч. 2 ст. 228² УК.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме как умысла, так и неосторожности. К такому выводу приводит буквальное толкование закона. Если преступление совершено из корыстных побуждений, виновный подлежит уголовной ответственности по ч. 2 ст. 228² УК. Корыстный мотив предусмотрен в качестве квалифицирующего признака и указывает на желание получить материальную выгоду (деньги, имущество или право на их получение и т.п.) для себя или других лиц либо избавиться от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств и др.) в результате совершения умышленного нарушения лицом правил, указанных в диспозиции нормы (п. 22 постановления Пленума № 14).

Рассмотрим основания уголовной ответственности медицинских работников в соответствии со ст. 228² УК РФ. Уголовная ответственность наступает в случаях, если медицинским работником нарушены предписания, закрепленные в правилах хранения, учета, отпуска, использования или уничтожения лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, что влечет их утрату.

Так, Зеленодольский городской суд (Республика Татарстан) признал виновной врача общей практики поликлиники ГАУЗ «Зеленодольская ЦРБ» в совершении преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 228², частью 1 статьи 228² Уголовного кодекса Российской Федерации при следующих обстоятельствах: умерла пациентка, ее внук пришел к ней и сдал оставшееся ампулы, которые она выписала накануне. Всего он сдал 16 полных и 4 пустых ампул с промедолом. Она составила акт сдачи полных и пустых ампул, выписала справку о смерти, после чего передала эти ампулы медсестре, которая понесла их сдавать ответственному лицу. Затем ФИО9 вернулась и сказала, что не принимают ампулы, давите их сами. Она доверилась своей медсестре и самовольно уничтожила ампулы с наркотическим веществом и пустые у себя в кабинете, о чем сделала запись в карточке больного. В последующем действиями Сабировой Г. И. вышеуказанные 16 ампул наркотического средства тримеперидин (промедол) по 1 мл. каждая в нарушении действующего законодательства, регламентирующего правила хранения, учета и уничтожения наркотических средств, находящихся под специ-

альным контролем, при неустановленных обстоятельствах, вышли из законного оборота и были утрачены¹.

Существуют отдельные случаи, когда лица незаконно и необоснованно привлекаются к уголовной ответственности за действия (бездействие), на самом деле являющиеся дисциплинарными проступками. Так, например, уничтожение медицинскими работниками лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, с нарушением установленных правил не образует состава преступления, предусмотренного ст. 228² УК РФ.

В соответствии с Перечнем поручений по итогам Прямой линии с Владимиром Путиным² в 2019 г. МВД России совместно с Минздравом России было поручено проанализировать правоприменительную практику привлечения медицинских и фармацевтических работников к уголовной ответственности за нарушения правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, повлекшие их утрату, и при необходимости внести предложения по декриминализации указанных деяний, совершенных по неосторожности и не представляющих общественной опасности. В январе 2020 г. президент поручил внести соответствующие изменения в законодательство.

В апреле 2021 г. депутаты Госдумы одобрили в первом чтении законопроект, который должен оградить медперсонал от уголовного преследования за нарушение оборота наркотических средств. Теперь утрата препарата будет фиксироваться специальной комиссией.

Авторы законопроекта предложили расширить статью 228² УК РФ. В ней хотят указать, что уголовная ответственность не будет касаться эпизодов, когда препарат был утерян по неосторожности или его потеря не причинила вреда. Принятие такого решения должно уменьшить уровень давления на медицинский персонал. Данное изменение направлено на гуманизацию уголовного законодательства в отношении лиц, допустивших при осуществлении медицинской деятельности нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, повлекшее по неосторожности их утрату.

В пояснительной записке³ оговаривается, что в отношении других деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 228² УК, возможно освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления

---

¹ Приговор Зеленодольского городского суд (Республика Татарстан) № 1-98/2018 от 14 мая 2018 г. по делу № 1-98/2018 // URL: sudact.ru/regular/doc/PFBbdczbc3zk/

² Перечень поручений по итогам Прямой линии с Владимиром Путиным (утв. Президентом РФ 2 июля 2019 г. № Пр-1180) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2021).

³ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1121450-7>

небольшой тяжести, на основании ст. 75 УК (освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием) и ст. 76² УК (освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа) при соблюдении указанных в них условий. Вместе с тем стоит заметить, что поправки не исключают дисциплинарную или материальную ответственность медиков за потерю наркотических и психотропных препаратов.

Таким образом, следует признать, что последствия в виде утраты наркотических средств или психотропных веществ являются одним из криминообразующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 228² УК РФ, наличие которого обуславливает общественную опасность рассмотренного деяния. Но изменения, вносимые в закон, будут исключать избыточный уголовно-правовой прессинг, применяемый к медикам в тех случаях, когда произошла утрата наркотического и психотропного лекарства, не связанная с его умышленным выведением в нелегальный оборот.

Фадеев К.А.,

*студент III курса ФГБОУ ВО «Владимирский
государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»*

Особенности квалификации соучастия при убийстве

Институт соучастия в уголовном праве является достаточно важным, так как преступления совершенные в соучастии представляют собой наиболее высокую общественную опасность, нежели иные преступления совершенные одним лицом самостоятельно. Помимо этого, данный институт уголовного права с точки зрения практического применения вызывает много спорных вопросов при квалификации преступлений, совершенных в соучастии. В связи с чем, в судебной практике одни и те же вопросы, связанные с институтом соучастия в преступлении, разрешаются неоднозначно. Что, в свою очередь, говорит и о недоработке норм, содержащихся в действующем уголовном законодательстве нашей страны, в частности в УК РФ.

В литературе институту соучастия посвящено огромное количество работ. В связи с чем, подходы к определению понятия «соучастие в преступление» достаточно разнообразны и специфичны. Несмотря на то, что в ст. 32 УК РФ содержится легальное понятие данного определения, под которым понимается «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления», его трактование среди правоведов является дискуссионным вопросом. Поскольку единого мнения о том, что данное

в законе определение соучастия в преступлении является универсальным и тем самым распространяется на все случаи, прямо предусмотренные уголовным законодательством РФ или же оно относится исключительно к тем случаям, когда между субъектами преступления, совершенного в соучастие предусматривается распределение соответствующих ролей.

Исходя из легального определения соучастия в преступлении, закрепленного в УК РФ, можно сказать, что соучастие представляет собой особое явление при осуществлении преступной деятельности, когда происходит объединение своих усилий несколькими лицами, с целью чтобы достичь единый общественно опасный результат. В свою очередь, можно отметить, что такая формулировка определения понятия соучастие в преступлении, больше раскрывает социальное значение данного института и не несет в себе правового аспекта. В связи с чем, на практике данное определение наименьше значимое, нежели то, которое нашло свое отражение в УК РФ.

Например, А. В. Шеслер применил к определению понятия соучастия в преступлении критичный подход и определил рассматриваемый нами институт как соучастие, обусловленное совместным и умышленным участием двух или более лиц в совершении одного и того же общественно опасного деяния умышленно¹.

На основании чего, автором предлагается мнение, что совместное совершение общественно опасного деяния лицом умышленно, подлежащего уголовной ответственности, с одним или более лиц, которому не присущи признаками субъекта преступления в целом, следует квалифицировать ни как соучастие в преступление, а как преступление, совершенное группой лиц.

Например, п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве», гласит, что при совершении убийства, в котором принимает участие два или более лица, считается необязательным, чтобы причинение вреда здоровью влекущее смерть потерпевшего, осуществлялось нанесением повреждений ему каждым из субъектов преступления, совершаемого в соучастии. Так, один из них может осуществлять насильственное удерживание потерпевшего, путем лишения его возможности оказывать сопротивление, а другое лицо при этом, непосредственно производить нанесение смертельных ран потерпевшему².

---

¹ Шеслер А. В., Шеслер С. С. Совместность совершаемого преступления как признак соучастия // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 3 (21). С. 60.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» // Российская юстиция. 1999. № 4.

Для формы соучастия в преступлении, при которой общественно опасное деяние совершается группой лиц, как по предварительномуговору, так и без такового характерно, то что каждый из субъектов такого преступления является исполнителем или соисполнителем, при этом необходимо наличие сговора о совместном совершении общественно опасного деяния, который имел место быть уже спустя время после начала выполнения объективной стороны состава преступления непосредственно одним из соучастников такого преступления или сговора на совершение преступления, который произошел до начала исполнения объективной стороны такового. Также для данной формы соучастия свойственно отсутствие устойчивости при осуществлении исполнителями или соисполнителями преступной деятельности, при это квалификация такого преступления, совершенного в соучастии, требует указания ч. 1 или 2 ст. 35 УК РФ, в зависимости от признаков, которые нормой предусмотрены.

Отличительными чертами таких форм соучастия в преступлении, как организованная группа и преступное сообщество, исходя из положений п. 3 и 4 ст. 34 УК РФ, является то, что для первой из перечисленных форм соучастия в преступлении недопустимо наличие внутренних структурных подразделений и взаимосвязи с другими организованными группами, в отличии от второй, поскольку для нее наличие данного факта необходимо. Тем самым, целью преступного сообщества является совершение таких преступлений, как тяжкие или же особо тяжкие, чему предшествует возникновение корыстных побуждений для осуществления задуманного, в чем и заключается отличие от организованной группы. При этом для вышеуказанных форм соучастия в преступлении характерно устойчивое осуществление своей преступной деятельности.

Исходя из позиции Верховного Суда РФ, считается, что общественно опасные деяния каждого из участников преступного образования, будь это организованная группа или преступное сообщество требуется квалифицировать их действия, как деяния совершенные исполнителями. Поэтому, в случае признания действий субъектов преступления в соучастии, осуществляемыми, например, организованной группой, действия каждого из участников такого преступления, несмотря на то, какую из ролей они исполняют при реализации общественно опасного замысла, следует квалифицировать исключительно, как деяния совершенные исполнителями или соисполнителями непосредственно, но уже без указания ст. 33 УК РФ¹.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // БВС РФ. 2003. № 2.

Стоит обратить внимание, что одним из квалифицирующих признаков, такого преступления как убийство, предусмотренного ст. 105 УК РФ, является совершение такого деяния в соучастии, при этом будет назначаться одинаковое наказание, несмотря на форму соучастия. При этом, по своей природе, такие понятия как группа лиц, группа лиц по предварительному сговору и организованная группа, можно считать родственными, так как каждый из них характеризуется отличительными друг от друга признаками.

В свою очередь, разграничение форм соучастия в преступлении, осуществляется с помощью такого показателя, как степень согласованности своих действий, для достижения общественно опасного результата. Поскольку, благодаря именно ему, представляется возможным установить, насколько эффективно были объединены силы лиц, совершающих преступление в соучастие. Так как, их преступная деятельность будет характеризоваться в зависимости от того, какова степень согласованности между ними и поэтому, чем выше будет данный показатель, тем самым такая преступная деятельность соучастников будет являться наиболее опасной.

В связи с этим, представляется не разумным, обобщать формы совершения преступного деяния в соучастии, в одном пункте, указанной выше статьи УК РФ, а именно в п. «ж» ч. 2. Кроме того, исходя из содержания указанного пункта ст. 105 УК РФ, можно заметить, что там не говорится о такой форме соучастия при совершении данного преступления, как преступное сообщество, а предусмотрено всего три формы совершения преступления в соучастии.

Таким образом, значение института соучастия в преступлении, предусмотренного действующим уголовным законодательством РФ, имеет огромное значение для привлечения к уголовной ответственности лиц, которые совершают общественно опасное деяние, путем совместных преступных действий. Также, рассматриваемый нами институт, определяет основания и пределы уголовной ответственности лиц, которые реализует общественно опасный замысел совместно и устанавливает правила квалификации, преступных деяний, которые ими осуществляются.

Поэтому, на примере, совершения в соучастии такого преступления, как убийство, для наиболее эффективной борьбы с организованной преступностью в обществе, видится достаточно оправданным, чтобы такая форма соучастия, как преступное сообщество, также входила в перечень п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, дополняя тем самым, уже предусмотренный уголовным законом нашей страны, квалифицирующий признак рассматриваемого преступного деяния. Помимо этого, представляется допустимым и разделение пунктов вышеуказанной статьи УК РФ, в зависимости от формы

соучастия, посредством которой совершается такое преступление, что, в свою очередь, могло бы поспособствовать усовершенствованию правил квалификации преступления, которое может быть совершено, как группой лиц по предварительному сговору, так и без такового, либо организованной группой или преступным сообществом.

Фоменко Д.А.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Уголовная защита жертв домашнего насилия

В современной России проблема насилия в семье является одной из самых актуальных. В связи с декриминализации побоев в отношении членов семьи и близких в последние годы вопросы семейного и бытового насилия стали предметом осуждения российской общественности. Фактические супружеские отношения (сожитительство) не входят в сферу уголовно-правового регулирования, поскольку между их участниками отсутствует правовая связь, порождающая предусмотренные законом законные права и обязанности супругов. Поэтому в настоящее время насилие в отношении фактических супругов (сожителей) является обычным преступлением против личности.

На данный момент в Уголовном кодексе нет статей, выделяющих преступления насильственного характера в отношении членов семьи в качестве самостоятельных составов. В Уголовном кодексе есть 7 составов, на основании которых потерпевший может привлечь преступника к ответственности. Это статьи 111 УК РФ и статья 112 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью», статья 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», статья 116 УК РФ «Побои», статья 116.1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию». Также статья 117 УК РФ «Истязание» и статья 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью».

Статья 116 Уголовного кодекса устанавливает уголовную ответственность за нанесение побоев. В январе 2017 г. побои, совершенные впервые, перестали быть уголовно наказуемым и стали относиться к административному правонарушению. В то же время Уголовный кодекс Российской Федерации в статье 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации ввел уголовную ответственность за побои лицом, подвергнутым административному наказанию. Это

означает, что побои, совершенные впервые в отношении близких лиц, будут квалифицироваться по нормам Административного кодекса, а повторное совершение деяния лицом, привлеченным к административной ответственности за побои в отношении близких лиц, квалифицируется по нормам Уголовного кодекса. Основной проблемой является то, что по истечении одного года лицо, совершившее побои в отношении близких лиц, считается не подлежащим административному наказанию и в случае повторных побоев будет привлечено к ответственности по нормам КоАП РФ.

Статья 117 устанавливает уголовную ответственность за истязание. В комментариях к этой статье говорится, что попытку следует понимать, как причинение жертве физических или психических страданий, включая систематические избиения, пытки, угрозы, оскорбления¹. Другие насильственные методы пыток включают, например, лишение сна, пищи, воды, заключение в холодном помещении, укусы, порку, связывание. Все эти действия, особенно систематические избиения, не говоря уже об угрозах и оскорблениях, наблюдаются практически в каждом случае бытового насилия. Чтобы признать какое-либо действие пыткой, важно установить его систематический характер со стороны исполнителя.

Также необходимо обратить внимание на статью 63 Уголовного кодекса. Пункт «з» статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации «совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного» в контексте проблемы насилия в семье стоит рассматривать не только материальную зависимость между правонарушителем и потерпевшим, но и зависимость, возникающую из брачно-семейных отношений, совместного проживания, родства, единой жилой площади. На наш взгляд, важным является именно тот факт, что виновное лицо использует отношения зависимости при совершении преступления. Поэтому, в настоящей редакции он не способен защитить в полной мере жертв домашнего насилия.

Учитывая все вышесказанное, при выявлении фактов преступления данной категории возникают трудности. В частности, они связаны с отсутствием в российском законодательстве отдельного закона о семейно-бытовом насилии. В России было несколько попыток принять такой закон. В 2016 г. в Государственную Думу поступил проект Федерального закона № 1183390 «О предупреждении насилия в семье и семье»². В нем семейно-бытовое насилие

¹ Уголовный кодекс 2021 с комментариями // URL: <http://stykrf.ru/>

² Законопроект № 1183390 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6>

определялось как умышленное действие (действие или бездействие) одного лица в отношении другого (других) лиц, совершенное в сфере семейно-бытовых отношений, если это деяние нарушает права и свободы человека и (или) причиняет ему физическую боль, и (или) причиняет вред здоровью, и (или) причиняет моральные страдания, и (или) причиняет ему имущественный ущерб. В вышеупомянутом законопроекте предполагается выделить четыре вида насилия в семье: физическое, психологическое, экономическое и сексуальное.

Насилие в семье отличается от других видов насилия тем фактом, что насильник и жертва находятся в родственных или иных близких отношениях. Это усугубляет психологическую травму, полученную жертвой. Чаще всего бытовому насилию подвергаются женщины (57%) и дети (36%)¹. Одним из наиболее тяжелых последствий является усвоение негативных моделей поведения родителей и перенос негативного опыта семейных отношений на другие социальные группы. Именно такой характер общественно опасных последствий и благоприятная обстановка для совершения преступления являются основой для самостоятельной квалификации преступлений, связанных с насилием в семье.

Специфику семейных отношений следует учитывать при квалификации преступлений по признакам, указанным в привилегированных, квалифицированных и особо квалифицированных составах Особенной части УК РФ. Поэтому предлагается внести следующие изменения в Уголовный Кодекс. Внести в ст. 63 УК РФ как вид отягчающего обстоятельства: совершение насилия (физического, психологического, сексуального, экономического) в отношении членов семьи (жены, сожительницы; супруга, сожителя; родителей; детей и иных членов семьи, находящихся на иждивении или с использованием состояния зависимости потерпевшего от виновного лица).

Ввести отдельные пункты в ч. 2. ст. 105, ч. 2. ст. 111, ч. 2. ст. 112, ч. 2, ст. 113, ч. 2. ст. 114, ч. 2. ст. 115, ч. 2. ст. 117, ч. 2. ст. 131, ч. 2. ст. 132 УК РФ: «то же деяние, совершенное в отношении членов семьи жены, сожительницы; супруга, сожителя; родителей; детей и иных членов семьи, находящихся на иждивении или с использованием состояния зависимости потерпевшего от виновного лица).

Ввести соответствующие части «то же деяние, совершенное в отношении членов семьи жены, сожительницы; супруга, сожителя; родителей; детей и иных членов семьи, находящихся на иждивении

---

¹ Саламова С. Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex russica (Русский закон). 2018. (9). С. 129–138. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.129-138>

или с использованием состояния зависимости потерпевшего от виновного лица» в ст. 116, 119, 133, 134, 135 УК РФ.

Ходжаян В.А.,

*студент III курса ФГБОУИ ВО «Московский
государственный гуманитарно-экономический
университет»*

Интернет-педофилия в призме современного российского уголовного законодательства

Сеть Интернет уже давно стала частью реального окружающего нас мира, каждый день миллиарды людей пользуются бесчисленным множеством сайтов, корпорации и государства переносят свои функции в «облачный» режим, а количество контента в сети неустанно растет. Интернет в целом почти не цензурируется, что дает большую свободу для выражения мнений, реализации способностей и просто времяпрепровождения. Любой может найти в интернете то, что придется ему по душе, необходимо лишь знать, как искать информацию, как ее фильтровать.

Существует довольно много способов оградить себя от мошенников, преступников, неуравновешенных и нездоровых людей в интернете. Но, к сожалению, большинство детей, которым открывается доступ в интернет, взрослые не объясняют, как отделять «хорошее» от «плохого» в интернете, и поток информации непрерывно поступает на их устройства.

Такое легкомыслие родителей и общественности создает благоприятную почву для деятельности людей, о которых многие слышали, но не подозревают, насколько большую опасность они из себя представляют. Тысячи и тысячи психически нездоровых людей делают целью реализации своих потребностей не просто несовершеннолетних, а детей, не достигших и подросткового возраста. Естественно, что интернет-педофилия является уголовно-наказуемым преступлением. Уголовный закон рассматривает данное деяние как совершение «развратных действий» по отношению к несовершеннолетним. «Место» совершения преступления в тексте статьи не называется, однако пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» содержит уже конкретное пояснение по поводу развратных действий в сети интернет: «Развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с ис-

пользованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей»¹.

Таким образом, закон прямо указывает на преступность данного деяния, исходя из этого создается необходимость в пресечении такого рода деятельности. И именно в этом состоит самая большая трудность для правоохранительных органов и судов. Дело в том, что в большинстве случаев интернет анонимен, никогда нельзя точно знать, кто скрывается по ту сторону экрана. А человек, нарушающий закон, причем делающий это систематически, постарается защитить себя от отслеживания. Естественно, для современной криминалистики мало что может стать реальным препятствием для обнаружения преступника. Проблема состоит в объемах производимой работы, затрачиваемой на поимку одного преступника.

Статистика Генпрокуратуры показывает, насколько серьезны масштабы проблемы и что количество таких преступлений неуклонно растет. Так по данным 2016 г. было зафиксировано 12,4 тысячи преступлений против половой неприкосновенности детей, а уже в 2019-м — около 15 тысяч. А ведь в эту статистику входят лишь известные преступления. Зная о том, что пострадавшие обычно держат в тайне произошедшее, и учитывая, что в данном случае ими являются дети, что еще более усугубляет ситуацию, можно сделать вывод, что реальное количество преступлений выходит далеко за рамки тех цифр, которые известны общественности. Более того, сотрудники правоохранительных органов отмечают активное использование педофилами социальных сетей и мессенджеров².

Самое частое и трудное в обнаружении преступления — не публикация запрещенных материалов в сети интернет. С такого типа данными правоохранительные органы ведут успешную борьбу, ежедневно блокируя доступ к сайтам с такими материалами. Гораздо сложнее выявить те массы преступников, скрывающихся в соцсетях, на сайтах знакомств, в чатах любых приложений и даже игр. Эти люди начинают общение с ребенком в легкой форме, постепенно переводя разговор в необходимое им русло, а ребенок, не знакомый с основами безопасного пребывания в интернете, легко воспринимает подаваемую ему информацию, и продолжает общение с собеседником, который, не обращая внимания ни на что, спустя пару дней общения назначает ребенку встречу.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // РГ. 2014. № 284. 12 дек.

² *Воинков А.* В России значительно выросло число секс-преступлений против детей // ФедералПресс. URL: <https://fedpress.ru/news/77/society/2433510> (дата обращения: 17.04.2021).

Итак, несколько сложностей стоит перед сотрудниками правоохранительных органов при поимке преступника:

— Сложность в идентификации. Зачастую инциденты заканчиваются уже на этой стадии, ведь достаточно сложно доказать, что сообщения, содержащие в себе суть преступления, отправлял именно тот человек, который владеет аккаунтом и устройством, и это уже при том условии, что эти аккаунт и устройство органами идентифицированы.

— Сложность в доказывании причастности человека к имевшим место перепискам с ребенком. Даже прибегнув к хитрости и от имени ребенка согласившись на встречу с преступником, нет стопроцентной вероятности, что сотрудники полиции сумеют доказать причастность данного человека к преступлению ввиду того, что на отправляемых фотографиях могут отсутствовать отличительные признаки преступника.

— Отсутствие в статье 135 Уголовного кодекса квалифицирующего признака для преступления в интернет-пространстве (с использованием информационно-телекоммуникационных сетей). Эта проблема до сих пор остается нерешенной законодательно, даже с учетом вышеупомянутого Постановления Пленума Верховного Суда (который был принят относительно недавно — всего лишь в 2014 г.).

Стоит отметить, что появление сети Интернет не является причиной распространения педофилии, это психическое отклонение появилось задолго до создания всемирной паутины. Преступники лишь приспособились к существующим реалиям и пользуются благами цивилизации для удовлетворения своих потребностей. Однако мировая практика показывает, что специализированные органы следствия, используя последние наработки в области криминалистики, могут раскрывать большое количество преступлений.

Одним из таких громких дел является дело о сети педофилов, состоящей из 30 000 человек, которую раскрыли правоохранительные органы в Германии. Сеть была раскрыта благодаря созданному в Германии спецподразделению полиции, которое занимается исключительно преступлениями против детей. К сожалению, как известно, из 30 000 подозреваемых лишь немногие будут найдены и осуждены из-за технических ограничений и по причине того, что не все улики получатся приобщить к делу. Также в полиции отмечают повышение скорости расследования при увеличении штата сотрудников, ведь количество только видеоматериала в деле составляет более 400 миллионов часов¹.

---

¹ *Вачедин Д.* В Германии раскрыли сеть педофилов из 30 тысяч человек. Власти признают, что лишь немногие из них будут найдены и осуждены // Медуза. URL: [https://meduza.io/feature/2020/07/06/v-germanii-raskryli-set-pedofilov-iz-30-tysyach-](https://meduza.io/feature/2020/07/06/v-germanii-raskryli-set-pedofilov-iz-30-tysyach)

Такие подразделения, существующие уже в ряде стран, взаимодействуют друг с другом, оказывая помощь в раскрытии преступлений. Они показывают большую эффективность, и можно надеяться на появление подобной организации и на территории России, которая после США является второй в мире страной по производству детской порнографии.

Для борьбы с такого рода преступлениями недостаточно лишь современных технологий и выделенных сил полиции. Необходимо изменение сознания общественности, привлечение большого количества внимания к проблеме, ее более глубокое изучение, общественная поддержка жертв и создание методов эффективной борьбы с интернет-педофилией. Только так можно победить то зло, которое каждый день незаметно ото всех рушит жизни тысячам людей.

Хорунжий И.А.,

*студент I курса магистратуры ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 205⁶ Уголовного кодекса Российской Федерации

Статья 205⁶ Уголовного кодекса РФ предусматривает наказание за несообщение в уполномоченные органы государственной власти о ряде преступлений, перечень которых является исчерпывающим. Однако в науке и судебной практике возникает множество вопросов квалификации действий лиц по данной норме ввиду несовершенства законодательной конструкции указанного состава. Верховный Суд также не дал каких-либо разъяснений по поводу применения статьи 205⁶ в постановлении Пленума, посвященном применению норм о преступлениях террористической направленности¹. Основные затруднения в правоприменении возникают ввиду особенностей объективной стороны рассматриваемого общественно опасного деяния.

Так, деяние, предусмотренное статьей 205⁶ совершается путем бездействия, то есть выражается в пассивном поведении лица. Согласно сложившейся позиции в науке уголовного права, лицо может совершить преступление путем бездействия только при соблюдении

---

chelovek-vlasti-priznayut-chto-lish-nemnogie-iz-nih-budut-naydeny-i-osuzhdeny (дата обращения: 17.04.2021).

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

двух условий, а именно при наличии обязанности и возможности действовать определенным образом¹. Следовательно, к уголовной ответственности по статье 205⁶ может быть привлечено виновное лицо, располагающее достоверными сведениями о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении, и которое не сообщает об этом в органы государственной власти.

Законодатель не дает определения понятию «достоверные сведения», что ведет к возникновению дискреции правоприменителя относительно толкования данного выражения. В доктрине под достоверными сведениями понимаются конкретные сведения, которые были известны лицу точно, не вызвали у него сомнения в подлинности и определяли его убежденность в соответствии их действительности². При этом такие сведения могут быть известны лицу из разных источников, например из личных бесед или документов. Доктринальные положения подтверждаются судебной практикой. В частности, в одном из приговоров Октябрьский районный суд Ивановской области использовал в качестве доказательств переписку лиц через социальную сеть «ВКонтакте» и через мессенджер «What's app»³.

Особую сложность при квалификации деяний лиц по рассматриваемой статье вызывают случаи несвоевременного сообщения информации о преступлении и, в частности, на допросе. В подобных ситуациях не следует привлекать лиц к уголовной ответственности ввиду того, что информация о преступлении была получена правоохранительными органами, а срок ее сообщения законодательно не определен.

Диспозиция статьи 205⁶ не устанавливает и круга лиц, о которых следует сообщать сведения. В науке господствует позиция, согласно которой необходимо сообщать сведения как об исполнителях, так и о соучастниках преступления, так как соучастники являются также же лицами, совершающими преступления⁴.

Помимо вышеописанных вопросов, нормативные положения уголовного кодекса не определяют круг органов государственной власти, в которые следует обращаться, а указывают лишь то, что сообщать о преступлении следует в органы государственной власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, к которым относятся суд, прокуратура, Следственный комитет, органы

---

¹ Москалев Г.Л. Проблемы уголовно-правовой регламентации несообщения о преступлении (ст. 205.6) // Уголовное право. 2017. № 3(69). С. 22.

² Сабатов С.А. Уголовно-правовая характеристика несообщения о преступлении (статья 205.6) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-harakteristika-nesoobscheniya-o-prestuplenii-statya-205-6-uk-rf>

³ Приговор № 1-110/2019 от 4 июня 2019 г. по делу № 1-110/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bpdI2YRqWL6v>

⁴ Сабатов С.А. Указ. соч.

внутренних дел, органы ФСБ, органы Государственного пожарного надзора, органы Федеральной пожарной службы и таможенные органы. Спорным моментом при квалификации деяний является сообщение о преступлении в орган власти, не уполномоченный рассматривать сообщения о преступлениях. В данном случае следует согласиться с мнением В. В. Бычкова о том, что если лицо сообщило о преступлении террористического характера или лице, его совершившем в орган власти, не уполномоченный рассматривать сообщения о преступлениях, например, в администрацию субъекта Федерации, то в данном случае состав преступления также будет отсутствовать¹.

Открытым остается вопрос о моменте юридического и фактического окончания рассматриваемого уголовно наказуемого деяния. Несообщение информации по своей конструкции относится к делящимся преступлениям, юридическим окончанием которого следует признать получение виновным лицом достоверной информации о преступлении, готовящемся или совершившим преступление и несообщение им данной информации при реальной возможности сделать такое сообщение в компетентные органы. Моментом фактического окончания в судебной практике признается прекращение противоправных деяний вследствие действий самого виновного, направленных на прекращение преступления, или наступление событий, препятствующих дальнейшему совершению преступления². Итак, фактически окончанием противоправных деяний, содержащих признаки преступления, предусмотренных статьёй 205⁶ УК РФ являются любые действия лица, с помощью которых оно стремится прекратить преступление, предусмотренное статьёй 205⁶ УК РФ, в то время как к обстоятельствам, препятствующим дальнейшему совершению преступления, следует отнести, например, задержание лица.

Итак, несмотря на криминализацию такого состава как «несообщение о преступлении», в теории и практике остается много нерешенных проблем ввиду несовершенства законодательной конструкции. Автор настоящей статьи считает необходимым конкретизацию отдельных элементов объективной стороны данного деяния в постановлении Пленума Верховного Суда, посвященного преступлениям террористической направленности в целях восполнения пробелом правового регулирования рассматриваемого уголовно наказуемого деяния.

---

¹ Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика несообщения о преступлении (статья 205.6) // Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. 2019. № 2. С. 53.

² Пункт 36 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 июля 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Черкасова А.М.,*курсантка IV курса ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»*

Криминальный буллинг в подростковой среде

На сегодняшний день существует реальная проблема противодействия доведению до самоубийства, о чем свидетельствуют резонансные уголовные дела, публикации в средствах массовой информации об участившихся случаях доведения до самоубийства в первую очередь несовершеннолетних лиц. Вопрос о необходимости совершенствования законодательства в этом направлении и практики его применения, а также повышение качества предупреждения таких преступных посягательств неоднократно поднимался руководством страны и профильными министерствами. Так, в 2018 г. на расширенном заседании коллегии МВД России¹ министр В. А. Колокольцев отмечал, что одной из ключевых задач Министерства является такое предупреждение. Это связано, прежде всего с тем, что психологическое и физическое воздействие в отношении несовершеннолетних способно привести к суицидальному поведению, а также к жестокости и агрессии таких лиц. Спустя год Президент России В. В. Путин также акцентировал внимание на данной проблеме². В 2020 г. глава государства повторно возвратился к этому вопросу³.

В настоящее время развивается такой феномен как буллинг, под которым понимается травля одного участника коллектива другими. Само слово происходит от английского bully, что значит «хулиган, драчун, грубиян, задира, насильник». В настоящее время чаще всего под буллингом понимают травлю и издевательства в подростковой среде.

Поскольку буллинг может выступать провоцирующим фактором для доведения до самоубийства, склонения к самоубийству, необходимо уделить данной проблеме научное и законодательное внимание. Данное явление можно считать новым для нашего общества, а наиболее уязвимой в психологическом плане категорией являются подростки, в связи с этим нами было проведено исследование

---

¹ Расширенное заседание коллегии МВД России 2018 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56949> (дата обращения: 28.04.2021).

² Расширенное заседание коллегии МВД России 2018 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 28.04.2021).

³ Расширенное заседание коллегии МВД России 2020 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860> (дата обращения: 28.04.2021).

(опрос) среди старшеклассников общеобразовательных организаций г. Нижнего Новгорода с целью анализа распространения буллинга в подростковой среде. В опросе приняли участие 106 респондентов, которые обучаются в школах г. Нижнего Новгорода. Опрос был добровольным, заочным (анкетирование) и анонимным, что позволяет нам выразить уверенность в искренности отвечающих. Интерес к опросу больше проявили девушки: среди опрошенных больше половины анкет (69,8%) заполнили лица женского пола, остальные (30,3%) — мужского. В анкете предлагалось ответить на ряд вопросов, призванных исследовать проблему буллинга и доведения до самоубийства, склонения к самоубийству (см. диаграммы № 1–10).

Диаграмма 1

Диаграмма 2

Диаграмма 3

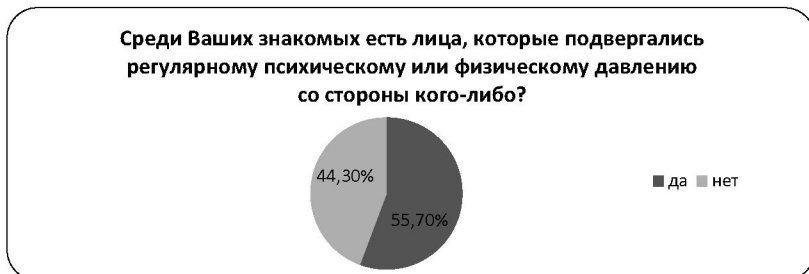

Диаграмма 4

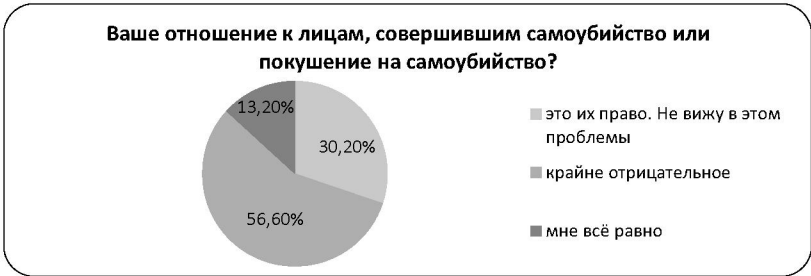

Диаграмма 5

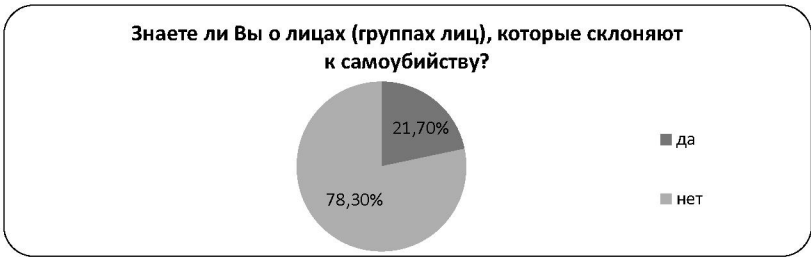

Диаграмма 6

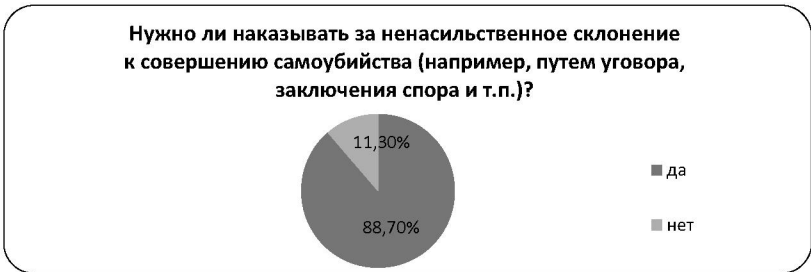

Диаграмма 7

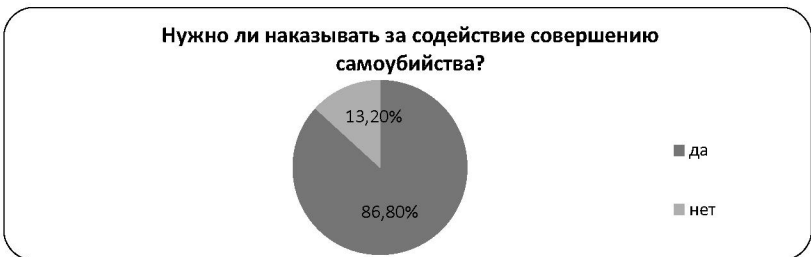

Диаграмма 8

Диаграмма 9

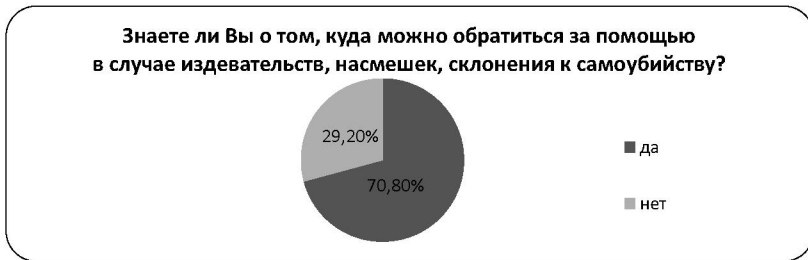

Диаграмма 10

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о реальной угрозе распространения буллинга среди подростков. Около трети опрошенных заявили, что были объектом насмешек и издевательств, из них 24% были обеспокоены происходящим, испытывали психологическое давление и напряжение. Больше половины респондентов (56%) отметили, что среди своих знакомых присутствуют лица, которые подвергались регулярному психическому или физическому давлению. 22% школьников утвердительно ответили на

вопрос о том, что им известно о лицах (группах лиц), которые склоняют к самоубийству, при этом почти треть опрошенных не знает, куда можно обратиться за помощью в случае издевательств, насмешек, склонения к самоубийству.

Полагаем, что необходимо совершенствовать деятельность, направленную на предупреждение рассматриваемых преступлений, в том числе, посредством организации сотрудниками правоохранительных органов занятий по повышению правовой грамотности среди обучающихся общеобразовательных учреждений. Как видно из опроса, институт уголовной ответственности за доведение до самоубийства воспринимается не всеми подростками положительно, поэтому совместно с педагогами, психологами и родителями предлагаем усилить работу правоохранительных органов по формированию негативного отношения подростков к проявлениям суицидального поведения.

Чуранов Д.А.,

*студент III курса Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
ФГБОУ ВО «Университет прокуратуры
Российской Федерации»*

Особая жестокость как квалифицирующий признак убийства: теоретический аспект

Российское уголовное законодательство определяет убийство как умышленное причинение смерти другому человеку. Специфика объективной стороны и характер объекта данного преступления определяют не только общественную опасность убийства, но и конкретный состав исследуемого антисоциального действия. Так, наряду с простым убийством уголовный закон выделяет квалифицированные составы умышленного причинения смерти другому человеку. Если обратиться к содержанию ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), можно заметить, что законодатель приводит в пунктах означенной нормы лишь особенности соответствующего преступления, имеющие уголовно-правовое значение, которые в качестве квалифицирующих признаков дополняют состав простого убийства и делают его таким образом сложным. Считая такой подход конструирования статьи оправданным современными правилами юридической техники, отметим, что содержание ч. 2 ст. 105 УК РФ следует анализировать в исключительной взаимосвязи со всей приведенной нормой права. Значимость последнего тезиса подтверждается тем, что использование подобного подхода позволит признать

положения ч. 2 ст. 105 УК РФ самостоятельными целостными составами преступлений.

Одним из квалифицирующих признаков убийства является особая жестокость при его совершении. В соответствии со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Таким образом, для квалификации деяния по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо определиться с таким элементом конструкции состава убийства, в который мог бы входить признак особой жестокости. Большинство авторов характеризуют данный признак как способ совершения преступления¹, предусмотренного ст. 105 УК РФ. В самом деле, некоторые действия определяют особую жестокость как способ; пытки, истязание, глумление над жертвой, сожжение заживо, многочисленные телесные повреждения² — это приемы физического и психического характера, посредством которых потерпевшему причиняются дополнительные особые страдания. В данном случае особая жестокость как способ совершения преступления будет характеризоваться как способ умышленного причинения смерти.

Тем не менее особая жестокость может проявляться также и в таких действиях, которые следует квалифицировать как иной факультативный элемент объективной стороны исследуемого состава преступления. Так, постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» убийство в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания, следует квалифицировать по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное с особой жестокостью. Присутствие при причинении смерти потерпевшему близких ему лиц следует охарактеризовать как совокупность условий и обстоятельств, при которых осуществляется данное общественно опасное деяние³. Таким образом, особая жестокость в подобном случае будет представлять собой такой факультативный элемент объективной стороны убийства как обстановка.

Указанное разъяснение Верховного Суда РФ содержит такой пример проявления виновным особой жестокости при причинении смерти другому человеку, как использование мучительно действующего яда. Следует указать на необходимость расширительной трактовки

¹ Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В. П. Бодаевского, В. М. Зиминой, А. И. Чучаева. М., 2019. С. 18.

² Приговор Архангельского областного суда от 26 января 2018 г. по делу № 2-30/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/v1w04KSLD11q> (дата обращения: 25.04.2021).

³ Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рапова, А. И. Чучаева. М., 2008. С. 155.

данного разъяснения, поскольку виновный может использовать иные вещества, способные мучительно воздействовать на потерпевшего. Так, подобными веществами могут признаваться различные лекарственные препараты, прижигающие жидкости (кислоты, щелочи, окислители), газы, инсектициды и пр. Неоднозначно решается вопрос о причинении лицу смерти при помощи животных как проявление особой жестокости. Приведенные примеры свидетельствуют о возможности оказания преступного воздействия на общественные отношения в виде причинения смерти с использованием средств. Иными словами, особая жестокость может проявляться в виде применения специальных средств при совершении убийства.

Передки случаи, когда виновный использует несколько предметов, орудий, специальных средств, предварительно создает условия психотравмирующей ситуации с намерением причинить особые страдания потерпевшему. В подобных ситуациях надлежит говорить о сложном характере особой жестокости виновного. Содеянное, разумеется, не следует квалифицировать как два однородных преступления, однако необходимо учитывать совокупность указанных условий и признаков проявления особой жестокости в процессе правоприменения. Не случайно некоторые авторы обращают внимание на многогранность и вариативность проявления особой жестокости с позиции объективных признаков состава преступления. В самом деле, средства или орудия, используемые при совершении преступления, в своей совокупности определяют способ, с которым связывается особая жестокость. Место и время совершения преступления в своем единстве характеризуют обстановку, свидетельствующую об особой жестокости¹.

К сожалению, в современной отечественной науке уголовного права не сложилось единства мнений по вопросу отнесения признака особой жестокости к тому или иному элементу состава преступления. Перспективной и обоснованной представляется позиция А. Н. Попова. По мнению указанного автора, к объективным признакам особой жестокости, в частности при убийстве, следует относить, во-первых, способ убийства, при котором потерпевший испытывает длительные физические и психические страдания, во-вторых обстановку убийства, при которой потерпевшему или его близким причиняются страдания нравственного характера, и, в-третьих иные обстоятельства, свидетельствующие об особой жестокости виновного². Преимущество означенного подхода видится в признании особой жестокости неоднозначной уголовно-правовой категорией, находящей свое отражение в различных признаках объективной стороны состава преступления.

---

¹ *Меньшикова А. Г.* Особая жестокость сквозь призму объективных признаков состава преступления // Российский юридический журнал. 2017. № 3 (114). С. 79.

² *Попов А. Н.* Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003. С. 392.

Таким образом, особая жестокость как уголовно-правовая категория носит сложный характер и не может сводиться исключительно к конкретному способу совершения преступления. Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что включаемый в объективную сторону элемент особой жестокости может выступать в различных теоретических качествах, как-то: способ, обстановка, средства и др. Необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств совершенного преступления с тем, чтобы усмотреть в действиях виновного умышленное проявление особой жестокости. Представляется, что формирование единого теоретического подхода к оценке особой жестокости как качественного признака состава преступления в доктрине уголовного права позволит разрешить многие противоречия правоприменительной практики.

Шаповалов Д.А.,

*студент II курса ГКОУ ВО «Российская
таможенная академия»*

Ответственность за прикосновенность к коррупционным преступлениям

В настоящий момент в РФ ведется активная и разноплановая борьба с коррупционными преступлениями. К ответственности привлекаются видные государственные деятели, СМИ активно пропагандируют идеи добросовестности и неподкупности. Впрочем, результаты борьбы нельзя назвать однозначными. По индексу восприятия коррупции Россия, в соответствии с данными Трансперенси интернешнл¹, в 2020 г. заняла 127 место. Можно говорить также и о наличии проблем с раскрываемостью. В частности, число нераскрытых преступлений по ст. 291 УК РФ² показывает тенденцию к росту. Количество нераскрытых преступлений по ст. 290 УК РФ³ сильно меняется год от года и свидетельствует о значительном росте в период с 2018 по февраль 2021.

Указанные выше обстоятельства могут быть связаны с различными факторами, в том числе со значительным осложнением общественных и, как следствие, криминальных процессов. В этом контексте нельзя обойти такой важный институт, как уголовная ответственность за прикосновенность к преступлениям, в данном случае, коррупционной направленности.

---

¹ URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatyya-korruptsii/rossiya-v-indeks-vospriyatyya-korruptsii-2020-30-balloov-i-129-mesto.html>

² Официальный портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart

³ Там же.

В настоящий момент в уголовном законодательстве РФ присутствует ответственность только за прикосновенность в формах заранее не обещанного укрывательства и несообщения о преступлении. Эти нормы содержатся в ст. 205.6 и 316 УК РФ.

К преступлениям коррупционного характера применима только ст. 316 УК РФ. Данная статья предусматривает применение уголовной ответственности к лицам, осуществившим заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений, устанавливая вместе с этим запрет на установление наказания и иных мер уголовного принуждения в случаях такой прикосновенности в отношении преступлений, совершенных супругом или близким родственником.

Конкретное содержание укрывательства в законе отсутствует, нет и значительной судебной практики в отношении укрывательства коррупционных преступлений. Так, в ходе изучения более 150 уголовных дел о применении ст. 316 УК РФ было установлено, что только взяточничество, не считая иных преступлений коррупционного характера, перечень которых будет дан ниже, составляет около 1% преступлений¹, не было выявлено ни одного случая о факте коррупционной направленности укрываемого преступления. В основном статья применяется к различным составам: ст. 105, квалифицированным составам ст. 111, два факта применения по отношению к п. «б» ч. 3 ст. 228.1. Таким образом, можно констатировать, что ст. 316 УК РФ в отношении укрывательства преступлений коррупционного характера является «мертвой» или «практически мертвой» нормой. Данная ситуация представляется необоснованной. Исходя из высокого значения искоренения коррупции для обеспечения политической и социальной стабильности целесообразно активизировать деятельность правоохранительных органов в применении этой нормы в отношении вышеназванной категории дел.

Пробел практики применения необходимо заполнить. Итак, под заранее не обещанным укрывательством обычно подразумевают действия, направленные на осложнение осуществления правосудия. Всю совокупность этих действий можно классифицировать по двум основаниям:

1) направленные на физическое сокрытие чего-либо (сокрытие лица, совершившего преступление, или вещи) или уменьшение количества информации, получаемой в ходе действий правоохранительными органами, о чем-либо без прямого воздействия на материальные объекты (например, создание алиби и др.);

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — февраль 2021 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/23447482/>

2) по тому, что лицо пытается скрыть: а) сокрытие объекта (например, совершение неких операций, для того, чтобы выдать коррупционное преступление за экономическое), б) сокрытие субъекта (например, заранее не обещанный вывоз субъекта на своей машине с места преступления), в) сокрытие объективной стороны (заранее не обещанное сокрытие предмета взятки). Важным условием, помимо названного, является невозможность укрывательства собственного преступления.

Необходимо определиться с предполагаемой сферой действия. В настоящий момент находится в силе указание¹, анализ которого позволяет определить перечень преступлений коррупционного характера за заранее не обещанное укрывательство которых может быть назначена уголовная ответственность: 1) относящиеся к коррупционным без дополнительных условий (ч. 6 ст. 200.5 УК РФ, ч. 8 ст. 204, ч.ч. 5–6 ст. 290 УК РФ, ч. 5 ст. 291, ч. 4 ст. 291.1); 2) относящиеся в случаях, если основное преступление носило коррупционный характер (ч.ч. 3–4 ст. 210 УК РФ, ст. 210.1 УК РФ); 3) относящиеся в соответствии с международными актами при отметке о коррупционном характере преступления, в связи с которым было совершено деяние (ст. 295 УК РФ); 4) относящиеся к перечню при совершении должностным лицом, государственным или муниципальным служащим, лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой или иной организации (п. «в» ч. 3 ст. 226, ч. 3 ст. 226.1, п. «б» ч. 4 ст. 228.1, ч.ч. 3–4 ст. 229.1); 5) вышеназванными лицами в связи с корыстным мотивом или с использованием служебного положения (ч. 5 ст. 228.1, ч.ч. 3–4. ст. 229).

Следует сказать, что многие передовые, с точки зрения борьбы с коррупцией, страны, обладающие сходными характеристиками (население, показатели экономики и др.), действительно применяют в отношении большого круга лиц, связанных с коррупционными преступлениями сходный, но несколько более жесткий метод. Так, действия, которые в соответствии со ст. 316 УК РФ запрещены в России, в этих странах могут трактоваться как пособничество и наказываться достаточно жестко.

Так, УК ФРГ не содержит норм о прикосновенности вообще. С другой стороны, в нем гораздо шире определение понятия «пособничество», которое может позволить подвести под него очень многие действия, включая заранее не обещанное укрывательство. Согласно ч. 1 ст. 27 УК ФРГ² «любое лицо, намеренно помогавшее

¹ Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»/

² Уголовный кодекс ФРГ // URL: [http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html]

другому лицу в совершении последним преступного деяния, несет ответственность, как пособник».

Таким образом, действие нормы о пособничестве может быть распространено и на рассматриваемый случай прикосновенности. Аналогичным образом этот вопрос регулируется и в УК Японии¹.

Данный подход представляется излишне категоричным, во всяком случае, сейчас. Предполагается целесообразным ограничиться реальным применением уже имеющейся нормы. Согласно бытующему в криминологии подходу, важна не столько тяжесть ответственности, сколько неотвратимость ее наступления². Прикосновенность является традиционным и гуманным институтом российского уголовного права. Относительная мягкость ответственности за заранее не обещанное укрывательство может способствовать увеличению количества признаний, сотрудничеству со следствием. Но применять саму норму статьи 316 УК РФ к укрывательству коррупционных преступлений следует регулярно и неукоснительно для достижения формирования образа опасности любого взаимодействия с лицами, потенциально являющимися преступниками.

Итак, норма, регулирующая заранее не обещанное укрывательство, уже существует. Желательно сохранить ее в неизменном виде, во всяком случае, пока не сформируется однозначный моральный запрет на взаимодействие с потенциальным преступником. Далее можно ужесточить ответственность.

Чтобы норма активнее применялась, предполагается целесообразным внести изменения в должностные инструкции. Привлекательной выглядит возможность издания Постановления Пленума ВС РФ³ по вопросам применения ответственности за прикосновенность к коррупционным преступлениям с изложением форм такой прикосновенности и ответственности за них. Но перед этим, как кажется, следует провести «показательный процесс» для активизации

¹ Крылова Н. Е. Уголовное право зарубежных стран: в 3 т. Т. 2. Общая часть. Франция. Германия. Италия. Япония: учебник для вузов / Н. Е. Крылова, В. Н. Еремин, М. А. Игнатова, А. В. Серебренникова; под ред. Н. Е. Крыловой. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020.

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях: Биографический очерк и перевод книги Беккариа «О преступлениях и наказаниях» / проф. М. М. Исаева; Всесоюзный институт юридических наук НКЮ Союза ССР. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939.

³ Дворжицкая М. А. также предлагает издать постановление Пленума по ВС РФ по прикосновенности к преступлениям и предлагает вариант его текста. См.: Дворжицкая М. А. Ответственность за прикосновенность к преступлению в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019. Считаем нужным издать отдельное Постановление Пленума по прикосновенности к конкретной категории дел в связи со значимостью борьбы с ними, а также для целей стимулирования реализации редко применяемой определенным образом судами нормы.

судей в применении нормы указанным образом, чтобы затем получить более репрезентативную выборку дел для создания Постановления Пленума ВС РФ.

Юшин М.Д.,

*студент III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Проблема применения статьи 228 Уголовного кодекса Российской Федерации

Введение

Все преступления, совершаемые в сфере незаконного оборота наркотиков, включены в главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» IX раздела Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Мне бы хотелось рассмотреть проблемы применения ст. 228 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также за незаконные приобретение, хранение, перевозку растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества.

Проблема незаконного оборота наркотиков давно приобрела межгосударственный характер в связи с ввозом наркотиков в Европу. Говоря о количестве преступлений в России связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, среди общеуголовных преступлений, можно отметить, что они имеют значительное количество и составляют около 5% от общего числа зарегистрированных в стране преступлений.

Решающая роль в противодействии организованному наркобизнесу и злоупотреблению наркотиками справедливо отводится социальному контролю и государственному регулированию, которое, в частности, выражается в принятии или совершенствовании законодательных и иных нормативно-правовых актов, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков.

Уголовно-правовая политика Российской Федерации характеризуется все большим усилением мер ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Законодательство давно относит преступления о наркотиках к числу тяжких и особо тяжких, а поправки в законодательстве предоставили возможность судьям назначать пожизненное лишение свободы.

Несмотря на то, что в РФ действует более 70 федеральных законов, свыше 100 постановлений Государственной Думы, более 200 указов президента и постановлений Правительства, касающихся проблемы противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, остается достаточно много подводных камней¹.

Недостаток конструкции составов преступлений 228 статьи УК РФ

Многими учеными-юристами высказывается позиция, что более справедливым и целесообразным было бы снизить уголовной ответственности за совершение незаконных действий с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами с 16 до 14 лет. А в отношении лиц, не достигших 14 лет, рассматривается возможность помещения их в специальные учебно-воспитательные учреждения.

Однако с моей точки зрения эта позиция не совсем является правильной, так как снижение возраста привлечения к уголовной ответственности за данное преступление до 14 лет будет способствовать лишь рекрутированию молодежной преступности. На мой взгляд, снижение возраста уголовной ответственности за совершение незаконных действий с наркотиками до 14 лет оправдано, если только деяния совершены с целью сбыта. И уже в таком случае для подростков очевиден характер и повышенная степень общественной опасности их действий. В связи с этим в ч. 2 статьи 20 УК РФ следовало бы внести изменения, в соответствии с которыми ответственность за незаконные действия с наркотиками с целью сбыта наступала бы уже с 14 лет.

3. Также, на мой взгляд, законодатель необоснованно исключил из диспозиции ч. 1 ст. 228 УК РФ пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Включение признака пересылки без цели сбыта позволит избежать необоснованного осуждения лиц, осуществляющих указанное действие для собственного потребления. При этом общественная опасность, создаваемая данным уголовно-наказуемым деянием, будет соответствовать виду и размеру наказания.

4. Конфискация имущества как уголовное наказание за незаконный оборот наркотиков в действующей редакции УК отсутствует. Я считаю, что исключение из УК РФ такого уголовного наказания, как конфискация имущества за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и замена его на штраф, является не просчитанным шагом в борьбе с наркобизнесом². Сбыт наркотиче-

---

¹ Дьяченко А., Четвертакова Е. Ответственность за незаконный оборот наркотиков по УК зарубежных стран // Уголовное право. 2001. № 1.

² Ярковой В. Почему наркодельцы уходят от ответственности // Российская юстиция. 2002. № 12.

ских средств является экономически доходным преступным мероприятием. Кроме этого возникает вопрос, почему УК не содержит дополнительное уголовное наказание в виде штрафа за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ. По всей видимости, предполагается, что доходы от таких преступных действий невелики. Так же хотелось бы отметить, что при применении такого вида уголовного наказания, как конфискация имущества, государство могло бы решить две проблемы — лишить наркобизнес финансирования и пополнить собственный бюджет¹.

Бланкетный характер

Одним из наиболее значимых недостатков данной статьи также является бланкетный характер ее норм.

Бланкетные нормы — нормы Особенной части УК, в которых диспозиции определяют не все его признаки или вовсе не определяют признаки состава преступления, а описываются в иных нормативно-правовых актах.

Раскрывая данный недостаток необходимо сказать о том, что уголовное законодательство не регламентирует допустимость наличия бланкетных норм, а, как следствие, возможность привлечения к уголовной ответственности за нарушение не уголовных нормативных правовых актов. Такой вывод можно сделать из сопоставления статей 1 и 8 УК. В ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса закреплен закрытый перечень источников уголовного кодекса, к которым относятся:

- 1) Конституция РФ;
- 2) общепризнанные принципы и нормы международного права.

В статье 8 Уголовного Кодекса установлено, что «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом».

Применительно к рассматриваемой статье (228 УК РФ) проблема наличия и применения бланкетных норм носит практический характер. Правительство РФ не успевает реагировать на изобретательность наркоторговцев, которые придумывают все новые и новые способы синтетизирования наркотических средств и психотропных веществ. В связи с этим применение статьи 228 затруднительно для правоохранительных органов. Иначе говоря, привлечение лица к уголовной ответственности по ст. 228 возможно только при изъятии у него тех наркотических средств и психотропных веществ, которые включены в перечень таковых.

---

¹ *Васильев С. А.* Правовая характеристика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.

На практике возникает проблема: лицо задержано и подозревается в совершение преступления, допустим, предусмотренное, частью 1 ст. 228, а изъятое средство, либо вещество хотя и оказывает наркотическое или психическое воздействие, не закреплено в соответствующих нормативно-правовых актах. Следовательно, признать данное деяние преступным затруднительно.

Заключение

В последние годы политика государства в этой сфере имеет положительные изменения. Законодатели выводят проблему незаконного оборота наркотиков на более высокий уровень, причисляя преступления, совершенные в этой области к тяжким и особо тяжким. Однако в настоящее время остается много нерешенных вопросов, связанных с правовым регулированием незаконного оборота наркотиков. В этом докладе изложены далеко не все проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за незаконный оборот наркотиков. К решению этой проблемы нужно подходить системно, начиная от социальных программ пропаганды правильного образа жизни и заканчивая государственной политикой предупреждения и пресечения таких преступлений.

Стоит отметить, что за последнее время данной проблеме уделяется большое внимание. Именно необходимостью борьбы с наркоманией и всем, что с ней связано, были продиктованы изменения, проводившиеся в последние годы в уголовном законодательстве РФ. Тем не менее, уровень преступлений, связанный с наркотическими средствами, психотропными 52 веществами или их аналогами остается, по-прежнему, высок. В этой связи, помимо мер направленных непосредственно на предупреждение рассматриваемых преступлений, необходимо также осуществление общесоциальных мер, направленных на развитие человеческого потенциала, социальной поддержки населения, устранение последствий экономического кризиса.

Якунина М.И.,

*студентка II курса ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Проблема определения акта международного терроризма в уголовном законодательстве России, Европы и стран Ближнего Востока

Международный терроризм на сегодняшний день является одним из самых опасных преступлений против мира и безопасности

человечества. В юридической науке многие исследователи и ученые до сих пор не пришли к единому пониманию самого термина «терроризм». Более того, международно-правовые акты, нацеленные на борьбу с терроризмом, также определяют «терроризм» по-разному.

В ходе анализа уголовного законодательства различных стран можно обнаружить, что далеко не все государства имеют аналогичную статью как в России за акт международного терроризма (ст. 361). Представляется, что ряд государств находятся еще только на этапе формирования понятия и состава такого преступления, как акт международного терроризма, в частности, отделения его от террористических действий и операций.

1.1 Характеристика акта международного терроризма в РФ. В 2016 Российская Федерация посредством Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375 ФЗ¹ дополнило уголовное законодательство нормой об акте международного терроризма, тем самым, криминализовала данное преступление. Одним из замечаний² в отношении указанной нормы является отсутствие в диспозиции термина «устрашающий». Данная критика определенно имеет место быть, однако, с большей долей вероятности, термин «устрашающий» естественным образом закладывался законодателем в данную норму. Трудно себе представить, что акт международного терроризма не будет нести в себе никаких угроз для населения и мирового порядка. В этой связи представляется возможным опираться на ст. 205 УК РФ, которая закрепляет в своей диспозиции термин «устрашающих население». Террористические действия — преступные действия, которые признаются таковыми на территории Российской Федерации и за ее пределами. Поэтому пока норма ст. 361 не содержит указания на устрашающий характер международного террористического акта (хотя рискну предположить, что большая часть населения воспринимает подобные действия как устрашающие) мы можем дополнительно привлекать диспозицию ст. 205 УК РФ.

1.2 Определение объекта преступления акта международного терроризма. Объект преступления. В уголовно-правовой литературе³ развернулась дискуссия о том, что является непосредственным объектом преступления по ст. 361 УК РФ. Обобщая изученные материалы, можно отметить, что выделяют такие объекты как «мир», «международный мир», «мировой порядок». Если исходить из бук-

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² *Суворов В. В.* Уголовная ответственность за акт международного терроризма: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2018.

³ Там же. С. 56–58.

вального прочтения закона, то основной целью акта международного терроризма является нарушение мирного сосуществования государств и народов. Представляется, что мирное существование государств и народов и составляет ядро понимания термина «мир». По этой причине объектом данного преступления можно расценивать именно интересы мира, который включает в себя естественным образом интересы всех государств и различных народов. За счет этого террористический акт приобретает характер международного.

Наказание за акт международного терроризма в Российской Федерации. Все 3 части статьи 361 предусматривают возможность лишения свободы пожизненно. Примечательно, что ст. 205 УК РФ предусматривает возможность лишения свободы пожизненно только в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 205 УК РФ. Таким образом, можно заключить, что, дополняя уголовной кодекс нормой об акте международного терроризма, законодатель стремился показать чрезмерно высокую опасность акта международного терроризма, а потому за каждый состав, предусмотренный ст. 361 УК РФ возможно пожизненное лишение свободы. Можно предположить, что подобное наказание обусловлено наличием именно такого объекта преступления, как мирное сосуществование государств и народов. Безусловно, жизнь, безопасность и здоровья граждан отнюдь не менее значимы, чем мирное сосуществование. Однако представляется, что подрыв государственных отношений с другими странами, а также подрыв отношений между народами может привести к губительным последствиям для всего мира, поэтому такая санкция справедливо установлена за действия, предусмотренные ст. 361 УК РФ.

2.1 Уголовная ответственность за международный терроризм в Великобритании. Великобритания одна из немногих стран, которая содержит в своем законодательстве положения именно о международном терроризме. Принятие в 2000 г. «Terrorism Act¹» включил в себя одно из наиболее полных определений терроризма в национальном законодательстве. Вопрос ответственности за международный терроризм в Великобритании разрешается в зависимости от того, преследуется ли деяние по обвинительному акту или будет рассматриваться в магистратском суде². Несмотря на то, что законодательство Соединенного Королевства содержит в себе детально проработанные положения об ответственности за различное проявление терроризма, единая санкция за акт международного терроризма отсутствует. Представляется, что это является упущением

¹ Terrorism Act 2000 // URL: https://wiki2.org/en/Terrorism_Act_2000#Definition_of_terrorism (дата обращения: 04.04.2020).

² Козочкин И. Д. Новый английский закон о борьбе с терроризмом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2001. № 2.

законодательства Великобритании, поскольку, включая акты международного терроризма в понятие «терроризма» необходимо четко устанавливать санкцию за совершаемое преступление и проводить границу между актом международного терроризма и прочими преступлениями, охватываемыми уголовным и антитеррористическим законодательством государства.

3.1 Уголовная ответственность за международный терроризм в Турции. Турецкий уголовный кодекс¹ не содержит ни главы, ни раздела, ни статьи о террористическом акте или об акте международного терроризма. Эксперты по турецкому уголовному законодательству указывают, что некоторые преступления, в частности ст. 171, 172, перечисленные в главе 3 — «Преступления против общества», относятся к актам терроризма в соответствии с Федеральным законом Турции республики. Однако вышеуказанные статьи не содержат и намека на акты международного терроризма.

3.2 Уголовная ответственность за международный терроризм в Израиле.

Национальное уголовное законодательство государства Израиль также, как и предыдущая ближневосточная страна, не содержит определения акта международного терроризма. Указание в ст. 144 дает² на совершение насильственного или террористического деяния раскрывается в бете (аналог примечания в российском УК) и закрепляет, что под насильственным или террористическим деянием понимается преступление, наносящее вред телу человека или подвергающее его жизнь опасности. Из буквального прочтения норм можно увидеть, что норма о терроризме вообще отдает предпочтение определению терроризма через причинение вреда человеку и его здоровью. Упоминаний о мировом порядке, безопасности мира и подрыву отношений государств и народов здесь нет.

Вывод напрашивается один: в XXI в. мир сталкивается с огромным количеством террористической деятельности и ее угроз, а потому в каждом национальном законодательстве следовало бы устанавливать ответственность за акты международного терроризма, поскольку именно они в последнее время набирают обороты на мировой арене.

Проведенный сравнительно-правовой анализ показал, что многие национальные законодательства не включают в себя понятие «акта международного терроризма» или же содержит неявные признаки

¹ Уголовный кодекс Турции // URL: <http://pravoturka.ru/ugolovniy-kodeks-turcii/> (дата обращения: 04.04.2020).

² Закон об уголовном праве Израиля. Постатейный перевод с иврита на русский язык // URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1375279180.pdf> (дата обращения: 04.04.2020).

такового. Норма российского уголовного кодекса об акте международного терроризма, не смотря на свою неполноту и отсутствия определения «акта международного терроризма», тем не менее, содержит исчерпывающие признаки данного деяния, квалифицирующие составы и довольно суровые санкции, соответствующие тяжести преступления. Как показал анализ, европейское уголовное законодательство является более развитым в отношении поставленного вопроса, чем ближневосточное, что вполне можно объяснить передовым развитием Европы на протяжении столетий.

Тем не менее, вопрос о криминализации акта международного терроризма, равно как и выработка общего определения данного термина остается сегодня открытым вопросом для юридического сообщества и представителей международных организаций.

II сессия

«СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО»

Абулова А.Г.,

*студентка IV курса ФГАОУ ВО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет»*

Дифференциация уголовной ответственности в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики

Дифференциацию уголовной ответственности можно охарактеризовать как разделение уголовной ответственности на отдельные составляющие, структурные части единого целого¹.

Во многих статьях главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) законодателем применены одновременно несколько средств дифференциации уголовной ответственности, относящихся к объективным и к субъективным признакам. Однако дифференциация уголовной ответственности за преступления в предпринимательской сфере не во всех случаях произведена должным образом.

Законодатель идет по пути излишне детализированного описания преступлений в сфере экономической деятельности. Так, гл. 22 УК РФ дополнена рядом статей, в которых дифференциация уголовной ответственности произведена по принципу выделения частных случаев посягательств на объект уголовно-правовой охраны, которые были наказуемы ранее нормами более общих статей уголовного закона. В частности, на уголовно-правовую охрану установленного порядка уплаты организациями налогов и (или) сборов направлена ст. 199 УК РФ и более частные по отношению к ней ст. 199¹, 199², 199³, 199⁴ УК РФ. Таким образом, прослежива-

---

¹ Жилкин М. Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография. М., 2019.

ется излишняя конкретизация и значительное увеличение объема материала, широкое использование казуистического приема юридической техники¹.

Статью 185¹ УК РФ о злостном уклонении от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах можно считать достаточно компактной. Так, в наименовании и в диспозиции статьи имеется прямая отсылка к ст. 30 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг». Сумма крупного ущерба к ст. 185¹ УК РФ оговорена в примечании к ст. 185 УК РФ. Но в ч. 1 ст. 185³ УК РФ «Манипулирование рынком» законодатель в диспозиции перечисляет те действия, которые относятся к объективной стороне данного преступления. Он переносит в диспозицию данной статьи запреты прописанные в ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 27 июня 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и далее переходит к формулировке «либо иные умышленные действия, запрещенные законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком». Неясно, почему изначально законодатель не мог ограничиться этой формулировкой по аналогии с тем, как это было сделано, в частности, в ст. 185¹ УК РФ.

Серьезные недочеты содержатся в ст. 172² УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. Размытой, некорректной представляется формулировка названия статьи. Например, Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»² в ст. 5 в ряду банковских операций на первое место ставит привлечение денежных средств физических и юридических лиц во вклады «до востребования и на определенный сроки». Поэтому законодателю необходимо в формулировке названия ст. 172² УК РФ указать на факт незаконности организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, как это сделано в ст. 171, 171²–172 УК РФ. Также, необходимо учитывать, что законодатель предусмотрел в ст. 200³ УК РФ самостоятельную ответственность за привлечение денежных

---

¹ *Гешелин М. И.* Законодательная техника и дифференциация ответственности за экономические преступления по уголовному законодательству России и Англии (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2015. С. 67.

² Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

средств граждан для строительства, а значит для исключения проблем при разрешении вопросов конкуренции в ст. 172² УК РФ следует сделать соответствующую специальную оговорку.

В ч. 1 ст. 172² УК РФ ответственность предусмотрена за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. Здесь законодатель упустил в названии статьи и в диспозиции указание на наказуемость самой деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. Содержание ч. 2 ст. 172² УК РФ свидетельствует о том, что привлечение денежных средств и (или) иного имущества должно быть криминализовано в основном составе преступления. Тем более что в смежном составе административного правонарушения ст. 14.62 КоАП РФ установлена ответственность как за организацию, так и за привлечение денежных средств и (или) иного имущества.

Можно заключить из текста статьи, что ответственность наступает при привлечении денежных средств и (или) иного имущества только юридических и физических лиц. Неясно, как нужно поступить, если привлекаемые средства или имущество принадлежат государственным органам либо органам местного самоуправления, которые в соответствии с законодательством юридическими лицами не являются. В этом случае запрет на применение УК РФ по аналогии, сформулированный в ч. 2 ст. 3 УК РФ, не позволит привлечь виновных лиц к уголовной ответственности. Считаем, что в тексте статьи не нужно указывать на источники привлекаемых средств, чтобы искусственно не сужать сферу уголовно-правового регулирования. Ответственность в ст. 172² УК РФ дифференцирована только в зависимости от размера привлеченных средств и другие средства дифференциации не используются.

Законодатель, криминализовав организацию финансовых пирамид в ст. 172² УК РФ, сформулировал неопределенное и сложное понятие этой деятельности. Например, выяснение критериев оценки «сопоставимости» объема инвестиционной или иной законной предпринимательской, либо иной деятельности, также объема привлеченных денежных средств и (или) иного имущества отдано в распоряжение правоприменителю. Думается, что для преодоления указанных проблем диспозицию рассматриваемой статьи следует сформулировать как бланкетную, указав в диспозиции ее на незаконность совершаемого деяния¹. Неоправданно объемны и наименования многих новелл гл. 22 УК РФ — ст. 185⁵, 189, 199³ УК РФ.

Законодатель при использовании бланкетного способа построения статей УК РФ о предпринимательских преступлениях не всегда последователен. Так, в наименовании ст. 171, 171²–172, 173¹,

¹ Жилкин М. Г. Указ. соч. С. 78.

173², 176, 180, 183, 185⁴, 189, 191 содержится указание на «незаконность» деяния», в ст. 185⁶ — «неправомерное использование», в ст. 195 — «неправомерные действия», в ст. 187 — «неправомерный оборот», а в ст. 181, 192 — «нарушение правил». Здесь необходимо применять единообразную формулировку, содержащую термин «незаконное» и т. п.

В статье 181 УК РФ установлена уголовная ответственность за нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм. Это преступление может быть совершено с прямым умыслом. В других составах словосочетание «нарушение правил» характеризует в основном составы преступлений, для которых характерна не умышленная, а неосторожная форма вины (ст. 263, 264, 268, 269 и др.) либо которые могут быть совершены умышленно или по неосторожности (ст. 271, 257). Думается, неосторожная вина в экономических преступлениях не должна иметь место.

Некоторые размещенные в примечаниях к статьям главы 22 УК РФ нормы-дефиниции излишни. В примечании к ст. 173² УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица» дано легальное определение приобретения документа, удостоверяющего личность. Такой необходимости в перегружении нормативного материала дефиницией не было, понимание достигается посредством доктринального, судебного толкования.

Неоправданно дублирован законодателем в Примечании 5 к ст. 200¹ УК РФ понятие «денежный инструмент», которое содержится в международных договорах, и закреплено также в Таможенном кодексе ЕЭС¹.

В уголовном законе примечания сформулированы зачастую так, что они распространяют свое действие на ту «материнскую» статью, частью которой они являются. Исключение является примечание к ст. 170² УК РФ, которое охватывает своим действием главу в целом, за исключением специально оговоренных в этом примечании статей. Примером неудачного использования является ст. 171⁴ УК РФ о незаконной розничной продаже алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции. В Примечании 1 закреплено понятие незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, которое представляет описание объективной стороны преступления.

Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что недостатком уголовного закона следует признать чрезмерно детализированное

---

¹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС «КонсультантПлюс».

описание ряда составов преступлений в сфере предпринимательской деятельности: отступление от требований экономии нормативного материала; чрезмерно широкое использование казуистического приема юридической техники; дублирование в статьях, устанавливающих уголовную ответственность за преступления в сфере предпринимательской деятельности, формулировок содержащихся в иноотраслевом предпринимательском законодательстве.

Айстраханов Н.,

*студент I курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Общественно опасные последствия преступления, предусмотренного статьей 178 Уголовного кодекса Российской Федерации

В одном из положений Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ), а именно в ч. 2 ст. 34, прямо запрещена «экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию»¹. Государству необходимо активно бороться с посягательствами на конкуренцию, как конституционную ценность, в том числе с помощью уголовно-правовых средств.

В первую очередь, для борьбы с картелями необходимо разрешить вопросы реализации мер уголовной ответственности по ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Ограничение конкуренции». Одним из этих нерешенных вопросов следует признать закрепление в качестве конструктивного признака состава преступления получение дохода либо причинение ущерба в крупном или особо крупном размере. Для большинства преступлений в экономической сфере четкая фиксация размеров имеет огромное значение, ведь если бы ее не было, то невозможно было бы разграничить, где наступает уголовная ответственность, а где административная. В случае же со ст. 178 УК РФ указание законодателем на размеры превращает норму в практически «мертвую».

Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации приводит следующую статистику: за 2018 г. по ст. 178 УК РФ было осуждено 0 человек, за 2019 г. — 0 человек, за 2020 год — 3 человека².

¹ Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14 марта 2020 г. опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

² Данные судебной статистики // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

Хорошо видно, что нынешнюю редакцию «Ограничения конкуренции» сложно назвать эффективно работающей.

Так, доходом в крупном размере в настоящей статье признается доход, сумма которого превышает пятьдесят миллионов рублей, а доходом в особо крупном размере — двести пятьдесят миллионов рублей. Крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает десять миллионов рублей, а особо крупным ущербом — тридцать миллионов рублей. Такие большие цифры, во-первых, затрудняют возможность привлечения к уголовной ответственности, а во-вторых, «вскрывают» две других проблемы.

Ряд авторов¹ указывают на еще один нерешенный вопрос материального характера: невозможность объективно посчитать размер дохода от картельного сговора, т.к. правоприменитель не может проверить все экономические и правовые аспекты деятельности каждого хозяйствующего субъекта в течение всего периода существования картеля.

Из этого вытекает третья процессуальная проблема. При проведении экспертизы объективность выводов экспертов окажется под большим вопросом, так как существует множество факторов, способных оказать на них существенное влияние. Помимо этого, необходимо доказать причинно-следственную связь между картельным соглашением и доходом (ущербом)². Поэтому в этом случае будет применяться правило, что все неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого (*in dubio pro reo*) (ст. 49 Конституции РФ).

Если обратиться к зарубежному законодательному опыту, то, например, в УК ФРГ за сговор на торгах (§ 298)³ уголовная ответственность наступает независимо от размера дохода или ущерба. Такой же подход закреплен в Ирландии в *Competition Act 2002*⁴.

В настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации находится правительственный законопроект⁵, предусматривающий ужесточение наказания по ст. 178 УК РФ

---

¹ Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право: монография. М.: Проспект, 2021. С. 637 // URL: <http://ebs.prospekt.org/book/43825> (28.04.2021); Денисова А. В. Öffentlich-rechtliche Folgen von Kartellverstoßen, § 178 StGB // Российский следователь. 2016. № 13. СПС «КонсультантПлюс».

² Денисова А. В. Указ. соч.

³ Головенков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия = Strafgesetzbuch (StGB): науч.-практ. комментарий и перевод текста закона. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014. С. 238.

⁴ Number 14 of 2002. Competition Act. 2002 // <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2002/act/14/enacted/en/html#>

⁵ Законопроект № 848246-7 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848246-7> (дата обращения: 24.04.2021).

(ограничение конкуренции). В частности, в нем хотят увеличить крупный и особо крупный доход до ста миллионов и пятьсот миллионов рублей соответственно, а также увеличить крупный ущерб до двадцати миллионов рублей, а особо крупный ущерб — до шести-десяти миллионов рублей.

Резюмируя вышенаписанное, можно сказать следующее: во-первых, стоит отказаться от подхода, в котором крупный (особо крупный) размер являются обязательными в составе преступления. Представляется, что общественно опасным последствием ст. 178 УК РФ является ограничение конкуренции само по себе. Во-вторых, указанный выше законопроект вряд ли сможет «оживить» практику применения статьи «Ограничения конкуренции», так как в тексте закона останутся те же самые проблемы, которые мешают правоприменителю привлекать виновных к уголовной ответственности: отсутствие проработанной методики, необходимого для подсчета преступной прибыли от ограничения конкуренции, а также необоснованно завышенные размеры ущерба (дохода). Поэтому законодателю стоит рассмотреть вариант исключения размеров как конструктивного признака состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ.

Алиев М.А.,

*студент I курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»*

Вопросы квалификации преступлений в сфере долевого строительства

Вопросы квалификации преступлений имеют важное значение для всей правоприменительной практики, поскольку правильная квалификация является непременным условием получения точного представления о состоянии и структуре преступности в той или иной сфере общественных отношений, что имеет определяющее значение при выработке направлений и мер уголовно-правовой политики в стране.

В этой связи в условиях нестабильности рынка долевого строительства в период пандемии и увеличения, несмотря на внесение изменений в законодательство в сфере долевого строительства, числа обманутых дольщиков¹, вопросы квалификации преступлений

---

¹ См.: *Аминов Х.* Дольщики пошли второй волной. Пандемия увеличила число обманутых инвесторов // Коммерсантъ. 2021. № 71. 22 апр. С. 9; URL: [https://tass.ru/ nedvizhimost/11082187](https://tass.ru/nedvizhimost/11082187)

в сфере долевого строительства продолжают сохранять свою актуальность. В частности, по данным финансовой отчетности за 2020 г. Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства — на 31 декабря 2020 г. Фонд выплатил гражданам денежные средства в размере 26,1 млрд рублей, что на 23,7 млрд рублей больше по сравнению с аналогичными данными на конец 2019 г.¹

Увеличения числа обманутых дольщиков и недобросовестных застройщиков вызвало необходимость включения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) статьи 200³, которая установила ответственность застройщиков за привлечение денежных средств граждан для финансирования строительства в нарушение требований законодательства в сфере долевого строительства в крупном размере. Исходя из замысла законодателя данный состав, предусматривающий особое основание освобождения от уголовной ответственности должен способствовать возмещению в полном объеме ущерба гражданам-дольщикам. Также среди дополнительных целей закреплялось формирование единообразия в правовых подходах при квалификации преступлений² в сфере долевого строительства³. Это было предопределено тем, что в отсутствие единого правового подхода квалификация действий недобросовестных застройщиков осуществлялась правоприменителем по разным статьям Уголовного кодекса РФ (в частности, ст. 159, 160, 165 УК РФ и другие). В настоящий момент общественные отношения в сфере долевого строительства в основном охраняются статьями 159 и 200³ УК РФ³.

Следует отменить, что несмотря на введение специального состава в виде статьи 200³ УК РФ квалификация деяний в данной сфере осуществляется по статье 159 УК РФ. Зачастую это связано с случаями отсутствия разрешения на строительство. Наличие указанного нарушения законодательства о долевом строительстве расценивается судами в качестве препятствия для строительства, что, по мнению

¹ URL: <https://фонд214.рф/news/73084/> (дата обращения: 03.05.2021).

² Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости и нецелевое использование денежных средств, уплачиваемых участниками долевого строительства по договору участия в долевом строительстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2021).

³ *Евгения С. Ю.* К вопросу об отграничении преступлений, предусмотренных статьей 200.3 УК РФ, от смежных преступлений и административных правонарушений // *Вестник Московского университета МВД России.* 2020. № 6.

суда, говорит о заведомой невозможности введения дома в эксплуатацию и невозможности исполнения обязательств перед дольщиками¹. В таких ситуациях суды в подтверждение квалификации деяния по статье 159 УК РФ приводят позицию Пленума Верховного суда, закрепленную в постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»² в части наличия умысла на совершение мошенничества, которое связано с преднамеренным неисполнением обязательств по гражданско-правовым договорам, а именно рассматривают отсутствие разрешения на строительства как «заведомое отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство в соответствии с условиями ДДУ».

В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что в качестве обоснования введения уголовной ответственности недобросовестных застройщиков указывалось, что «мошенничество предполагает наличие умысла на безвозмездное обращение в свою собственность имущества еще до заключения договора и внесения денежных средств, что не всегда имеет место на практике»³. Поскольку в рамках предпринимательской деятельности застройщика возникают ситуации, когда «денежные средства привлекаются на благие цели, но затем неэффективно расходуются, что приводит к нарушению прав участников долевого строительства»⁴.

Различать хищения в рамках ст. 159 УК РФ от ст. 200³ УК РФ можно по следующим критериям:

- 1) хищение по ст. 159 УК РФ совершается путем обмана или злоупотребления доверием; 200³ УК РФ — застройщик может не скрывать отсутствие у него, к примеру, разрешения на строительства и иных необходимых документов;
- 2) в рамках мошенничества лицо завладевает чужим имуществом и может приобрести право на него, а специальный состав предпола-

---

¹ Приговор Черемушкинского районного суда города Москвы от 8 июня 2016 г. № 1-18/16. Приговор Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону от 9 января 2019 г. по делу № 1-325/2018; приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 7 ноября 2012 г. № 1-843/2012; приговор Ленинского районного суда города Новосибирска от 3 августа 2011 г. по делу № 1-6/2013(1-45/2012; 1-615/2011); приговор Центрального районного суда города Сочи от 24 сентября 2019 г. по делу № 1-424/2019.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «Гарант» (дата обращения: 03.05.2021).

³ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 201 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 03.05.2021).

⁴ Там же

гает только привлечение денежных средств в нарушение требований федерального закона¹;

3) квалификация по признакам состава ст. 200³ УК РФ зачастую происходит, если отсутствует необходимый перечень разрешительных документов, закрепленный в федеральном законе², в рамках мошенничества лицо может и располагать всеми необходимыми документами;

4) по признаку цели — хищение характеризуется корыстью, а состав по статье 200³ УК РФ — любыми целями, за исключением корыстной.

Другой аспект состоит в том, что рассматриваемый состав (ст. 200³ УК РФ), является формальным. В связи с этим некоторые суды при вынесении приговора указывают, что «квалификация действий подсудимого по статье 200³ УК РФ охватит лишь часть признаков совершенных им преступлений и фактически позволит избежать уголовной ответственности за совершенные им хищения чужого имущества, поскольку корыстный мотив, совершение преступления путем обмана и причинение потерпевшим ущерба останутся в этом случае за рамками уголовно-правовой квалификации содеянного»³.

На эту проблему указывал еще Верховный Суд Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ), говоря о том, что в данном составе не были закреплены «криминообразующие» признаки, а именно не указана общественно опасные последствия деяний; «такая конструкция нехарактерна для преступлений в сфере экономической деятельности, в которой преобладают гражданско-правовые отношения»⁴.

Как следствие вызывает определенные вопросы особое основание освобождения от уголовной ответственности при условии полного возмещения ущерба за совершение рассматриваемого преступления,

---

¹ Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2021).

² Там же.

³ Приговор Верховного суда Республики Башкортостан от 15 февраля 2017 г. по делу № 22-627/2017(22-12558/2016).

⁴ Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 6 марта 2013 г. № 2-ВС-899/13 «На проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости и нецелевое использование денежных средств, уплачиваемых участниками долевого строительства по договору участия в долевом строительстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2021).

состав которого является формальным. Ряд исследователей считают, что в примечании к ст. 200³ УК РФ, несмотря на отсутствие указания на «ущерб», «речь идет именно об ущербе в размере переданных дольщиком застройщику денежных средств»¹. Поскольку вследствие нарушений застройщиком не могут быть исполнены обязательства по договору, что причиняет дольщикам реальный ущерб на сумму переданных застройщику денежных средств.

Таким образом, правильной квалификации преступлений в сфере долевого строительства будет способствовать закрепление в рамках статьи 200³ УК РФ в качестве признака объективной стороны причинение крупного и особо крупного ущерба, и соответственно исключение из состава признака крупного и особо крупного размера. Поскольку исходя из замысла законодателя примечание к данной статье должно было служить стимулом к возмещению ущерба, причиняемого дольщикам. Дополнительно к этому, состав 200³ УК РФ требует разъяснений посредством постановления Пленума Верховного Суда РФ, что будет способствовать формированию единого правового подхода при квалификации преступлений в рассматриваемой сфере.

Алоян М.Р.,

*студент III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

К вопросу о соотношении в сфере правоприменительной практики пункта «г» части 3 статьи 158 и статьи 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации

С каждым годом электронных и цифровые технологии все активнее воздействуют и внедряются в различные сферы общественной, в том числе и правовой, действительности. Не осталась в стороне и уголовно-правовая сфера: это находит отражение и на предмете, и на способе, и на характере совершаемых преступлений.

Если обратиться к статистическим отчетам о состоянии преступности в Российской Федерации, которые ежемесячно и ежегодно составляются Министерством внутренних дел Российской Федерации, то с 2018 года число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий неуклонно и значительно растет. Данное замечание будет справедливо, в том

---

¹ Пичугина М. А. Квалификация преступлений, связанных с привлечением денежных средств граждан в рамках долевого строительства // Уголовное право. 2020. № 2.

числе, и по отношению к различного рода хищениям с использованием электронных (цифровых) технологий¹.

Одними из наиболее распространенных подобного рода хищений являются кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) и мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159³ УК РФ). Проведенный анализ судебной практики свидетельствует о том, что у правоприменителя зачастую возникают трудности с разграничением данных достаточно близких разновидностей хищения при квалификации схожих деяний. В связи с этим, возникает потребность в выделении особенностей каждого из составов преступления и в акцентировании внимания на данные особенности.

В соответствии со статьей 158 УК РФ под кражей понимается хищение чужого имущества. Таким, отличительной особенностью кражи как хищения является ее тайный характер, под которым, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» понимается «незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. Если присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо не сознает противоправность этих действий... содеянное следует квалифицировать как кражу»².

В соответствии со статьей 159 УК РФ под мошенничеством понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Таким образом, закон фиксирует особенности мошенничества как вида хищения, обращая внимание на его способ: обман или злоупотребление доверием. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»³ дается толкование каждому из способов.

Обобщая, можно выявить одну из ключевых особенностей мошенничества в целом — обман физического лица, наличие некоего основания (психологического, легального и т.п.) доверять виновному. Благодаря данному, заведомо созданному виновным основанию,

¹ Отчет о состоянии преступности в России за 2018–2020, январь — март 2021 годы // МВД РФ. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // РГ. 2003. № 9. 18 янв.

³ Пункты 2 и 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // РГ. 2017. № 280. 11 дек. (далее — ППВС РФ № 48).

другое лицо войдет в заблуждение относительно наличия либо отсутствия обстоятельств, влияющих на принятие им решения о передаче имущества передаче самому виновному либо другим лицам. При этом, лицом, которое подверглось обману, может быть не только владелец имущества, но и иное лицо¹.

Применительно непосредственно к ст. 159³ УК РФ обман как способа хищения выражается в сообщении виновным уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности данному лицу этой карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платежной картой.

Таким образом, действительно, возникают ситуации, когда и мошенничество, предусмотренное ст. 159³ УК РФ, и кража, предусмотренная п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, могут быть совершены в присутствии лиц, которые, по сути дела, не осознают преступный характер действий другого лица.

При этом, необходимо различать две условных сценария. При хищении имущества виновным, уполномоченное лицо понимало, что для изъятия данного имущества данным лицом существовали юридические препятствия, однако данное лицо ввело уполномоченных сотрудников организации в заблуждение и, тем самым, нивелировало эти препятствия. В таком случае деяние необходимо квалифицировать по ст. 159³ УК РФ².

В том случае, когда субъект своими действиями смог обмануть, ввести в заблуждение уполномоченных лиц организации, и они не осознают факт изъятия именно чужого для изымающего лица имущества, то данное хищение должно квалифицироваться как кража.

Антонова А.И.,

студентка III курса ФГБОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО)»

Необходимо обеспечить эффективную защиту благотворительной деятельности уголовно-правовыми средствами

В 2018 г. президент РФ В. В. Путин поставил амбициозную задачу снизить уровень бедности в стране вдвое за 6 лет. Из состояния нищеты предполагалось вывести около 9 миллионов человек за счет

¹ Пункт 1 ППВС РФ № 48.

² Яни П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 6. С. 39–43; № 7. С. 39–43.

ускорения экономического роста свыше 3%, роста не сырьевого экспорта на 80% и увеличения доли осуществляющих инновации компаний — с 16 до 50%. Однако достижение указанных результатов оказалась под серьезной угрозой и, более того, в последнее время стала проявляться совершенно противоположная тенденция¹. Поэтому в современных условиях возрастает роль адресной материальной поддержки различных категорий граждан, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Существенные резервы в решении сложных социальных вопросов скрыты в сфере благотворительной деятельности. На это указывает, в частности, опыт зарубежных стран, где в период пандемии, связанной с новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), благотворительность вышла на новый организационный и ресурсный уровень. Особенно высокий рост благотворительности зафиксирован был ряде стран БРИКС². Так, например, в Бразилии на борьбу с пандемией поступило частных пожертвований на сумму, превышающую 1 млрд долларов³, что оказалось беспрецедентным результатом в истории страны.

В феврале 2020 г. в Китае был создан национальный консорциум по борьбе с пандемией, в состав которого вошли, в том числе свыше 70 благотворительных фондов, что позволило объединить и эффективно расходовать на борьбу с пандемией коронавируса финансовые ресурсы, превышающие 400 млрд юаней (около \$61,63 млрд). Увеличение пожертвований доказало, что благотворительные секторы могут и способны эффективно работать в самых сложных условиях, обеспечивая сотрудничество граждан, частных организаций и государства.

В Российской Федерации на благотворительные цели в последнее время за счет частных пожертвований ежегодно аккумулируются средства, превышающие 400 млн руб.⁴ Однако по этому показателю мы находимся в мире в последней десятке государств. Так, по данным фонда Charities Aid Foundation, который выпустил мировой индекс благотворительности (CAF World Giving Index), за последние десять лет Россия в нем заняла 117-е место из 126⁵.

---

¹ См.: За реальной чертой бедности в России оказалось почти 50% населения // URL: <https://www.finanz.ru/novosti/lichnyye-finansy/za-realnoy-chertoy-bednosti-v-rossii> (дата обращения: 02.02.2021).

² Группа, объединяющая пять государств: Бразилия, Россия, Индия, КНР и ЮАР.

³ См.: Что общего в благотворительности стран БРИКС // URL: <https://www.asi.org.ru/news/2021/03/23> (дата обращения: 02.05.2021).

⁴ См.: URL: <https://philanthropy.ru/research/2020/11/12/94946/> (дата обращения: 02.05.2021).

⁵ См.: В мировом рейтинге благотворительности Россия находится ниже Мадагаскара // URL: <https://plus-one.ru/society/v-mirovom-reytinge-blagotvoritelnosti-rossiya> (дата обращения: 02.05.2021).

Безусловно, это свидетельствует о том, что культура благотворительности в России пока развита недостаточно. На ее формирование влияет большое количество дефектов, существующих в правовом регулировании этой важнейшей сферы общественного бытия. Прежде всего, это касается пробелов в специальном Федеральном законе «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ¹. Рамочный характер данного закона не позволяет установить налоговые льготы для юридических лиц, занимающихся благотворительной деятельностью. На практике отсутствие должного государственного стимулирования ведет к разоруженности и непрозрачности благотворительной деятельности коммерческих организаций, снижению эффективности оказываемой помощи. Введение льготного налогообложения благотворительной деятельности в правильно организованной форме, а именно с указанием вида расходов, круга получателей, а также предела отнесения на расходы в целях налогообложения, могло бы способствовать не только росту величины расходов, но и возможности влиять на деятельность получателей благотворительной поддержки, в том числе некоммерческих организаций².

Росту благотворительной активности населения и юридических лиц препятствует растущая криминализация данной сферы. Правоохранительная и судебная практика испытывает серьезные затруднения при квалификации посягательства на благотворительные средства. Нередко при схожих фактических обстоятельствах содеянное может быть квалифицировано как кража, кража в отношении электронных денежных средств, мошенничество, мошенничество с использованием электронных средств платежа, мошенничество в сфере компьютерной информации, присвоение, растрата, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, злоупотребление полномочиями, самоуправство и др.³.

В такой ситуации не удивительно, что почти 50% опрошенных граждан, не участвуют в благотворительности исключительно в виду опасения быть обманутыми⁴. И, к сожалению, эти опасения имеют под собой основания. Так, за 2020 г. зафиксированы наибольшие темпы прироста у различного рода мошенничеств

¹ См.: Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

² См.: *Головань С. А.* Совершенствование налогового механизма стимулирования благотворительной деятельности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2017. С. 3.

³ Так, из фонда А. Шипулина было потрачено на премии и выплаты работникам фонда свыше 400 тыс. рублей. По данному факту было возбуждено уголовное дело, квалификация которого неоднократно менялась.

⁴ См.: URL: <https://te-st.ru/2013/12/05/research/> (дата обращения: 02.05.2021).

(+30,5%, 335,6 тыс.). Наиболее распространены мошенничества в сфере информационно телекоммуникационных технологий или компьютерной информации, на них приходится около 70% всех хищений, совершенных путем обмана или злоупотребления доверием (+73,4%, 237,1 тыс.). При совершении 25,8 тыс. (+42,4%) мошенничеств использовались электронные средства платежа. В целом за последние пять лет количество деяний, совершенных с использованием информационно телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации число таких преступлений выросло более, чем в 11 раз, а удельный вес в структуре преступности возрос с 1,8% до 25%¹. К сожалению, квалификация мошенничества изобилует коллизиями, которые во многом обусловлены введением в уголовный закон специальных видов мошенничества (ст. 159¹–159⁶ УК РФ). Результаты анкетирования ученых-криминалистов и правоприменителей показали, что более 70% опрошенных считают, что количество ошибок, связанных с квалификацией деяний, в связи с наличием специальных видов мошенничеств, лишь увеличилось в судебно-следственной практике. Поэтому следует согласиться с предложением об исключении специальных составов мошенничества, поскольку подобная дифференциация ответственности за мошенничество была проведена поспешно и непоследовательно².

В современных условиях пожертвования частными лицами на благотворительные цели осуществляются почти в 90% случаев посредством СМС-сообщений или информационных технологий. Учитывая, что манипуляции с компьютерной информацией, направленные на хищение чужого имущества, возможны не только посредством обмана, но и другими способами (тайное хищение, присвоение и растрата), целесообразно сформулировать общую норму в уголовном законе «Хищение с использованием компьютерной информации». В качестве квалифицирующего признака целесообразно предусмотреть хищение благотворительных средств, завладевая благотворительными пожертвованиями виновные осознают особый цинизм своих действий, поскольку деяние по факту является многообъектным так как может создавать угрозу жизни и здоровью получателя помощи, а также препятствовать его выздоровлению. Это позволит исключить малозначительность деяния, поскольку для квалификации деяния как преступления важную роль играет размер похищенных средств. На практике преступни-

¹ См.: Состояние преступности в России (январь — декабрь 2020 г.) // Стат. сборник. М., 2021. С. 5–6.

² См.: Южин А. А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 12.

ки намеренно не конкретизируют сумму взноса с тем, чтобы избежать внимания со стороны правоохранителей, собирая из мелких пожертвований огромные суммы.

Существенные трудности у правоохранителей возникают при решении вопросов о привлечении к ответственности руководителей благотворительных фондов. Распространенными являются ситуации, когда денежные средства расходовались исключительно или преимущественно на нужды самого фонда и другие обеспечивающие мероприятия, что вступало в коллизию с социальным назначением и функциями фонда. Однако привлечь виновных к уголовной ответственности не удавалось в связи с пробельностью в уставных документах фонда, а также положением ст. 23 УПК РФ, предусматривающем инициирование уголовного преследования по заявлению руководителя данной организации или с его согласия. Если к этому добавить сложности в установлении круга граждан, чьим интересам причинен вред, то перспективы привлечения руководителей соответствующих фондов за злоупотребление полномочиями или растрату следует признать маловероятными¹.

С рассматриваемой темой в теории уголовного права тесно связана дискуссия о наличии корыстной цели в посягательствах на собственность, если добытое преступным имущество переводится виновным на благотворительные цели. В обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2019 г. сказано, что вред, причиненный преступлением, можно загладить благотворительностью, но при этом способы возмещения ущерба должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц². С таким подходом можно согласиться, однако считаем необходимым, чтобы Пленум Верховного Суда Российской Федерации в соответствующих постановлениях³ также конкретизировал позицию, поскольку в противном случае данный пробел будет являться аргументом для сторонников исключения корыстной цели из признаков хищения.

В заключении отметим, что в современных условиях благотворительность выступает необходимым условием развития гражданского общества в России, позволяющим сплотить нацию и гуманизировать отношения в социуме, поэтому повышение эффективности уголовно-правовых средств в противодействии криминализации дан-

---

¹ Не менее коллизионные ситуации возникают при аккумулировании средств в фонде и передаче их затем конкретному лицу. См., например: Оказание помощи «Русфондом» Ж. Фриске // URL: <https://im.rusfond.ru/images/constitutive/2020/ustav-2020.pdf> (дата обращения: 02.05.2021).

² См.: URL: <https://ria.ru/20190718/1556640820.html> (дата обращения: 02.05.2021)

³ Речь идет о постановлениях от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» и от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

ной сферы должны получить большее внимание в законодательной и правоприменительной практике.

Аслониди А.А.,

слушатель V курса ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Некоторые предложения по регламентации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности

Нормы уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, в том числе за незаконное предпринимательство, не раз подвергались критике не только со стороны предпринимателей и деятелей науки, но и со стороны должностных лиц высших должностей нашего государства, в том числе Президента Российской Федерации Владимира Путина, который в свою очередь заявил, что «добросовестный бизнес не должен постоянно ходить под статьей, постоянно чувствовать риск уголовного или даже административного наказания»¹. Именно поэтому необходимо выявлять проблемы и точно решать их.

Проблема заключается в том, что уголовное преследование в современном обществе стало инструментом решения политических и иных личных задач. В основной своей части это происходит в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, поскольку лица, которые влияют или могут повлиять на государственные органы имеют значительные денежные средства с помощью которых, совершают коррупционные преступления и правонарушения, преступления коррупционной направленности, а также иные действия, способные в обход или в нарушении закона достичь каких-либо личных целей.

Все эти факторы порождают возможности для вышеуказанных лиц прямо или опосредованно влиять на решения должностных лиц государственных органов в свою пользу или в пользу третьих лиц.

Предприниматель, имея свое дело, пытается устранить и побороть конкуренцию всеми как законными, так и незаконными методами, и поэтому в ход идут различные способы достижения целей. Необоснованное возбуждение уголовных дел в отношении лиц, превышение и злоупотребление должностными полномочиями со стороны

---

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному собранию 20 февраля 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/ (дата обращения 01.05.2021).

контролирующих и иных органов государственной власти, необоснованные и незаконные обыски и выемки в организациях, которые способны приостановить их деятельность, допросы сотрудников организаций, которые способны привести к нарастанию недовольства «рядовых» сотрудников руководством организации, поскольку сотрудники будут ошибочно полагать, что организация действительно имеет проблемы с законом и осуществляет свою деятельности вне его рамок. Данное обстоятельство может привести к понижению деловой репутации организации и как следствие, снижению доходности и конкурентоспособности.

Представляется, что возникает необходимость в реформировании действующего уголовного законодательства в части касающейся ответственности за преступления, в сфере экономической деятельности, которые предусмотрены главой 22 УК РФ.

Итак, предложения в рамках усовершенствования действующего законодательства будут условно делиться на 3 категории.

Первая категория предложений будет касаться пересмотра примечания к ст. 170² УК РФ, где установлено определение крупного и особо крупного размера, ущерба, дохода либо задолженности к подавляющему большинству статей главы 22 УК РФ. На данный момент крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным — девять миллионов рублей. Примечание введено Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ. С 2016 г. по настоящее время (2021 г.), примечание, в части касающейся размера ущерба, дохода либо задолженности, остается неизменным.

Считаем это неоправданным, поскольку, по данным Росстата, за последние 5 лет уровень инфляции составил 21,78%¹. Лицо, совершая преступление в сфере экономической деятельности связано экономикой того государства где он имеет бизнес.

Предприниматель производит что-либо, покупает какие-либо товары в целях дальнейшей их продажи, оказывает услуги или выполняет работы. Реализует свою деятельность предприниматель через приобретение товаров, заключение договоров поставки и подряда, ценообразование на которые строится исходя из экономической ситуации, и в современной Российской Федерации растут. Иными словами, предпринимателю требуется потратить большее количество денежных средств для приобретения того же количества товаров и услуг. Так, например, лицо, не регистрируясь в качестве ИП

---

¹ См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 02.05.2021).

в 2016 году систематически приобретало некий товар и реализовывало его, получив в общей сумме чистую прибыль в размере 2 600 000 рублей. В данном случае, сумма дохода позволяет говорить о том, что его действия, с учетом всех обстоятельств дела, могут подпадать под ст. 171 УК РФ. Фактически полученная прибыль, уже в 2021 г., с учетом инфляции, в размере 2 600 000 рублей, снижает покупательскую способность предпринимателя и возможность реализации полученных преступным путем денежных средств по сравнению с 2016 г. на 21,78%. Поэтому возникает необходимость в пересмотре примечаний к статьям главы 22 УК РФ с учетом текущей инфляции не реже чем один раз в год.

Вторая категория предложений будет касаться возможной декриминализации некоторых составов преступлений, которые не имеют общественной опасности. Такими составами являются в первую очередь те, которые в качестве наказания не предусматривают лишения свободы. Такого рода предложения поступают в Государственную думу России от Верховного суда Российской Федерации на протяжении большого количества времени, но все же остаются без внимания¹. Возникает необходимость в поддержке вышеуказанных предложений и пропаганде в общественном сознании термина «уголовный проступок».

Третья категория предложений может повлиять на судьбу предпринимателей в положительную сторону и дать им возможности для ведения законного бизнеса в России. В российском законодательстве существует административная преюдиция по некоторым статьям УК РФ. Необходимо проработать вопрос о введении административной преюдиции по каждой из статей главы 22 УК РФ и добавить в примечание как условие для привлечения к уголовной ответственности неоднократность совершения деяния. Данный механизм предусмотрен в некоторых статьях 22 главой УК РФ. Например, в статье 171⁴ УК РФ уголовная ответственность наступает за деяние, если оно совершено неоднократно, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

По общему правилу, лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного на-

---

¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsr.ru/files/29300/> (дата обращения: 02.05.2021).

казания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления¹.

В нашем случае необходимо рассмотреть как возможный вариант об исключении из общего правила субъекта административных правонарушений, которые служат преюдицией для статей главы 22 УК РФ и считать их подвергнутых административному наказанию на более долгие сроки.

Данное правило позволит избежать возможных махинаций со стороны представителей бизнеса «пересидеть» 1 год и продолжать заниматься незаконным предпринимательством.

Все вышеперечисленные предложения позволят организовать предпринимательскую деятельность в России на более высоком правовом уровне и избежать возможного незаконного давления на бизнес со стороны заинтересованных лиц.

Басырова З.Р.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

Мошенничество с использованием цифровых технологий

Ежегодно отмечается расширение области применения цифровых технологий в экономике, что, несомненно, создает предпосылки для улучшения инвестиционного климата в государстве, способствует росту конкурентоспособности российских производителей на мировом уровне. Кроме того, создаются новые информационно-телекоммуникационные технологии, программные продукты, технологические платформы, средства информационной безопасности, одновременно с которыми растут и риски криминального характера, об этом свидетельствуют официальные данные, которые публикует Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России).

Рассмотрим показатели за последние годы для оценки состояния преступности в сфере информационных технологий. Еще в 2016 году статистику по преступлениям с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий не вели. В 2017 г. было зарегистрировано 90 587 таких преступлений, в 2018 г. — 174 674, в 2019 г. — 294 409, в 2020 г. — 510 400. Это на 73,4% больше, чем за 2019 год. А в этом году эти цифры за первые два месяца уже достигли показа-

---

¹ См.: статью 4.6 Кодекса об административных правонарушениях в РФ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 02.05.2021).

теля 81 500 преступлений, что на 29,4% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Абсолютное большинство этих преступлений (74,6%) совершается путем кражи или мошенничества¹. Поэтому тема доклада остается актуальной и на сегодняшний день. Показатели из отчетов МВД России подтверждают, что, с одной стороны, можно наблюдать тенденцию роста криминального интереса потенциальных нарушителей к использованию различных электронных и компьютерных инструментов, технологий и средств, «цифровой валюты» при совершении преступлений. С другой стороны, данные статистики могут свидетельствовать о более эффективной работе правоохранительных органов, поскольку им с каждым годом удается выявлять все больше преступлений, что является достаточно сложным ввиду латентности данных деяний. Данные обстоятельства также показывают, что система превенции мошенничества с использованием цифровых технологий недостаточно развита.

Хищения, которые совершаются в цифровой среде, имеют достаточно сложный характер. Это связано с тем, что предметом преступления могут быть любые ресурсы, обладающие товарной ценностью. Это могут быть и имущественные права, и конфиденциальная информация, персональные данные, которые присваиваются незаконным способом злоумышленниками с целью обогатиться, чем причиняют ущерб гражданам или юридическим лицам. Также достаточно сложно идентифицировать субъекта преступления и установить действительные механизмы совершения преступления поскольку данная сфера характеризуется высокой степенью анонимности, и выявить конечного бенефициара проблематично. Во многом это объясняется быстрым развитием технологий, которые используют преступники, а также их участием в разработке и модификации этих технологий в преступных целях. То есть, новейшие информационные разработки гораздо быстрее внедряются в преступную деятельность, нежели в деятельность правоохранительных органов.

Практически все преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (98,4%) выявляются органами внутренних дел, поэтому от специалистов органов внутренних дел зависит состояние преступности и раскрываемости в этой сфере. Основным фактором, который осложняет работу ОВД, является то, что инструменты цифровой среды, в отношении которых совершаются хищения, а также с помощью которых совершаются преступления, еще не введены в российское правовое поле. Недостаточное регулирование таких отношений действующим законодательством Российской Федерации значительно осложняет дефиницию пре-

---

¹ Отчет МВД России о состоянии преступности в России за январь — февраль 2021 года // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/23447482/>

ступлений, совершенных с помощью информационно-телекоммуникационных технологий.

Однако нельзя не отметить, что работа на актуализацию и усиление мер противодействия противоправным посягательствам в данной области ведется. Так, Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ)» часть третья статьи 159⁶ (Мошенничество в сфере компьютерной информации) УК РФ дополнили пунктом «в», которыми введены квалифицированные составы преступлений, в результате чего усилена уголовная ответственность за хищение денежных средств с банковского счета, электронных денежных средств. Теперь кража с банковского счета, кража электронных денежных средств, хищение указанного имущества путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации признаны тяжкими преступлениями. При этом не важно, какую сумму похитили, важно также то, что теперь наказание повлечет не только покушение на совершение или совершение таких противоправных деяний, но и приготовление к ним. Ведь согласно части второй статьи 30 УК РФ, уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям.

Еще одно важное новшество — закрепление в статье 159³ УК РФ ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа. Использование термина «электронное средство платежа» расширило ответственность за мошенничество, охватив не только платежные карты, с помощью которых совершаются преступления, но и иные средства платежа, такие как Apple Pay, Google Pay, Samsung Pay, а также те, которые появятся в будущем. Это позволит в полной мере защищать соответствующую сферу общественных отношений¹.

Как уже было сказано, преступные схемы совершенствуются, подстраиваются под реалии жизни. Так, телефонные мошенники в 2020 году перешли с хищения денег с банковских карт на хищения с депозитов, ведь на депозитах граждане хранят гораздо больше средств, чем остается на дебетовых счетах. Также в течение первых двух недель с начала выплат в поддержку отдельных групп граждан в связи с распространением COVID-19 мошенники активизировались. Они создавали в сети Интернет сайты-двойники, копируя официальные сайты Госуслуг, ФНС России и других ведомств. Только

---

¹ *Иванов И.* Совершенствование мер уголовной ответственности за киберпреступления в финансовом секторе экономики // Объединенная редакция МВД России. URL: http://ormvd.ru/pubs/102/improvement-of-measures-of-criminal-liability-for-cyber-crimes-in-the-financial-sector-of-the-econom/?sphrase_id=30263

благодаря тому, что государственные органы и банки начали активную разъяснительную кампанию по той или иной важной теме, активность злоумышленников падала¹. Этот факт подтверждает, что в целях превенции преступлений с использованием телекоммуникационных технологий немаловажную роль играет информационная деятельность государственных органов и уполномоченных лиц.

В настоящее время МВД России ведется работа над созданием сервиса «Антимошенник», разработку которого планируется завершить к концу 2021 г.² Данный сервис будет составной частью мобильного приложения МВД России, будет оповещать пользователей, что ему звонят или пишут с номера, который уже есть в базе данных министерства как номер, с помощью которого ранее совершались противоправные действия. Это поможет блокировать подозрительные номера, кроме того, предполагается создать «Белый список», в который пользователи самостоятельно смогут добавлять номера, исключая возможность появления предупредительных уведомлений.

Таким образом, мы приходим к заключению, что важным фактором при рассмотрении проблем расследования преступлений с использованием телекоммуникационных технологий является отсутствие достаточной нормативной правовой базы, благодаря которой можно было бы четко дифференцировать элементы понятийно-категориального аппарата сферы правонарушений в цифровой среде. В свою очередь, это позволило бы определить характер гражданско-правовых отношений в рассматриваемой области³. Также важно обеспечить гражданам доступность информации о новых способах мошенничества, чтобы предупредить совершение преступлений против их собственности. Обучению кибербезопасности также стоит обратить должное внимание, именно такой способ предотвратить совершение правонарушения выбрал Банк России. В феврале 2021 г. стартовал масштабный курс по кибербезопасности, правда, только для представителей финансовых организаций⁴. В дальнейшем,

---

¹ Информация с сайта Банка России от 16 сентября 2020 г. // URL: http://www.cbr.ru/press/event/?id=8115&fbclid=IwAR3EUqxI3BW4B17k0fZSvv64Y1kONTCoboym_a6E-GRtXnCl1ZtDWQqzrW00

² Информация с сайта рекламно-информационного приложения газеты «Ведомости» от 2 мая 2021 г. // URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/05/02/868564-mvd-k-kontsu-goda-zapustit-mobilnii-servis-dlya-borbi-telefonnimi-moshennikami?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1620111832000

³ Бирюкова Ю. В. Хищения, совершаемые с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, способы их совершения и пути их расследования // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 184

⁴ Информация с официального сайта Банка России. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=9581>

предполагается целесообразным проведение таких курсов или программ обучения в данной сфере не только на уровне Банка России, но и в рамках финансовых организаций, поскольку своевременное информирование о возможных угрозах имеет первостепенное значение для борьбы с мошенничеством с использованием цифровых технологий.

*Васильев М.А., Хуртин А.С.,
студенты II курса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская
академия Следственного комитета
Российской Федерации»*

Юридическое лицо как субъект предпринимательских преступлений

Стремительное развитие экономических отношений оказывает большое влияние на все сферы жизни общества, порождая новые и развивая устоявшиеся общественные отношения. Одна из главных задач государства и общества — регулировать данные отношения посредством издания и применения правовых институтов, для обеспечения защиты своих собственных интересов. Расширение и развитие экономических отношений тесно связано с увеличением количества юридических лиц, представляющих собой основную организационно-правовую форму субъектов рыночных отношений. Но в последнее время возросло количество совершаемых преступлений с использованием юридических лиц или же в целях обеспечения их деятельности, извлечения максимально возможной прибыли. В частности, представляется актуальным обратить внимание на регулирование деятельности юридических лиц в сфере действия уголовного закона, для выработки собственно уголовных средств и методов обеспечения национальной безопасности¹.

В научных кругах вопрос о признании юридического лица субъектом уголовной ответственности на протяжении продолжительного периода времени является дискуссионным. Особенный интерес при обсуждении данной темы представляет проект федерального закона, предложенный Следственным комитетом Российской Федерации².

---

¹ Шеслер А. В. Проблемы установления уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 364–365.

² Проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1133/ (дата обращения: 02.05.2021).

В пояснительной записке к данному проекту закона¹ отмечается, что большое количество преступлений в сфере экономики, совершаются предпринимателями посредством использования юридического лица или для извлечения большей выгоды юридическим лицом. Данный подход позволяет нам рассматривать юридическое лицо в корпоративных преступлениях как своеобразное вспомогательное орудие для выполнения объективной стороны преступления, но что самое главное — деятельность юридического лица является одновременно и детерминантом преступления, и его целью. То есть, рассматривая юридическое лицо не как орудие совершения преступления, а как самостоятельный субъект, участника уголовных правоотношений мы можем применять к нему определенные меры уголовно-правового характера, которые, на наш взгляд, стоит позаимствовать из гражданского и административного отраслей права. Данные меры, с учетом специфики уголовно-правовой отрасли, должны заключаться в денежных санкциях или ликвидации деятельности юридического лица. Подобный подход позволит ликвидировать множество детерминантов корпоративных преступлений², поскольку совершение преступления в целях извлечения большей прибыли юридическим лицом становится бессмысленным, в случае его дальнейшей ликвидации. Заимствование средств регулирования из других отраслей права и выработка на их основе собственно уголовных методов регулирования противоправной деятельности юридических лиц, позволит не только устранять данные правонарушения более жесткими санкциями, но и предупреждать совершение корпоративных преступлений³.

Данные изменения необходимы, ввиду того, что нормы, существующие в действующем законодательстве РФ, с помощью которых происходит регуляция негативной деятельности юридических лиц, на наш взгляд, не могут в полной мере обеспечить защиту общества и государства от правонарушений юридических лиц.

Проиллюстрировать это позволяет анализ законодательных положений, затрагивающих данную сферу. Так, в ст. 61 ГК РФ предусмотрена возможность ликвидации юридического лица, в случае грубого нарушения закона. Но для применения данной нормы, необходимо, чтобы данные нарушения были не только грубыми, то

---

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/document/1134> (дата обращения: 02.05.2021).

² Криминология: учебник / отв. ред. В. Е. Эминов. М., 2021. С. 231–236.

³ Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / под ред. О. С. Капинус. М., 2021. С. 122.

есть наносящие серьезный вред общественным отношениям, но и неоднократными, систематическими (п. 3 ч. 2) или носили бы неустранимый характер (п. 1 ч. 2).

В ст. 2.10 КоАП РФ также предусмотрена возможность применять к юридическим лицам меры государственного принуждения, в случае виновного совершения ими административного правонарушения. Но из всего перечня видов наказаний, указанных в ст. 3.2 КоАП РФ, к юридическим лицам может применяться только: предупреждение, административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, административное приостановление деятельности.

Получается, что при совершении преступления, совершенного в целях извлечения юридическим лицом большей выгоды, например, при даче взятке должностному лицу руководителем юридического лица, то ответственность юридического лица наступает по ст. 19.28 КоАП, предусматривающей как вид наказания штраф. В данном случае отсутствуют юридические основания для ликвидации юридического лица по ст. 61 ГК РФ, поскольку отсутствуют признаки неоднократности (систематичности) или неустранимого характера данных правонарушений.

Помимо заимствованных из других отраслей права методов, на наш взгляд необходимо расширение действия уголовно-правовой меры в виде лишения права заниматься определенным видом деятельности. Также стоит обратить внимание на внедрение в уголовное законодательство мер, заключающихся в лишении лицензий, квот, преференций или льгот и запрете на осуществление деятельности на территории Российской Федерации.

Следует отменить, что привлечение юридических лиц к уголовной ответственности с использованием (заимствованием) норм цивилистики отвечает общемировой тенденции развития экономического уголовного права, поскольку в законодательствах иных стран еще с XX в. используют институты гражданского права для регулирования корпоративных отношений в уголовной сфере¹.

В качестве подтверждения нашей точки зрения, касательно необходимости и целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц, стоит сказать о том, что во многих странах данный институт функционирует достаточно успешно. Например, в США корпорации отвечают за обманные приемы коммерческой деятельности, коммерческое взяточничество. В соответствии с уголовным законодательством Франции юридические лица могут быть субъектами таких преступлений, как мошенничество; злоупотребле-

---

¹ Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право: монография. М., 2021. С. 33.

ние доверием; приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем¹.

Таким образом, законодательное закрепление института уголовной ответственности юридических лиц, с применением к ним мер уголовно-правового характера, позволит снизить количество совершаемых преступлений предпринимателями в экономической сфере в целях получения материальной выгоды, что должно положительным образом отразиться на развитии экономики нашей страны и безопасности граждан.

Вахабов А.Р.,

*студент III курса ФГБОУ ВО «Национальный
исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева»*

Обман как способ мошенничества, совершаемого с использованием информационно- телекоммуникационных сетей

Сеть Интернет на сегодняшний день стала неотъемлемой частью жизни. Используя ее, люди совершают множество действий: общаются, совершают покупки, оплачивают счета, учатся и т.д. Несмотря на то, что данная площадка является полезной для общества, одновременно Интернет выступает местом совершения хищений. Виновные лица совершенствуют навыки владения современными информационными технологиями и используют их для достижения преступных целей. Интернет-среда в этом смысле является благоприятной, поскольку обнаружить цифровые следы преступной деятельности достаточно сложно, поэтому преступления совершаются здесь все чаще.

Киберпреступность на современном этапе развития общества становится все более распространенной в структуре российской преступности, что подтверждается анализом статистических сведений. Например, по данным МВД РФ², за период с января по декабрь 2020 г. на территории Российской Федерации наблюдается рост киберпреступлений: зарегистрировано 510,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИТ технологий, что почти на три четверти (на 73,4%) больше по сравнению с аналогичным пе-

¹ Кондратов М. А., Медведев С. С. Преступления, совершаемые юридическими лицами в зарубежных странах и виды наказаний, применяемые к ним (систематизированный обзор зарубежной практики) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 108. С. 4.

² Официальный сайт МВД России // URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>

риодом 2019 г. (294,4 тыс. преступлений). Наиболее распространенными среди них являются: мошенничество (ст. 159, ст. 159³, ст. 159⁶ Уголовного кодекса) и кражи (ст. 158 УК РФ).

Мошенничество — хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Такая дефиниция мошенничества закреплена в ст. 159 УК РФ. Как видим, мошенничество может в том числе осуществляться путем обмана. Исходя из толкования, данного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48, под обманом понимается сознательное сообщение заведомо ложных сведений, которые не соответствуют действительности либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, которые направлены на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение¹.

Обман является особым способом совершения мошенничества с использованием IT-технологий, поскольку при этом действия преступника связаны с передачей информации, из-за чего некоторые авторы даже называют такой обман информационным². Базовыми характеристиками такого обмана, в отличие от других преступлений, также являются доверительные отношения между потерпевшим и виновным. Существует многочисленные классификации видов обмана при совершении мошенничества в сети «Интернет». Рассмотрим некоторые из них.

Самым распространенным и опасным видом является фишинг³. Его специфика состоит в стремлении преступников (фишеров) получить доступ к личным данным обычных людей, т.е. пользователей Интернета, и, используя эти данные, завладеть личными средствами жертвы. Для достижения преступной цели фишеры могут действовать разными методами, например, создавать сайт, идентичный какому-либо другому сайту известной фирмы или банка, заходя на который пользователи Интернета вводят свои личные данные, такие как, например, логин, пароль, PIN-код и др., тем самым дают доступ к своим денежным средствам.

Интернет-мошенники могут также создавать онлайн-казино, призывать к организации личного бизнеса в Интернете, чему они, якобы, будут содействовать. Не менее распространенным является

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/

² *Старостенко О. А.* Природа и способы совершения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2020. № 30 (4). С. 577.

³ *Михайленко И. А.* К вопросу о способах мошенничества в сети Интернет // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 5. С. 99.

такой вид мошенничества, как «Нигерийские письма». Он выражается в массовой рассылке спам-сообщений по электронной почте, содержащих просьбы о помощи при переводе денежных средств из Нигерии или другой страны за границу за хорошие проценты. Жертвам могут присылаться и другие письма, например с информацией о многомиллионном наследстве от однофамильца жертвы, якобы являющегося его родственником и пр.

Еще одним видом мошенничества, наиболее аморальным, на наш взгляд, является — «призыв к помощи». Чаще всего данный вид отражается на просторах Интернета с историей о борьбе маленького человека за жизнь. Описывается диагноз, необходимые лекарственные препараты и операции, а также говорится о коротких сроках. Просят оказать помощь и предоставляются реквизиты. Отметим, что не во всех случаях указанные сведения являются заведомо ложными. Аморальность ситуации предопределяется особым цинизмом виновных, призывом к милосердию. Подрывается доверие к людям, к их просьбам о помощи.

Существуют относительно новые виды мошеннических действий, максимально участившиеся в период распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 и обусловленные сложившейся ситуацией¹:

1) мошенники, используя ИТ сети, рассылают (размещают) недостоверную информацию о выплатах за нахождение на карантине, прилагая ссылку на сайт, где «оформляются» такие выплаты. При переходе по ссылке и заполнении анкетных данных, на экране выводится сумма полагающейся компенсации в несколько десятков и сотен тысяч рублей, для получения которой предлагается оплатить комиссию, услуги по оформлению документов и т. д.;

2) оформление отсрочки по кредитам дистанционно. Указанный способ аналогичен с фишингом;

3) продажа антисептиков и масок по предоплате, когда мошенники предлагают жертве приобрести средства защиты от коронавируса, не выходя из дома. После оплаты, «лжепродавцы» обычно исчезают.

С развитием технологий изменяется техника и методика обмана при совершении хищения. Рассмотрим некоторые из них:

1) шпионское программное обеспечение. Представляет собой вторжение в личные данные пользователей, получая неправомерную информацию с ПК без разрешения в мошеннических целях, путем отслеживания файлов cookie, рекламного ПО и всплывающих окон, не приводя к сбоям и задержкам в работе ПК;

---

¹ Бочкарева Е. В. Самодетерминация преступности во время пандемии COVID-19 // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Пенза, 2020. С. 148.

2) программы с вредными носителями (интернет-черви, вирусы). После активации вируса из источника (электронная почта, USB-устройство и т.д.), происходит процесс его размножения по всему ПУ, что способствует заполнению свободной памяти, приостановки работы компьютера, получение конфиденциальных данных, а равно к утрате денежных средств, путем получения деталей о банковских счетах. В отличие от вирусов, интернет-червям не требуется внедрение в существующую программу, поскольку они рассылают копии самого себя по сети на подключенные хосты.

Совершенствование видов обмана предусматривает и изменение подходов к его пониманию. Все вышеперечисленные виды являются явной категорией обмана. Также существует неявная категория обмана, при котором происходит хищение или причинение имущественного вреда. Это нередко приводит к разному восприятию ситуации и влияет на правовую оценку содеянного, соответственно, изменяется квалификация. Примером может послужить ложные сведения о безналичной оплате за проезд водителю такси, когда фактически эти действия не совершаются. На практике подобные ситуации расцениваются как мошеннические действия, когда таковыми не являются, поскольку лицо не завладевает имуществом, а не передает предназначенное водителю.

Законодательством РФ за совершение мошеннических действий в Интернете предусмотрена ответственность, зависящая от стоимости похищенного и от обстоятельств хищения. В случаях, если сумма не превышает 2500 руб., то мошенник привлекается к административной ответственности по ст. 7.27 КоАП РФ — штраф или арест до 15 суток. К уголовной ответственности привлекается при превышении указанной суммы статьями 159, 159⁶ УК РФ.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что рассматриваемый очевидный перечень интернет-мошенничеств не является исчерпывающим, поскольку ИТ-технологии совершенствуются, а вместе с ними — и преступления в данной сфере. Существуют и завуалированные виды мошенничества, граничащие с тайным способом хищения, верное определение которых позволяет осуществить правильную уголовно-правовую оценку содеянного.

Волков Д.Е.,

*студент III курса ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени Г.В. Плеханова»*

Особенности установления субъективных признаков преднамеренного банкротства (ст. 196¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)

В уголовном праве к субъективным признакам преступления традиционно относятся субъект и субъективная сторона преступления.

Установление наличия данных признаков необходимо для квалификации преступления. Вместе с тем, специфика рассматриваемого преступления обуславливает необходимость подробного изучения субъективных признаков преднамеренного банкротства, поскольку, несмотря на логичную и последовательную конструкцию диспозиции статьи 196 УК РФ, сложности возникают при определении конкретных признаков субъекта преступлений и особенностей формирования умысла на их совершение.

Субъектом преднамеренного банкротства является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности — шестнадцати лет.

Стоит отметить, что в диспозиции ст. 196 УК РФ присутствует указание на специальный субъект. Специальными субъектами преднамеренного банкротства являются: 1) руководитель юридического лица; 2) учредитель (участник) юридического лица; 3) индивидуальный предприниматель; 4) физическое лицо¹.

Понятия руководитель юридического лица, учредитель (участник) юридического лица, индивидуальный предприниматель, физическое лицо как субъекты криминальных банкротств подлежат комплексному межотраслевому изучению.

При рассмотрении термина «руководитель юридического лица» обратимся к законодательству, регулирующему проведение процедуры банкротства. Согласно статье 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (Далее — Закон о банкротстве), руководителем должника являются: 1) единоличный исполнительный орган юридического лица; 2) руководителя коллегиального исполнительного органа; 3) иное лицо, осуществляющее деятельность от имени юридического лица без доверенности. Как правило, в соответствии с Уставом юридического лица таким руководителем является директор, генеральный директор, президент. Кроме того, «к руководителям юридического лица относятся конкурсный и внешний управляющий, к которым, согласно Закону о банкротстве, переходят полномочия по управлению делами должника, в том числе по распоряжению имуществом»².

Субъектами преступления, также являются: руководитель юридического лица, или его учредитель (участник), гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель. Руководителем должника признается единоличный исполнительный орган юридического лица, а также иное лицо, осуществляющее в соответствии с законом

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

о несостоятельности деятельность от имени юридического лица без доверенности. Таким образом, руководителями следует признавать, в частности, внешних и конкурсных управляющих, руководителей временной администрации финансовой организации.

Руководителем, по мнению Воронова С. С., «...должны признаваться и лица, исполняющие обязанности временного управляющего или административного управляющего должника, но только в том случае, когда после введения внешнего управления арбитражный суд возлагает на них исполнение обязанностей и осуществление прав внешнего управляющего (то есть обязанностей и прав руководителя должника)...»¹.

Также, конкурсный управляющий является лицом, обладающим финансово-хозяйственными полномочиями, и имеющим правовую возможность временно осуществлять руководство юридическим лицом, может быть признан специальным субъектом преднамеренного банкротства.

Стоит отметить, что временный управляющий полномочий по распоряжению имуществом должника не имеет, однако вправе получать любую информацию и документы, касающиеся деятельности должника, и тем самым, имеет возможность оказать влияние на его хозяйственную деятельность. Следовательно, вывод об уголовной ответственности временного управляющего по данной категории уголовных дел очевиден.

Как утверждает Вакутин А. А., руководитель юридического лица, отстраненный в ходе процедуры банкротства от исполнения своих функций, но фактически обладающий возможностями по удовлетворению требований кредиторов, также будет субъектом преступления².

Судебная практика по делам о преднамеренных банкротствах показывает, что субъектами данных преступлений признаются лица, выполняющие организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, связанные с распоряжением имуществом и финансами обществ, ответственные за организацию бухгалтерского учета и соблюдение законодательства при выполнении финансово-хозяйственных операций, являющиеся единоличным исполнительным органом юридического лица, имеющие право первой подписи в финансовых документах, осуществляющие руко-

---

¹ Воронов С. С. Типичные способы неправомерных действий при банкротстве, влияющие на методiku выявления и раскрытия данной группы преступлений // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 73.

² Вакутин А. А. Руководитель юридического лица как субъект уголовной ответственности за неправомерное удовлетворение требований отдельных кредиторов (ч. 2 ст. 195 УК РФ) // Альманах современной науки и образования. 2013. № 8 (75). С. 43.

водство текущей деятельностью без доверенности, имеющие право действовать от имени юридического лица, в том числе представлять его интересы¹.

Однако не всегда субъекты рассматриваемого состава преступления являются наемными работниками, занимающими должности руководителей организации. Нередко случается, что такими субъектами были учредители, либо акционеры организаций, доведенных до состояния банкротства. Таким образом, зачастую собственники организации заинтересованы в увеличении ее неплатежеспособности. Делается это с очевидной целью — не исполнять принятые на себя обязательства и одновременно продолжить ведение бизнеса на базе другой организации, в которую переводится ликвидное имущество.

С субъективной стороны преднамеренное банкротство характеризуется виной в форме именно прямого умысла, то есть субъект преступления осознает общественную опасность своего деяния, предвидит возможность и неизбежность наступления общественно-опасных последствий и желает их наступления. «Преступная цель не определена уголовным законом. Однако по сути таковой является уклонение от соответствующих платежей.»².

Применительно к статье 196 УК РФ об умышленном совершении преступления свидетельствует название статьи — «преднамеренное банкротство». Но и здесь, как отмечает Наливайченко А. В., «есть свои нюансы. Так, некоторые следователя ошибочно считают, что использование в тексте статьи 196 УК РФ слова «преднамеренное» требует для привлечения к ответственности доказывания только прямого умысла, то есть именно желания руководителя сделать невозможным для своей организации расчета по денежным обязательствам. При подобной трактовке версия нарушителя о том, что причинение в результате банкротства его организации ущерба кредиторам и лишение сотрудников работы было лишь допустимым (косвенный умысел), а не желаемым следствием его действий, приводит к необоснованному отказу от уголовного преследования»³.

При этом сам факт наличия признаков преднамеренного банкротства еще не является достаточным основанием для привлече-

---

¹ Иванов И. И. Особенности определения субъекта преднамеренного банкротства // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 11.

² Сверчков В. В., Воронов С. С. Преднамеренное банкротство юридического лица или индивидуального предпринимателя: механизм преступного поведения и особенности квалификации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 157.

³ Наливайченко А. А. Характеристика умысла в составе преступления в виде криминального банкротства // URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24112560>

ния лица к уголовной ответственности. Данное преступление совершаются только с прямым умыслом, на что обращают внимание большинство авторов научно-практических комментариев к УК РФ, и, следовательно, говорить о привлечении к уголовной ответственности можно лишь тогда, когда при наличии признаков преднамеренного банкротства доказан прямой умысел в действиях соответствующих лиц.

Таким образом, на сегодняшний день необходимо установить в части определения всех специальных признаков субъектов криминальных банкротств, что позволит исключить неверное толкование правоприменителем уголовно-правовых норм, определяющих специфику субъекта преднамеренного банкротства. Определение всех обязательных признаков субъективной стороны позволит установить специфику мотивов совершения криминальных банкротств, выявить проблемные вопросы квалификации преступлений, что будет весьма полезно для правоприменителей.

Гаврилов А.А.,

*студент IV курса ФГБОУ ВО «Курский
государственный университет»*

Проблема квалификации преступных действий, связанных со сбытом поддельных денег через банкоматы

Одной из очевидных проблем сегодняшнего времени стала проблема выявления поддельных денежных знаков, а также их сбыта через банкоматы. Отметим, что проблема квалификация действий, связанных со сбытом поддельных денег через банкоматы, а также через платежные терминалы, недостаточно изучена и требуют более детального рассмотрения. Главной трудностью, является вопрос о том, как правильно следует квалифицировать данные действия — как фальшивомонетничество или как хищение (мошенничество или кражу). Обратимся к одному из примеров судебной практики. Петроградским районным судом г. Санкт-Петербурга 21 августа 2020 г. был осужден В., который был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 186 УК РФ. Было установлено, что В. разрезал несколько денежных купюр номиналом 5 тыс. руб. на множество частей. С помощью прозрачной липкой ленты из обрезков он склеил четыре поддельные купюры, каждая из которых состояла не менее чем из 9 частей настоящих. Остатки подлинных денежных купюр он обменял в банке на новые, поскольку каждая из них сохранила более 55% от первоначальной площади, а собранные из обрезков купюры подделки В. ре-

ализовал через платежный терминал, пополнив, таким образом, свой банковский счет. Подделки впоследствии были изъяты при инкассации терминала.

Абсолютно понятно, что «сделанные» деньги существенным образом отличаются от подлинных денежных знаков и для любого человека не составляет труда отличить их от настоящих. Кроме того, они не могут использоваться в качестве средств платежа.

Данный пример исключает возможность привлечения к уголовной ответственности за фальшивомонетничество лиц, которые используют для совершения преступления такого рода грубые подделки, так как при их использовании вред объекту, изложенному в ст. 186 УК РФ, причиняться не может. В данном случае, если в банкомат вносится явная подделка вместо подлинной банкноты, то банк в свою очередь, как правило, увеличивает за свой счет размер безналичных денежных средств виновного лица, а вместо этого получает не нужную купюру, а подделку. Следовательно, банку причиняется прямой ущерб, а из этого следует, что в данном примере мы имеем дело с хищением безналичных денежных средств, которые принадлежат банку. Нужно лишь понять, в какой форме совершается данное преступление-хищение.

Отметим, что Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ Уголовный кодекс РФ был дополнен специальными составами мошенничества — ст. 159¹—159⁶, ввиду этого возникает вопрос: следует ли квалифицировать данные действия по общей норме о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) или по одной из специальных норм.

Мы полагаем, что уголовный закон в данной редакции дает возможность квалифицировать данные действия только по статье 159⁶ УК РФ, которая предусматривает ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей»¹.

Ввиду того, что разбираемые действия представляют из себя хищение в форме мошенничества, предметом которого выступают безналичные денежные средства, завершенным такое преступление будет считаться со времени зачисления данных средств на счет лица, которое обманными действиями изымало денежные средства со счета их владельца или на счета других лиц, полученных при помощи тех же преступных действий.

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 5 апреля 2021 г., с изм. от 8 апреля 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Другим способом должны квалифицироваться действия виновного, если посредством банкомата происходит сбыт подделок высокого качества. Отметим, что подделки высокого качества имеют схожую характеристику с подлинными купюрами, в результате чего могут быть использованы как средства платежа. Кроме того, определенная сложность возникает в том, что они могут быть не обнаружены сотрудниками банка после инкассации платежных терминалов и впоследствии использоваться в свободном обороте. Все это указывает на то, что сбыт такой купюры через банкомат наносит вред объекту преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, и следовательно, указанные действия необходимо квалифицировать как сбыт поддельных денег.

Таким образом, для корректного разграничения данных составов преступления, сотрудниками правоохранительных органов необходимо четко определять объект и предмет совершенного преступления, а также качество подделки денежных средств. Все это содействует верной квалификации преступных деяний и разграничению от смежных составов преступления.

Довгань М.А.,

*студент III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Налоговые преступления: особенности взыскания ущерба

Возмещение ущерба, причиненного государству, является главной целью совместной работы налоговых и следственных органов. Преступления, предусмотренные ст. 198, 199, 199¹, и 199² Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) представляются сходными и являются «налоговыми»¹. Б. М. Леонтьев считает, что такие составы входят в группу преступлений в финансовой сфере государства. Н. А. Лопашенко обозначает их как «посягательства на общественные отношения, основанные на принципе добропорядочности субъектов экономической деятельности». Общественная опасность указанных преступлений состоит в дефиците бюджетов различных уровней, который образуется в результате неисполнения конституционной обязанности по уплате законно установленных

---

¹ См.: Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 449; Кузнецов А. П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 10; Зрелов А. П., Краснов М. В. Налоговые преступления / под ред. К. К. Саркисова. М., 2004. С. 33–34.

налогов. Важно отметить, что уголовные правоотношения должны вступать в силу, когда иные средства исчерпали себя, так как существует целая система налоговой и административной ответственности за неуплату налогов, в рамках которой и следует осуществлять правовое регулирование в этой области¹.

Возникают вопросы с исчислением ущерба и его дальнейшим возмещением. В предыдущей редакции крупный и особо крупный размер исчислялся от определенной суммы, при условии, что доля неуплаченных налогов превышает 25% и 50%, соответственно. Данное положение оценивалось неоднозначно. Так, А. П. Зрелов отмечал, что не были разъяснены моменты исчисления соответствующих размеров. Следует ли рассчитывать сумму подлежащих уплате налогов и сборов по всем видам налогов в пределах трех финансовых лет, либо необходимо ограничиваться только общей суммой соответствующего налога. Кроме того, вопросы вызывали периоды исчисления налога, высчитывать либо в пределах трех финансовых лет, либо со сдвигом на один-два года.

Согласно статье 1 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» крупный и особо крупный ущерб заменен фиксированным размером вреда². Крупным ущербом является сумма в 15 млн рублей, а особо крупным — сумма, превышающая 45 млн рублей. Имеет значение сумма, которая не была уплачена в течение трех финансовых лет подряд. При этом учитывается только недоимки, штраф, пени туда не входят³. Начало срока исчисляется с любой даты календарного года в зависимости от момента уклонения от уплаты налогов. Суммы, которые выходят за пределы трех финансовых лет, не должны учитываться при определении крупного размера уклонения от уплаты налогов

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 26 ноября 2019 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» поясняет: для того, чтобы определить ущерб — необходимо установить действительный

¹ См.: *Салказанов А. Э.* Сборы как объект уголовно-правовой охраны в системе налоговых платежей России // Актуальные проблемы Российского права на современном этапе: сборник статей XV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2017. С. 33–36.

² Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ *Абросимова Ю. В.* Освобождение от ответственности за налоговые преступления: какие поправки внесены? // Услуги связи: бухгалтерский учет и налогообложение. 2020. № 6.

размер обязательств по уплате налогов с учетом факторов, которые могут либо увеличивать, либо уменьшать размер неуплаченных налогов в строгом соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации (далее — НК РФ)¹.

Взыскивают ущерб путем предъявления гражданского иска в уголовном судопроизводстве на основе требований ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Так, если взыскание с помощью налоговых механизмов невозможно, то с физического лица, которое привлекается к уголовной ответственности, взыскивается ущерб на основании ст. 15 и 1064 ГК РФ с целью возмещения вреда, причиненного публично-правовому образованию. В этом случае уплачиваются налоги и пени в соответствующий бюджет².

Принципиальное значение в данном случае имеет Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П. Предметом рассмотрения в данном случае являлись положения ст. 15, п. 1 ст. 1064 ГК РФ в их взаимосвязи с п. 1 ст. 31 НК РФ. Конституционный суд РФ объясняет, что отсутствие в налоговом и гражданском законодательстве понятие вреда не может рассматриваться как неопределенная дефиниция, поскольку является одним из способов защиты и восстановления нарушенного права публично-правового образования, что не противоречит Конституции Российской Федерации. Такие правоотношения обладают существенной спецификой, поскольку содержание возникающего в таких случаях деликтного обязательства в значительной степени предопределяется содержанием налоговой обязанности юридического лица. Полномочия налоговых органов, не содержат прямого указания на их право обращаться в суд с иском о возмещении вреда на основании ст. 1064 ГК РФ. Между тем, следует учитывать, что отношения между публично-правовым образованием и физическим лицом, совершившим налоговое преступление являются не налоговыми, а гражданскими. При предъявлении такого рода исков органы Федеральной налоговой службы выступают в качестве представителя интересов соответствующего публично-правового образования, лишившегося имущества в размере налоговых платежей, которые не поступили в бюджет в результате неправомερных действий физического лица.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 55-КГпр17-7 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13022018-n-55-kgpr17-7/>

Другой способ взыскания ущерба предусмотрен ст. 45, 46—48 НК РФ, которыми предусматривается, что в случае неуплаты налога в установленный срок — обязанность исполняется в принудительном порядке путем обращения взыскания на имущество налогоплательщика.

При определении ущерба возникают сложности и с квалификацией деяния в связи с бланкетной диспозицией нормы, предусмотренной ст. 199 УК РФ. К примеру, документы, необходимые для исчисления и уплаты налогов (в том числе первичные документы по доходам и расходам), следует хранить в течение 4 лет (подп. 8 п. 1 ст. 23, подп. 5 п. 3 ст. 24 НК РФ). Однако ч. 2 ст. 199 УК РФ является тяжким преступлением, поэтому органы следствия могут запрашивать документы, к примеру, 6-летней давности. Течение срока хранения начинается после отчетного (налогового) периода, в котором документ использовался в последний раз для составления налоговой отчетности, исчисления и уплаты налогов, однако если документы используются для разных целей, к примеру подтверждают расходы в бухгалтерском и налоговом учете, то необходимо хранить не менее 5 лет¹. Таким образом, организация может не иметь документов давности более 5 лет, что делает невозможным доказывание наличия состава преступления в действиях лица и усложняет процедуру определения ущерба для стороны обвинения.

Рассмотренная практика позволяет сделать вывод, что органы следствия в некоторых случаях не конкретизирует ущерб по видам бюджета. Суд не принял обвинительное заключение, так как с 2012 по 2015 г. определили крупный размер, однако не конкретизировали суммы ущерба по бюджетам — федеральному и региональному. Кроме того, не конкретизирована сумма ущерба. Так как суммы ущерба не определены по бюджетам — это не позволяет рассмотреть по существу гражданский иск, связанный с взысканием ущерба. Не определены налоговые периоды по каждому из вменяемых налогов².

Таким образом, был рассмотрен порядок определения ущерба по налоговым составам с анализом предыдущей редакции, затронуты особенности взыскания ущерба с помощью мер гражданско-правовой и налоговой ответственности. Приведена проблема бланкетности состава во взаимосвязи с определением ущерба и рассмотрена судебная практика по исчислению и конкретизации сумм налогов

---

¹ Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «О бухгалтерском учете» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2020 г.). // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное постановление Ярославского областного суда. Дело 22-478/2020 // URL: https://storage.pravo.ru/file/general/4v_delo-nomer-22-478-2020-postanovlenie-18032020.pdf // <http://oblsud.jrs.sudrf.ru/>

по бюджетам. Представляется необходимым и дальше обобщать судебную практику, разрабатывать и принимать меры по развитию уголовной ответственности, в том числе обращаясь к налоговому законодательству, что может быть использовано как в теоретическом аспекте, так и для практических целей законодательного совершенствования и правоприменения.

Ефимова А.К.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

К вопросу об уголовно-правовой квалификации фишинга

«Простым» хищением чужого имущества сегодня уже никого не удивишь. С развитием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и появлением в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) ряда киберпреступлений стремительную популярность набирает такой способ киберхищения, как фишинг (англ. phishing; от fishing — рыбная ловля, password — пароль).

Суть фишинга состоит в выманивании паролей, пин-кодов, номеров и CVV-кодов. С помощью спам-рассылок интернет-пользователям отправляются подложные письма, в которых содержится прямая ссылка на «сайт-двойник», внешне неотличимый от настоящего, и заключается указание зайти на такой сайт ввиду необходимости подтверждения паролей, пин-кодов и другой персональной информации, используемой впоследствии злоумышленниками.

Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД РФ) подчеркивает, что «достаточно распространенными являются предложение о работе за границей, уведомление о выигрыше в лотереи, сообщения о получении наследства»¹. Пандемия коронавирусной инфекции спровоцировала также появление интернет-ресурсов, предлагающих фейковые тесты на определение коронавируса и лекарства от него.

Кроме того, все большее распространение получает так называемый голосовой фишинг, при котором лжесотрудники финансовой организации обманным путем получают от ее доверчивых клиентов сведения, составляющие предмет охраняемой законом тайны, с целью их дальнейшего неправомерного использования.

Эксперты «Лаборатории Касперского» обратили внимание на то, что в первом квартале 2020 года по сравнению с аналогичным

---

¹ Интернет-мошенничество — памятка для граждан. Официальный сайт МВД России // URL: <https://мвд.рф/document/1910260> (дата обращения: 01.05.2021).

периодом прошлого года количество фишинговых атак резко возросло с 9 до 18%¹. Однако правовая квалификация рассматриваемого явления в соответствии с УК РФ является наиболее сложной и до настоящего времени служит предметом споров, разгорающихся в научной среде.

Ярким примером, подтверждающим существование обозначенной проблемы правовой неопределенности, служит Письмо Минобрнауки России от 14 мая 2018 г. № 08-1184, в котором фишинг в двух соседствующих абзацах одновременно назван и кражей, и интернет-мошенничеством².

Какой же в действительности оценке подлежит рассматриваемое преступное действие с точки зрения уголовно-правовой квалификации?

В судебной практике нередки случаи признания фишинг-атак преступлениями, предусмотренными ст. 159⁶ УК РФ (прим. авт. — см., напр., Приговор Преображенского районного суда города Москвы № 1-74/2014 1-956/2013 от 5 марта 2014 г. по делу № 1-74/2014).

Согласно ч. 1 ст. 159⁶ УК РФ под мошенничеством в сфере компьютерной информации понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Руководствуясь разъяснениями Верховного Суда РФ, содержащимися в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»³ (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48), заметим, что способом хищения, при рассматриваемом преступлении, предусмотренном ст. 159⁶ УК РФ, является целенаправленное воздействие программных и программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники и интернет-сети. Неотъемлемой характеристикой указанного воздействия является нарушение уста-

---

¹ «Лаборатория Касперского». Официальный сайт. URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2020_laboratoriya-kasperskogo-kolichestvo-fishingovih-atak-na-polzovatelei-onlain-magazinov-uvlechilos-v-dva-raza (дата обращения: 01.05.2021).

² Письмо Минобрнауки России от 14 мая 2018 г. № 08-1184 «О направлении информации» (вместе с «Методическими рекомендациями о размещении на информационных стендах, официальных интернет-сайтах и других информационных ресурсах общеобразовательных организаций и органов, осуществляющих управление в сфере образования, информации о безопасном поведении и использовании сети “Интернет”») // Вестник образования России. 2018. № 15.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // БВС РФ. 2018. № 2.

новленного процесса обработки, хранения, передачи компьютерной информации, позволяющее лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него.

Подтверждением сказанного является приговор Октябрьского городского суда Республики Башкортостан¹, в соответствии с которым Данилова Е. С. признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «б», «в» ч. 3 ст. 159⁶; ч. 3 ст. 272 УК РФ. Данилова Е. С., являясь специалистом офиса обслуживания и продаж в ПАО «Вымпелком», с целью неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, содержащей персональные данные клиентов, осуществила доступ в компьютерную программу, не имея соответствующего заявления клиента, выбрала абонентский номер с привязанным к нему лицевым счетом, подделав заявление клиента на замену СИМ-карты, произвела перевыпуск СИМ-карты и произвела модификацию компьютерной информации, получив возможность пользоваться лицевым счетом с находящимися на нем деньгами.

Описанный способ совершения кибермошенничества не имеет ничего общего с обманом лица или злоупотреблением его доверием, характерным для мошенничества как такового и являющимся одной из ключевых характеристик фишинга, основная цель которого заключается в получении обманным путем доступа к денежным средствам лица для последующего незаконного их списания². То есть, иными словами, “успех” фишинговой атаки невозможен без добровольного предоставления пользователем необходимых злоумышленникам персональных данных, что, на наш взгляд, исключает возможность квалификации описываемого деяния по ст. 159⁶ УК РФ.

Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 в тех случаях, когда виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети, а само хищение было совершено путем использования данных потерпевшего независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге «мобильный банк», авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т.п.), такие действия подлежат квалификации как кража.

Как кража квалифицируются и действия виновного в том случае, когда лицо похищает безлические денежные средства, пользу-

¹ Приговор Октябрьского городского суда Республики Башкортостан № 1-243/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-243/2020.

² См.: *Тресков В. И.* Осторожно: мошенничество! Как защитить себя и своих близких. М.: Редакция «Российской газеты», 2018. № 8.

ясь необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием. (абз. 3 п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48).

Вместе с тем, представляется, что фишинг не может быть квалифицирован в качестве кражи на основании того, что обман, имеющий место при фишинг-атаке направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а не используется исключительно для облегчения доступа к нему (абз. 3 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48). Следовательно, описываемые действия необходимо квалифицировать как «простое» мошенничество.

Кроме того, как подчеркивает Верховный Суд Российской Федерации, в тех случаях, когда «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» (например, создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты)», такое мошенничество подлежит квалификации по статье 159 УК РФ (абз. 2 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48).

Таким образом, думается, что наиболее удачным способом правовой квалификации фишинга будет являться мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ, поскольку именно рамками этого состава преступления очерчиваются все существенные признаки рассматриваемого деяния. Введение же отдельной статьи в УК РФ представляется нам нецелесообразным.

Думается, что Верховному Суду Российской Федерации следует сформулировать конкретные разъяснения по данному вопросу и тем самым восполнить пробел, существующий в правоприменительной практике.

Квасникова П.А.,

*студентка IV курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Вопросы уголовно-правовой квалификации незаконного возмещения НДС

В определенных случаях, предусмотренных Налоговым кодексом Российской Федерации (далее — НК РФ), в частности, статьей 176 НК

РФ, у налогоплательщика возникает право на возмещение излишне уплаченного налога на добавленную стоимость (далее — НДС), это право может быть реализовано в двух формах: зачет в счет предстоящих налоговых платежей и возврат на расчетный счет.

Между тем, в научном сообществе и правоприменительной практике возникает дискуссия по поводу уголовно-правовой квалификации возмещения НДС, на которое у налогоплательщика нет права или, когда им специально созданы для этого искусственные условия.

Основную дискуссию вызывает вопрос разграничения налоговых преступлений (ст. 198, 199 УК РФ) и мошенничества (ст. 159 УК РФ).

Необходимо отметить, что актуальность указанной дискуссии заключается в том, что выбор уголовно-правовой квалификации имеет не только сугубо научный, но и практический характер, поскольку значительно влияет на объем прав и свободы граждан, привлекаемых к уголовной ответственности, в частности:

1) существенно различается пороговая сумма криминализации деяния, применительно к уклонению от уплаты налогов с физического лица таковой признается сумма, превышающая 2,7 млн руб., к уклонению от уплаты налогов с организации — 15 млн руб., а к мошенничеству — 2,5 тыс. руб.;

2) различаются размеры санкций: максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный статьями 198 и 199 УК РФ, составляет три года и шесть лет соответственно, а статьей 159 УК РФ — десять лет. Данный аспект в свою очередь влияет на категорию преступления и срок давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 15 и 78 УК РФ);

3) по-разному решается вопрос о возможности применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, ч. 1¹ ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) указано, что в отношении лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, предусмотренных статьями 198, 199 УК РФ, заключение под стражу в качестве меры пресечения применено быть не может. В отношении ст. 159 УК РФ такой запрет применяется только, если деяние совершено в сфере предпринимательской деятельности, который правоприменительные органы без труда обходят;

4) различается степень участия налогового органа в определении незаконно возмещенных сумм налога;

5) применительно к ст. 199 УК РФ предусмотрен возможность освобождения от уголовной ответственности в случае возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе.

Таким образом, квалификация незаконного возмещения НДС по статье 159 УК РФ влечет куда более серьезные последствия для лица, чем оценка тех же действий по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за уклонение от уплаты налогов.

В настоящий момент, можно выделить три наиболее распространенных подхода к квалификации незаконного возмещения НДС.

1. Квалификация исключительно по ст. 159 УК РФ независимо от формы возмещения. Данная позиция является наименее распространенной, ее сторонники¹ исходят из того, что происходит реальное уменьшение государственного имущества, что характерно для хищения. С момента же принятия налоговым органом решения о возмещении НДС у налогоплательщика появляется реальная возможность по своему усмотрению распорядиться денежными средствами, а возврат или зачет НДС является формой распоряжения похищенного у государства имущества².

Зачастую данное деяние квалифицируется не как хищение, а как приобретение права на чужое имущество³, которое признается оконченным с момента принятия решения о возмещении налоговым органом, независимо от наличия у лица возможности воспользоваться денежными средствами. С указанным подходом нельзя согласиться, поскольку предметом незаконного возмещения НДС являются безналичные денежные средства, которые, как указано в ПП ВС от 30 ноября 2017 г. № 48 должны рассматриваться как предмет хищения⁴.

2. Квалификация исключительно по статье 199 УК РФ. Представляется, что указанная квалификация является более удачной, чем предыдущая. В ее основе лежит положение, согласно которому разграничение указанных составов в первую очередь необходимо проводить по объекту посягательства⁵. Общественно опасные деяния, направленные на незаконное возмещение НДС, в отличие от мошенничества, посягают не на отношения собственности, а на отношения в сфере экономической безопасности страны.

Необходимость применения данного подхода можно обосновать тем, что уголовное право зачастую представляет собой ответственность за нарушение регуляторного законодательства⁶, а соответствен-

---

¹ Белов Е. В., Харламова А. А. Налоговые преступления: уголовная ответственность, проблемы квалификации: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. Г. Кадников. М., 2016.

² Апелляционное определение Свердловского областного суда от 1 июня 2015 г. по делу № 22-4006/2015.

³ Трохов С. В. Незаконное возмещение налога на добавленную стоимость: вопросы уголовно-правовой квалификации // Судья. 2020. № 11.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // РГ. Федеральный выпуск № 280(7446) 2017. 11 дек.

⁵ Васильева Е. Г., Петухов Е. В. Уголовно-правовые аспекты незаконного возмещения НДС в результате получения необоснованной налоговой выгоды // Налоги. 2019. № 3.

⁶ Есаков Г. А. Экономическое уголовное право: Общая часть / Г. А. Есаков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. (Монографии ВШЭ: Юридические науки). 359 с.

но, при привлечении к уголовной ответственности необходимо руководствоваться нормами регуляторного законодательства, в данном случае положениями НК РФ, который в п. 8 ст. 101 устанавливает, что налоговые органы в случае обнаружения в ходе налоговой проверки суммы налога, излишне возмещенной на основании решения налогового органа, должны признавать указанную сумму недоимкой по налогу. Также в ряде других актов правоприменения отражена позиция, согласно которой незаконное возмещение НДС является деянием, совершаемым в сфере налогообложения, а значит, подпадает под регулирование специальной нормы, предусмотренной ст. 199 УК РФ. Например, в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой льготы»¹ суд признает возмещение налога из бюджета именно налоговой выгодой.

Таким образом, можно предположить, что признавая недоимкой сумму налога, незаконно возмещенного из бюджета, законодатель стремился закрепить единые правила как в отношении фискальных должников, не исполнивших обязанность по формированию публичных денежных фондов, так и в отношении фискальных должников, необоснованно получивших налог из бюджета.

Но у данного подхода есть и свои явные недостатки, так, например, не вызывает сомнений квалификации незаконного применения налоговых вычетов по НДС физическим лицами по ст. 159 УК РФ, что ставит их в неравное положение по сравнению с лицами, возмещающими НДС.

3. Квалификация в зависимости от определенных обстоятельств. Наиболее часто разграничение происходит по форме возмещения, при возврате на расчетный счет по ст. 159 УК РФ, а при зачете в счет предстоящих платежей по ст. 199 УК РФ. Данная позиция является наиболее распространенной в правоприменительной практике, а ее сторонники исходят из того, что возврат налога осуществляется посредством направления денежных средств на расчетный счет налогоплательщика, тем самым происходит реальное уменьшение имущества государства, что характерно для хищения. Принятие же решения о возмещении НДС в форме зачета влечет непоступление денежных средств в федеральный бюджет, что характерно для уклонения от уплаты налогов².

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой льготы» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12. С. 30–36.

² Милякина Е. В. Проблемы квалификации незаконного возмещения НДС из бюджета как налогового преступления // Налоги. 2007. № 2. С. 41–44; Березин И. Г., Ро-

Недостатком указанного подхода является то, что выбор уголовно правовой квалификации, зависит лишь от одного документа — заявления на возмещения НДС, а по сути, деяния ничем друг от друга не отличаются и, соответственно, не могут посягать на разные общественные отношения и представлять разную общественную опасность.

Представляется, что выбор квалификации должен ставиться в зависимость от направленности умысла лица и преследуемых им целей, которые могут быть двух разновидностей: изъятие денежных средств из бюджета и обращение их в свою пользу; уменьшение своего налогового бремени. Так, если юридическое лицо не ведет никакой хозяйственной деятельности, а было создано исключительно в целях незаконного изъятия денежных средств из бюджета, то вполне оправдана квалификация по ст. 159 УК РФ. Если же юридическое лицо действительно ведет предпринимательскую деятельность и уплачивает налоги, то незаконное возмещение НДС необходимо признавать именно налоговой недоимкой и взыскивать ее по правилам, установленным НК РФ.

Рассмотренная проблема является крайне неоднозначной, в настоящий же момент вопрос выбора квалификации отдан полностью на откуп правоприменителей, которые решают его совершенно по-разному, что ведет к нарушению принципа правовой определенности, имеются даже попытки квалифицировать одни и те же действия и как налоговое преступление, и как хищение¹. Во избежание таких посягательств необходимы четкие критерии, отличающие налоговые преступления от хищений, который должны быть представлены на уровне Постановления Пленума Верховного Суда.

Косыгин В.Е.,

*аспирант I курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Подкуп арбитра (третейского судьи): некоторые проблемные вопросы объективной стороны преступления

Федеральным законом от 27 октября 2020 г. № 352-ФЗ уголовный закон был дополнен статьей 200⁷ «Подкуп арбитра (третейского судьи)». Обусловлено это было ратификацией Россией Конвен-

---

зовская Т.И., Стаценко В.Г. Расследование преступлений, связанных с незаконным возмещением НДС: учеб.-практ. пособие. М., 2011.

¹ Апелляционное определение Верховный Суд Республики Коми от 27 сентября 2017 г. № 22-2217/17.

ции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. (ФЗ от 25 июля 2006 г. № 125), так как Россия тем самым взяла на себя обязательство по приведению национального уголовного законодательства в соответствие с содержащимися в Конвенции положениями, направленными на борьбу с активным и пассивным подкупом различных должностных лиц как в публичном, так и в частном секторах. Дополнительным протоколом к Конвенции и рекомендацией ГРЕКО по итогам третьего раунда оценки в нашей стране национального законодательства и практики борьбы с коррупцией по теме: «Криминализация преступных деяний» России предписано однозначно криминализировать подкуп национальных и иностранных третейских судей.

В ст. 200⁷ УК РФ *de facto* содержится два разных преступления: получение и передача предмета подкупа.

Применительно к получению предмета подкупа уголовный закон называет следующие виды деяний: 1) незаконная передача денег, ценных бумаг, иного имущества; 2) незаконное оказание услуг имущественного характера; 3) предоставление иных имущественных прав. То есть уголовный закон содержит три различных формы подкупа. Подробно рассмотрим каждую из них.

Незаконная передача денег, ценных бумаг, иного имущества — «любое противоречащее закону или основанному на нем нормативному акту, а также договору отчуждение в пользу виновного (его близких или сторонних лиц) таких ценностей, в том числе передача прав на них»¹. Это может быть как безвозмездное отчуждение (передача прав), так и отчуждение на возмездной основе (передача прав), но с нарушением установленных правил передачи имущества (прав на него). Для квалификации не имеет значения, когда предмет подкупа был передан — до совершения подкупаемым определенных действий (бездействия) или после совершения таковых. Способы передачи предмета подкупа могут быть как открытые, так и завуалированные. Завуалировать подкуп можно, например, возвращением долга, подарком, дачей в долг².

Незаконное оказание услуг имущественного характера — «предоставление должностному лицу в качестве предмета подкупа любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатные либо по заниженной стоимости предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в част-

---

¹ Полосин Н. В. Уголовно-правовая характеристика коммерческого подкупа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 103.

² Там же. С. 104.

ности автотранспорта, для его временного использования, прощение долга или исполнение обязательств перед другими лицами)»¹ (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»).

Предоставление иных имущественных прав — «предполагает возникновение у арбитра (третейского судьи) юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в его пользу имущественных обязательств и др.»² (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24). По смыслу статьи 1225 ГК РФ имущественные права включают в свой состав как право на имущество, в том числе право требования кредитора, так и иные права, имеющие денежное выражение, например, исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

Совершение хотя бы одного из рассмотренных действий уже представляет собой оконченное преступление, предусмотренное ст. 200⁷ УК РФ (ч. 1–4).

Указаний на какие-либо последствия закон не содержит, что означает, что состав данного преступления по конструкции объективной стороны является формальным.

Момент окончания рассматриваемого преступления Пленумом Верховного Суда РФ привязывается к моменту принятия арбитрам (третейским судьей) хотя бы части передаваемых ему ценностей (например, с момента передачи их лично должностному лицу, зачисления с согласия должностного лица на счет, владельцем которого оно является). При этом, в отличие от некоторых преступлений против собственности, не имеет значения, было ли установлено арбитрами фактическое господство над предметом подкупа (иными словами получил ли арбитра реальную возможность пользоваться или распоряжаться предметом подкупа)³. В науке на момент окончания подкупа высказываются иные точки зрения.

Так, в учебнике «Российское уголовное право. Особенная часть» авторы придерживаются отличной от Верховного Суда РФ точки зрения и пишут, что «моментом окончания подкупа следует считать момент фактического отчуждения имущества (передачи права на него) либо выполнения действий, составляющих содержание соот-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 г. Москва «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Там же.

ветствующей услуги в пользу подкупаемого вне зависимости от того, успел ли последний принять соответствующее имущество либо воспользоваться услугами или нет»¹.

Представляется, формулировка момента окончания рассматриваемого преступления, содержащаяся в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, является верной, отвечающей целям уголовной политики.

Применительно к незаконному получению предмета подкупа следует обратить внимание на действия (бездействие), за которые этот предмет передается арбитру. Закон выделяет два вида действий, которые арбитр может совершать: действия, входящие в его полномочия, и действия, не входящие в его полномочия, но которые в силу положения арбитра могут способствовать действиям, которых желает дающий. Под первыми понимаются «такие действия (бездействие), которые арбитр имеет право и (или) обязан совершить в пределах его служебной компетенции»² (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24). Под способствованием, то есть совершением действий, не входящих в полномочия арбитра, арбитром в силу своего должностного положения совершению действий (бездействию) в пользу дающего или представляемых им лиц выражается в использовании арбитром авторитета и иных возможностей занимаемой должности для оказания воздействия на других должностных лиц в целях совершения указанных действий (бездействия) по службе. Такое воздействие заключается в склонении другого арбитра к совершению соответствующих действий (бездействию) путем уговоров, обещаний, принуждения и др.³

Теперь перейдем к рассмотрению данной нормы с позиции *de lege ferenda*.

В этой связи можно высказать ряд критических замечаний к действующей редакции ст. 200⁷ УК РФ.

1. В уголовном законе отсутствует самостоятельное (общее) определение подкупа, что на наш взгляд является недостатком. Законодатель формулирует, по сути, одно и то же определение подкупа, но применительно к разным преступлениям. Не было бы проще сформулировать универсальное определение на весь Уголовный кодекс, а из отдельно взятых статей (200⁵, 200⁷, 204) убрать повторяющиеся определения, оставив только слово «подкуп»? В этой связи предлагается внести соответствующие редакционные правки в Уголовный кодекс.

¹ Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. М., 1998. С. 215.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 г. Москва «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Там же.

2. Законодатель под одной статьей объединил два различных по степени общественной опасности преступления — передачу предмета подкупа и его получение. Передача предмета подкупа по ч. 1 ст. 200⁷ УК РФ наказывается лишением свободы на срок до 2 лет. Получение предмета подкупа по ч. 5 той же статьи — лишением свободы на срок до 3 лет. То есть законодатель, определив именно такую пенализацию, фактически признал, что получение является более опасным преступлением. В этой связи предлагается внести изменения в уголовный закон и «разделить» ст. 200⁷ (ч. 1–4 оставить в этой статье, а ч. 5–8 перенести во вновь введенную ст. 200⁸ УК РФ).

3. В одной статье объединены два разных подкупа: подкуп, направленный на обогащение арбитра или его близких (так называемый «корыстный подкуп») и подкуп арбитра в пользу иных лиц. Возвращаясь к вопросу о разной степени общественной опасности преступлений, заметим, что разные виды подкупа обладают разной степенью опасности. Следовательно, и в ст. 200⁷ УК РФ ответственность за такие деяния должна дифференцироваться. Это не первый случай, когда разные виды подкупа находятся в одной статье. Закрепляя в уголовном законе разные виды подкупа, законодатель преследовал цель криминализировать как корыстный подкуп, так и подкуп бескорыстный (это то, что мы имеем с позиции *de jure*). На практике же совсем другая картина — правоприменительные органы преследуют лишь за корыстный подкуп, оставляя без внимания бескорыстный (это то, что имеется с позиции *de facto*). Выражаем свои опасения на счет того, что с подкупом арбитра (третейского судьи) будет то же самое.

Подводя итог, хочется отметить, что это далеко не полный перечень проблемных вопросов объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 200⁷ УК РФ, а только небольшая их часть. Остальные вопросы еще только предстоит осмыслить.

Кожевникова В.И.,

*студентка I курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»
(Дальневосточный филиал)*

Разграничение преступлений, предусмотренных главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, и компьютерного мошенничества

Тенденции развития российского законодательства, связанного с информационными технологиями, в последние годы направлены на укрепление правового регулирования общественных отношений,

а именно приведение их в соответствие с актуальным положением дел в государстве и мире. Темпы развития общественных отношений в сфере информационных технологий значительно превышают реакцию законодателя на эти изменения, правовые нормы очень часто имеют явные пробелы в механизме нормативного регулирования.

Обращаясь к статистическим данным, мы можем заключить, что в Российской Федерации интернет является доступным большей части населения, а именно 81% всего населения, что составляет 118 млн человек, чему свидетельствует ежемесечный отчет WeAge-Social и Hootsuite о состоянии интернет среды Digital за 2020 г.¹ Это говорит не только о всеобщей информатизации общества, но и о повышении количества персональных данных и конфиденциальной информации, попадающей в сеть «Интернет».

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации² за 2020 год общее число зарегистрированных в стране преступлений увеличилось на 1,2%. Это обусловлено, главным образом, ростом количества криминальных деяний с применением IT-технологий. В отчетном периоде (январь — сентябрь) их совершено на 77% больше, чем в 2019 г., в том числе с использованием сети «Интернет» — на 93,2%, при помощи средств мобильной связи — на 97,7%.

Конституция Российской Федерации закрепляет в части 4 статьи 29 право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. При этом в части 2 статьи 23 утверждается право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Согласно ч. 1 ст. 24 сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.

В ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ указано, что защита информации представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправо-

¹ Special Reports. Social Media Users Pass The 4 Billion Mark As Global Adoption Soars / Simon Kemp, 20 October 2020 // URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/10/social-media-users-pass-the-4-billion-mark-as-global-adoption-soars>

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — сентябрь 2020 года // URL: <https://мвд.рф/reports/item/21551069/>

³ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 8 июня 2020 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

мерных действий в отношении такой информации; соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа; реализацию права на доступ к информации.

В Уголовном кодексе Российской Федерации в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» предусмотрена ответственность за общественно опасные деяния, посягающих на безопасность компьютерной информации и систем ее обработки. Рассмотрим разграничение статей главы 28 УК РФ и статьи 159⁶ УК РФ.

Объект мошенничества не имеет отличительных особенностей от общепринятого объекта хищения в любой форме. Представляется, что в качестве дополнительного объекта в данных мошенничествах может выступать компьютерная безопасность, и данная позиция является достаточно актуальной в связи с принятием закона «О внесении изменений в Федеральный Закон «О связи» и Федеральный Закон «Об Информации, информационных технологиях и о защите информации».

Объективная сторона статьи 159⁶ УК РФ предусматривает такие способы свершения, как ввод, удаление, блокирование, модификацию компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. По смыслу статьи 272 УК РФ уничтожение, блокирование, модификация либо копирование компьютерной информации — это последствия совершаемого преступления, а не способ свершения. Полагаем, что «удаление» и «уничтожение» являются тождественными терминами, и такое расхождение в нормах является, скорее, упущением законодателя, нежели попыткой выделения принципиально разных способов. Касаемо «ввода», то здесь законодатель действительно расширяет перечень, указывая, что мошенник может совершить преступления принципиально иным способом. Мы считаем, что как раз именно этот способ и отвечает требованию терминов «обман». Иное вмешательство, упомянутое выше, по своему толкованию из постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации, имеет схожесть с использованием вредоносных программ, что требует дополнительной квалификации со статьей 272 УК РФ¹.

Объективная сторона статьи 272 УК РФ выражается в неправомерном доступе к компьютерной информации. Под доступом, в таком случае, понимается «совершение определенных действий, ко-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

торые могут выражаться в проникновении в компьютерную систему субъектом путем использования специальных технических или программных средств»¹.

С субъективной стороны статьи 159⁶ УК РФ и 272 УК РФ отличаются по направленности умысла. При мошенничестве в сфере компьютерной информации умысел направлен на хищение или завладение правом на чужое имущество, при неправомерном доступе из корыстной заинтересованности на получение определенных сведений.

Также в статье 159⁶ УК РФ не раскрываются такие понятия, как компьютерная информация (отражено в примечании к статье 272 УК РФ) и информационно-телекоммуникационная сеть (указано в пункте 4 статьи 2 Федерального закона от 8 июня 2006 г. № 149-ФЗ). Информационно-телекоммуникационная сеть — технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники². Следует отметить, что в данном Федеральном законе не закреплено и не раскрыто содержание терминов, выражающих объективную сторону мошенничества в сфере компьютерной информации: ввод, блокирование, удаление, модификация компьютерной информации³. Доктрина уголовного права отражает различные подходы в понимании содержания указанных признаков, что, тем самым, осложняет их правоприменение.

Уничтожение, блокирование, модификация, копирование компьютерной информации как способ совершения преступления по статье 159⁶ УК РФ, выступают в статье 273 УК РФ последствиями преступного деяния, а не способом.

Способ совершения преступления по статье 274 УК РФ отличен от способа, установленного для мошенничества в сфере компьютерной информации.

Подводя итог по проведенному анализу следует заключить, что «компьютерное» мошенничество имеет множество сходств с нормами, содержащимися в 28 главе УК РФ. Стоит согласиться, что компьютерная преступность включает в себя преступления, предусмотренные главной 28 УК РФ только в узком смысле, в широком же смысле данное определение охватывает как киберпреступность,

---

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2013.

² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 8 июня 2020 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Анализ способов совершения мошенничества в сфере компьютерной информации / Л. М. Болсуновская // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. С. 108–111.

преступность в сети «Интернет», преступность в сфере информационных технологий, а также преступления в сфере компьютерной информации. Позиция законодателя о размещении специальной нормы, связанной с мошенничеством в главу «Преступления против собственности» указывает на значимость собственности граждан для государства, определяет приоритеты для защиты. Касаемо статьи 159⁶ УК РФ с данной позиции, можно заключить, что любое хищение, совершаемое вышеуказанным способом, будет квалифицироваться как мошенничество в сфере компьютерной информации, что является хоть и логичным умозаключением, но противоречит Уголовному законодательству и его принципам. Если же рассматривать традиционное мошенничество в «компьютерной» сфере, то введение в УК РФ статьи 159⁶ является ничем иным, как введением нормы «чтобы была», а не для реального использования, поскольку судебная-следственная практика показывает, что «компьютерные» мошенничества успешно расследуются и по классической, 159 статье УК РФ. Принципиально нового взгляда относительно данной нормы в научной среде не наблюдается, из чего следует, что необходимо либо исключить термин «мошенничество» и сформулировать новый вид хищения имущества, иначе существует возможность проблемного применения данной нормы в судебной и следственной системе.

Корепанова Е.С.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»*

«Налоговое мошенничество»: понятие и виды

Статьей 57 Конституции Российской Федерации установлена обязанность каждого платить законно установленные налоги. Налоги — одна из важнейших доходных частей бюджета любого государства, в том числе Российской Федерации. Налоги позволяют обеспечивать экономическую безопасность и социальную стабильность в стране. Невнесение сумм, необходимых для уплаты налога, уменьшение размера уплачиваемых сумм, путем непредставления налоговой декларации (расчета) или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию (расчет) или такие документы заведомо ложных сведений, не только влечет за собой уменьшение доходной части бюджета, но и посягает на общественные отношения, обеспечивающие соблюдение установленного законом порядка уплаты налогов. При существенности сумм, невнесенных в доход государства,

налогов подрывается экономическая безопасность государства, создается угроза экономике страны.

В юридической литературе ведется спор о необходимости включения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) специальной нормы, устанавливающей ответственность за налоговые мошенничества¹. С целью определения необходимости введения данной статьи в Уголовный Кодекс Российской Федерации, считаем необходимым сформулировать доктринальное понятие «налоговое мошенничество».

С. А. Дряглина и Н. Д. Зарипова² дают следующее определение понятия «налоговое мошенничество» — это правонарушение, которое наказывается налоговым, административным и уголовным законодательством в зависимости от размера причинного ущерба³.

Налоговое мошенничество, по мнению С. М. Токаева и А. А. Езовских, — это преднамеренные действия лица, совершенные путем предоставления недостоверных документов, составляющих значимость для налоговых органов с целью неправомерного уменьшения суммы налогов⁴.

З. Ю. Татарчук считает, что налогового мошенничества — этомышленные действия лица, совершаемые путем фальсификации документов, имеющих значение для налоговых органов с целью неправомерного уменьшения налогов⁵.

В. В. Ровнейко и Т. И. Розовская в качестве налогового мошенничества предлагают рассматривать действия лица, которое, предоставляя документы, содержащие заведомо ложные сведения о фи-

---

¹ Куликов А. В., Гуц Е. А. К вопросу о введении в Уголовный кодекс Российской Федерации состава налогового мошенничества // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 4. С. 23–29; Дряглина С. А. К вопросу о мошенничестве в сфере налогообложения // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11 (191). С. 195–197; Файзеев Р. Т. Перспективы развития противодействия мошенничествам в налоговой сфере // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10 (178). С. 177–181; Налогам добавляют срок. Силовики предлагают внести в УК еще одну статью о мошенничестве // РГ. Федеральный выпуск № 164(8218). URL: <https://rg.ru/2020/07/27/reg-cfo/nalogovoe-moshennichestvo-predlozhenie-rassmatrivat-kak-ugolovnoe-prestuplenie.html> (дата обращения: 11.04.2021).

² Зарипова Н. Д. Налоговое мошенничество: понятие, причины, способы борьбы // Научный альманах. 2019. № 10–1(60). С. 53–55.

³ Дряглина С. А. К вопросу о мошенничестве в сфере налогообложения // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11(191). С. 195–197.

⁴ Токаева С. М., Езовски А. А. Мошенничество в налоговой сфере // Наука в исследованиях молодежи — 2016: материалы студенческой научной конференции (Лесниково, 20 апреля 2016 г.). Лесниково: Курганская сельскохозяйственная академия им. Т. С. Мальцева, 2016. С. 281–283.

⁵ Татарчук З. Ю. Налоговое мошенничество: сравнительно-правовой аспект // Вестник науки и образования. 2015. № 5 (7). С. 99–101.

нансово-хозяйственных операциях, получает денежные средства по излишне уплаченной сумме налога путем возврата¹².

А. В. Куликов и Е. А. Гуц в качестве мошенничества рассматривают случаи, когда налог исчислен, уплачен полностью, а впоследствии обманным путем производится возврат излишне уплаченного налога³.

С. В. Трохов⁴ считает, что преступления, связанные с возмещением налогов вне зависимости от того, каким способом осуществляется возмещение необходимо рассматривать как мошенничество, так как моментом, с которого лицо, имеет возможность распоряжаться денежными средствами непосредственно является момент принятия налоговым органом решения о возмещении. Данное решение он считает необходимым рассматривать как правоустанавливающее решение, которое согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» является одним из моментов окончания мошенничества⁵.

Анализ доктрины уголовного права позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день не сформировалось единого определения понятия «налоговое мошенничество». Однако большинство авторов наиболее часто в качестве примера налогового мошенничества в уголовном праве приводят незаконное получение налогоплательщиком имущественных вычетов по налогу на добавленную стоимость (далее — НДС). Стоит заметить, что налоговым мошенничеством является не только незаконное получение НДС, но и иные виды мошенничества. Так, Н. Ф. Попова, Н. А. Чикалина выделяют следующие основные виды «налогового мошенничества»: мошенничество в отношении имущественных вычетов по налогу на доходы физических лиц; мошенничество, связанное с НДС; мошенничество «от имени налоговых органов»⁶. С. М. Токаева, А. А. Езовских в качестве видов

---

¹ Ровнейко В. В. Злоупотребление правом на возмещение налога как способ совершения преступления // Уголовно-правовая политика: тенденции развития. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2018. С. 135–141.

² Розовская Т. И. Незаконное возмещение НДС: налоговое преступление или мошенничество? // Круглый стол 16.10.2020 «Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт». URL: https://www.youtube.com/watch?v=EgW_EB10i28&t=9s (дата обращения: 19.04.2021).

³ Куликов А. В., Гуц Е. А. Указ. соч. С. 23–29.

⁴ Трохов С. В. Налоговое мошенничество // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт: круглый стол 16 октября 2020 г. // URL: https://www.youtube.com/watch?v=EgW_EB10i28&t=9s (дата обращения 19.04.2021).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обновления: 11.04.2021).

⁶ Попова Н. Ф., Чикалина Н. А. Мошенничество в сфере налогообложения в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 1–2 (91). С. 68–73.

мошеннической деятельности выделяют: преднамеренное сокрытие и уменьшение сумм доходов; неправомерное занижение налогооблагаемой базы; сокрытие и передача третьим лицам активов; занесение недостоверных записей в отчетность¹.

Таким образом, анализ решений судов², приведенных суждений, позволяет говорить о том, что к 2021 г. сложилась практика, имеющая тенденциозный характер. Так, незаконное получение суммы излишне уплаченных налогов путем подачи в налоговый орган заявления о возмещении излишне уплаченной суммы налога или уточненной налоговой декларации судами вне зависимости от способа получения (возврат или возмещение) денежных средств однозначно квалифицировано как мошенничество (ст. 159 УК РФ). Те действия, которые направлены на получение налоговых вычетов путем включения в первичную налоговую декларацию недостоверных сведений, судами однозначно квалифицировались как налоговые преступления (ст. 198, 199 УК РФ).

Следовательно, в связи со сложившейся единообразной практикой квалификации деяний, направленных на незаконное получение суммы излишне уплаченного налога считаем нецелесообразным введение в уголовный закон самостоятельного состава преступления, предусматривающего ответственность за совершение налогового мошенничества. Однако, в случае возникновения на практике неоднозначных ситуаций, будет целесообразно тематическим обзором судебной практики Верховному Суду Российской Федерации устранить возникшие противоречия.

Что касается самого понятия «налоговое мошенничество», то оно имеет место на самостоятельное существование в доктрине уголовного права, однако следует более точно определить характеризующие его черты, путем объединения положений ст. 198–199 УК РФ и ст. 159 УК РФ: совершенное с применением обмана хищение чужого имущества или приобретение права на него, выразившееся во включении заведомо ложных сведений в налоговую декларацию (расчет) или документы, представление которых в со-

¹ Токаева С. М., Езовски А. А. Указ. соч. С. 281–283.

² Приговор № 1-348/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 1-348/2020 // URL: sudact.ru/regular/doc/znjP9ehQLdYx/ (дата обращения: 19.04.2021); Приговор № 1-1/2020 1-70/2019 от 6 февраля 2020 г. по делу № 1-1/2020 // URL: sudact.ru/regular/doc/rWE-FKDNyR9WV/ (дата обращения: 19.04.2021); Приговор № 1-27/2020 1-333/2019 от 17 июля 2020 г. по делу № 1-27/2020 // URL: sudact.ru/regular/doc/GWSkijLYCDdC/ (дата обращения: 19.04.2021); Приговор № 1-11/2020 1-66/2019 1-929/2018 от 8 июля 2020 г. по делу № 1-11/2020 // URL: sudact.ru/regular/doc/UFEN6HmIVR/ (дата обращения: 19.04.2021); Приговор № 1-42/2020 1-429/2019 от 13 января 2020 г. по делу № 1-42/2020 // URL: sudact.ru/regular/doc/e498gODafVx4/ (дата обращения: 19.04.2021).

ответствии с законодательством Российской Федерации о налогах является обязательным.

Любое уклонение от уплаты налогов предполагает либо непредставление информации (декларации или иных документов, представление которых обязательно в соответствии с законодательством о налогах и сборах) — это пассивный обман, либо предоставление ложной информации, то есть включение в декларацию и иные документы — заведомо ложных сведений (активный обман)¹. Таким образом, любое уклонение от уплаты налогов сопряжено с обманом, который является способом мошенничества.

Соответственно различные виды совершения преступных посягательств в налоговой сфере, совершаемые путем обмана могут рассматриваться как налоговое мошенничество в широком смысле этого слова. В узком же смысле под налоговым мошенничеством следует понимать с учетом механизма причинения вреда незаконное получение имущественных и налоговых вычетов, сопряженное с «возвратом» из бюджета соответствующих сумм. Это может быть не только НДС, но и НДФЛ.

Королев И.С.,

*студент I курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Мошенничество с использованием электронных средств платежа: предпосылки появления и дальнейшего реформирования состава преступления

Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 207-ФЗ) были введены ст. 159¹–159⁶ УК РФ, предусматривающие ответственность за отдельные виды мошенничества: в сфере предпринимательской деятельности, при получении выплат, с использованием платежных карт, в сфере компьютерной информации, в сфере страхования, в сфере кредитования.

В пояснительной записке к Федеральному закону № 207-ФЗ авторы законопроекта указали, что данный закон направлен на дифференциацию различных видов мошенничества, необходимость ко-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.04.2021).

торой обусловлена тем, что указанные преступления совершаются в самых различных сферах общественных отношений, затрагивают интересы как отдельных граждан, так и больших социальных групп и причиняют общественным отношениям существенный вред¹.

С инициативой о данных изменениях выступил Верховный Суд Российской Федерации, который на основе анализа правоприменительной практики, сложившейся к тому периоду, считал необходимым выделить отдельные виды мошенничества в зависимости от сферы их совершения. Необходимость введения изменений в закон была обусловлена в том числе социально-экономическими предпосылками, сложившимися в обществе. Статья 159 УК РФ к тому моменту уже устарела, а мошеннические посягательства в условиях изменившейся экономической ситуации в стране существенно видоизменились. Таким образом, злоумышленники могли избегать ответственности ввиду неспособности уголовного закона в полной мере учитывать особенности данных правонарушений и адекватно реагировать на их противоправные действия.

Одним из составов, который активно обсуждается как в научной среде, так и среди правоприменителей уголовного закона, является мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159³).

Статья 159³ УК РФ была введена в действие Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ.

По замыслу авторов законопроекта деяние в ч. 1 данной статьи заключалось в хищении чужого имущества с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации².

Установление ответственности было обусловлено тем, что в эпоху информационных технологий, которые пронизывают практически все сферы нашей жизни, неотъемлемой экономической составляющей развития общества являются безналичные денежные расчеты. Электронные платежи становятся обычной, широко распространенной практикой в товарных отношениях между физическими и юридическими лицами. При этом объем оборота наличных денежных средств в стране с каждым годом снижается. Это происходит как по причине введения значительных ограничений со стороны регулятора — Центрального банка Российской Федерации, так и ввиду легкости и удобства использования безналичных платежей вместо наличных денежных средств.

---

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

Значительная часть граждан осуществляет исполнение банковских операций, денежных переводов и платежей с помощью удаленного доступа к своим счетам. Данные технологии не обеспечивают стопроцентную защиту и безопасность финансовых операций, что нередко приводит к утрате принадлежащих гражданам денежных средств.

Это связано в том числе с тем, что доступ к банковским счетам и средствам владельцев данных счетов осуществляется посредством использования платежных карт и иных средств платежа, что в свою очередь дает возможность злоумышленнику беспрепятственно совершать мошеннические действия, оставаясь при этом вне поля зрения.

Именно поэтому законодателем были внесены изменения в УК РФ Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 111-ФЗ), согласно которым название ст. 159³ УК РФ было сформулировано следующим образом: «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». Диспозиция данной статьи УК РФ предусматривает хищение чужого имущества, совершенное с использованием электронных средств платежа.

Как было указано в пояснительной записке к Федеральному закону № 111-ФЗ: «Расширение применения информационных технологий в финансовом секторе способствует развитию электронных услуг и более широкому предоставлению клиентам банков удаленного доступа к своим счетам для совершения платежей и переводов. Так, количество транзакций, совершаемых клиентами дистанционно через удаленные каналы обслуживания, у ведущих банков страны и платежных систем ежегодно увеличивается и в настоящее время достигает более 95% от числа всех операций»¹.

Также следует отметить, что изменения в уголовный закон потребовались в связи с необходимостью гармонизировать рассматриваемую норму положениями Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее — Федеральный закон № 161-ФЗ), который обеспечивает нормативно-правовое регулирование различных финансовых операций в Российской Федерации.

В нем законодательно закрепляются такие понятия как: электронные денежные средства и электронные средства платежа. В п. 18 ст. 3 Федерального закона № 161-ФЗ под электронными денежными

---

¹ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств» // СПС «КонсультантПлюс».

средствами понимаются денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа.

В п. 19 ст. 3 Федерального закона № 161-ФЗ под электронным средством платежа понимается средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств.

Можно заметить, что понятие «электронные средства платежа» охватывает более широкий круг понятий, чем просто платежные карты, — следовательно это расширяет сферу действия уголовного закона и позволяет учитывать все возможные варианты финансовых транзакций, при которых происходит хищение денежных средств.

В связи с этим можно сделать вывод, что законодатель не только снимает вопрос по уголовно-правовой оценке мошеннических операций, совершенных посредством таких популярных электронных средств платежа как Яндекс. Деньги, ApplePay, SamsungPay, GooglePay, но и закладывает правовую основу для дальнейшего применения положений закона в отношении новых технологических решений, которые могут появиться в будущем.

Куликова М.А.,

*командир отделения 373 взвода 4 «С» курса
ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя»*

Отграничение мошенничества с использованием электронных средств платежа от смежных составов преступлений

В последние годы прослеживается тенденция роста операций с применением расчетов в безналичной форме. Статистические данные Банка России указывают на увеличение электронных переводов денег посредством платежной системы Банка России. В цифровом

выражении: за 2019 г. переводов было осуществлено 1 715,7 млн ед., а за 2020 г. — 1 844,1 млн ед., то есть число операций, связанных с переводом денежных средств, увеличилось на 7,4%¹.

Интернет-банкинг стал применяться в России в прошлом веке. С 2016 г. количество банковских счетов превысило общую численность населения страны². Основными факторами, которые определили динамику роста дистанционных форм обслуживания потребителей финансовых услуг, стали политика банков по сокращению персонала, а также ускорение развития дистанционных форм обслуживания. Отличительным преимуществом технологии мобильного банка по сравнению с технологией интернет-банка является расширение возможностей владельца счета для дистанционного доступа к управлению безналичными денежными средствами. Ведь она применяется не только там, где есть Интернет, но и в любом месте, где есть мобильная связь.

Эволюционный процесс не стоит на месте, и уже сейчас финансовый сектор находится на пороге новой революции, которая затронет наличные денежные средства. Цифровые деньги только недавно появились, находясь в активном поиске своего местоположения в экономике, но уже в определенной мере конкурируют в функционале с традиционными деньгами. Наибольшая доля сферы цифровых денег принадлежит криптовалюте.

Массовый переход на дистанционное банковское обслуживание мошенники используют в своих интересах, пытаясь вторгнуться во взаимодействие клиента и банка и перенаправляя денежные средства в свою сторону. Мошенничество с цифровыми деньгами переживает свой исторический расцвет. Несанкционированное списание с электронного (цифрового) кошелька — достаточно распространенное явление.

Кроме того, в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, в России резко выросло число зарегистрированных случаев мошенничества с использованием электронных средств платежа. Согласно официальной статистике Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, за 2020 г. зарегистрировано 25 820 число случаев такого мошенничества, сравнительно к аналогичному периоду 2019 г. — 16 119, то есть выросло на 60,2%³. При этом рост

¹ Статистика Центрального банка РФ // URL: <https://cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 25.04.2021).

² Ашева А.-М. К. Банковские карты в России: история и перспективы // Economics. 2019. № 2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankovskie-karty-v-rossii-istoriya-i-perspektivy> (дата обращения: 25.04.2021).

³ Статистика по данным ГИАЦ МВД РФ // URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 25.04.2021).

данных преступлений обусловлен за счет телефонного и интернет-мошенничества.

В свою очередь, отсутствие судебной практики взыскания цифровых денег и системы страхования электронных кошельков значительно повышает риски стать жертвой мошенников. Кроме того, судебная практика не выработала четких критериев разделения мошеннических действий с применением электронных средств платежа от смежных и конкурирующих составов преступлений¹.

Ответственность за совершение преступных деяний с помощью электронных платежных средств предусмотрена ст. 158, 159³, 159⁶ УК РФ. С учетом развития и совершенствования современного уголовного законодательства, у правоприменителей появляются вопросы в отграничении смежных составов. Своя индивидуальность различных, электронных денежных средств, систем электронных платежей и их взаимодействий, требует выделить информационную безопасность как дополнительный объект преступного посягательства, которой тоже причиняется вред преступными деяниями вышеперечисленных составов преступлений.

Нередко появляются вопросы в квалификации деяний, когда при оплате приобретенного товара на кассах торговых организаций совершение хищения происходит при помощи бесконтактной банковской карты, а также на настоящий момент времени при помощи использования информационных технологий.

Рассмотрим два показательных примера разграничения мошеннических действий с помощью электронных платежных средств и кражи с банковского счета, как и в отношении электронных денег.

Так, приговором Свердловского районного суда от 9 августа 2019 г. действия лица, который с использованием похищенной ранее банковской карты, находясь в магазине, ввел в заблуждение уполномоченного работника магазина относительно принадлежности карты и, осознавая, что денежные средства на счете карты принадлежат потерпевшей, приобрел товар на сумму 131 рубль и на сумму 2 107 рублей, квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В апелляционном постановлении Свердловский областной суд, ссылаясь на п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», приговор изменил и дал квалификацию действиям лица по ч. 1 ст. 159³ УК РФ. Аргументировав это тем, что виновный, согласно инкриминируемого ему де-

---

¹ Баницова В. А. Сравнительный анализ мошенничества с использованием электронных средств платежа и кражи с банковского счета // Проблемы становления гражданского общества. сборник статей VIII Международной научной студенческой конференции. Иркутск, 2020. С. 8–11.

яния в обвинительном заключении, совершил преступное деяние, рассчитываясь в магазине за приобретенный товар похищенной банковской картой, при этом осужденный умолчал о ее незаконном использовании¹.

В аналогичном примере группа лиц в составе 2 человек, в тайне от пострадавшей воспользовались ее банковской картой. Они рассчитались похищенной картой в магазине. Апелляционная инстанция Промышленного районного суда города Самары привела те же аргументы, что и в первом примере, но в пользу оценки аналогичных фактических обстоятельств как кражи, то есть по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ².

Из смысла постановления суда следует, что сотрудник торговой организации истинного собственника банковской карты не знает, то есть не понимает противозаконности изъятия имущества и обмана. Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», хищение подлежит считать тайным, когда очевидцы хищения не понимают противоправности действий виновного. При этом законодательно не регламентировано, что, например, сотрудник торговой организации, проводя расчеты по банковской карте, обязан удостоверять личность ее владельца, а тот в свою очередь ее подтверждать³. Верификация владельца и установление его платежеспособности осуществляется оператором платежной карты с помощью терминала. Работник торговой организации непосредственно не влияет на процесс списания денег, а только исполняет функцию обслуживающего звена.

Однако, с точки зрения закона, правовая квалификация действий злоумышленника подлежит квалифицировать по ст. 159³ УК РФ, если хищение имущества совершено с применением платежной карты, которая принадлежит иному владельцу, виновный умалчивает об этом перед продавцом.

Исследуя применение права в практической деятельности, можно констатировать наличие имеющихся проблем в судах и следственных подразделениях при разграничении мошенничества и иных противоправных деяний против собственности, в первую очередь от кражи, потому как эти преступления могут содержать элементы обмана и злоупотребления доверием.

---

¹ Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 2 апреля 2019 г. по делу № 22-2232/2019 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.04.2021).

² Апелляционное постановление Промышленного районного суда города Самары от 17 февраля 2020 г. по делу № 2-826/2020-М-20/2020 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.04.2021).

³ Яни П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 5. С. 25–28.

В современных реалиях платежные карты, хоть и подвержены атакам мошенников, но, несомненно, являются очень удобным средством расчета. Их развитие и повсеместное распространение должно сочетаться с созданием эффективной системы управления, нормативно-правовым обеспечением и мерой ответственности за совершение противоправных действий с электронными средствами платежа, а также формирование культуры использования электронных платежных средств, обеспечивающими сохранность денежных средств¹.

Мефтахова Э.М.,

*студентка III курса ФГАОУ ВО «Самарский
национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»*

Проблема привлечения к уголовной ответственности за деятельность финансовых пирамид

В современных условиях правонарушения в сфере экономики приобретают новые формы. Правоохранительные органы столкнулись с новым видом коммерческого мошенничества, которую назвали «финансовые пирамиды».

Под «финансовыми пирамидами» стали понимать вид финансово-коммерческой структуры, в которой получение дохода осуществляется посредством привлечения дополнительных инвестиций от новых инвесторов. Большинство людей из-за различных факторов и обстоятельств вкладывают свои денежные сбережения с надеждой приумножить свой доход, но по факту не могут вернуть и часть от вложенных ими денег. Поэтому проблема уголовно-правовой борьбы с мошенничеством является одной из актуальных задач теории и практики отечественного правоведения. Следует отметить и то, что раскрываемость преступлений, связанных с данным видом мошенничества, не превышает 38%.

В связи с тем, что понятие коммерческого мошенничества не закреплено в уголовном законодательстве, необходимо установить, какие конкретно составы преступлений подпадают под названную категорию. Как показывает практика коммерческое мошенничество может быть случаем следующих составов преступлений: кража (ст. 158 УК РФ); мошенничество (ст. 159 УК РФ); присвоение или

---

¹ Калиниченко К. В. Вопросы квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа при отграничении от смежных составов преступлений // Государство и право: материалы 58-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2020. С. 301–302.

растрата (ст. 160 УК РФ); причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребление доверием (ст. 165 УК РФ).

Целесообразно также отметить и признаки коммерческого мошенничества. К ним относят: легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем (ст. 174 УК РФ); незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ); злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ); изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ); изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов (ст. 187 УК РФ); преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ); фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ).

История создания финансовых пирамид начинается еще с конца XX века и насчитывает большое количество подобных инвестиционных организаций. Мошенничество, совершаемое путем «финансовых пирамид» причинило ущерб пятой части населения на сумму эквивалентную более 15 млрд долларов США¹.

Следует отметить также зарубежный опыт в закреплении понятия мошенничества в сфере экономики на законодательном уровне. Так, например, в уголовном кодексе Германии параграф 263 УК ФРГ предусматривает наказание для того, кто «с намерением доставить себе или третьему лицу противоправную имущественную выгоду причинит ущерб имуществу другого путем введения его в заблуждение или поддержания в нем заблуждения, выдавая ложные факты за истинные, или искажая, или скрывая истинные факты» (то есть причинит с корыстной целью путем обмана имущественный ущерб)². В Англии в 2007 г. был принят Закон о мошенничестве, согласно которому мошенничество толкуется как «получение финансовой выгоды или причинение ущерба путем ярко выраженного или скрытого обмана... механизм, посредством которого мошенник получает незаконную выгоду или причиняет незаконный ущерб»³.

30 марта 2016 г. был подписан Федеральный закон об уголовной ответственности за организацию «финансовых пирамид». В сообщении о дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 172², предусматривающей уголовную ответственность за организацию деятельности «финансовых пирамид» говорится, что это

---

¹ *Мавроди С. П.* Мавроди сделал свое дело — Мавроди может уходить // Профиль. 1998. 26 дек.

² *Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich* // Historisch-synoptische Edition. 1871–2009. P. 71.

³ *The Fraud Act* // Legislation government UK. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents>

будет способствовать развитию финансового рынка, сокращению потерь денежных средств значительной части населения, повышению доверия граждан к финансовым инструментам¹.

В конце 90-х гг. были распространены такие финансовые структуры, как МММ, Властелин, Русский дом Селенга и др. Отмечают, что они были построены по простым схемам, разоблачая которые виновных относительно легко можно было привлечь к ответственности за мошенничество. Учреждались коммерческие организации, которые через активную рекламную компанию завлекали вкладчиков, инвесторов, сулили им высокие проценты, дивиденды за счет прибыли от предпринимательской деятельности, но сама эта деятельность не велась. Иными словами, вкладчиков обманывали. Получается, что «компания» приобретала чужое имущество обманным путем или злоупотреблением доверия, что как раз и подпадает под статью 159 УК РФ — мошенничество.

В настоящее время в соответствии с поправками уголовная ответственность устанавливается за вовлечение денежных средств граждан, при условии, что выплата дивидендов осуществляется за счет новых вкладчиков, при отсутствии инвестиционной или иной законной предпринимательской или иной деятельности в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств. Уголовное дело может быть возбуждено только при выявлении преступной деятельности «финансовых пирамид». Но также не исключается факт того, что уголовные дела так и будут возбуждаться по заявлениям обманутых вкладчиков при больших суммах ущерба.

Таким образом, целесообразно создать страховой фонд вкладчиков с целью защиты их от риска потери инвестиционных вложений. Это будет эффективный шаг в деятельности финансовых компаний. Исходя из анализа зарубежного законодательства, также необходимо разработать отдельный законопроект, который будет касаться именно финансовых пирамид, который будет закреплять запрет на их создание, вовлечение в их деятельность и их рекламу.

Мирзаянов М.Р.,

*студент IV курса ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»*

Обман как способ совершения хищения

Исследование обмана в рамках уголовного права является важной задачей, цель которой — закрепление нормативного определе-

---

¹ О внесении в Госдуму законопроектов, направленных на пресечение деятельности финансовых пирамид // URL: <http://government.ru/activities/selection/301/19667/>

ния обмана в уголовном законе, что в свою очередь позволит решить ряд задач, связанных с проблемами квалификации и расследования преступлений, совершенных посредством обманных действий. Обман является элементом деятельности в рамках межличностного общения. Также обман представляет собой правовое явление, находящееся в рамках нормативного воздействия. Обманные действия сами по себе не являются наказуемыми, поскольку отсутствуют права на истину, поэтому законом охраняются только права, нарушенные в результате обманных действий. Наличие обмана, обусловленное определенными последствиями — это основание для наступления гражданско-правовых либо уголовно-правовых последствий. Для того, чтобы непосредственно рассмотреть обман как способ совершения хищения, считаю необходимым все же дать понятия терминам, в уголовно-правовом смысле, «хищение» и «обман».

Итак, под хищением понимается понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Обязательным же признаком хищения является — незаконный характер изъятия чужого имущества, то есть его перевод в фактическое обладание виновного без каких-либо законных оснований и без согласия собственника или иного владельца. Существенным признаком хищения служит безвозмездность изъятия чужого имущества.

Обман — это сознательное сообщение или представление ложных сведений, или умолчание об истинных фактах, или умышленные действия для того, чтобы ввести в заблуждение¹. Обман как способ хищения чужого имущества может иметь две разновидности.

1. Активный обман состоит в том, что собственник или иной владелец имущества вводится в заблуждение преднамеренно посредством сообщения заведомо ложных сведений либо совершения действий, направленных на введение владельца имущества или другого лица в заблуждение и склонение к передаче другим лицам имущества либо права на это имущество (например, предоставленные фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использование обманных приемов при расчете за товары или услуги и так далее)².

2. Пассивный обман заключается в умолчании о юридически значимых фактических обстоятельствах, сообщить которые вино-

---

¹ Сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/26082/

² Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

вный был обязан, в результате чего лицо, передающее имущество, заблуждается относительно наличия законных оснований для передачи виновному имущества или права на него. Обман, который не является средством непосредственного завладения чужим имуществом, а служит, например, способом облегчить доступ к нему, не дает оснований квалифицировать деяние как мошенничество. Так, лицо, выдающее себя за работника домоуправления, якобы прибывшего в квартиру для устранения каких-либо неисправностей, и незаметно от жильца похищающее ценную вещь, совершает не мошенничество, а кражу.

В соответствии со ст. 159 УК РФ способами совершения мошенничества являются обман и злоупотребление доверием. Обман как способ совершения мошенничества представляет собой разновидность психического воздействия и состоит в сообщении ложных сведений или сокрытии фактов, направленном на введение собственника, владельца или другого лица в заблуждение и склонении последнего к передаче денежных средств. От мошеннического обмана следует отличать обманы, совершаемые с целью скрыть преступление против собственности или облегчить его совершение. Последние не являются способом совершения преступления, а выступают исключительно в виде приемов, используемых преступником для облегчения доступа к чужому имуществу с целью его обращения в свою пользу либо в целях удержания ранее изъятого чужого имущества. Если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа¹.

На практике вопрос о том, имело место мошенничество путем обмана или же хищение с элементами обмана — решается путем вопроса подозреваемого и потерпевшего. Так, если лицо «попросило позвонить», взяло телефон и только потом решило обратиться к имуществу в свою пользу, то такое деяние будет квалифицирована как кража (причем даже без использования обмана). Если же лицо «попросило позвонить» не намереваясь возвращать телефон — действия могут быть квалифицированы как мошенничество, если лицо скрылось из виду, сказав, что ему нужно поговорить приватно.

Таким образом, когда обман выступает не способом хищения, а способом, облегчающим доступ к ним (способом проникновения в хранилище, квартиру и т.п.) для последующего, например, тайного или открытого изъятия имущества, содеянное, в зависимости от фактических обстоятельств дела, необходимо квалифицировать как

---

¹ Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

кража или грабеж, а не как мошенничество, так как отсутствует признак добровольной передачи потерпевшим имущества.

Некоторые сложности при квалификации вызывает отграничение мошенничества путем обмана от присвоения или растраты, поскольку, и в том и в другом случае виновный совершает хищение, путем обмана или злоупотребления доверием собственника, либо иного законного владельца. Отграничение рассматриваемых составов необходимо проводить по следующим критериям. По смыслу закона присвоение и растрата, как и мошенничество, могут быть совершены в отношении любого имущества: государственного, общественного, муниципального, принадлежащего частным лицам, а также коммерческим или иным организациям. В отличие от мошенничества, когда имущество передается мошеннику под влиянием обмана, при присвоении и растрате виновный наделен специальными полномочиями — фактической возможностью распоряжаться чужим имуществом, поскольку оно было ему вверено на законных основаниях, вытекающих из трудовых, гражданских или иных договорных отношений, для осуществления правомочий по распоряжению, управлению, хранению, перевозке, ремонту, временному пользованию и тому подобное.

Состав мошенничества, предусмотренных ч. 5–7 ст. 159 УК РФ налицо в случае если:

1. В действиях лица имеются признаки хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием;

2. Указанные действия сопряжены с умышленным неисполнением принятых на себя виновным лицом обязательств по договору в сфере предпринимательской деятельности, сторонами которого являются только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации¹.

Применительно к ч. 5–7 ст. 159 УК РФ в тех случаях, когда мошенничество связано с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, обман на завладение чужим имуществом должен предшествовать получению соответствующего имущества преступником, иметь место до передачи потерпевших материальных ценностей виновному. Если умысел лица направлен на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием под видом привлечения денежных средств или иного имущества граждан или юридических лиц для целей инвестиционной, предпринимательской деятельности или иной законной деятельности, которую фактически не осуществляло, то содеянное в зависимости от обстоятельств

---

¹ Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

дела образует состав мошенничества (ч. 1, 2, 3 или ч. 4 ст. 159) или мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5, 6 или 7 ст. 159).

Также интерес вызывает преступление, предусмотренное ст. 159⁶ УК РФ. По смыслу статьи под вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) — ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него. Использование электронной техники и информационных технологий оттесняет на задний план в том числе и понятие «обман», что позволяет рассматривать преступление, предусмотренное данной статьей как самостоятельный вид преступного посягательства на собственность, поскольку в данном случае обман не выступает в качестве способа совершения преступления.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что обман является сложно доказуемым обстоятельством в некоторых составах преступлений, поскольку необходимо четко доказывать присутствие данного способа совершения преступления, уже на первоначальных оперативно-розыскных мероприятиях и следственных действиях, которые направлены на то, чтобы «разбить» защитную позицию подозреваемого, отрицающего свою вину в совершении преступления, используя обман как способ совершения преступления.

Миронова А.В.,

*студент I курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Проблемы установления цели в субъективной стороне легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытых преступных путем

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытых преступных путем (далее по тексту — легализация) — срав-

нительно новая группа преступлений для России, которая раньше не была известно науке уголовного права. Но несмотря на это, данные деяния обладают большой степенью общественной опасности, а борьба с ними является приоритетной задачей правоохранительных органов не только нашей страны, но и ряда других государств.

В российском законодательстве под легализацией понимается придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления (ст. 3 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»).

Дело в том, что само по себе данное преступление является вторичной преступной деятельностью, и именно оно детерминирует первичную преступную деятельность. Так, по данным Департамента финансового мониторинга и валютного контроля Центрального банка Российской Федерации (Банка России) в 2019 г. объем вывода средств за бюджет составил 96 млрд руб., обналичивание денег — 326 млрд руб. А по оценке Росфинмониторинга, в России ежегодно легализуется 250–300 млрд руб., при этом правоохранительными органами выявляется порядка 30 млрд руб. легализованных криминальных доходов¹.

Формулировка статей, регулирующих данную группу преступлений, неоднократно изменялась. Уголовный кодекс Российской Федерации в действующей редакции предусматривает два варианта преступлений которые связаны с легализацией: ст. 174 УК РФ, которая регулирует приобретение денежных средств и иного имущества, добытых преступным путем, и ст. 174.1 УК РФ, включающая в себя приобретение денежных средств и иного имущества лицом в результате совершения им преступления.

Важно понимать, что легализация является неотъемлемой частью почти каждого преступного деяния, выступая своеобразным экономическим циклом в рамках преступлений против собственности, ведь каждый преступник после того, как незаконно получает в свои владения денежные средства или иное имущество, захочет придать этому владению правовой вид. Поэтому для борьбы с преступлениями данной группы очень важно правильно определить цель легализации, а именно — что движет преступником при совершении действий, образующих объективную сторону данных деяний.

Именно в части определения цели легализации возникают большие споры у правоприменителей. Это связано с тем, что само по

¹ URL: <http://www.fedsfm.ru> (дата обращения: 06.05.2021).

себе понятие цели достаточно сложное и многогранное, отображающее разные стороны процессов, происходящих внутри системы уголовного права.

Максимов С. В. указывает, что в уголовном праве следует различать цели истинные и ложные, реальные и нереальные, ближайшие и перспективные, промежуточные и конечные, цели-задачи и цели направления, абстрактные и конкретные, функциональные и предметные, простые и сложные, существенные и несущественные, индивидуальные и общественные¹.

Если говорить непосредственно о таком преступлении, как легализация, то, с одной стороны, цель указана в качестве непосредственного признака состава преступления — придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученным преступным путем, а с другой стороны — она объективизируется в совершенном деянии². То есть совершаемая сделка сама по себе говорит о том, что имущество, добытое преступным путем, вводится в законный оборот, что и является целью легализации.

Именно этот момент вызывает споры у многих ученых — нужно ли, доказывая факт совершения операции, во время которой преступное имущество становится легальным, доказывать еще и цель придания имуществу состояния, когда виновный законно может им владеть пользоваться и распоряжаться?

Некоторые ученые отмечают, что цель легализации может быть установлена на основании выявления фактических обстоятельств дела, указывающих на характер совершенных финансовых операций или сделок, а также иных сопряженных с ними действий виновного лица и его соучастников, направленных на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности его свободного оборота³. То есть, по их мнению, сам факт совершения операции свидетельствует о том, что цель в виде легализации в действиях виновного лица присутствовала, отдельно доказывать ее не имеет смысла, так как это только создаст дополнительную нагрузку на органы расследования, затянет сам процесс производства, а так же может привести к принятию неправильного решения.

---

¹ Максимов С. В. Цель в уголовном праве (методологические аспекты) / под ред. А. И. Чучаева. Ульяновск, 2002.

² Пикуров Н. И. Проблемные вопросы правоприменительной практики в сфере противодействия легализации преступного дохода: сб. материалов семинара (Москва, 4 октября 2018 г.) / ред. кол. Р. В. Жубрин, К. А. Комогорцева; Ун-т прокуратуры РФ. М., 2019. С. 27–37.

³ Жубрин Р. В. Надзор за исполнением законов при расследовании легализации преступных доходов // Законность. 2016. № 5.

С другой же стороны, представляется, что при отсутствии доказанности цели непосредственно легализации имущества, придания ему правомерного владения, возможно вменение состава, которого в действиях субъекта, на самом деле, не было. То есть, сторонники данной позиции апеллируют тем, что для того, чтобы доказать совершение определенного преступления необходимо доказать наличие цели совершения именно этого преступления. Самого факта совершения определенного действия, в результате которого эта цель косвенным образом достигается, недостаточно для справедливого решения.

Например, Ч. был признан виновным в том, что получил от своего знакомого Ш. 2000 руб., полученные в результате сбыта наркотического средства. После этого Ч. совершил финансовую операцию с использованием этих денег, внося их через банкомат Сбербанка России в счет оплаты кредита. Ч. был осужден по ч. 1 ст. 174 УК РФ. Однако в кассационном представлении заместитель прокурора Алтайского края поставил вопрос об отмене приговора и о прекращении дела в связи с отсутствием в действиях Ч. состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 174 УК РФ. Одним из оснований такого решения является то, что, оплатив счет по кредитному договору, Ч. лишь распорядился деньгами, полученными от Ш., цели придания правомерности владения этими денежными средствами не имел. Суд кассационной инстанции приговор Яровского районного суда Алтайского края в отношении Ч. отменил в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 174 УК РФ¹.

То есть суд первой и второй инстанции посчитали, что для определения цели в действиях Ч. Достаточно совершения самой операции, а суд кассационной инстанции решил, что данного факта для вменения легализации не хватает.

Окончательного ответа на данный дискуссионный вопрос нет. Но представляется, что преступное лицо, совершая сделки с имуществом, добытым преступным путем для того, чтобы в дальнейшем правомерно им распоряжаться, не может не осознавать факта легализации, а точнее — факта достижения цели легализации. И даже если человек совершает такие сделки с имуществом, которое преступным путем добыл не он сам, то для осознания им цели легализации достаточно будет факта понимания того, что легальные операции совершаются с имуществом, добытым преступным путем, чтобы спокойно им распоряжаться.

---

¹ Постановление президиума Алтайского краевого суда от 10 февраля 2015 г. по делу № 44у19/14 // URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 03.05.2021).

Таким образом, можно сделать вывод, что совершение операций, благодаря которым преступное имущество становится законным предполагает, что целью виновного является легализация, дополнительных доказательств для вменения данного состава не требуется.

Для того чтобы все уполномоченные государственные органы эффективно выполняли единые задачи противодействия легализации преступных доходов, вели в этом направлении активную профилактическую работу самостоятельно и в координации с другими контрольно-надзорными органами, необходимо точное понятие цели легализации и пределов ее определения.

Ведь, не надо забывать, что даже после смены формы и основания появления, данные доходы все равно будут оставаться преступными, что еще больше увеличивает общественную опасность данного деяния.

Мустафаев С.М.,

*студент II курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»*

Противодействие отмыванию денежных средств: вопросы теории и практики

Легализация (отмывание) денег — придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления¹.

В процессе трансформации национальной экономики увеличивается доля теневых, криминальных капиталов, владельцы которых пытаются их легализовать. Как следствие, происходит проникновение таких средств в различные сферы экономики страны, осуществляется сокрытие части доходов, что приводит к уменьшению налоговых поступлений в бюджет. Одним из самых опасных последствий развития теневой экономики является ее негативное влияние на уровень криминализации общества через увеличение количества экономических преступлений.

Данный вид преступления, по нашему мнению, является крайне трудоемким: требует высокого уровня знаний в разных областях: начиная с владения техническими и электронными инструмента-

---

¹ Статья 3 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 23 апреля 2018 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

ми управления денежными потоками, заканчивая правовыми инструментами, т.е. твердыми знаниями законодательства того или иного государства. В связи с этим, данный вид преступлений следует рассматривать с точки зрения согласованных действий группы лиц (по предварительному сговору) — организованной преступной группы.

Преступления, совершаемые ОПГ, связанные с легализацией доходов, носят, в основном, систематический характер. К данному выводу нас также приводит ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., которая говорит о том, что целью деятельности организованных преступных групп является совершение одного или нескольких преступлений, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду¹.

Сверхдоходы в дальнейшем могут быть использованы для различных целей, например, накопление (деньги, драгоценности, иные предметы роскоши), совершенствование инструментов совершения преступлений (в данном случае технические средства), инвестиции в «белую» экономику (покупка имущества, не запрещенного законом)².

Информация, которая отражена в действующем законодательстве, и критерии, выработанные государственными органами, полномочными регулировать движение финансовых потоков, позволяют с точностью отделять законные операции от уголовных, выявлять признаки финансовых преступлений, и, таким образом, противодействовать «тенизации» капиталов и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

Разграничение легальных и нелегальных денежных потоков — центральный момент регулирования противодействия отмыванию денежных средств. Если к нелегальным денежным потокам нельзя подходить с экономических позиций, то к легальным необходимо применять комплекс регулирующих и стимулирующих мер экономического характера.

Стоит обратить внимание и на то, что борьба с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, только репрессивными методами и только со стороны правоохранительных органов будет недостаточно эффективной, поскольку необходимо разрушить

---

¹ Подпункт «а» ст. 2. Конвенции против транснациональной организованной преступности (г. Нью-Йорк, Резолюция 55/25, принятая на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 15 ноября 2000 г.).

² *Зубков В. А., Осипов С. К.* Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. М.: Городец, 2006. 752 с.

именно финансовую основу теневой экономики, а это можно сделать только экономическими методами¹.

В настоящее время установлена ответственность за: нарушение требований идентификации личности; нарушения при проведении банковских операций, которые следует проверять на предмет обоснованности; не точное или не представление информации об определенных операциях; невыполнение требований по хранению документов; разглашение конфиденциальной информации².

Необходимо отметить, что, несмотря на возбужденные уголовные дела, дальнейшая их передача в суд не составляет в среднем и 80% от общей массы выявленных преступлений.

Все вышеперечисленное являются взаимосвязанными проблемами процесса протыводействия отмыванию денежных средств. В этой связи, решить все эти проблемы можно только комплексно. В настоящий момент процедура возбуждения уголовных дел по преступлениям предусмотренными ст. 174 и 174.1 УК РФ является достаточно сложной. Главенствующей проблемой, на наш взгляд, является процесс сбора доказательств. Затруднения возникают еще на стадии проверки признаков преступления, вся проблематика заключается в том, что сотрудники правоохранительных органов не обладают достаточным объемом знаний для оценки имеющихся фактов единолично. В связи с этим для проверки всех фактов преступления необходимо собрать целый комплекс заключений, решений государственных органов на предмет наличия преступной деятельности. Здесь уже может иметь место коррупциогенный фактор.

Также немаловажной проблемой является несогласованность действий и сложность обмена информацией между государственными органами. Процесс подтверждения факта преступления занимает достаточно большое количество времени и задействует большое количество госорганов. Подобное явление можно рассматривать как положительно, так и отрицательно, с одной стороны — каждый из этих органов рассматривает вопрос, который находится в его ведении; с другой — это все приводит к затягиванию процесса и, в конечном итоге, обнаружение преступника не будет представляться возможным.

Основанием для возбуждения уголовных дел по легализации денежных средств чаще всего служат акты уполномоченных органов, осуществляющих финансовый контроль, например: Счетная палата РФ, Министерство финансов в лице его органов, Федеральная таможенная служба РФ. В некоторых случаях полномочиями финан-

---

¹ Буткевич С. А. Легализация преступных доходов как социально-экономический феномен // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 1. С. 17–21.

² Финансовый мониторинг: управление рисками отмывания денег в банках: монография / П. В. Ревенков, А. Б. Дудка, А. Н. Воронин, М. В. Каратаев. М.: ЦИПСИР, 2012. 279 с.

сового контроля наделены другие органы, такие как Генеральная прокуратура РФ, МВД РФ и ФСБ России, но в рамках поставленной задачи. Например, перед ФСБ России одной из многих задач, стоит «организация и осуществление борьбы с терроризмом и обеспечение борьбы с диверсионной деятельностью», что регламентируется Указом Президента РФ от 11 августа 2003 г. № 960 (ред. от 3 июля 2018 г.) «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации». Следовательно, ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности» находится в непосредственном их ведении. Одним их признаков указанной статьи является финансирование терроризма и проверить данные признаки ФСБ России не составит никакого труда, так как в этой службе есть все средства и рычаги воздействия для получения точной и своевременной информации.

Все вышеупомянутое приводит к недостаточно эффективной реализации законодательства в части противодействия легализации денежных средств. Следует закрепить на законодательном уровне доступ правоохранительных органов к базам банков для просмотра операций по счетам для сбора доказательств по конкретному уголовному делу и в силу таких возможностей предоставить определенному количеству лиц из правоохранительных органов получение базовых знаний в области противодействия легализации денежных средств.

Считаем необходимым принять акт, который будет закреплять за каждой кредитной организацией возможность передавать информацию о фактах легализации денежных средств в правоохранительные органы с момента обнаружения подозрительных операций. В связи с этим, также необходимо дать сотрудникам правоохранительных органов базовые знания в области противодействия легализации денежных средств, с целью ускорения процесса возбуждения уголовных дел по данным преступлениям с доказательственной базой. Кроме того, необходимым предоставить сотрудникам отделов внутренних дел доступ к базам банков для просмотра операций по счетам в упрощенной форме без санкции суда.

Осадчая М.А.,

*студентка II курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Ценовой алгоритм как форма цифрового картеля и его уголовно-правовое значение в рамках статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации

Цифровизация дала возможность многостороннего развития сфер общественной жизни современного социума. Однако на сегодняш-

ний день технические достижения нередко становятся средством совершения экономических преступлений.

Тема статьи обусловлена развитием информационных технологий, что дало возможность компаниям использовать новые средства для ограничения конкуренции путем заключения соглашений, и, таким образом, картельные сделки приносят колоссальный вред как отдельным лицам и компаниям, так и оказывает негативное влияние на экономику страны.

Начальник Управления по борьбе с картелями ФАС России Андрей Тенишев также отметил, что глобальная цифровизация — это вызов для антимонопольных органов всего мира; крупные технологические компании проникли во все сферы жизни людей, что остро поставило вопрос для пересмотра антимонопольной политики¹.

Задачей исследования является рассмотреть ценовой алгоритм в рамках незаконного его применения, выделить уголовно-правовое значение применения ценового алгоритма с целью ограничения конкуренции, а также пути предупреждения преступлений в сфере рыночных отношений.

Согласно ст. 178 УК РФ картелем признается заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами, ограничивающего конкуренцию соглашения, запрещенные в соответствии с антимонопольным законодательством, с целью ограничения конкуренции.

Угроза цифровых картелей заключается в усложнении форм соглашений, глобальностью причинения материального вреда, что дает данному деянию именно уголовную направленность, поскольку основным признаком ч. 1 ст. 178 УК РФ является заключение картельной сделки, которая причинила крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекла извлечение дохода в крупном размере.

Под ценовым алгоритмом понимается программный продукт, используемый для определения цен на товары, с использованием которого осуществляется расчет, установление или мониторинг цен, исходя из параметров, определяемых пользователем алгоритма².

Использование программы компанией не является нарушением законодательства, за исключением случаев, когда она может обеспечивать заключение и реализацию антиконкурентных вертикальных и горизонтальных соглашений.

---

¹ Антимонопольное регулирование цифровых рынков в условиях пандемии // Антимонопольная политика: наука, практика, образование: материалы VI Международной научно-практической конференции. М., 2020.

² Рекомендации Экспертного совета при ФАС России по развитию конкуренции в области информационных технологий и Экспертного совета ФАС России по развитию конкуренции в сфере розничной торговли «О практиках в сфере использования информационных технологий в торговле, в том числе связанных с использованием ценовых алгоритмов» // СПС «КонсультантПлюс»

По своему целевому направлению программа необходима для эффективного выявления отклонения от рекомендованной цены перепродажи. Однако, если ценовой алгоритм позволяет оказывать давление на продавца, то это приводит к установлению фиксированной цены, что является нарушением законодательства.

Согласно Рекомендациям ФАС, применение ценового алгоритма возможно при:

1) сравнении с ценами на конкурирующий товар для определения спроса и окупаемости затрат на реализацию товара;

2) сравнении с ценами на аналогичный товар, установленными конкурентами;

3) контроле за соблюдением условия о максимальной цене перепродажи товара, которое может устанавливаться соглашением вендора и реселлера, либо дистрибьютора.

Таким образом, наличие ценового алгоритма не является преступным деянием, поскольку допускает эксплуатацию в рамках закона, в ином случае, выступает орудием совершения предпринимательских преступлений.

На практике раскрытие цифрового картеля с использованием ценового алгоритма является непростой задачей, поскольку внедрение IT-технологий в сфере регулирования цен произошло относительно недавно. Таким образом, стоит выделить ряд проблем, которые препятствуют выявлению цифрового картеля:

Во-первых, отсутствует единообразие определения картелей в IT-сфере. Для выявления картельных соглашений сотрудники ФАС должны правомерно взломать программу, которая, по их мнению, способствовала установлению цен на рынке. Однако, на наш взгляд, данный способ является сложным и затратным.

Во-вторых, ценовой алгоритм является малоизученным явлением, тем самым, необходимо более детально подойти к законодательному регулированию данной проблемы в сфере информационных технологий для предотвращения возможных экономических преступлений в сфере ограничения конкуренции и установлении фиксированных цен. На данный момент отсутствует практика выявления ценового алгоритма для заключения соглашений с целью установления цены.

Исключением является дело ООО «ЛГ Электроникс РУС» и компанией LG, нарушившие ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции», что выразилось в осуществлении координации экономической деятельности реселлеров смартфонов LG, которая привела к установлению и поддержанию цен на смартфоны LG.

Аналогичное дело было у компании Samsung, когда при использовании ценового алгоритма, осуществлялась незаконная координация деятельности реселлеров смартфонов и планшетов Samsung,

что выражалось в требовании реселлера к ООО «Самсунг Электроникс Рус Компани» повлиять на его конкурентов с целью изменения (повышения) действующих у них розничных цен на смартфоны и планшеты Samsung.

Орудием совершения деяния является ценовой алгоритм, с помощью которого общество осуществляло мониторинг розничных цен на смартфоны и планшеты Samsung. Кроме того, ценовые алгоритмы также использовались рядом реселлеров. При этом Ответчиком и реселлерами использовались разные ценовые алгоритмы.

Таким образом, после получения информации о несоблюдении каким-либо реселлером рекомендованных розничных цен работники ООО «Самсунг Электроникс Рус Компани» принимали меры для исправления розничных цен, которая привела к установлению и поддержанию цен на смартфоны и планшеты Samsung, реализуемые в розницу с использованием торговых объектов.

Несмотря на то, что вышеуказанные примеры прямо не относятся к судебной практике по ст. 178 УК РФ, они имеют уголовно-правовое значение в той мере, что могут быть приняты во внимание со стороны суда при квалификации по ст. 178 УК РФ, тем самым это не только даст толчок для решения проблемы единообразия выявления картельных соглашений, но и способствует принятию мер по законодательному регулированию цифровых картелей в рамках УК РФ.

В-третьих, в качестве орудия преступления выступает не предмет материального мира, а информация, что является проблемой для доказывания наличия картельного соглашения.

Ввиду вышеуказанных проблем, УФАС предпринимает иные меры для выявления и пресечения цифровых картелей с использованием ценового алгоритма.

А. П. Тенишев указывает, что предполагается внести дополнения в УК РФ, а именно: ввести квалифицированные составы преступлений для картеля на торгах и антиконкурентного соглашения заказчика или организатора торгов с участником торгов; установить более длительные сроки давности по делам об антиконкурентных соглашениях для дел об антиконкурентных соглашениях, которые подпадают под признаки уголовно наказуемого деяния составляет — 10 лет¹.

В 2018 г. УФАС анонсировало запуск проекта «Большой цифровой кот» — программное обеспечение, позволяющее выявлять признаки антиконкурентных соглашений на торгах и формировать доказательственную базу, подтверждающую заключение и реализа-

¹ Интернет-интервью с А. П. Тенишевым, начальником управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации: «Антикартельные расследования: основные итоги и планы работы ФАС России на 2019 год» // <http://www.consultant.ru/law/interview/tenishev5/>

цию соответствующего стовора, с использованием как открытых, так и закрытых источников информации.

Задачей данной программы является:

- 1) системное и автоматическое выявление картелей и иных антиконкурентных соглашений в режиме онлайн;
- 2) эффективное использование имеющихся у различных федеральных органов исполнительной власти;
- 3) снижение уровня латентности картелей и иных антиконкурентных соглашений путем повышения прозрачности процедур при проведении государственных и муниципальных закупок и рост отсительной экономии бюджетных средств.

Таким образом, на основе проведенного анализа стоит указать, что деяния с использованием цифрового алгоритма в частности несут уголовно-правовой характер ввиду того, что нематериальность орудия преступления и малоисследованность явления позволяет нанести внушительный ущерб предпринимательской среде. Но несмотря на отсутствие достаточных знаний для предотвращения картельных соглашений с использованием ценового алгоритма, сотрудники правоохранительных органов не только выявляют закономерности и причины совершения преступных деяний с использованием новейших IT-технологий для совершения картельных сделок, но и разрабатывают новые методы предупреждения посягательств в сфере рыночной экономики.

Острикова В.В.,

*студентка IV курса ФГАОУ ВО «Южный
федеральный университет»*

Практика применения статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации по уголовным делам в отношении предпринимателей

Защита прав предпринимателей — одна из важнейших задач государственной политики. На это неоднократно обращал внимание в своих выступлениях В. В. Путин. Так, он акцентировал внимание на том, в последнее время государство старается поддержать предпринимательский сектор и людей, которые там работают, поэтому необходимо эффективно защищать интересы государства, общества, граждан. В том числе необходимо повышать качество работы по защите прав предпринимателей, в целом по обеспечению надежности всего каркаса отечественной деловой среды¹.

---

¹ URL: <https://www.business.ru/news/22994-putin-prizval-prokuraturu-kachestvennee-zashchishchat-prava-msp-ip-i-samozanyatyh>

Сферой, где наиболее велик риск нарушения прав предпринимателей и последствия таких нарушений наиболее ощутимы, является уголовно-процессуальная деятельность. Среди тенденций последних лет выделяют стремление государства к смягчению давления на бизнес, улучшению его положения, так и большое количество возбужденных уголовных дел со стороны сотрудников правоохранительной системы в отношении предпринимателей. Одним из рычагов давления на предпринимателей стала ст. 210 Уголовного кодекса РФ, которая предусматривает ответственность за организацию преступного сообщества либо участие в нем независимо от того, были ли совершены какие-либо иные преступления. Дополнительная квалификация по этой статье была столь частой, что эта проблема обсуждалась не только адвокатами, которые, очевидно, не могут быть довольны ужесточением позиции обвинения по большинству экономических составов преступления, но о ней в открытую говорили в средствах массовой информации, на различных юридических площадках и форумах, при обсуждениях в ходе официальных мероприятий законодательных органов.

Интерес представляет тот факт, что согласно статистике с 2014 г. можно заметить большое возрастание (буквально в несколько раз) числа осужденных по дополнительной квалификации. Количество осужденных по ч. 1 ст. 210 УК РФ год от года менялось от 5 до 30 человек, по ч. 2 выросло с 36 в 2009 г. до 323 человек в 2018 г.¹

Подобный рост был связан с несколькими причинами.

1. Исключение уголовных дел о преступных сообществах из подсудности судов присяжных. Так, до 2011 г. все дела по ст. 210 УК РФ подлежали направлению в суд субъекта Российской Федерации, а подсудимый по таким делам имел возможность выбрать для себя такую форму уголовного судопроизводства, как суд присяжных. Такая форма рассмотрения предопределяла более повышенный шанс оправдательного приговора. Кроме того, существовал достаточно высокий стандарт доказанности, чтобы дело успешно с точки зрения обвинения могло пройти через суд. По этой причине дел по ст. 210 УК РФ практически не было, а при малейших сомнениях в доказанности эта статья из окончательного обвинения исключалась. Так, в то время по всей Москве в суд направлялось примерно 1–2 дела по ст. 210 УК РФ.

2. Для того, чтобы продлевать сроки содержания обвиняемых под стражей свыше одного года использует инструмент дополнительной квалификации групповых деяний по особо тяжкому преступлению — ст. 210 УК РФ. Это дает дополнительные сроки рас-

---

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ с 2009 по 2019 г. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

следования. Кроме того, дополнительная квалификация по ст. 210 УК РФ — в большинстве случаев полноценная гарантия для следователя, что ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении сроков содержания под стражей в отношении лица, чьи деяния подпадают под характер «предпринимательских», будет судом удовлетворено.

Кроме того, статья 210 УК задумывалась 20 лет назад исключительно для привлечения к уголовной ответственности профессиональных криминальных элементов. Однако, описание в статье 210 УК разветвленной преступной организации достаточно точно совпадало со структурой любого юридического лица. Более того, изначально преступное сообщество характеризовалось именно сплоченностью группы, лишь позже она стала структурированной и появилась возможность вменения при совершении одного преступления. Все это распространило возможность квалификации ст. 210 УК РФ на предпринимательские преступления и сделало квалификацию удобной, ведь у любого юридического лица есть определенная структура: подразделения, органы и так далее.

Это привело к достаточно абсурдной практике. Например, по уголовному делу № 41602007701000029 в качестве доказательства преступного сообщества к делу приобщены фотографии обвиняемых и других лиц, сделанные на корпоративных мероприятиях. В качестве организатора преступного сообщества определен руководитель предприятия, главный бухгалтер, финансовый директор и партнеры по бизнесу — участники»¹.

В результате, в ходе долгих дискуссий и многочисленных предложений, в 2020 году появилось примечание к ст. 210 УК РФ, согласно которому учредители, руководители и работники организации не подлежат уголовной ответственности по этой статье только в силу организационно-штатной структуры организации.

Теперь ст. 210 УК РФ, как отмечает бизнес-омбудсмен Борис Титов, будет «более умеренно» применяться к представителям бизнеса, но в практической плоскости остается вопрос, что значит «организация, заведомо созданная для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений».

Понятие заведомости для ст. 210 УК РФ новое, поэтому для определения его значения необходимо обратиться к системному толкованию Уголовного Кодекса РФ. Заведомость — это признак состава преступления, наличие которого необходимо при квалификации преступных деяний по ст. 125, 175, 176, 197 УК РФ.

---

¹ Приложение к Докладу Президенту РФ «Уголовное преследование предпринимателей. Проблемы и предложения» (по материалам обращений в адрес Уполномоченных по защите прав предпринимателей). 2019 г. С. 11.

Согласно разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума ВС РФ от 9 декабря 2008 г. № 25¹, методических рекомендациях по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства, утвержденных ФССП России 15 апреля 2013 г. № 04-4, о заведомости свидетельствует ситуация, при которой субъекту при совершении преступного деяния заранее было достоверно известно о наличии тех или иных обстоятельств. Данное толкование совпадает также с мнением Рагога А. И., согласно которому «заведомость» — это способ указания в законе на то, что субъект при совершении деяния знал о наличии тех или иных обстоятельств, имеющих существенное значение для квалификации преступления»².

Таким образом, применительно к поправкам, внесенным в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ, заведомое создание юридического лица для совершения преступления должно представлять собой достоверное знание учредителя, руководителя или работника организации о факте создания данного юридического лица исключительно с целью осуществления преступной деятельности. То есть такая компания осуществляет не экономическую, а профессиональную преступную деятельность.

В литературе выделяют следующие признаки, свидетельствующие о создании юридического лица с целью совершения преступлений, а не осуществления предпринимательской деятельности. Например, осуществление незаконной предпринимательской деятельности и намеренное невыполнение условий заключенных юридическим лицом договоров или в случае, если фирма не предоставляет в налоговый орган финансовую отчетность.

Однако, эти признаки достаточно оценочны. И в целом текущие поправки, конечно, внушают некоторую долю оптимизма касательно улучшения ситуации с уголовным преследованием предпринимателей. К примеру, новое положение закона имеет обратную силу, что теоретически открывает возможность для пересмотра массы приговоров по ходатайствам осужденных, попавших под прежнее регулирование.

Остаются невыясненными некоторые вопросы. Так, это касается субъектного состава, распространяется ли действие нового применения на бенефициаров. Ведь практике известны случаи, когда они

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 24 мая 2016 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

² Рагог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступления. М., 2001. С. 12.

признавались фактическими руководителями компаний и, в дальнейшем, виновными в совершении преступления при наличии реально действующего генерального директора¹.

Под действие этого исключения не попадают случаи, когда организация или ее структурное подразделение были заведомо созданы для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. Критерии заведомости, предложенные в литературе по аналогии с разъяснениями ВС РФ в отношении других преступлений существуют, но важна и законодательная позиция.

Кроме того, многие авторы подчеркивают, что данные изменения очень важны, но необходима системная переработка законодательства.

Попова Д.И.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина»*

Ответственность за кражу в странах постсоциалистической правовой системы

Рассмотрение зарубежного опыта позволит нам проанализировать общие и отличительные черты регламентации ответственности за кражу в ряде стран, относящихся к постсоциалистической правовой семье, так как Россия близка именно к этой правовой семье. Данная правовая семья была образована на основе социалистической правовой семьи, о которой писал такой известный компаративист, как Р. Давид².

Кроме того, следует подчеркнуть, что УК РФ близок именно к этой правовой семье, так как в период СССР все республики принимали свои УК, основываясь на Основных началах уголовного законодательства СССР³, а после распада СССР республики, входящие в СНГ, принимали свои УК на основе Модельного УК стран СНГ⁴.

¹ Определения КС РФ от 19 ноября 2015 г. № 2731-О, от 19 июля 2016 г. № 1580-О, от 25 октября 2016 г. № 2316-О.

² Рене Д. Основные правовые системы современности / пер. с франц. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988.

³ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик: утв. постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205; Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

⁴ Модельный Уголовный кодекс от 17 февраля 1996 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ. 1996. № 10.

При этом, по замечанию многих ученых-криминалистов, сравнительно-правовой анализ УК РФ и ряда зарубежных государств, указывает как на позитивный отечественный опыт, по сравнению с некоторыми УК зарубежных стран по содержанию ответственности за определенное(ые) анализируемое(ые) общественно опасное деяние, так и наоборот, когда российскому законодателю необходимо ориентироваться при совершенствовании УК на зарубежный опыт¹.

Акцент внимания на краже связан с тем, что именно это преступление остается наиболее распространенным преступлением против собственности и, исторически находится в авангарде структуры всей преступности.

Так, согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, на кражу в 2017 г. приходилось 788531 из 2 058476 зафиксированных деяний, в 2018 г. — 756395 из 1 991532, в 2019 г. — 774159 из 2 024337, в 2020 г. — 751243 из 2 044221².

Кроме того, в настоящее время отечественный законодатель совершенствует состав кражи, о чем может свидетельствовать относительно недавнее отражение нового особо квалифицирующего признака, выраженного в краже «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 настоящего Кодекса)».

Так, непосредственно приступая к анализу регламентации ответственности за кражу стран этой правовой семьи, обратим внимание на УК Республики Казахстан, который предусматривает ответственность за анализируемый нами состав преступления в ст. 188. При этом обращает на себя внимание, во-первых, то, что в качестве квалифицирующего признака кражи в УК Республики Казахстан, содержится: «путем незаконного доступа в информационную систему либо изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций». Думается — это значительный шаг вперед, а именно отражение подобного признака состава кражи, так как в настоящее время информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»), присутствует у большинства жителей страны, и в последнее время,

---

¹ *Осокин Р. Б.* Уголовно-правовой анализ способов мошенничества по УК ФРГ // Юриспруденция. 2002. № 2. С. 71–76; *Кокорев В. Г.* Экономические преступления в Уголовном кодексе Испании // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 12 (46). С. 373–380; *Осокин Р. Б.* Специфика криминализации преступлений против общественной нравственности в уголовном законодательстве Техаса // Международное публичное и частное право. 2015. № 6. С. 40–44; *Осокин Р. Б.* Уголовное законодательство Австрийской Республики об ответственности за преступления против общественной нравственности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 1 (36). С. 66–71.

² Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации // URL: <https://xnbl1aew.xnp1ai/reports/1/> (дата обращения: 25.03.2021).

отечественный законодатель достаточно часто вводит этот квалифицирующий признак в составы различных преступлений, но пока не отразил его в ст. 158 УК РФ. В силу чего, отечественному законодателю следует учитывать принципы криминализации, проанализировать отражение подобного квалифицирующего признака в ст. 158 УК РФ. Во-вторых, казахский законодатель выделил отдельный состав преступления, связанный с хищением (кражи) скота (ст. 188–1)¹. Подобный подход дифференциации ответственности за кражу, в зависимости от предмета посягательства, предусматривался и в отечественном праве, начиная с Русской Правды, однако, в настоящее время подобный квалифицирующий признак отсутствует в УК РФ, а в случае совершения хищения скота, действия виновного лица квалифицируются по ст. 158 УК РФ². Вместе с тем, к примеру в Бурятии, за первые четыре месяца 2020 г. на 91,2% выросло — число краж скота, по сравнению с предыдущим годом аналогичного периода времени³. В целом, по нашему суждению, отечественному законодателю с учетом того, что наша страна является сельскохозяйственной, следует также проанализировать специфику криминализации этого признака кражи.

Анализируя ст. 177 «Кража» УК Азербайджана, мы пришли к выводу, что следует обратить внимание на такой квалифицирующий признак, как совершение кражи с помощью сети «Интернет», что присутствует, как мы ранее уже сказали, в УК Республики Казахстан. Однако УК Азербайджана выделяет также кражу с использованием электронных носителей информации. Кроме того, азербайджанский законодатель отразил такой квалифицирующий признак кражи, как совершение этого деяния «в отношении нефтепроводов, линий природного газа, связи, электрической, тепловой энергии, воды, канализации, железнодорожных линий государственного или общественного значения»⁴. В некоторой степени хищение подобных предметов предусмотрена в действующей ст. 158 УК РФ.

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 30 декабря 2020 г.) // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 17.04.2021).

² Приговор Верховного Суда Республики Бурятия от 13 августа 2020 г. по делу № 1-72/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C1kaIgmGDbp/?regular-txt=> (дата обращения: 17.04.2021); Приговор Туймазинского районного суда Республики Башкортостан от 2 июля 2020 г. по делу № 1-355/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/j26HpeRyc0xV/?regular-txt=> (дата обращения: 17.04.2021).

³ В Бурятии выросло число изнасилований, краж скота и торговли оружием // URL: https://bur.aif.ru/society/details/v_buryatii_vyroslo_chislo_iznasilovaniy_krazh_skota_i_torgovli_oruzhiem (дата обращения: 17.04.2021).

⁴ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (с изм. и доп. по состоянию на 6 октября 2020 г.) // URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 17.04.2021).

В УК Республики Таджикистан содержится ответственность за анализируемое нами деяние в ст. 244¹, при этом, оно трактуется также как в УК РФ, то есть как тайное хищение чужого имущества. Примечательно, что в уголовном законодательстве Таджикистана, в качестве особо квалифицирующего признака выделяется кража, совершенная с использованием условий общественного либо природного бедствия. По нашему суждению, подобный признак кражи необходимо предусмотреть и в УК РФ, в силу того, что в России достаточно часто присутствуют подобные бедствия, в ходе которых могут совершаться кражи. Кроме того, присутствовали в отечественной судебной практике случаи, когда совершали мародерство и после террористического акта, в частности, совершенного на Дубровке («Норд-Ост»)².

УК Молдовы содержит ответственность за кражу в ст. 186, анализ состава позволяет сказать, что в ней, в отличие от ст. 158 УК РФ, в качестве квалифицирующего признака предусмотрена кража ценностей культурного наследия, археологических памятников. В УК РФ ответственность за хищение подобных предметов предусмотрена в ст. 164 УК РФ и ст. 243¹–243³.

Кроме того, молдавский законодатель, так же как и таджикский, предусмотрел совершение кражи в период бедствия³.

Таким образом, по специфике отражения ответственности за кражу в УК Республики Казахстана, содержится такой отличительный признак, в отличие от УК РФ, как кража путем незаконного доступа в информационную систему либо изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций (за кражу с помощью сети «Интернет» предусматривает уголовную ответственность и УК Азербайджана), а также регламентирует ответственность за хищение скота.

УК Таджикистана предусматривает в составе кражи такой признак как совершение данного деяния с использованием условий общественного либо природного бедствия. Подобный квалифицирующий признак предусматривает, по факту, и УК Молдовы.

УК Молдовы также содержит отличительную уголовную ответственность от УК РФ за совершение кражи предметов, относящихся к ценностям культурного наследия, археологических памятников.

---

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изм. и доп. по состоянию на 17 декабря 2020 г.) // URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 17.04.2021).

² Дубровку украли мародеры. Возбуждено уголовное дело по факту мародерства при расследовании теракта на Дубровке // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2008/12/02/2901959.shtml> (дата обращения: 17.04.2021).

³ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изм. и доп. по состоянию на 16 декабря 2020 г.) // URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923#pos=2231;-58&sdock_params=tex (дата обращения: 17.04.2021).

В УК РФ ответственность за хищение подобных предметов предусмотрена в ст. 164 УК РФ и ст. 243¹—243³.

Петрушевский Ю.А.,

*студент III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Актуальные проблемы преднамеренного банкротства

Проблематика уголовной ответственности за преднамеренное банкротство представляется весьма актуальной, поскольку количество банкротств в последние годы не уменьшается, в отдельных категориях демонстрирует высокий рост вплоть до 70% г. к году, а процент удовлетворенных требований по отношению к включенным в реестр остается невысоким и демонстрирует падение на протяжении последних лет — от 6,2% в 2015 г. до 4,7% в 2019 г.¹ В последние годы в делах о банкротстве наметилась тенденция на привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности как основной способ борьбы с доведением общества до банкротства, созданием неплатежеспособности и другими злоупотреблениями в сфере банкротства. Однако эффективность этого инструмента остается невысокой, что подтверждается и остающимся низким процентом удовлетворенных требований. Уголовная ответственность в условиях, когда другие методы борьбы с злоупотреблениями в отношении кредиторов не работают, может решить сразу две задачи. Первая — превенция таких злоупотреблений. В условиях реальной угрозы уголовного наказания контролирующее лицо будет иметь мотивацию воздержаться от совершения противоправных действий. Субсидиарная ответственность эту задачу решить не способна, поскольку защититься от нее можно посредством избавления от имущества и официального дохода. Вторая задача — создание у контролирующих лиц мотивации к возмещению вреда, причиненного преступлением.

Однако в данный момент уголовная ответственность эти задачи не решает. Подтверждением тому является статистика приговоров по «банкротным» преступлениям. По данным судебного департамента, за 2020 год было осуждено 0 человек по ст. 197 УК РФ, 15 человек по ст. 196 УК РФ, 9 человек по ст. 195 УК РФ². И. А. Клепицкий в сво-

¹ Банкротства компаний — статистика Федресурса за 2019 год. Date Views 01.05.2021 fedresurs.ru/news/7b3c8884-b159-4ee7-b5fb-7770d9d41da?attempt=1

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. Date Views 01.05.2021 www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669

ей работе также приводит статистику приговоров по ст. 196 УК РФ: по всем годам с 2009 по 2019 количество осужденных не превышает 50 человек, что по верному выражению ученого позволяет сказать, что норма является «мертвой»¹. Согласиться с такими выводами позволяет соотношение количества банкротств, размера удовлетворенных требований и количества приговоров. Поскольку допустимый объем работы не позволяет нам комплексно исследовать все «банкротные» преступления, в ходе исследования мы постараемся разобратся с тем, почему ст. 196 УК РФ не применяется, а также выработаем предложения по ее «оживлению».

Объективная сторона деяния включает в себя действия, заведомо влекущие неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Иными словами, объективная сторона заключается в совершении действий, влекущих неплатежеспособность в том смысле, в котором она понимается в законе о банкротстве². Так, Г. А. Есаков в качестве примера таких действий приводит заключение сделок на убыточных условиях, непредпринятие мер ко взысканию дебиторской задолженности, получение займов и кредитов на невыгодных условиях³. С. А. Карелина рекомендует при выявлении признаков преднамеренного банкротства обращать внимание на сделки, направленные на замещение активов лица менее ликвидными, на приобретение неликвидного имущества, заключенные на заведомо невыгодных условиях, а также на соответствие всех вышеуказанных сделок рыночным условиям и обычаям делового оборота⁴. Состав является материальным, преступление признается оконченным в момент причинения крупного ущерба. При этом, необходимо также последствие в виде неспособности должника удовлетворить требования кредиторов в полном объеме.

Самым спорным моментом объективной стороны деяния является вопрос о том, образуют ли объективную сторону деяния, предусмотренного в ст. 196 УК РФ действия, совершенные уже при на-

¹ Клепцкиий И. А. Новое экономическое уголовное право: монография. М.: Проспект, 2021. С. 597 // URL: <http://ebs.prospekt.org/book/43825> (дата обращения: 10.03.2021).

² Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 21 апреля 2021 г.) // РГ. 2002. № 209–210. 2 нояб.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. А. Барышева, Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков и др.; под ред. Г. А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 553.

⁴ Институт несостоятельности (банкротства) в таблицах и схемах: учебно-методическое пособие / Е. Алешина, И. Баранов, Ч. Басхаев и др.; отв. ред. С. А. Карелина. М.: Юстицинформ, 2017. С. 215.

личии неплатежеспособности, влекущие ее увеличение. Позиция ФССП заключается в том, что увеличение неплатежеспособности охватывается ст. 196 УК РФ¹. Примеры вменения ст. 196 УК РФ в ситуации, когда неплатежеспособность была увеличена, мы можем найти и в судебной практике². И. А. Клепицкий, в свою очередь, придерживается иного мнения. Он полагает, что увеличение неплатежеспособности не входит в объективную сторону ст. 196 УК РФ, однако, критикуя существующую конструкцию состава преднамеренного банкротства и полагая, что включение увеличения неплатежеспособности в объективную сторону деяния было бы разумным³. С данной позицией следует согласиться, поскольку в противном случае остаются уголовно ненаказуемыми действия, увеличивающие неплатежеспособность в ситуации, когда еще нет признаков банкротства, но уже существует неплатежеспособность, в то время как такое деяние является общественно опасными, а ст. 195 и ст. 196 УК РФ не охватываются. В такой ситуации считаем необходимым внести изменения в ст. 196 УК РФ, включив в состав преступления действия, направленные на увеличение неплатежеспособности.

Интерес представляет соотношение преднамеренного банкротства и хищения. Данная правовая дискуссия берет свое начало еще до революции, однако современная доктрина скорее склоняется к разграничению криминальных банкротств и хищения, как различных деяний⁴. В то же время судебная практика также стоит на позиции отсутствия идеальной совокупности в том случае, если целью действий, создавших неплатежеспособность, является хищение⁵.

По поводу субъективной стороны деяния, предусмотренного ст. 196 УК РФ единство мнений отсутствует. И. А. Чучаев считает, что преднамеренное банкротство возможно как с прямым, так и с косвенным умыслом⁶. И. А. Клепицкий придерживается другой точки зрения, считая, что преднамеренное банкротство может быть

---

¹ Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15 апреля 2013 г. № 04-4) // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Брянского областного суда от 31 октября 2018 г. по делу № 1-97/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Там же. С. 599.

⁴ *Разыграева Е. Н.* Криминальное банкротство — форма хищения? // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 97–104.

⁵ Приговор Верх-Исетского районного суда города Екатеринбурга от 12 декабря 2018 г. по делу № 1-205/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чучаева. — 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. С. 62.

совершено только с прямым умыслом. По нашему мнению, преднамеренное банкротство может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. Иное толкование статьи делает заведомо невозможным ее частое практическое применение и фактически декриминализует недобросовестные практики делового оборота. Например, распространенной является практика выдачи гарантий, поручительств и залогового обеспечения по сделкам внутри группы лиц, когда поручителем и заемщиком выступают лица, входящие в один холдинг. Либо накопление кредиторской задолженности на одном юридическом лице, входящем в группу, при условии, что денежные средства являются транзитными и поступают третьим лицам. В результате таких действий на одном из взаимосвязанных юридических лиц накапливается дебиторская задолженность, а ликвидные активы получают третьи лица. При этом бенефициары и руководители группы не преследуют цель довести до неплатежеспособности юридическое лицо, но допускают такую возможность. Если мы исходим из того, что преднамеренное банкротство можно совершить только с прямым умыслом, то такие действия не могут влечь за собой привлечение к ответственности к ст. 196 УК РФ. В условиях, когда в российском правовом порядке отсутствует институт банкротства группы лиц, разрешить данную проблему, по нашему мнению, должен Верховный суд, посредством разъяснения того, что преднамеренное банкротство может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Большой проблемой в ст. 196 УК РФ является и субъект преступления, являющийся специальным. Уголовный закон допускает совершение деяния только учредителем (участником) юридического лица, индивидуальным предпринимателем или гражданином, ставшим неплатежеспособным. Таким образом, исключается уголовная ответственность реального бенефициара, в том случае, если он не подходит под признаки специального субъекта. Институт субсидиарной ответственности в банкротстве уже давно нашел решение этой проблемы, выработав понятие контролирующего должника лица. Представляется, что необходимо заменить субъект преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ на контролирующее должника лицо в соответствии с законом о банкротстве.

В случае внедрения выработанных предложений возможна реализация за ее счет превентивной задачи уголовной ответственности, устранение пробелов, не позволяющие применять ее к отдельным действиям и к субъектам, реально извлекающим пользу из неправомερных действий, создающих неплатежеспособность должника.

Для того чтобы у контролирующих должника лиц возникла мотивация возместить вред, причиненный преступлением, считаем не-

обходимым дополнить ст. 196 УК РФ примечанием, допускающим освобождение от уголовной ответственности в случае возмещения вреда, причиненного преступлением. При этом под размером ущерба предлагаем понимать размер убытков кредиторов в виде реального ущерба или упущенной выгоды, возникших вследствие совершения противоправных действий.

Пчельникова Ю.А.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»*

Электронные денежные средства как предмет хищения

В настоящее время все чаще используется электронная система расчетов, что обусловлено развитием науки и техники, цифровизацией экономики. Увеличение оборота электронных денежных средств (далее — ЭДС) вызвало и рост преступности в этой сфере. «Электронные денежные средства — это денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета, для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа»¹. С учетом этого, ЭДС не могут в полной мере рассматриваться в качестве чужого имущества как предмета хищения в традиционном его понимании.

Действующим УК РФ ответственность за хищение ЭДС предусмотрена п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159³ и п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ.

Кража — это тайное хищение чужого имущества². Между тем, нет специальных разъяснений Верховного Суда РФ относительно применения п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Поскольку субъект кражи не воздействует на сознание и волю другого лица, а взаимодействует с механическим устройством, то в таких случаях действия необходимо квалифицировать как кражу.

Анализ судебной практики показывает, что по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ оцениваются действия лица, которое завладело платежной картой

---

¹ Пункт 18 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 22 декабря 2020 г.) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2021 г.) // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

² Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изм. и доп.) // РГ. 2003. № 9 (специальный выпуск). 18 янв.

потерпевшего и осуществило изъятие денежных средств в наличной форме через устройство самообслуживания клиентов¹. Также, квалифицируются как кража с банковского счета действия, связанные с оплатой товаров и услуг². Таким образом, хищение ЭДС являются кражей чужого имущества, если их изъятие было осуществлено без ведома потерпевшего или третьих лиц.

В тех случаях, когда хищение совершается путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным, такие действия подлежат квалификации как кража, если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. При этом изменение данных о состоянии банковского счета и (или) о движении денежных средств, происшедшее в результате использования виновным учетных данных потерпевшего, не может признаваться таким воздействием³.

По мнению З. И. Хисамовой, имеющаяся в законе оговорка «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159³» выражается в том, что неправомерный доступ к счету или электронному кошельку был получен и осуществлен без применения специальных информационно-телекоммуникационных технологий⁴. Для квалификации деяния как мошенничества с использованием электронного средства платежа (далее — ЭСП) необходимо целенаправленное воздействие на программное обеспечение, приложение, устройство, позволяющее получить неправомерный доступ к счету владельца.

Действующая редакция ст. 159³ УК РФ расширяет предмет преступления. Это связано с разнообразием существующих ЭСП. В отличие от кражи, при мошенничестве преступник входит в контакт с сознанием потерпевшего либо иного лица, с целью совершения хищения имущества. Способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска от 20 сентября 2018 г. по делу № 1-275/2018.

² Приговор Домодедовского городского суда Московской области от 6 ноября 2018 г. по делу № 1-399/2018.

³ Пункт 21 постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // РГ. 2017. № 280. 11 дек.; Приговор Центрального районного суда г. Воронежа от 25 октября 2018 г. по делу № 1-312/2018.

⁴ Хисамова З. И. Об уголовной ответственности за хищения, совершенные с использованием IT-технологий: анализ изменений законодательства и правоприменительной практики // Российский следователь. 2018. № 9. С. 46.

владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом¹.

Согласно п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» действия лица следует квалифицировать по статье 159³ УК РФ в случаях, когда хищение имущества осуществлялось с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанного лицу такой карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платежной картой, иными словами, принципиальным отличием от иных составов преступлений в данном случае является то, что виновный обманывает в активной или пассивной форме сотрудника организации, уполномоченного в силу занимаемой должности производить списание денежных средств с платежной карты².

Однако, как справедливо отмечает П. С. Яни, иногда суды квалифицируют подобные ситуации по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, обосновывая такое решение тем, что работник торговой организации не осознает незаконности изъятия имущества и обмана, так как не знает истинного владельца банковской карты. При предъявлении банковской карты сотруднику торговой организации без документа, удостоверяющего личность, владелец карты не обманывает сотрудника и не вводит его в заблуждение, хотя и умалчивает о своей личности³. При отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ, хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием квалифицируется по ст. 159 УК РФ.

Способы компьютерного мошенничества включают взлом паролей, кражу банковских реквизитов: преступник умышленно осуществляет доступ к защищенной информации, не имея на это пра-

---

¹ Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // РГ. 2017. № 280. 11 дек.

² Служина Е. В. Проблемы квалификации кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ) // Молодой ученый. 2019. № 52 (290). С. 179–181. URL: <https://moluch.ru/archive/290/65744/> (дата обращения: 01.05.2021); Приговор Октябрьского районного суд г. Ижевска Удмуртской Республики от 28 июля 2020 г. по делу № 1-241/2020.

³ Яни П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 4. С. 34.

вомочий¹. В ситуациях хищения ЭДС посредством незаконного воздействия на устройства, информационно-телекоммуникационные сети требуется квалификация по п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ².

Но если речь идет о техническом воздействии, то отсутствуют и обман, и злоупотребление доверием, так как происходит «обман машины». По смыслу общей нормы ст. 159 УК РФ, обман может быть реализован только при непосредственном взаимодействии двух людей³, что не позволяет говорить о мошенничестве в чистом виде применительно к ст. 159⁶ УК РФ.

При этом суды квалифицируют по ст. 159⁶ УК РФ любые деяния, которые являются кражей, присвоением или мошенничеством, если способ их совершения связан с использованием компьютерной информации и компьютерных технологий⁴. Похитить ЭДС без использования таких средств и методов невозможно, т.к. они не существуют в объективной реальности в другой форме.

Таким образом, в настоящее время является проблематичным четкое разграничение рассмотренных составов преступлений в силу схожести предмета посяательства и способа его совершения. Представляется необходимым исключение п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159³ и ст. п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ из УК РФ с одновременным введением самостоятельного состава преступления — «Хищение с использованием информационных технологий».

Предлагаемый состав будет объединять все случаи хищения безналичных и ЭДС, совершенные тайно, путем обмана или злоупотребления доверием, в случае открытого хищения, в том числе с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, а также случаи присвоения или растраты вверенных безналичных денежных средств. Введение данного состава преступления позволит избежать ошибок в квалификации схожих ситуаций и будет способствовать единообразной правоприменительной практике.

Однако вопрос о дифференциации уголовной ответственности и наказания за хищения, совершаемые с использованием информационных технологий, безусловно, заслуживает отдельного самостоятельного исследования.

---

¹ Бархатова Е. Н. Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации и его разграничение с иными составами преступлений // Современное право. 2016. № 9. С. 111.

² Приговор Центрального районного суда г. Новосибирска № 1-12/2019 от 25 февраля 2019 г. по делу № 1 12/2019; Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // РГ. 2017. № 280. 11 дек.

³ Шестало С. С. Новое в уголовном законодательстве о хищении безналичных денежных средств // Юрист. 2018. № 8. С. 42.

⁴ Кули-Заде Т. А. Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 23.

Росляков В.Д.,

*студент III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

К вопросу об эффективности уголовно-правовой защиты конкуренции в предпринимательской деятельности

Уголовно-правовая защита бизнеса должна развиваться по определенной модели, которая формируется объективной действительностью общественных отношений, в частности: крайне негативным отражением определенных действий и явлений на предпринимательской деятельности. Безусловно, к подобным действиям и явлениям относятся пороки в конкурентных отношениях. Развитие конкурентных отношений на российском рынке, а, соответственно, и воспрепятствование монополии отдельных субъектов предпринимательской деятельности — это важная задача уголовно-правовой защиты бизнеса.

При этом, центральное положение в данном случае занимают нормы ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции». В настоящее время законодатель запрещает ограничивать конкуренцию лишь путем заключения картеля, то есть ограничивающего конкуренцию соглашения, заключаемого между субъектами-конкурентами. При этом, диспозиция ст. 178 УК РФ имеет бланкетный характер и раскрывается с учетом положений Федерального закона «О защите конкуренции».

Необходимо отметить, что данная уголовно-правовая норма в настоящее время является неэффективной. Так, статистика указывает, что за период с 2015 по 2018 г. нет ни одного случая осуждения по ст. 178 УК РФ¹. Несмотря на то, что картели на российском рынке все же присутствуют, фактически норма является «мертвой». Состав, предусмотренный ст. 178 УК РФ, является материальным, то есть для наступления уголовной ответственности по указанной норме необходимо причинение крупного ущерба или извлечение дохода в крупном размере. В этом и заключается проблема привлечения к уголовной ответственности за ограничение конкуренции.

Уголовный процесс является инструментом применения уголовного закона. Статья 178 УК РФ не применяется вследствие отсутствия приемлемой методики исчисления крупного ущерба и дохода от картеля. Разработка подобной методики, как указывает И. А. Клепицкий, является неактуальной. Подобная идея не может быть реализована в связи с потенциальным нарушением важнейшего принципа

---

¹ Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право: монография. М.: Проспект, 2021. С. 636.

уголовного судопроизводства, получившего закрепление в статье 49 Конституции РФ — принципа презумпции невиновности, согласно которому неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого. Так, устранить сомнения в виновности лица при определении крупного ущерба или дохода от картеля невозможно, так как подобное выявление основано на субъективной оценке¹. Однако, неэффективность указанной нормы в связи с изложенной причиной выявляет и позитивный момент — указанный принцип уголовного процесса в Российской Федерации в этой части действует.

Представляется, что для усовершенствования уголовно-правовой защиты конкуренции в предпринимательской деятельности необходимо обратиться к опыту зарубежных государств. Так, в США специализированным нормативно-правовым актом, устанавливающим запрет картелей является Закон Шермана, который запрещает «любой контракт, комбинацию или заговор с целью ограничения торговли», а также любую «монополизацию, попытку монополизации, заговор или комбинацию с целью монополизации»². Особенно активно деятельность по борьбе с картелями США развернули в 2015 г. Был поставлен рекорд по тенденции штрафных санкций, сумма которых составила 3,6 млрд дол. Так, для сравнения приведем статистику за указанный период: Россия — 4 млн, Южная Корея — 418 млн, Франция — 924 млн, Австралия — 0³. Конструкция нормы США является формальной, то есть последствия данного деяния ей не охватываются — важен сам факт заключения договора с целью ограничения конкуренции. И именно действие по заключению договора с целью ограничения конкуренции является уголовно-наказуемым.

При совершенствовании ст. 178 УК РФ высказываются предложения относительно санкции данной уголовно-правовой нормы. Анализируя изменение данной нормы, исследователи обращают внимание на тенденцию ужесточения наказания за данное общественно опасное деяние: увеличены сроки лишения свободы, размеры штрафов; были введены как новые основные наказания (принудительные работы), так и дополнительные (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной

---

¹ Клепичский И. А. Новое экономическое уголовное право: монография. М.: Проспект, 2021. С. 637.

² Закон о защите торговли и коммерции от незаконных ограничений и монополий (принят Конгрессом Соединенных Штатов Америки в 1890 г.) // Информационный проект Linux: интернет-портал. URL: http://www.linfo.org/sherman_txt.html (дата обращения: 08.04.2021).

³ Шереметьева Т. С. Сравнительно-правовой анализ антимонопольного законодательства Российской Федерации и США по борьбе с картелями // Сборник трудов. 2020. № 1. С. 289.

деятельностью)¹. Однако, как указывает ранее приведенная статистика, подобные ужесточения санкций не достигают необходимого результата — уголовно-правовая норма не действует. Вопрос санкции является весьма важным, так как она влияет на превентивное воздействие нормы на субъектов предпринимательской деятельности. Но следует отметить, что эффективность санкции в значительной степени повысится, когда уголовно-правовая норма будет обеспечена должным механизмом действия, то есть объективная сторона преступления должна содержать лишь те признаки, которые возможно установить.

Представляется, что конструкцию объективной стороны ст. 178 УК РФ необходимо сделать формальной, то есть не учитывать для квалификации деяния по рассматриваемой норме последствия совершения общественного опасного деяния. Однако, предложения по увеличению санкции за совершение данного преступления в настоящее время неуместны, так как прогноз эффективности действующих санкций можно сделать лишь после «оживления» указанной уголовно-правовой нормы.

Рыбак М.М.,

курсант II «Э» курса ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»

Особенности квалификации незаконного возмещения НДС

В настоящее время в Российской Федерации используется множество способов незаконного возмещения налога на добавленную стоимость (далее — НДС), что в какой-то мере ослабляет защиту бюджета страны. Учитывая возможность квалификации незаконного возмещения НДС в зависимости от конкретных обстоятельств и как мошенничество, и как незаконное возмещение НДС, и как совокупность указанных деяний, а также разницу в размере санкций, предусмотренных ст. 159, 198 и 199 Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ), решение вопроса о выборе формулы обвинения в каждом конкретном случае отдано законодателем «на откуп» правоприменителям. А значит, вопрос о выборе оптимальной, а именно: справедливой, достаточной, равнозначной и рациональной уголовно-правовой оценке указанного деяния до сих пор открыт, несмотря на его большой удельный вес в общей массе преступности.

---

¹ *Медведева Н. Г.* К вопросу применения ст. 178 УК РФ за противоправные действия участников закупок // Символ науки. 2016. № 1. С. 160.

Соответственно, при квалификации деяний по незаконному возмещению НДС решение необходимо принимать исходя из преступного умысла виновного. Рассмотрим некоторые возможные схемы незаконного возмещения НДС.

Одной из наиболее распространенных моделей совершения данного преступления является такая, при которой умысел виновного лица направлен на получение и присвоение денежных средств из бюджета Российской Федерации незаконным способом. Для того, чтобы более полно разобраться в схемах подобного рода рассмотрим конкретный пример незаконного возмещения НДС в форме мошенничества. Для этого обратимся к Приговору Советского районного суда г. Липецка № 1-182/2017 от 29 мая 2017 г. по делу № 1-182/2017, в котором суд обвиняет Пупышеву О. С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ и устанавливает, что подсудимая «совершила мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, в крупном размере»¹. Пупышева О. С., являясь генеральным директором ООО «ЛидерСталь», воспользовалась тем, что компания, исходя из особенностей своей хозяйственной деятельности, имела право на возмещение НДС по ряду операций. Гражданка Пупышева О. С. путем фиктивной сделки приобрела оцинкованную сталь у ООО «Стайл», оформила подложные документы, отражающие взаимодействие с компанией-продавцом, после чего данные документы были предоставлены в соответствующий налоговый орган для возмещения НДС. Позднее, продолжая осуществлять свою преступную деятельность, гражданка Пупышева О. С. представила в МИФНС России заявление о перечислении возмещенных денежных средств на расчетный счет организации, после чего денежные средства за излишне уплаченный налог были перечислены на счет Пупышевой О. С. Исходя из этого, подсудимая совершила хищение денежных средств в размере, превышающем 250 000 рублей, то есть в крупном размере (в соответствии со п. 4 приложения к ст. 158 УК РФ), чем причинила имущественный ущерб бюджету страны. Главным подтверждением того, что преступление будет мошенничеством является понимание и желание преступника получить выгоду от совершаемого деяния. А, исходя из анализируемого приговора, Пупышева О. С. совершала преступление «из корыстных побуждений, в целях личной наживы», что и является подтверждением того, что преступление необходимо рассматривать как мошенничество.

---

¹ Приговор Советского районного суда г. Липецка № 1-182/2017 от 29 мая 2017 г. по делу № 1-182/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 30.04.2021).

Однако встречаются и такие случаи, когда цель преступника заключается не в том, чтобы получить денежные средства, а в том, чтобы, незаконно возмещая НДС, уклониться от уплаты налога. В таком случае действия лица необходимо квалифицировать по ст. 198 и ст. 199 УК РФ. Так, рассмотрим Приговор Волоколамского городского суда № 1-169/2016 1-1/2017 от 29 марта 2017 г. по делу № 1-169/2016, в котором Астафурова А. А. обвиняют в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199 УК РФ. Астафуров А. А. был генеральным директором ООО «ФИО1» и умышленно совершил уклонение от уплаты налога на добавленную стоимость. В установленный срок ему необходимо было предоставить в налоговый орган налоговые декларации, в которые он включал заведомо ложные сведения о суммах НДС «с целью незаконного увеличения размера налоговых вычетов и уклонения от уплаты НДС в крупном размере»¹. В первом эпизоде совершаемого преступления он «незаконно заявил к возмещению из бюджета НДС в сумме 1 267 589 рублей, незаконно заявил налоговые вычеты по НДС в сумме 1 446 864 рублей; в подтверждение налоговых вычетов представил счета-фактуры на сумму 1 205 434,82 рубля, чем уклонился от уплаты НДС в размере 241 429,18 рублей». Далее на протяжении нескольких месяцев Астафуров А. А. продолжал реализовывать свой преступный умысел по такой же схеме. Он «путем включения в налоговые декларации заведомо ложных сведений, совершил уклонение от уплаты НДС на общую сумму 20430796 рублей». Данные действия виновного органы предварительного следствия квалифицировали по ч. 1 ст. 199 УК РФ. Подсудимый вину не признал, однако преступные действия подтвердили свидетели, эксперт и специалист, а также письменные материалы дела, указанные в рассматриваемом приговоре. В этом деле умысел Астафурова А. А. был направлен не на получение и присвоение денежных средств путем уклонения от уплаты налогов, а на снижение суммы уплаты НДС в бюджет, поэтому такая квалификация при рассмотренных обстоятельствах верна.

Некоторые исследователи считают, что «в случае возмещения НДС речь не идет о недоплате в бюджет, поэтому уклонения от уплаты налогов нет. Наоборот — лицо получает лишнее от государства»². Но большая часть правоприменителей придерживаются той позиции, что «если на основании заведомо ложных документов виновное лицо получило возмещение налога из бюджета в форме

¹ Приговор Волоколамского городского суда № 1-169/2016 1-1/2017 от 29 марта 2017 г. по делу № 1-169/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 02.05.2021).

² *Заринов В. М.* Современные проблемы ответственности за налоговые преступления // Закон. 2018. № 10.

возврата налога, содеянное квалифицируется как мошенничество, а если в форме зачета налога — как уклонение от уплаты налогов»¹.

Также, часто используется практика применения совокупности рассмотренных выше преступлений. Такая квалификация будет актуальна в случае, когда преступник путем уклонения от уплаты налога имел умысел получить в пользование денежные средства из бюджета государства. Структура таких преступлений очень схожа с уклонением от уплаты налога, но их отличие заключается именно в направленности умысла субъекта преступления. Предположим, компания уклонялась от уплаты НДС, внося ложные сведения в счета-фактуры, после чего потребовала возмещение налога. Так как было уклонение, то оно рассматривается по статье 199 УК РФ, а неоправданное возмещение предполагается квалифицировать по ст. 159 УК РФ. Так, например, рассмотрим Приговор Советского районного суда г. Астрахани № 1-611/2018 1-77/2019 от 14 февраля 2019 г. по делу № 1-611/2018. Гражданин Болобонцев Ю. В., исполняющий обязанности генерального директора организации, не предоставлял налоговые декларации и включал в них ложные сведения, а также уклонился от уплаты налогов в особо крупном размере. Болобонцев Ю. В. предоставлял неправильные данные, что привело к уклонению от уплаты налогов «в особо крупном размере на общую сумму 22 284 201 рубль, что составляет 99,7% от суммы налогов, подлежащих уплате в пределах трех финансовых лет подряд»². После данных действий виновный реализовал «преступный умысел на хищение путем обмана бюджетных средств путем незаконного возмещения из федерального бюджета НДС», предоставляя главному бухгалтеру компании заведомо ложные данные о полученном доходе для составления налоговой декларации по НДС, который позднее подал заявление на возмещение НДС, не зная о преступном умысле генерального директора. Суд делает вывод, что «Болобонцев Ю. В. путем обмана и злоупотребления доверием незаконно похитил денежные средства в размере 529 202,58 рублей, являющиеся собственностью Российской Федерации» и квалифицирует действия подсудимого по п. «б» ч. 2 ст. 199, ч. 3 ст. 159 УК РФ. По каждой из норм Болобонцеву Ю. В. назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы, а по совокупности преступлений (согласно ч. 3 ст. 69 УК РФ) — 3 года 6 месяцев лишения свободы, а также с него взыскано более 22 млн рублей, составляющих неуплаченный и незаконно возмещенный НДС.

¹ Борисичев А. А. Уголовно-правовая оценка уклонения организации от уплаты налога на добавленную стоимость: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 21 с.

² Приговор Советского районного суда г. Астрахани № 1-611/2018 1-77/2019 от 14 февраля 2019 г. по делу № 1-611/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 02.05.2021).

На наш взгляд, на данный момент квалификация незаконного возмещения НДС по совокупности ст. 159 и ст. 199 УК РФ наиболее верна, поскольку такая квалификация преступлений является наиболее оптимальной для незаконного возмещения НДС, так как объективно оцениваются все противоправные действия преступника.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что выбор формулы обвинения при незаконном возмещении НДС зависит, как от субъективной стороны состава преступления, так и от воли правоприменителя. Предполагаем, что уменьшить число противоречий в данном вопросе позволит внесение в диспозицию ст. 199 УК РФ признака незаконного возмещения налогов путем внесения заведомо ложных сведений в документы. Подобное решение законодателя, позволит избежать излишней квалификации деяния по ст. 159 УК РФ, охватив все признаки содеянного лицом обновленной нормой, непосредственно регулирующей общественные отношения в сфере налогообложения.

Сам Д.О.,

*студент I курса ФГБОУ ВО «Университет
прокуратуры Российской Федерации»*

Сравнительный анализ квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа в России и Великобритании

Вместе с развитием высоких технологий появились и киберпреступления¹. В связи с их транснациональным характером, представляет интерес сравнение правового регулирования мошенничества с использованием электронных средств платежа в Российской Федерации (далее — РФ, России) и в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (далее — Великобритании). Правоохранительная система Великобритании известна опытом борьбы с мошенничеством с использованием электронных средств платежа².

Согласно статистическим данным, в России количество мошенничеств с использованием электронных средств платежа увеличилось почти в два раза за период с января по сентябрь 2020 г. (+95,6%,

---

¹ *Shi Yanan, Chen Zhenwei.* Protection of personal information in the era of risk society // *Transbaikal State University Journal.* 2019. Vol. 25. No. 10. P. 99–110.

² *Маркова Е. А.* Преступления, совершенные с использованием электронных средств платежа, в законодательстве стран англосаксонской правовой семьи (на примере Великобритании и США) // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2020. № 1 (85). С. 99–105.

23,5 тыс.)¹. В Великобритании за период с июля 2019 г. по июнь 2020 г. количество таких преступлений, наоборот, снизилось на 2%² по сравнению с прошлым отчетным периодом.

Уголовная ответственность за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа установлена Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ). На практику рассмотрения дел судами имеет влияние также постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»³.

Нормативными правовыми актами Великобритании в этой сфере являются Закон о мошенничестве 2006 г. (англ. the Fraud Act 2006⁴), Закон о детях и подростках 2008 (англ. the Children and Young Persons Act⁵), Закон о полномочиях уголовных судов 1973 г. (англ. the Powers Of Criminal Courts Act 1973⁶).

Рассмотрим различия в правовом регулировании мошенничества с использованием электронных средств платежа в России и в Великобритании.

Первое различие определяется разницей подходов к классификации рассматриваемых преступлений. В УК РФ составы группируются по объекту посягательства: мошенничество с использованием электронных средств платежа (статья 159³ УК РФ) отнесено к преступлениям против собственности. По Закону о мошенничестве 2006 года (англ. the Fraud Act 2006⁷) состав представляет собой частный случай обмана путем создания ложного представления (fraud by false representation⁸)⁹.

¹ Статистический сборник «Состояние преступности в России за январь — сентябрь 2020 г.» // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1892820/> (дата обращения: 03.12.2020).

² Volume of fraud incidents on all payment types, UK Finance CAMIS database, year ending March 2011 to year ending June 2020, and percentage change // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/bulletins/crimeinenglandandwales/yearendingjune2020#fraud> (дата обращения: 09.12.2020).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // ПГ. 2017. № 280.

⁴ The Fraud Act 2006 // The National Archives. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents> (дата обращения: 05.12.2020).

⁵ The Children and Young Persons Act 2008 // The National Archives. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2008/23/contents> (дата обращения: 05.12.2020).

⁶ The Powers of Criminal Courts Act 1973 // The National Archives. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1973/62/contents> (дата обращения: 05.12.2020).

⁷ The Fraud Act 2006 // The National Archives. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents> (дата обращения: 05.12.2020).

⁸ Там же.

⁹ *Loveless J.* Criminal law: Text, Cases, and Materials. Oxford University Press. Oxford. 2012. P. 697.

Во-вторых, среди различий можно выделить квалификацию действий виновного лица в зависимости от присутствия уполномоченного работника кредитной организации. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹ рекомендуется при взаимодействии с уполномоченным работником банка квалифицировать действия как мошенничество с использованием электронных средств платежа, а при снятии денежных средств через банкомат — как кражу с банковского счета (п. «г» ч. 3 статьи 158 УК РФ). По Закону Великобритании о мошенничестве 2006 г.² оба случая квалифицируют как мошенничество с использованием электронных средств платежа.

В-третьих, в уголовно-правовой системе Великобритании как намеренное сообщение ложной информации («активный обман»), так и несообщение верных сведений («пассивный обман») являются способами совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа³. В России понятия «активный обман» и «пассивный обман» законодательно не закреплены. Некоторые специалисты обосновывают необходимость закрепления данных понятий⁴. Судебная практика при квалификации хищения платежной карты и ее использования для оплаты товаров, работ и услуг без ввода пин-кода различна. Одни суды рассматривают такие действия как кражу с банковского счета⁵, а другие — как мошенничество с использованием электронных средств платежа⁶. На наш взгляд, установить единообразие в России можно путем закрепления способа совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа⁷. Также предполагается, что введение понятия активного и пассивного обмана в УК РФ положительно скажется на единообразии судебной практики.

В-четвертых, практика доказывания по делам о мошенничестве с использованием электронных средств платежа в двух странах так-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // ПГ. 2017. № 280.

² The Fraud Act 2006 // The National Archives. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents> (дата обращения: 05.12.2020).

³ *Loveless J.* Op. cit. P. 697.

⁴ *Яни П. С.* Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 5 (1015). С. 25–28.

⁵ Приговор № 1-694/2019 от 30 декабря 2019 г. по делу № 1-694/2019 // URL: <https://sovetsky-oms.sudrf.ru/>. ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 24.10.2020).

⁶ Приговор № 1-82/2019 от 4 декабря 2019 г. по делу № 1-82/2019 // URL: <https://bai-taiginskiy-tva.sudrf.ru/>. ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 24.10.2020)

⁷ *Мальшова Ю. Ю.* Проблемы квалификации обмана как способа совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа // Мониторинг правоприменения. 2018. № 4 (29). С. 31–33.

же отличается. В Великобритании достаточно доказать корыстную цель или намерение причинить имущественный ущерб, или намерение поставить лицо в состояние риска потери имущества¹. В России необходимо доказать ущерб, причинно-следственную связь между получением имущества виновным лицом и деянием. Ранее в Великобритании существовала практика, схожая с российской. Она привела к тому, что трудности доказывания причинно-следственной связи повлияли на освобождение от уголовной ответственности виновных лиц². Представляется, что введение достаточности доказывания только соответствующих корыстной цели и намерений в России возможно способствует уменьшению количества преступлений по ст. 159³ УК РФ.

Сходства правового регулирования двух стран в сфере мошенничества с использованием электронных средств платежа прослеживаются в альтернативности наказаний.

Проведение сравнительного анализа квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа в России и Великобритании позволит предложить возможные изменения в российское законодательство, устраняющие имеющиеся спорные моменты квалификации таких деяний.

Селецкая Н.К.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Российская
государственная академия
интеллектуальной собственности»*

Незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности в сфере предпринимательства

Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ) предусмотрены нормы об ответственности за нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности, размещенные в разных его разделах Особенной части. Так, ст. 146 «Нарушение авторских и смежных прав», ст. 147 «Нарушение изобретательских и патентных прав», помещенные в разделе VII «Преступления против личности» УК РФ, в главу 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Основным непосредственным объектом данных преступлений является совокупность личных имущественных и неимущественных прав автора или правооб-

¹ *Loveless J.* Op. cit. P. 699. *Finch E., Fafinski S.* Law Express: Criminal Law. Pearson Education Limited. Harlow, 2011. P. 220.

² *Monaghan N.* Criminal Law (Question and Answer). The Third Edition. Pearson Education Limited. Harlow, 2016. P. 195.

ладателя гарантированные Конституцией Российской Федерации. Дополнительным непосредственным объектом могут выступать, в частности, общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности.

Статья 180 УК РФ о незаконном использовании средств индивидуализации товаров (работ, услуг) помещена в раздел VIII «Преступления в сфере экономики» в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Непосредственный объект данного преступления представляет собой два вида общественных отношений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности и охраной прав на средства индивидуализации товаров, работ и услуг.

В виду особого правового режима и природы возникновения результата интеллектуальной деятельности, моменту возникновения прав на них в Уголовном кодексе было проведено отграничение данных статей.

В то же время основным непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 146, 147, 180 УК РФ, выступают общественные отношения в сфере обеспечения исключительного (имущественного) права правообладателя на соответствующий результат интеллектуальной деятельности, указанный в этих статьях УК РФ.

Общественная опасность указанных преступлений определяется, прежде всего, нанесенным в результате их совершения материального ущерба и правообладателям, и потребителям, и государству.

Потерпевшим в результате совершения данных преступлений, может быть только лицо, осуществляющее экономическую деятельность: юридические лица и индивидуальные предприниматели, имеющие целью своей извлечение прибыли, и обладающие исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации.

Помещение законодателем указанных статей в разные разделы и главы подвергается критике. Российскими учеными предлагается выделить преступления, объединенные единым объектом посягательства — общественными отношениями в сфере обеспечения нормального оборота результата интеллектуальной деятельности (РИД), либо в самостоятельной главе в УК РФ либо в рамках уже существующей главы УК РФ¹.

Представляется необходимым выделить данную группу преступлений в рамках уже существующей главы 22 по следующим основаниям.

---

¹ Кудрявцев В. Л. Преступления против интеллектуальной собственности: некоторые проблемы объединения и совершенствования // Преступления против интеллектуальной собственности: материалы Международной научно-практической конференции (19–20 мая 2011 г.). Н. Новгород: Факультет права. С. 46; Дологов Р. О. Механизм уголовно-правового регулирования в сфере преступных посягательств на объекты интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. С. 47.

Преступления, относящиеся к предпринимательской деятельности в экономической сфере, направлены на охрану общественных отношений, возникающих при производстве, распределении, обмене и потреблении материальных благ и услуг.

Физическое лицо, обладающее исключительными правами на РИД, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, может использовать в экономической деятельности материальные носители РИД, выражающие творчество автора, посредством участия в обороте. Признаки незаконной экономической предпринимательской деятельности усматриваются в ч. 2 ст. 146 и частично в ч. 1 ст. 147 и выражены в незаконном использовании РИД, в отсутствие правоустанавливающих документов на ведение соответствующей предпринимательской деятельности с очевидной целью — извлечения выгоды.

Такое положение связано и с тем, что в современных условиях, как права на результаты интеллектуальной деятельности, так и сами результаты интеллектуальной деятельности могут выступать товаром, и виновный, совершая преступление в сфере интеллектуальной собственности, действует из корыстных побуждений, стремясь извлечь экономическую выгоду.

Общность объекта посягательства позволит в равной степени охранять как авторские и смежные права, так и, изобретательские и патентные и права на средства индивидуализации, что собственно предусмотрено положениями ГК РФ в его части четвертой, а так же позволило Пленуму Верховного Суда РФ объединить эти преступления и рассматривать их в одном своем Постановлении от 26 апреля 2007 г. № 14¹.

Таким образом, предлагается следующая редакция положений ч. 2 и 3 ст. 146 и частично ч. 1 ст. 147 в главе 22 УК РФ:

Статья 180¹. Незаконное использование авторских и смежных прав

1. Незаконное использование объектов авторского права и смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта, совершенные в крупном размере, — наказываются...

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, если они совершены:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) в особо крупном размере;

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // РГ. 2007. № 4358. 5 мая.

в) лицом с использованием своего служебного положения — наказываются ...

Примечание. Деяния, предусмотренные настоящей статьей, признаются совершенными в крупном размере, если стоимость экземпляров произведений или фонограмм либо стоимость прав на использование объектов авторского права и смежных прав превышают сто тысяч рублей, а в особо крупном размере — один миллион рублей.

Статья 180². Незаконное использование изобретательских и патентных прав

1. Незаконное использование изобретения, полезной модели или промышленного образца, если эти деяния причинили крупный ущерб, — наказываются ...

2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, — наказываются ...

Примечание. Крупным ущербом применительно к статье 180.2, признается ущерб, сумма которого превышает сто тысяч рублей, а особо крупным — один миллион рублей.

В виду того, что в состав исключительного права на средства индивидуализации не входит право авторства целесообразно было бы в ст. 146 УК РФ рассматривать и охрану личных неимущественных прав автора изобретения, полезной модели и промышленного образца на свой результат интеллектуальной деятельности, исключив такую охрану из ч. 1 ст. 147 УК РФ, при этом, сохранив ее в гл. 19, так как, в большей степени охрана предоставлена неимущественному праву автора и изложить ее содержание в следующей редакции.

Статья 146. Нарушение прав авторства на результаты интеллектуальной деятельности

1. Присвоение авторства (плагиат), если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю, — наказывается ...

2. Разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации сведений о них, или принуждение к соавторству если эти действия причинили крупный ущерб, — наказываются ...

Примечание. Деяния, предусмотренные настоящей статьей, признаются совершенными в крупном размере, если стоимость экземпляров произведений или фонограмм, либо стоимость прав на использование результата интеллектуальной деятельности превышают сто тысяч рублей, а в особо крупном размере — один миллион рублей.

Такая позиция обусловлена тем, что согласно ч. 1 ст. 146 УК РФ преступлением признается «Присвоение авторства (плагиат), если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правооб-

ладателю», при этом не конкретизирует область интеллектуальной деятельности, в которой проявил себя автор. Следуя положениям ст. 1257, 1347 ГК РФ как автором произведения науки, литературы или искусства, так и автором изобретения, полезной модели и промышленного образца признается гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий результат интеллектуальной деятельности. Между понятием автора указанных объектов никаких различий законом не предусмотрено.

Выделение группы преступлений, объединенных единым объектом посягательства — общественными отношениями в сфере обеспечения нормального оборота интеллектуальной собственности, способствовало бы эффективности мер борьбы с преступностью, в том числе, умению правильно квалифицировать деяние, отграничению его от сходных, смежных преступлений, а также от иных правонарушений.

Сильванович В.Р.,

*студентка III курса ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет
имени В.И. Вернадского»*

Актуальные вопросы определения предмета и объективной стороны причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием

Преступление, предусмотренное ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), относится к категории преступлений против собственности, соответственно, имеет своей целью материальное обогащение виновного лица за счет имущества потерпевшего. Стоит отметить, что несмотря на то, что данное деяние посягает на отношения собственности, оно имеет значительное отличие от многих иных преступлений в данной группе, а именно, в нем отсутствуют признаки хищения, что указано в диспозиции ч. 1 ст. 165 УК РФ. Именно данный признак, обуславливающий специфику данного состава преступления, в то же время создает проблемы в правоприменительной практике при квалификации деяния виновного по данной статье, так как он законодательно не детализирован. К тому же, зачастую возникают проблемы разграничения указанного состава преступления с составом, предусмотренным ст. 159 УК РФ (мошенничество), что, соответственно, отражается на наличии ошибок в судебной практике. В связи с этим представляется весьма актуальным исследование проблемных вопросов таких элементов состава преступления по ст. 165 УК РФ, как предмет и объективная сторона, с целью устранения противо-

речий и разногласий в применении данной статьи в процессе квалификации деяния виновного.

Необходимо начать с того, что виновный по ст. 165 УК РФ не производит изъятия чужого имущества как при хищениях, например, при мошенничестве. Имущество, которое является предметом данного преступления, находится в собственности или во владении виновного лица и только подлежит передаче потерпевшему. То есть в данном случае ущерб причиняется не фактически находящемуся у потерпевшего лица имуществу, а его «будущим» денежным поступлениям или иному имуществу. Иначе говоря, величина реального имущества лица, выступающего в роли получателя данных поступлений, продолжает находиться в неизменном состоянии, хотя при законных действиях она должна была возрасти¹. Соответственно, в данной ситуации предмет преступления характеризуется двумя признаками: во-первых, на момент совершения преступления он отсутствует у потерпевшего лица, во-вторых, данное имущество должно было быть передано потерпевшему на законных основаниях.

Характеристика предмета преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, подводит нас к критерию, по которому возможно разграничить ст. 165 и ст. 159 УК РФ, а именно, к форме причиненного ущерба или разновидности убытков. Если обратиться к ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), то в ней содержится две разновидности убытков: реальный ущерб и упущенная выгода. Применительно к ст. 165 УК РФ имеет место именно упущенная выгода, то есть неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Таким образом, ст. 165 УК РФ предусматривает ответственность именно за ущерб в виде еще не поступившего в распоряжение потерпевшего лица имущества. То есть реальный размер имущества потерпевшего никак не уменьшается путем совершения преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ. Что касается мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ, то оно представляет собой хищение чужого имущества, которое представляет собой совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц². В данном случае происходит изъятие того имущества, которым непосредственно располагает по-

¹ *Хадуева Я. А.* Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ // *Вестник Чеченского государственного университета.* 2019. № 4. С. 168.

² *Бойко Д. В., Коньшина А. И.* Особенности квалификации мошенничества (ст. 159 УК РФ) и причинение имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) // *Научный альманах.* 2016. № 11-1. С. 377–378.

терпевший на момент совершения преступления, то есть, происходит уменьшение его наличной массы.

Еще одним элементом состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, который вызывает разногласия в судебной практике, выступает объективная сторона данного деяния. Необходимо, прежде всего, остановиться на том, что при совершении деяния по указанной статье происходит именно неправомерное удержание чужого имущества, подлежащего передаче иному лицу, то есть объективная сторона преступления имеет иной характер, чем деяния, относящиеся к группе хищений. Если обратиться к абз. 3 п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48), то в нем перечислены некоторые формы совершения деяния по ст. 165 УК РФ, а именно, представление лицом поддельных документов, которые освобождают от уплаты ряда установленных законом платежей, от платы за коммунальные услуги, неправомерное подключение к энергосетям, создающем ситуацию неучтенного использования электроэнергии или эксплуатации в личных целях вверенного лицу транспортного средства¹. Таким образом, помимо упущенной выгоды ущерб также может проявляться в виде утраты полезных свойств имущества при его незаконном использовании (так называемый износ имущества). Здесь необходимо отметить то, что незаконное удержание или использование осуществляется не только в отношении денежных средств, но и в отношении иного имущества.

Среди случаев причинения имущественного ущерба по ст. 165 УК РФ необходимо остановиться на такой разновидности, как пользование услугами без производства необходимых платежей, а именно, незаконное получение субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг путем представления подложных документов в уполномоченный на предоставление субсидий орган либо учреждение². Данное деяние зачастую квалифицируется именно по ст. 165 УК РФ, однако, если рассмотреть содержание данного способа получения личной выгоды, то здесь можно усмотреть признаки именно хищения чужого имущества. Мы считаем, что субсидию нельзя рассматривать в качестве предмета преступления по ст. 165 УК РФ. Субсидия

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 30.04.2021).

² Бабушкина Е. А. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления при отсутствии признаков хищения // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 115.

представляет собой определенную сумму денежных средств, которая перечисляется из соответствующего бюджета лицу, которое нуждается в материальной поддержке, для целей компенсации затрат. В данном случае субсидии составляют часть наличного имущества какого-либо бюджета, соответственно, незаконное получение субсидии путем предоставления подложных документов представляет собой именно хищение чужого имущества, так как происходит противоправное изъятие имущества соответствующего бюджета, то есть, происходит уменьшение фактически существующего имущества. Потерпевшему, таким образом, причиняется реальный ущерб, что несвойственно для ст. 165 УК РФ. Поэтому, мы считаем, что такую ситуацию правомерно и целесообразно квалифицировать по ст. 159 УК РФ (мошенничество), так как в данном случае присутствует обман потерпевшего лица и усматриваются признаки хищения чужого имущества.

Другой категорией дел, которые вызывают трудности в квалификации деяний по ст. 165 УК РФ, является совершение указанного деяния путем несанкционированного подключения к энергосетям. Основной проблемой в этом случае является определение ущерба, так как виновный пользуется электрической или тепловой энергией в обход приборов учета либо искажая их показатели, что, соответственно, затрудняет определение размера причиненного имущественного ущерба¹. Стоит отметить, что для квалификации деяния виновного по ст. 165 УК РФ необходимо наличие как минимум крупного размера, который, согласно примечанию к ст. 158 УК РФ, превышает двести пятьдесят тысяч рублей. В данной ситуации лицо не привлекается к уголовной ответственности по ст. 165 УК РФ только за подключение к энергосетям, так как необходимо наступление неблагоприятных последствий в виде установленного в законе размера ущерба. В связи с этим, некоторые ученые предлагают квалифицировать данное деяние как хищение чужого имущества, рассматривая электрическую и тепловую энергию в качестве предмета преступлений против собственности.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что ст. 165 УК РФ в силу специфики предмета и объективной стороны, все еще вызывает противоречия и ошибки в правоприменительной практике. Несмотря на то, что указанный состав преступления кардинально отличается от составов из категории хищений, в настоящее время еще ведутся дискуссии и споры относительно разграничений данного преступления и мошенничества по ст. 159 УК РФ.

---

¹ Ботвин И. В. Анализ судебной практики по квалификации состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ // Алтайский юридический вестник. 2015. № 4. С. 83.

К тому же разнообразие форм совершения преступления по ст. 165 УК РФ создают большое количество коллизий в применении данной статьи в силу особенностей каждой из этих форм и их реализации. В связи с этим, представляется весьма целесообразным дополнить ст. 165 УК РФ примечаниями, в которых могли бы быть изложены конкретные пояснения по различным категориям данного состава. Также возможно введение вспомогательных статей в УК РФ, регламентирующих отдельные формы совершения данного деяния. В качестве ориентира для судебных органов при разграничении ст. 165 и ст. 159 УК РФ возможно дополнение постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 положениями, раскрывающими отличительные признаки причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Сятишева О.В.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Национальный
исследовательский Мордовский
государственный университет
им. Н.П. Огарева»*

Хищение электронных денежных средств по Уголовному кодексу Российской Федерации

Активное использование в обороте электронных денежных средств обусловило злоупотребления с ними, в том числе совершение преступлений. Данная проблема постепенно стала наиболее актуальной, поскольку повышается общественная опасность данных преступлений, общественно опасные последствия в виде причинения имущественного ущерба собственнику, меняются способы их совершения. В период пандемии коронавируса число дел о телефонном и интернет-мошенничестве выросло на 76%¹.

Преимущественно, в силу конструкции уголовно-правовых норм, электронные денежные средства являются предметом хищений, прежде всего кражи и мошенничества. Так, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК устанавливает ответственность за кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159³ УК РФ), ст. 159³ УК — за мошенничество с использованием электронных средств платежа. Обе нормы были введены в УК — ФЗ от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ². Как известно, предметом хищения является чужое имущество, и эта

¹ Интернет-портал. <https://www.rbc.ru/society/31/08/2020/5f48ea169a79477e21e25d9d>

² Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

категория традиционно понимается, исходя из совокупности физического, экономического и юридического признаков. Обратим внимание на физический признак, то есть понимание имущества как вещи материального мира. Электронные денежные средства относятся к безналичным средствам, исходя из содержания ст. 128 ГК РФ. Соответственно, признак материального выражения вещи отпадает или является необязательным признаком хищения в данном случае. Однако, следует особо подчеркнуть актуализированный способ совершения преступлений — использование дистанционного, удаленного способа, по факту, из любой точки как страны, так и мира. Поэтому данные составы, это своего рода, гарантии защиты прав граждан путем усиления ответственности.

Так как пластиковые карты нашли достаточно широкое применение, а преступлений в этой сфере становится все больше, то автоматически возникает вопрос по какой статье квалифицировать действия виновных? Частично этот вопрос разъясняется постановлением Пленума Верховного суда № 48 от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹. Для квалификации по пункту «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ необходимо, чтобы действия лица были тайными, в отсутствие собственника или иных лиц, незаметно для них. Уголовная ответственность в данной ситуации наступает за хищение денежных средств из банкомата путем использования заранее похищенной или поддельной платежной карты, если выдача наличных денежных средств была произведена с помощью банкомата без участия работника кредитной организации. Как тайное хищение следует квалифицировать действия и тогда, когда виновным потерпевший введен в заблуждение или обманут, под воздействием чего он сам передает злоумышленнику свою карту или сообщает персональный идентификационный номер — pin-code, а снятие денег с банкомата происходит без потерпевшего. Однако, по этому пункту квалифицируются и действия лица, если у него есть доступ к приложению банковской карты. Так, Гаджиев М. К., находясь возле дома, попросил у прохожего мобильный телефон для осуществления звонка. Увидев в телефоне мобильное приложение «Мобильный банк» ПАО «Сбербанка России», у Гаджиева возник преступный умысел на тайное хищение денежных средств, затем он перевел с расчетного счета, принадлежащие потерпевшему денежные средства в размере 8 000 рублей, причинив тем самым значительный материальный ущерб. Суд признал виновным Гаджиева в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК

---

¹ Постановлением Пленума Верховного Суда от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/>

РФ, и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года¹. В данном случае виновное лицо совершило преступление тайным способом, как отражено в приговоре. Важно отметить, что изначально у Гаджиева были правомерные намерения — позвонить, однако, когда увидел соответствующее приложение, возник умысел на хищение электронных денежных средств. Нельзя сказать, что он заранее знал, что данное приложение установлено у потерпевшего, и Гаджиев путем обмана похитил имущество с использованием средств платежа.

Технология NFC, так называемая бесконтактная оплата «облегчила» виновным лицам хищение электронных денежных средств или например, оплата покупки, где не требуется вводить код карты. Так, Килин подобрал на тротуаре чужую карточку и направился по магазинам. Вводить код не требовалось, таким образом он успел потратить порядка 20 000 руб. Первая инстанция приговорила подсудимого к 1,5 годам лишения свободы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Однако, Судебная коллегия по уголовным делам ВС Удмуртской Республики с решением районного суда не согласилась, сославшись на п. 7 ПП ВС № 48, в соответствии с которым, «использование чужой карты надо квалифицировать как мошенничество, если человек говорил сотрудникам магазина, что это его карта, или молчал, что она чужая». Суду первой инстанции не удалось выяснить как виновный расплачивался чужой картой, участвовали ли в этом продавцы и каким образом. Соответственно, нужно было установить эти факты и определить, было ли это тайное изъятие или мошенничество. Однако суд апелляционной инстанции приговор нижестоящего суда отменил, а уголовное дело передал на новое судебное разбирательство в тот же суд². Анализируя судебную практику, можно обнаружить случаи, когда виновное лицо похищает саму банковскую карту, совершает покупки, оплачивая через терминал оплаты, тем самым совершает кражу с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК); а далее — лицо фактически снимает денежные средства с использованием электронных средств платежа и при этом вводит в заблуждение и сотрудников, и сам банкомат (ст. 159.3 УК РФ)³. Суд в таких случаях квалифицирует по

¹ Приговор Хорошевского районного суда г. Москвы от 3 октября 2018 г. // URL: https://www.advokk.ru/2018/12/3-158_58.html

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС Удмуртской Республики от 26 марта 2019 г. № 22–528 // URL: https://vs-udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6936646&delo_id=4&new=4&text_number=1

³ Приговор Великолукского городского суда Псковской области № 1-288/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-288/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OPxXGeVrFHIC/>

совокупности — ст. 159.3, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ¹. В некоторых случаях виновные лица находят электронные средства платежа и совершают несколько покупок на сумму до 1 000 рублей, дабы не вводить код, тем самым обманывая уполномоченных работников торговых организаций. Так, в одном из случаев суд признал Гавшину З. В. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159.3 УК РФ, и назначил ей наказание в виде штрафа в размере 5 000 рублей².

Отразить вышеизложенную проблему можно путем приведения неоднозначной судебной практики. Так, Троцких С. В. нашел банковскую карту и порядка тринадцати раз, путем обмана, предъявив продавцу банковскую карту, принадлежащую другому лицу, производил расчет за приобретенный им товар для личного потребления. Таким образом, Троцких совершил хищение денежных средств, чем причинил потерпевшему лицу значительный материальный ущерб на общую сумму 9519 рублей. Суд признал Троцких С. В. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159.3 УК РФ, и назначил ему 8 месяцев исправительных работ³. В другом случае Давыдкин Д. А. и Абрамов Д. А. по предварительному сговору с целью хищения чужого имущества с применением насилия опасного для здоровья напали на Ильина А. В. На похищенном телефоне, осматривая приложение «Сбербанк-Онлайн» Давыдкин обнаружил наличие открытого в ПАО «Сбербанк России» банковского кредитного счета, однако осуществить перевод денежных средств у него не получилось, об этом он сообщил другому лицу. Тот, ввел в имеющееся у него на мобильном телефоне «iPhone 6» приложение «Сбербанк-Онлайн» данные похищенной банковской карты Ильина А. В., воспользовался функцией восстановления пароля приложения, получив таким образом доступ к банковскому счету кредитной карты ПАО «Сбербанк России», подключил к счету указанной карты функцию мобильного телефона «Apple Pay», после чего, используя свое мобильное устройство совместно с Давыдкиным, неоднократно совершил оплату товаров и услуг в торгово-сервисных предприятиях на общую сумму 114256 рублей⁴.

¹ Приговор Яранского районного суда Кировской области № 1-108/2020 от 28 сентября 2020 г. по делу № 1-108/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QjHf8a0SXhon/>

² Приговор Кировского районного суда г. Новосибирска № 1-377/2020 от 28 июля 2020 г. по делу № 1-377/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/n8KUUn7Uo0g5/>

³ Приговор Читинского районного суда Забайкальского края № 1-479/2019 1-479/2020 от 28 октября 2020 г. по делу № 1-479/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HK5FeDvZgMUU/>

⁴ Решение Советского районного суда г. Рязани № 2-812/2020 2-812/2020~М-375/2020 М-375/2020 от 19 мая 2020 г. по делу № 2-812/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4a5eNwbBEyb/>

Исходя из вышеизложенного, приходим к следующему выводу. Проблема в квалификации преступлений по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК и ст. 159.3 УК остается. Сложность заключается в установлении способа совершения преступления. Можно констатировать, что кража, совершенная с банковского счета либо в отношении электронных денежных средств, и мошенничество с использованием электронных средств платежа отличаются только по способу совершения преступления, поэтому именно способ деяния, как составляющую часть объективной стороны преступления, необходимо закладывать в основу дифференциации данных составов преступных посягательств.

Усачева Е.А.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Уголовно-правовая характеристика легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем и проблемы квалификации

Процесс придания правомерного вида доходам, полученным преступным путем, иначе “отмывания” доходов, в современном мире является наиболее актуальной проблемой, требующих детальной проработки и регулирования для предотвращения совершения данных преступлений и последующей профилактики. Охраняемые статьями 174, 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) общественные отношения имеют особую ценность для общества и государства, в связи с чем наличие в уголовном законодательстве соответствующих норм является целесообразным и обоснованным.

Цель работы заключается в выявлении проблем квалификации субъективных признаков таких преступлений, как легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, предусмотренных ст. 174, 174¹ УК РФ, а также отграничения от смежных составов.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом. Прямой умысел при легализации означает, что лицо, совершая финансовые операции или сделки с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными преступным путем, осознает общественную опасность и противоправный характер своих действий, предвидит общественную опасность своих действий и желает их совершить. На осознанность законодатель указывает признаком “заведомости”. «Заведомость» означает, что лицу было достоверно известно о пре-

ступном пути приобретения имущества. При этом, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 19 постановления от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ № 32) обращает внимание на то, что о преступности имущества виновный может узнать как от самих «приобретателей», так и догадаться, исходя из количественных и качественных характеристик предметов легализации, обстоятельность передачи ему денежных средств или иного имущества и т. п.¹. Знание о преступном характере приобретения имущества не означает того, что лицу, легализующему преступно приобретенное имущество, должны быть достоверно известны все обстоятельства его преступного приобретения. При этом также представляется, что нет необходимости, чтобы виновному были известны конкретные исполнители преступления. Сошлемся на Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 2005 года, согласно которой Россия должна принять такие меры, чтобы квалифицировать в качестве преступлений действия, указанные в ст. 1 Конвенции, когда преступник, в частности, «должен был предполагать, что имущество является доходом, полученным преступным путем» (п. 3а ст. 6 Конвенции)².

Субъективная сторона легализации характеризуется не только прямым умыслом, но и специальной целью — приданием правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, т. е. законности полученных материальных ценностей. Для привлечения лица к уголовной ответственности требуется установить, что оно осознавало общественную опасность и противоправность совершения финансовых операций и иных сделок с денежными средствами и иным имуществом с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению ими, и желало их совершить. Цель данного преступления имеет существенное значение — она неотъемлемый элемент состава, наряду с остальными элементами. Такую же цель имеет

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (ред. от 26 февраля 2019 г.) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС «Консультант Плюс».

² Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (заключена в г. Варшаве 16.05.2005) // СПС «Консультант Плюс».

и следующее преступление — легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174¹ УК РФ). В подтверждение хотела бы привести пример из судебной практики, в которой квалификация преступных деяний в зависимости от цели имела решающее значение. Некто «А» обвинялся в ряде преступлений, среди которых было преступление, предусмотренное ст. 174¹ УК РФ. Однако приговором районного суда «А» был оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 174¹ УК РФ, на основании п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, в связи с не установлением события преступления. На основании совокупности исследованных по делу доказательств, суд установил, что совершение сделок с похищенным имуществом, с участием юридических лиц, подконтрольных «А», фактически являлось способом совершения преступлений¹. Данным примером мы видим, что преступная цель, а именно придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, имеет весомое значение для квалификации преступления.

Таким образом, не всякое распоряжение (расходование) похищенным имуществом должно рассматриваться как его легализация. Взаимосвязь и взаимозависимость всех элементов системы преступления (ст. 174 и 174¹ УК РФ) предопределена единым умыслом, первоначально направленным на придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступно полученными средствами, а затем — на извлечение прибыли от уже легализованных капиталов. Поэтому, если названная цель отсутствует, совершенные субъектом финансовые операции и другие сделки с приобретенным как им самим, так и другим лицом преступным путем имуществом (денежными средствами), а также использование состава легализации (отмывания) преступных доходов не образуют.

Стоит обозначить также еще одну проблему, с которой приходится сталкиваться правоприменителю, а именно то обстоятельство, на которое указывает вышеупомянутое постановление Пленума Верховного Суда РФ № 32: не свидетельствует о направленности умысла на легализацию распоряжение незаконно добытым имуществом в целях личного потребления. В судебной практике имеются случаи, когда судам вышестоящих инстанций констатируется, что судами первых инстанций допускаются существенные нарушения норм уголовного закона и неверно устанавливаются фактические обстоятельства дела. Так, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда

---

¹ Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 17 марта 2020 г. № 22-1262/2020 // СПС «Консультант Плюс».

Российской Федерации была установлена вина некоторого лица «Н» по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ, однако приговоры нижестоящих судов по ч. 1 ст. 174¹ УК РФ были отменены в связи со следующими обстоятельствами: «Н» получил доход от преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, в дальнейшем данные денежные суммы «Н» переводил с «кошельков» электронной платежной системы «QIWI» на принадлежащие «Н» и находившиеся в его пользовании банковские карты. Данные деяния судами первой, апелляционной и кассационной инстанций были квалифицированы как легализация. Но Верховный Суд Российской Федерации определил недостаточным для квалификации по данному составу действия, которые не направлялись на введение денежных средств в легальный оборот (например, посредством приобретения недвижимого имущества, произведений искусства, предметов роскоши, совершения финансовых операций или сделок по обналичиванию денежных средств, приобретенных преступным путем и других действий, примеры которых приводит Пленум в постановлении № 32 в п. 10). Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что «само по себе использование банковских операций по переводу денег с электронных счетов на банковские карты для возможности их последующего обналичивания и распоряжения ими в личных целях, не может свидетельствовать о легализации денежных средств. Указанные операции, как следует из установленных судом обстоятельств, являлись лишь финансовым инструментом, направленным на сокрытие преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств»¹.

Таким образом, следственным органам, а в последующем судам, надлежит устанавливать незаконность способа получения имущества и квалифицировать надлежащим образом и обращать внимание на то, что конечной целью при этом может являться получение «на руки» денежных средств и их трата для личных нужд в повседневной жизни.

Что касается отграничения анализируемого состава преступления от состава преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ (приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем), то именно наличие или отсутствие в субъективной стороне деяния такого признака, как специальная цель — легализовать, отмыть преступные доходы, то есть придать им вид правомерных, будет тем критерием, на основании которого можно отделить состав отмывания от ряда смежных составов, в первую очередь от состава преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ.

---

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 января 2021 г. № 36-УД20-7-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, перед правоприменителями стоит задача выявить все элементы состава преступления, доказать наличие специальной цели у преступника по приданию правомерного вида преступно добытому имуществу. Освещенные вопросы являются существенными, поскольку понимание цели и умысла является одними из главных условий правильного применения уголовно-правовых норм об ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов.

Фрибус В.В.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Статьи 174 и 175 Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы разграничения

В Российской Федерации по вопросу разграничения статей 174 и 175 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) возникают некоторые разночтения между текстом закона и судебной практикой. Для того, чтобы провести различия между преступлениями, закрепленными в названных статьях, необходимо проанализировать объективную и субъективную стороны, в которых кроются основные отличия.

Так, объективная сторона преступления, закрепленного в ст. 174 УК РФ, предполагает совершение лицом финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, которое было добыто преступным путем иными лицами. Субъективная сторона, в свою очередь, характеризуется тем, что лицо преследует цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом.

В связи с этим необходимо отметить, что цель придания правомерного вида владению и проч., как элемент субъективной стороны преступления, является его конститутивным признаком, отличающим от смежных составов ст. 175 УК РФ.

По поводу того, что понимать под целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или имуществом, дает разъяснения Верховный Суд Российской Федерации. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», ука-

зывается, что «под целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), как обязательным признаком составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174¹ УК РФ следует понимать сокрытие преступного происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него»¹.

Объективная сторона же преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ заключается в приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем. Под приобретением понимается возмездное или безвозмездное получение имущества любым способом (покупка, обмен, получение в дар и т.п.), под сбытом — любая форма возмездной или безвозмездной передачи его третьим лицам. И именно исходя из вышесказанного, следует, что у лица, совершающего преступление, предусмотренное ст. 175 УК РФ, исходя из конструкции нормы, отсутствует цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению.

Таким образом, основная цель лица при совершении преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ — либо получить само имущество, так как оно может быть в нем заинтересовано или получить деньги за ценности, полученные им в результате совершения преступления иным лицом. Тогда как при совершении легализации виновный преследует совсем иные цели. Преступник стремится к тому, чтобы после совершения ряда финансовых операций или сделок по легализации ни один контрольный орган не смог доказать преступный характер происхождения указанного имущества. Исходя из этого, цель лица, легализующего имущество или денежные средства — не избавиться от преступно нажитого имущества, а наоборот, сохранить его в первоначальном виде или в денежном эквиваленте, или в виде иного имущества, приобретенного на преступные доходы, придав надлежашую, соответствующую всем законодательным нормам, форму².

Исходя из сказанного, можно прийти к выводу, что сущность легализации (отмывания) преступных доходов заключается в том, что с имуществом совершаются сделки и финансовые операции, на-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (ред. от 26 февраля 2019 г.) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 01.05.2021).

² Грызлова А. С. Отграничение легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества от приобретения и сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем // URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/125/4093/> (дата обращения: 01.05.2021).

правленные на «обеление» преступного имущества, а для приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, эта цель значения не имеет.

В связи с этим, можно привести критерий, который предлагает использовать для отграничения названных преступлений ученый Б. Колб: смена или сохранение владельца добытого преступным путем имущества, так как ученый отмечает, что при приобретении или сбыте заведомо преступно добытого имущества происходит смена его владельца, а при легализации смены владельца — нет¹. Однако, с другой стороны, такой признак может породить ряд вопросов в правоприменительной практике.

Однако, несмотря на вышесказанное в правоприменительной практике зачастую возникает ситуация, при которой правоохранительные органы не стремятся обосновывать и доказывать цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению.

Так, Приговором от 18 июля 2018 г. Ленинский районный суд г. Грозного признал виновным ФИО2-Элиевича в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 174 УК РФ².

ФИО2-Э. получил от ФИО5 денежные средства в размере 15000 рублей, полученные последним от продажи сильнодействующих веществ. ФИО2-Э. приобрел в магазине «МАКІТА», для возвращения ФИО5 впоследствии указанных денег в сумме 15000 рублей, другими купюрами, лобзик 4329 и аккумуляторную ударную дрель-шуруповерт НР457DWE фирмы «МАКІТА» за денежные средства в сумме 13500 рублей.

Действия ФИО2-Э. суд квалифицировал по ч. 1 ст. 174 УК РФ и в мотивировочной части указал: «...он (обвиняемый) совершил финансовые операции с денежными средствами, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами».

Так же представляется необходимым привести еще один схожий пример из судебной практики. Так, приговором Шалинского городского суда Халидов В.С. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 174 УК РФ³.

Халидов В.С., получив от Насаева А.М. деньги в размере 19500 рублей, которые были получены последним в результате совершения преступления (продажи сильнодействующих веществ), приобрел в магазине «Билайн» на территории центрального рынка для перепродажи,

¹ Колб Б. Отмывание денег // Законность. 2004. № 1. С. 43.

² Приговор № 1-81/2018 от 18 июля 2018 г. по делу № 1-81/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения: 01.05.2021).

³ Приговор № 1-174/2014 53189/1-174/14 от 29 августа 2014 г. по делу № 1-174/2014 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1> (дата обращения: 01.05.2021).

и возвращения Насаеву А. М. впоследствии денег в сумме 19 500 рублей другими купюрами, мобильный телефон «hTC One» за деньги в сумме 18 990 рублей.

Также как и в первом примере, действия обвиняемого были признаны легализацией, в связи с тем, что лица, вводя деньги в оборот, стремились заменить одни купюры на другие.

Однако необходимо отметить, сами по себе купюры, полученные, что от продажи наркотиков, что от продажи телефонов, ничем не отличаются по своей сути, так как не имеют индивидуализирующих признаков и могут смешиваться с иными деньгами, и являются вещами определенными родовыми признаками.

И исходя из этого, цели легализации достичь простой подменной купюр, практически невозможно, так как недостаточно одной сделки по покупке дрели или телефона, чтобы скрыть преступное происхождение этих денег. В связи с этим, можно считать, что сама по себе цель легализации не доказана правоохранительными органами и судом.

В данном случае, мы наблюдаем, что сам факт совершения какой-либо сделки с купюрами рассматривается правоприменителем как легализация без надлежащего доказывания соответствующей цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению, которая, по всей видимости, фигурирует только в процессуальных документах. Но исходя из нормы ст. 174 УК РФ и вышеназванных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации цель должна вытекать из объективных данных, однако на практике правоприменитель пренебрегает доказыванием цели, и лица привлекаются к ответственности по факту совершения сделки с денежными средствами, добытыми преступным путем.

Представляется интересным рассмотреть гипотетическую ситуацию на основе приведенной практики: ФИО1 получает от ФИО2 телефон, добытый преступным путем, и реализует преступный умысел по его дальнейшей продаже, а денежные средства, полученные от продажи телефона, передает ФИО2.

По смыслу того, что мы видим в судебной практике такие действия ФИО1 также квалифицировались бы судом как легализация, хотя эта ситуация является хрестоматийным примером сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ).

В заключение хотелось бы отметить, что легализация тех сумм, которые в большинстве своем фигурируют в практике, представляется странной, поскольку нет никакого практического значения в легализации сумм (см. приведенные примеры судебной практики), которые могут быть потрачены за один день или незначительно более долгий срок. Поэтому создается впечатление искусственного генерирования практики правоприменительными органами. Сложив-

шаяся судебная практика означает фактическое исключение ст. 175 УК РФ из сферы правоприменения.

Хайбрахманова А.Д.,

*студентка I курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»*

Отграничение мошенничества с использованием электронных средств платежа от кражи пункт «г» части 3 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации

В судебно-следственной практике с каждым годом появляются все новые виды мошенничеств. Одним из способов совершения мошеннических действий становится использование электронных средств платежа. На практике часто возникают вопросы по разграничению мошенничества с использованными электронными средствами платежа (ст. 159³ УК РФ) от кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

С 2012 г. Россия стала непризнанным лидером по количеству выявленных финансовых мошеннических схем¹. За последние годы отмечен резкий рост количества мошенничеств по ст. 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). За 2019 г. было зарегистрировано порядка 6613 случаев подобного вида мошенничеств, что почти в восемь раз больше, чем за 2018 год². Рост финансовых мошенничеств обусловлен развитием банковских цифровых технологий и получением мошенниками доступа к электронным средствам совершения банковских операций. Наиболее частым в следственной практике объектом мошеннических действий выступает банковская карта клиента. На развитие такого рода «технического» мошенничества влияют следующие важные обстоятельства: развитие средств электронной коммерции; расширение электронных платежей в процессе заключения сделок между гражданами и юридическими лицами; использование при электронных платежах банковских карт и т.д. В последнее время стала актуальна проблема обеспечения безопасности интернет-платежей для виртуальных магазинов. С целью повысить уровень уголовно-правовой защиты от мошеннического об-

---

¹ Моисеенкова А. В. Финансовые мошенничества — угроза экономике // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. XX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 5 (20). URL: [http://sibac.info/archive/economy/5\(20\).pdf](http://sibac.info/archive/economy/5(20).pdf) (дата обращения: 16.11.2020).

² Число дел о мошенничестве с электронными платежами возросло в восемь раз // URL: <https://www.rbc.ru/society/20/08/2019/5d5a9af19a7947b82c0ac9e1> (дата обращения: 05.04.2021).

мана в банковской, страховой, компьютерной сфере, законодатель ввел в состав Уголовный кодекс статьи, дифференцирующие ответственность за мошенничество в зависимости от сферы проведения мошеннических операций (ст. 159¹–159⁶ УК РФ).

Отграничение мошенничества от кражи должно производиться по следующим критериям, относящимся к составу преступления: по предмету преступления; по объективной стороне преступления; по субъекту преступления.

Отграничивая мошенничество от других форм хищения чужого имущества, следует учитывать обстоятельства, в силу которых потерпевший сам добровольно вверяет свое имущество виновному лицу¹. При этом, потерпевший может и не предполагать, что получатель имущества может его присвоить себе. Тем самым, важно то, как потерпевший субъективно относится к тому, что имущество меняет собственника.

Мошенничество отличается тем, что между собственником и виновным складываются тесные и доверительные отношения. При этом, не имеет значения, имеет ли предмет хищения материальный или нематериальный характер. В случае с безналичными, включая электронные, денежными средствами, предмет преступления имеет невещественный характер, между тем, у виновного появляются имущественные права, равные тем правам, которыми обладает собственник. Например, мошенник, введя пароль с согласия собственника банковской карты, получает доступ к денежным средствам на банковском счету и получает незаконное право распоряжаться этими средствами по своему усмотрению.

Схема финансового мошенничества характерна для мошеннических действий путем применения банковских карт или банкоматов. Например, потерпевший, введенный в заблуждении относительно мотивов и намерений действий виновного лица, сам сообщает ему данные банковской карты, пароль от нее и иные данные для совершения мошенником платежей. При краже указанные действия являются не способом получения имущества или имущественных прав, а лишь способом облегчить доступ к имуществу, чтобы затем тайно и без согласия собственника похитить его.

Чаще всего в судебной практике выносятся приговоры за подобные виды краж посредством незаконного получения доступа к номеру телефона потерпевшей и данным ее банковской карты. Путем введения пароля без согласия собственника виновный переводит денежные средства с чужой карты на свой счет или карту. При этом потерпев-

---

¹ Олейникова Е. Н. Проблематика отграничения кражи имущества с банковского счета от мошенничества с использованием электронных средств платежа // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 403–405.

ший сам передает виновному свой телефон, например, для звонка¹. В данном случае сотовый телефон является предметом совершения преступления. Само же хищение сотового телефона должно квалифицироваться отдельно по другим пунктам и частям ст. 158 УК РФ.

Как указывает П. С. Яни², мошенничество с электронными средствами платежа направлено на хищение только безналичных денежных средств, включая электронные, при этом, автор справедливо указывает на то, что электронные деньги также относятся к категории безналичных, хотя не имеют привязки к банковскому счету. Примером могут служить различного рода электронные кошельки. В силу более слабой защищенности электронных кошельков, чем банковских карт, хищение путем мошенничества чаще всего совершается именно с электронных кошельков.

Субъективная сторона, включая форму вины в форму умысла, не может служить основанием для разграничения мошенничества и кражи с использованием электронных средств платежа. Очевидно, что для разграничения сравниваемых составов преступления требуется более внимательно анализировать объективные признаки, включая способ и характер совершенных действий.

При разграничении мошенничества от кражи важно учитывать, что мошенник всегда применяет обманные действия, чтобы совершить хищение, при этом, тайный или явный характер хищения имущества значения не имеет. Обман может быть направлен как на потерпевшего, так и иных лиц. По одному из дел суд признал в качестве обмана введение в заблуждение уполномоченного сотрудника торговой организации (продавца), при этом покупатель использовал чужую банковскую карту для совершения с ее помощью торговых сделок³.

Пассивная форма обмана при мошенничестве с использованной электронными средствами платежей в силу особенностей поведения виновного лица встречается гораздо реже, чем активная, однако представляет не меньшую опасность для потерпевшего, поскольку установить виновность лица, которое не сообщило нужную информацию, бывает гораздо сложнее, чем в случае активного обмана. Пассивная форма обмана предполагает такую разновидность действий виновно-

---

¹ Моисеевкова А. В. Финансовые мошенничества — угроза экономике // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. XX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 5 (20). URL: [http://sibac.info/archive/economy/5\(20\).pdf](http://sibac.info/archive/economy/5(20).pdf) (дата обращения: 01.05.2021).

² Яни П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 6. С. 39–43.

³ Приговор Баймакского районного суда Р. Башкортостан № 1-97/2020 от 28 мая 2020 г. по делу № 1-97/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/esfwdj4waXVI/> (дата обращения: 16.11.2020).

го в мошенничестве лица, при которой утаивание важной для потерпевшего информации создает реальную угрозу лишиться имущества или прав на него, при этом, заблуждение возникает в силу того, что виновный не исполняет своих обязательств о раскрытии всей информации. Если при этом, виновный все раскрывает часть необходимой информации, имеет место не пассивный, а активный обман.

При активном обмане мошенник действует всегда посредством совершения активных действий (например, посредством подделки документов или распространения ложной информации), при пассивном обмане мошенник намеренно умалчивает о важной с точки зрения потерпевшего информации, что позволяет виновному получить имущества или права на него в силу утаивания такой информации.

При этом, следует установить логическую и необходимую связь между утаиваемой или скрываемой мошенником информацией и наступлением у потерпевшего заблуждения относительно имущественных правомочий виновного.

В этой связи рекомендуется в приложении к ст. 159 УК РФ раскрыть понятие обмана следующим образом: «обманом в целях данной статьи признается как сознательное введение в заблуждение другого человека, так и поддержание уже созданного заблуждения посредством сообщения изначально неверных сведений либо умолчания о сведениях, сообщить которые обязательно».

В заключение выделим два критерия отграничения мошенничества и кражи с использованных электронных средств платежа:

1) если при краже виновных всякий раз действует тайно или полагает, что действует тайно, то в случае мошенничества виновный может действовать открыто, непосредственно вступать с ним в контакт;

2) в процессе кражи указанным способом исключается участие потерпевшего в совершении кражи рассматриваемым способом, при мошенничестве виновный использует другое лицо посредством совершенных обманных действий (активной или пассивной формы обмана).

Хафизова А.Н.,

*студентка III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»*

Некоторые проблемы применения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации

Экономическая преступность оказывает негативное влияние на нормальное функционирование экономики страны, а также на возможность ее дальнейшего развития. Степень общественной опас-

ности экономических преступлений высока, в связи с чем в настоящее время данной категории преступлений уделяется особое внимание¹. Это относится и к налоговым преступлениям, которые не только поражают государственные и муниципальные финансы², но и имеют следствием вытеснение с рынка добросовестных налогоплательщиков, которым сложно устоять в конкурентной борьбе с налогоплательщиками недобросовестными, уклоняющимися от уплаты налогов.

Статья 199 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов с организации путем непредоставления налоговой декларации и иных обязательных документов либо указанием в них заведомо ложных сведений, если деяние совершено в крупном (более 15 миллионов рублей за период в пределах трех финансовых лет подряд) или особо крупном (более 45 миллионов рублей за тот же период).

Несмотря на, казалось бы, простое определение признаков этого преступления в ст. 199 УК РФ, на практике возникают трудности с применением этой статьи.

Диспозиция этой статьи бланкетная, она отсылает к нормам финансового права, которые, в свою очередь, нередко отсылают к нормам других отраслей права, в частности, права гражданского, предпринимательского и корпоративного. Поэтому для расследования и разрешения уголовных дел в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, необходимо владеть как достаточными знаниями в области налогового права, так и опытом разрешения подобных дел. Во некоторых зарубежных странах, напр., в ФРГ, расследование уклонения от уплаты налогов осуществляет налоговая служба, в некоторых, напр., во Франции, для возбуждения уголовного дела нужно предварительное рассмотрение материалов налоговой службой с последующей санкцией министра, ответственного за бюджет, в итоге уголовное преследование возбуждает прокурор.

В России решение о возбуждении уголовного дела об уклонении от уплаты налогов принимает следователь Следственного комитета на основании заключения налогового органа или территориального органа страховщика либо же на основании информации, которая поступила к нему из иного источника (чаще всего из органов внутренних дел). В обоих случаях не всегда имеет место факт совер-

¹ Доронина Н. Ю. Проблемы квалификации преступлений в сфере экономики // Молодой ученый. 2020. № 3 (293). С. 169–172.

² Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления».

шения преступления, и не всегда представленные материалы достаточны для эффективного уголовного преследования. Налоговые органы подходят к вопросу о совершении преступления формально, учитывая лишь величину недоимки, при этом не обращая должного внимания на фиксирование следов совершенных преступлений, документирование обстоятельств, свидетельствующих о наличии умысла. Следователь, в свою очередь, не наделен правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, он вправе лишь давать в этом контексте поручения полиции. Полиция, в свою очередь, может не обладать достаточными познаниями в сложных вопросах налогового права. Все это затрудняет следствие и отрицательно сказывается на его результатах.

Кроме того, следователи и сами зачастую не обладают достаточными познаниями в области налогового права, не всегда владеют методиками расследования налоговых преступлений, навыками и умениями применения криминалистической тактики по раскрытию подобных преступлений. Трудность такой работы заключается в соединении полученной информации о совершении преступления от налоговых органов и других источников, а затем в перенесении вышеуказанных фактов в плоскость уголовного права.

На мой взгляд, расследование налоговых преступлений требует специальной подготовки, специалисты широкого профиля, которыми являются сотрудники органов следствия, в большинстве случаев, не обладают возможностью полно и объективно разрешить вопросы, связанные такими преступлениями. То же самое можно сказать и о судьях, специализирующихся по уголовным делам. В этом и заключается первая проблема, из которой в значительной степени и вытекают проблемы прочие.

Проблема вторая — в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» указано, что налоговые преступления всегда совершаются с прямым умыслом, который подлежит доказыванию¹. Ввиду сложности налогового законодательства грань между допустимой оптимизацией налогообложения и уголовно наказуемым деянием остается размытой, сложно отграничить преступление от ошибки относительно сложных норм налогового права². К сожалению, на практике юри-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338712/ (дата обращения: 01.05.2021).

² См.: *Клепицкий И. А.* Оптимизация налогообложения в контексте уголовного права // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2009. № 3. С. 17–25; *Он же.* Новое экономическое уголовное право. М., 2021. С. 730–750, 768–775.

сты сталкиваются с тем, что следствием устанавливается в ходе расследования и судебного рассмотрения конкретного уголовного дела сам факт неуплаты налога, однако доказыванию наличия умысла на уклонение от уплаты налога не уделяется должного внимания. ФНС России считает, что в доказывании умысла сотрудники органов следствия могут опираться на такие факты, как:

— отсутствие государственной регистрации контрагента в период совершения сделки;

— представление организацией в налоговую инспекцию документов от имени контрагентов, которые фактически оформлялись представителями самого общества (к примеру, учредитель и руководитель организации-налогоплательщика одновременно являлся учредителем и руководителем фирм-однодневок, работник налогоплательщика одновременно являлся руководителем фирмы-однодневки);

— установление обстоятельств, свидетельствующих о согласованности действий предпринимателя и его контрагентов, направленных на создание видимости соблюдения требований закона, с целью предъявления к вычету НДС и отнесения затрат в состав профессиональных налоговых вычетов: отсутствие реальной возможности поставки товара, подтверждения доставки товара;

— участие контрагентов в движении товара; транзитный характер расчетов, обналичивание денежных средств, где участником контрагентов является сама привлекаемая к ответственности организация¹.

Тем не менее, к примеру, Ростовский областной суд в апелляционном определении от 13 января 2020 г. № 22-3/20 установил, что отсутствие в действиях должной осмотрительности и осторожности при выборе контрагентов свидетельствуют об отсутствии прямого умысла, направленного на уклонение от уплаты налогов. Бездействие руководителя юридического лица, связанное с ненадлежащей проверкой контрагентов предприятия, может свидетельствовать о наличии в его действиях налоговой ответственности, но не может расцениваться как способ уклонения от уплаты налогов².

Третья проблема связана с установлением конкретной суммы недоимки. В ходе осуществления своей деятельности организации могут получить налоговые вычеты, льготы, уменьшить налоговую базу или уменьшить налоговую базу, благодаря которым они приобретают налоговую выгоду. Однако, налоговая выгода не всегда является обо-

---

¹ Письмо ФНС России от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650 «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)».

² Апелляционное определение Ростовского областного суда от 13 января 2020 г. по делу № 22-3/20 // Практика по налоговым преступлениям. URL: <https://advotax.ru/1115-sud-ustanoviv-bezdejstvie.html> (дата обращения: 01.05.2021).

снованной. В настоящее время существуют различные схемы ухода от налогообложения. Одной из самых распространенных является схема завышения расходов и занижения доходов. Яркий пример: в ходе налоговой проверки установлено, что компания закупала сырое молоко напрямую от производителей, освобожденных от НДС, по документам поставка была от трех перекупщиков, что позволило учесть наценку этих компаний в расходах и заплатить меньше налогов на прибыль, а также получить вычеты по НДС¹. Налогоплательщиками используются и иные схемы, в том числе и основанные на злоупотреблении правом, при которых фальсификация документов учета и отчетности напрямую не совершается. Например, путем совершения сделок, направленных на уклонение от возникновения обязанности по уплате налога, снижение его размера, получения налоговой льготы и не преследующие никакой другой экономической цели². Трудности в установлении крупного размера, связаны, опять же, со сложностью налогового законодательства, не позволяющего провести четкую грань между преступлением и допустимой оптимизацией налогообложения.

Полагаю, что для эффективного уголовно-правового противодействия уклонению от уплаты налогов нормы налогового права должны стать проще и понятнее, чтобы исключить двоякое их толкование, при этом расследование налоговых преступление должно производиться компетентными специалистами в этой области.

Ходырев С.В.,

*студент III курса ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет (УдГУ)»*

Проблемы уголовно-правовой оценки злоупотреблений при заключении договоров в сфере госзакупок товаров и услуг

Система государственных закупок формировалась в России постепенно, начиная с 1992 г. В середине 2000-х принят основополагающий федеральный закон № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», который содержал практически

---

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа г. Тюмень по делу № А27-17275/2019 // Электронное правосудие. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/51debc29-78ae-44ee-a692-7f03b4f224f6> (дата обращения: 01.05.2021).

² *Ефимов Е. В.* Прямой умысел и размер ущерба как обязательные признаки при доказывании состава налогового преступления с уклонением от уплаты налога на добавленную стоимость». Исследования молодых ученых: материалы XIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2020 г.) // Молодой ученый, 2020. С. 30–38. URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/380/16047/> (дата обращения: 01.05.2021).

современный порядок осуществления государственных закупок. Вышеназванный нормативный акт действовал вплоть до вступления в силу 1 января 2014 г. ныне действующего Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

В 2018 г. федеральным законом в Уголовный кодекс Российской Федерации введена статья 200⁴ УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за злоупотребление и подкуп в сфере государственных и муниципальных закупок¹. Таким образом, правоотношения в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд развивались более 25 лет прежде, чем оформилась необходимость устранения выявленных пробелов и применения средств уголовно-правовой охраны контрактной системы.

В пояснительной записке к законопроекту выделено две основных причины, которые послужили введению указанных специальных норм в уголовный закон. Первой названа практика так называемых «откатов», предоставление которых часто становится неофициальным условием для победы в конкурсе для получения государственного заказа. Второй причиной явился пробел в законе, который делал невозможным привлечение к ответственности лиц, которые могут оказывать влияние на определение условий государственного контракта, его исполнение, но не являются при этом должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации.

В современной предпринимательской практике под «откатом» в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд понимается вознаграждение субъекта, принимающего, например, решение об определении победителя конкурса и выборе «нужного» исполнителя государственного контракта. При этом привлечение к уголовной ответственности за совершение противоправных деяний в обозначенной сфере возможно и по части 3 статьи 159 УК РФ («с использованием служебного положения»), если лицо получило вознаграждение из средств оплаты по государственному контракту. При этом понятие «служебное положение» не обязательно предполагает наличие административно-хозяйственных или организационно-распорядительных функций, разъяснение содержания которых дается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ².

¹ Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

В другом постановлении содержатся разъяснения о том, что «если должностное лицо, выполняющее в государственном или муниципальном органе либо учреждении организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, заключило от имени соответствующего органа (учреждения) договор, на основании которого перечислило вверенные ему средства в размере, заведомо превышающем рыночную стоимость указанных в договоре товаров, работ или услуг, получив за это незаконное вознаграждение, то содеянное им следует квалифицировать по совокупности преступлений как растрату вверенного ему имущества (статья 160 УК РФ) и как получение взятки (статья 290 УК РФ). Если же при указанных обстоятельствах стоимость товаров, работ или услуг превышена не была, содеянное должно квалифицироваться как получение взятки»¹. Таким образом, следует ограничивать хищение с использованием служебного положения от злоупотребления полномочиями из корыстной заинтересованности.

Преступление, предусмотренное ст. 200⁴ УК РФ является коррупционным, так как в его основе лежит решенный преступным путем конфликт интересов на службе и включено в «Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности»². Например, коррупционное преступление, совершенное должностным лицом, при наличии соответствующего мотива и существенных последствий оценивается по ст. 285 УК РФ независимо от сферы, в которой такое деяние было совершено (госзакупки, безопасность, социальное обеспечение и др.).

То есть данное нововведение в УК РФ, которым криминализованы нарушения, связанные со сферой закупок, определением цены государственного или муниципального контракта, заключением или исполнением государственного или муниципального контракта, совершаемые из корыстной или иной личной заинтересованности представителями заказчика, не являющимися должностными лицами и лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации. Этот вывод следует из содержания статьи (при отсутствии признаков преступления, предусмотренных ст. 201, 204, 285, 291, 290 УК РФ).

Согласно статистическим данным на Судебном департаменте за весь период действия ст. 200⁴ УК РФ данных о судимости по ней

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 г. Москва «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

² Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. (ред. от 13 июля 2020 г.) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

нет¹. При изучении судебной практики по данной статье — решений нет (Судакт). Ее отсутствие можно объяснить тем, что применяются статьи о должностных (глава 30) или иных служебных преступлениях (глава 23). Но такая практика есть (п. 25 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»).

Много дел фигурирует в СМИ и вот одно из них: В Новгородской области попытка приобрести дорогостоящее оборудование для инфекционной больницы на средства пожертвования обернулась скандалом. Протокол закупочной комиссии был отменен, а в качестве обоснования указывалось, что после предоставления поставщиком договора цена оказалась завышенной относительно той, что предлагает производитель этого же оборудования. На сайте госзакупок 20 апреля 2020 г. одно за другим появились сообщения — работа комиссии, протокол подведения итогов и отмена итогового протокола. В тот же день проведение закупки было «отменено извещением об отказе от проведения закупки 32 009 080 221». В тендере, который заявили 15 апреля 2020 г., речь шла о поставке «оборудования в целях организации санитарно-противоэпидемиологических (профилактических) мероприятий по предупреждению распространения коронавирусной инфекции, вызванной 2019-нCoV на территории Новгородской области». Цена контракта составляла 14,08 млн руб.²

Данная статья (ст. 200⁴) введена в УК РФ Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ. Почти за три года действия не состоялось ни одного обвинительного приговора, хотя по информации в СМИ таких случаев достаточно много. Возникает вопрос о целесообразности введения данной нормы.

В силу универсального принципа формального равенства установление уголовно-правовых запретов для одной сферы правоотношений должно предполагать криминализацию правонарушений, совершаемых в других схожих сферах человеческой деятельности. В итоге, ст. 200⁴ УК РФ сужает круг криминализированных деяний до сферы государственных закупок. Таким образом, другие сферы общественного производства, где упомянутые категории служащих и работников умышленно нарушают закон, причиняя крупный ущерб, остаются без уголовно-правовой охраны.

Для того чтобы ответить на вопрос о возможности ее использования необходимо разобраться в Федеральном законе «О контрактной

¹ URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/Dannie_sudebnoy_statistiki_po_delam_korrupsionnoy_napravlenosti_za_2020_god.xls

² URL: https://finance.rambler.ru/other/44051905-skandal-na-torgah-firma-rosteha-zavysila-tsenu-za-medoborudovanie/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и выявить элементы данного состава преступления: Согласно пояснительной записке к проекту закона он ориентирован на усиление ответственности за нарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, устранение пробелов в законодательном регулировании ответственности за злоупотребления в названной сфере со стороны лиц, представляющих интересы государственных или муниципальных заказчиков, а также лиц, исполняющих государственные или муниципальные контракты¹.

Поэтому необходимо устранить данный пробел, путем внесения изменений в статью. Первый путь — уточнение понятия «должностное лицо», которое применимо в рамках злоупотребления в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Второй путь реализован в рамках уголовно-правовой охраны отношений государственного оборонного заказа, где ст. 201¹ и 285⁴ исключают возможность квалификации преступлений по смежным составам. Принятие указанных мер позволит избежать разрозненной практики правоприменения и позволит функционировать механизму уголовно-правовой охраны отношений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд с учетом предпосылок для введения данных норм в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации².

Шакиров А.А.,

студент II курса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Противодействие преступлениям в области легализации преступных доходов с использованием криптовалюты

В современном мире криптовалюты играют огромную роль в функционировании мировых финансовых и экономических систем, превратившись из интересной технологии в инструмент мирового масштаба. Резкий рост криптовалют заставил человечество обратить пристальное внимание на них, так, в частности, по состоянию на середину ноября 2018 г. капитализация всех криптовалют составила 213 289 302 529 долларов. Из них наибольший объем имеют Bitcoin (111 млрд долларов.), Ethereum (21 млрд долларов.) и Ripple

¹ Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Бекренев Л. Л. Прогнозируемые проблемы правоприменения статьи 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право. 2018. С. 4.

(20 млрд долларов.)¹. О рисках использования криптовалют еще в 2015 г. предупреждала Европолиция, утверждая, что подобного рода финансовые инструменты в первую очередь набирают популярность в преступной сфере (коррупционные преступления, торговля наркотиков)². К 2018 г. 46% биткойн транзакций были связаны с рынком нелегальной деятельности, и тенденция к увеличению использования криптовалют именно в нелегальном обороте с течением времени только увеличивается, что потребует от России адекватной и своевременной уголовно-правовой реакции на преступления в области использования криптовалюты. Юридические свойства и границы безопасного использования криптовалюты в России отчасти определены Федеральным законом «О цифровых финансовых активах»³, но данный закон оставляет ряд вопросов, в частности, законодатель не установил каких то конкретных мер в области контроля и налогообложения майнерской деятельности, тем самым, создавая для майнеров лазейки для обхода налогового законодательства и совершения налоговых преступлений, да и в целом, налоговые последствия совершения сделок с криптовалютами остаются открытыми.

В области криптопреступности ученые выделяют три основных сектора: незаконная продажа психоактивных веществ (наркотических средств, психотропных веществ и др.), иных запрещенных товаров, контента или услуг; отмывание преступных доходов с использованием новой цифровой валюты и хищение криптовалюты и иные преступления против собственности⁴. В данной статье предполагается рассмотрение сектора отмывания преступных доходов с использованием новой цифровой валюты.

На опасность использования криптовалюты в нелегальной экономической деятельности указал Банк России в информационном письме от 2014 г.⁵ Анонимность и скрытый характер использования

---

¹ Top 100 Cryptocurrencies by Market Capitalization // URL: <https://coinmarketcap.com>. (дата обращения: 20.04.2021).

² URL: <https://bits.media/evropol-kriptoalyuta-sluzhit-dlya-otmyvaniya-deneg/> (дата обращения: 20.04.2021).

³ Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

⁴ *Иванцов С. В., Сидоренко Э. Л., Спасенников Б. А., Березкин Ю. М., Суходолов Я. А.* Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-svyazannye-s-ispolzovaniem-kriptoalyuty-osnovnyye-kriminologicheskie-tendentsii/> (дата обращения: 20.04.2021).

⁵ Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн: информ. ЦБ РФ // URL: http://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 21.04.2021).

физическими и юридическими лицами криптовалюты для проведения транзакций обуславливают криминологические риски оборота криптовалюты¹. Вышеописанный федеральный закон снизил данные риски, но полностью их не устранил, и устранить их в будущем не сможет, без более тщательного контроля правоохранительных органами ее оборота, помимо деятельности операторов обмена цифровых финансовых активов. Существует ряд способов отмывания доходов путем использования криптовалюты.

Во-первых, существуют специальные сервисы для обналчивания криптовалют. Примером их использования в нелегальных целях может послужить расследование Управления по контролю за оборотом наркотиков МВД по Чувашии. Полицейским удалось выявить организованную преступную группу, которая в период с июня по ноябрь 2015 г. торговала наркотиками синтетического происхождения «бесконтактным способом» — через онлайн-магазин Daffy Duck. Клиенты наркоторговцев оплачивали товар с помощью электронной платежной системы с последующей конвертацией в криптовалюту биткоин через биржу Exmo.com. В дальнейшем деньги выводились на расчетные счета, открытые на подставных лиц, с целью обналчивания. По факту преступления были возбуждены уголовные дела, в том числе по п. «а» ч. 4 ст. 174¹ УК². Данное расследование показывает, что органам финансового контроля следует более активно следить за данными онлайн магазинами и биржами, использующие криптовалюты, проверять проходящие через них транзакции и платежи, что позволит правоохранительным органам выявлять подобного рода преступления и пресекать их.

Во-вторых, преступники для отмывания доходов и ухода от налогообложения используют майнинговую деятельность. Данный вид деятельности никак не урегулирован законом, и с ее помощью становится возможным гражданам и юридическим лицам объяснить наличие у них больших сумм денег без источника их получения: якобы, они получили криптовалюту путем майнинга и впоследствии обменяли ее на легальных биржах. При этом реальный размер дохода, полученного путем майнерской деятельности, выявить достаточно затруднительно, кроме того, такие теневые доходы не облагаются налогами. В связи с этим, представляется, что для предотвращения совершения налоговых и предпринимательских преступлений, необходимо произвести определенные поправки в законодательстве:

---

¹ Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют): информ. ЦБ РФ // URL: http://www.cbr.ru/press/PR/?file=04092017_183512017-09-04t183105.htm (дата обращения: 21.04.2021).

² URL: <https://amur28.info/news/russia/26052/> (дата обращения: 21.04.2021).

1) необходимо разработать законодательное определение майнинга как «деятельность по поддержанию распределенной платформы и созданию новых блоков в цепочке блоков с возможностью получить вознаграждение в форме новых единиц и комиссионных сборов в различных криптовалютах» и включить его в Закон «О цифровых финансовых активах»;

2) майнинг следует включить в Общероссийский классификатор видов экономической деятельности для сбора и обработки статистики по деятельности майнеров. Привязка деятельности майнеров к определенному коду при государственной регистрации должна быть обязательной;

3) необходимо ввести обязательную государственную регистрацию майнинга в качестве ИП или ООО, в случае ее отсутствия, виновные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 177 (незаконная предпринимательская деятельность);

4) в связи с вышеуказанным пунктом, майнеры обязаны декларировать свои доходы и платить установленные законом налоги (НДФЛ, НДС и другие), а в случае злостного уклонения от данной обязанности, они могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 199 (уклонение от уплаты налогов);

5) в связи с ростом популярности майнинга, современный мир столкнулся с дефицитом определенного оборудования (процессоры, графические ускорители)¹, в связи с чем некоторые производители попытались на программном уровне заблокировать майнинг на определенных устройствах и выпустили линейку оборудования специально для майнинга криптовалют². На мой взгляд, Росстандарт должен произвести сертификацию данной продукции и создать список оборудования, разрешенного для майнинга, а майнеров, соответственно, обязать пользоваться только данной продукцией, что позволит обеспечивать дополнительный контроль за их деятельностью.

И в-третьих, популярным способом легализации криминальных доходов является их отмывание через сайты азартных игр. По данным сайта TrendMicro, игровая валюта становится все более популярным способом сохранения стоимости биткоина³. Для этого люди покупают виртуальную валюту популярных игр, продают ее за криптовалюту и впоследствии обменивают ее на специальных сервисах конвертации на фиатную валюту. В целом, вопрос покупки и оборота игровой валюты и игровых объектов в России оста-

¹ URL: <https://yandex.ru/turbo/mining-cryptocurrency.ru/s/deficit-videokart-2021/> (дата обращения: 21.04.2021).

² URL: <https://habr.com/ru/news/t/543148/> (дата обращения: 21.04.2021).

³ URL: <https://www.trendmicro.com/vinfo/us/security/news/cybercrime-and-digital-threats/cybercriminal-roots-selling-online-gaming-currency> (дата обращения: 21.04.2021).

ся слабо урегулированным, в правоприменительной практике они предстают то в качестве услуг, то — дополнительного функционала ПО, то — азартной игры¹, и использование криптовалюты в данной сфере только усложняет выявление и раскрытие преступлений. Думается, что весьма действенным способом борьбы с правонарушениями в данной сфере может стать официальный государственный учет Интернет-сайтов, осуществляющих продажу игровой валюты и игрового имущества за криптовалюту, а также возможность государства обязать данные сайты вводить более усложненную процедуру регистрации на данных сайтах, покупки и продажи, с использованием биометрических данных, номеров банковских карт, персональных данных (естественно, с получением от лица согласия на обработку персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона «О персональных данных»), что позволит обеспечивать более надежный контроль и надзор государства в области оборота игровых объектов и валюты, а также позволит создать правовые механизмы для защиты нарушенных прав и свобод граждан.

В заключение можно отметить, что криптовалюта и в целом технология блокчейна имеют и ряд положительных свойств, и могут перевернуть наше представление о финансовых инструментах и о финансовом обороте вообще. Но данная технология в недобросовестных руках может стать весьма опасной, и нам стоит быть к этому готовыми.

Швечиков Д.С.,

*студент III курса Южно-Российского института
управления ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Особенности законодательного регулирования ответственности за незаконный оборот драгоценных металлов и драгоценных камней

Увеличение преступлений экономического характера, на фоне обострившихся противоречий в довольно-таки разных сферах жизни общества, своими действиями наносит вред не только стабильности и уверенности экономике Государства, но и подрывает изнутри ее национальную безопасность. В системе преступных деяний экономической направленности незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга составляет около 10%.

---

¹ Определение ВС РФ от 30 сентября 2015 г. по делу № 305-КГ15-12154 // URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/76193016/87603991/> (дата обращения: 21.04.2021).

Сфера обращения драгоценных металлов и драгоценных камней на протяжении многих лет притягивала внимание преступных кадров. В связи с этим на сегодняшний день отмечается рост незаконного оборота драгоценных металлов и камней, увеличение организованного характера данных преступлений.

Драгоценные металлы и драгоценные камни более всего привлекательный предмет преступлений, поскольку создает возможность применять их как средство обогащения, обладающее высокой стоимостью, незначительным объемом, высокой степенью сохранности, и иметь свои капиталы в виде¹ устойчивой валюты — золота и драгоценных камней. Предметом преступного посягательства в основном являются алмазы и бриллианты.

Предавая значение тому, что в нынешних условиях роль и экономическая значимость вышеуказанных ценностей изменились, необходимо отметить и то обстоятельство, что благодаря своим физико-химическим свойствам драгоценные металлы и драгоценные камни все больше входят в сферу промышленного производства, и все более часто превращаются из средства платежа непосредственно в товар.

Драгоценные камни и драгоценные металлы считаются стратегически важными товарами, которые обеспечивают экономическую стабильность государства. Этим определен повышенный интерес к ним представителей преступной среды, существовавший во все времена. Золотовалютные резервы подвергаются преступным посягательствам, что отрицательно отражается на экономической стабильности государства. Вследствие этих посягательств нарушаются не только внутриэкономические, но и внешнеэкономические отношения, оказывающие влияние также на политическую сферу.

Обратимся немного к статистике.

Вызывает опасения наметившаяся тенденция роста числа фактов незаконного оборота драгоценных камней, и драгоценных металлов. Так, в 2020 г. в России зарегистрировано 28 фактов незаконного оборота драгоценных камней, драгоценных металлов и жемчуга, что на 3,7% больше, чем в 2019 г. Почти половина из зарегистрированных преступлений (16 из 28) совершена в крупном и особо крупном размерах. Два преступления совершены организованной преступной группой. Установлено и привлечено к уголовной ответственности 44 лица (+29,4% по сравнению с 2019 г.). Наибольшее число пре-

---

¹ Ляскало А. Н. Разграничение преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней Уголовное право. 2017. № 6. С. 25–33; Рыбалкин С. В. Анализ изменений законодательства РФ в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и природных драгоценных камней // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5.

ступлений рассматриваемого вида совершено в Дальневосточном федеральном округе (9 из 28). Лидирует по числу преступлений Магаданская область (3 преступления), Амурская область (3), Республика Саха (Якутия) (3), Красноярский край (3 преступления). Данный факт обусловлен большими запасами драгоценных металлов и драгоценных камней в указанных регионах (третья часть всего российского золота и 99% алмазов добывается в республике Саха (Якутия), еще треть золотых запасов приходится на Магаданскую область, ежегодно примерно 10 тонн золота добывается в Амурской области, на Урале разрабатывают алмазы).

Как отмечают специалисты в области уголовного законодательства, обстановка в сфере противодействия незаконному обороту драгоценных металлов и драгоценных камней усугубляется трудной доказуемостью крупного размера предмета преступления. Драгоценные металлы и драгоценные камни обладают особым статусом, обеспечивая экономическую стабильность государства, выступая гарантом его платежеспособности. В связи с этим регулирование сделок и операций с драгоценными металлами и драгоценными камнями осуществляется Федеральным законом от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» и Законом Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах».

Предположив возможность определение драгоценных металлов и драгоценных камней, законодатель, избегая сложных и не знакомых обывателю физико-химических характеристик, служащих основанием отнесения металла или камня драгоценному, пошел по пути перечисления известных металлов и камней, относящихся к драгоценным.

В соответствии с определением, предложенным в Федеральном законе «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», к драгоценным металлам относятся золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий). Драгоценные металлы могут находиться в любом состоянии, а также в сырье, сплавах, полуфабрикатах, промышленных¹ продуктах, химических соединениях, ювелирных и других изделиях, монетах.

К драгоценным камням перечисляют природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и alexandrites, а также природный жемчуг в сыром (естественном) и обработанном виде. Кроме всего этого, закон предполагает отнесение к драгоценным камням редких янтарных образований, которые признаны таковыми в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

---

¹ Батурин К. Е. О декриминализации незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга // Закон и право. 2015. № 6. С. 129–131.

Термин «драгоценные металлы» преимущественно дает различия в гражданско-правовом и уголовно-правовом понимании, что определяется изменением статуса металла в процессе его обработки. Несмотря на то, что федеральный закон содержит указание на драгоценный металл как на составную часть ювелирных изделий, бытовой техники, монет, нормы УК РФ придают драгоценным металлам иное значение.

Применительно к ст. 191 УК РФ драгоценным металлом признается лишь металл, находящийся в самородном и аффинированном виде, в сплавах. Что касается ювелирных изделий, бытовых изделий, а также лома таких изделий, они в предмет преступления не включены. Как мы уже отметили, данное обстоятельство определено статусом находящегося в них драгоценного металла. С позиции доктрины гражданского права в данном случае драгоценный металл стал частью конкретной вещи, которая принадлежит конкретному владельцу — физическому или юридическому лицу. А это значит, что взаимоотношения, которые касаются пользования, владения и распоряжения данными металлами в составе конкретной вещи лежат в сфере регулирования собственности.

Итак, подытожим, в ст. 191 УК РФ предусмотрена ответственность лишь за незаконный оборот драгоценных металлов в чистом или аффинированном виде, которые не прошли соответствующую особую обработку и не были переустроены в лом, в ювелирные изделия или предметы быта. Выделение таких металлов в отдельный предмет и установление ответственности за них в отдельной статье обусловлено статусом обеспечивающего нормальные экономические отношения материала, при незаконном обороте которого указанные отношения нарушаются, что неблагоприятным образом отражается на всей экономической деятельности государства.

Что хотелось бы сказать в конце моего доклада, важно подчеркнуть обозначенную выше рассогласованность отдельных норм федерального законодательства, регулирующих оборот драгоценных металлов и драгоценных камней, и предлагаем изложить название ст. 191 УК РФ в следующей редакции: Статья 191. Незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных камней, а также уникальных (редких) янтарных образований, приравненных к драгоценным камням.

Как можно заметить, из названия исключен такой предмет, как жемчуг, поскольку входит в понятие драгоценных камней, а также слово «природные», поскольку указание на то, что искусственно полученные камни не могут считаться драгоценными, присутствует в федеральном законе, а потому подчеркивать данный факт, на мой взгляд, нет необходимости. С учетом предложенного названия следует также подкорректировать диспозицию статьи, указав в ней соответствующий предмет преступления.

Шерман Е.В.,*студентка V курса ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет»*

Уклонение от таможенных платежей: проблемы квалификации по объективной стороне

Таможенное преступление представляет собой предусмотренное уголовным законодательством противоправное опасное для общества, виновно совершенное деяние, которое запрещено законом под угрозой применения уголовного наказания, совершенное в сфере таможенного права. Одним из наиболее часто совершаемых преступлений в сфере таможенного права является уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ), в свою очередь это преступление также является достаточно сложным для понимания, квалификации и их расследования.

Таможенные платежи — это совокупность таможенных пошлин и иных налогов (НДС и акцизы), а также различных таможенных сборов, взимаемых государственными органами с участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) при перемещении грузов, товаров и транспортных средств через таможенную границу Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Стоит отметить, что квалификация уклонения от уплаты таможенных платежей представляет определенную сложность. Самым сложным элементом состава этого преступления, по мнению автора, является объективная сторона. Основная проблема квалификации этого деяния заключается в недостаточно точной трактовке объективной стороны, так в диспозиции ст. 194 УК РФ дано ее определение как противоправного деяния «уклонение от таможенных платежей», то есть без достаточного раскрытия его признаков.

По каждому уголовному делу должен быть установлен способ совершения преступления, то есть комплекс осуществляемых лицом в определенной последовательности действий, которые приводят к преступному результату. Без определения порядка, метода, последовательности и целенаправленности деяния в большинстве случаев не представляется возможным установить, является ли данное деяние преступным. Осуществление преступных действий определенным способом иногда свидетельствует и о невиновности в этом конкретного лица (например, использование такого способа, который требует наличия определенных полномочий, знаний, навыков и тому подобное, отсутствующих у подозреваемого). Способы совершения преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ, в законе не указаны, они могут быть различными и на квалификацию не влияют.

В этой связи в правоприменительной практике появляются серьезные трудности при квалификации данного вида преступлений. Отсутствие в уголовно-правовой норме нормативно определенного понятия требует от правоприменителя самостоятельной установки, является ли то или иное деяние уклонением от уплаты таможенных платежей. При расследовании данного состава преступления нужно учитывать, во-первых, то, что объективная сторона может быть выражена несколькими видами деяний; во-вторых, то, что существуют условия, когда лицу, обязанному уплатить таможенные платежи, предоставляется отсрочка уплаты этих платежей (не более двух месяцев со дня подачи таможенной декларации). Стоит отметить, что таможенные платежи должны быть уплачены в момент подачи декларации на товар, кроме как в исключительных случаях при отсрочке платежа.

Уклонение от уплаты таможенных платежей заключается в неисполнении установленных законодательством обязанностей по уплате этих платежей, то есть в юридическом бездействии. В теории и на практике в объективную сторону преступления порой ошибочно включают также и действия, состоящие в заявлении в таможенной декларации и иных документах, необходимых для таможенных целей, недостоверных сведений о таможенной процедуре, таможенной стоимости, стране происхождения товаров и т.д. Следует отметить, что вопрос, связанный с определением формы деяния при использовании такой формулировки, как «уклонение» (в том числе от уплаты налогов, платежей и пр.), до настоящего времени не нашел общепринятого решения. Одни ученые считают, что уклонение по сути своей является бездействием, другие — что уклонение может осуществляться как бездействием, так и действием.

Важный вопрос, который встает в ходе правоприменительной практики, состоит в том, совершается ли уклонение от уплаты таможенных платежей только путем действия, только путем бездействия либо может включать себя и тот, и другой способ (в широком понимании этого слова). Фактически преступление, предусмотренное ст. 194 УК РФ, может совершаться как путем действия, так и путем бездействия.

Таким образом, недопустимо утверждение, что «объективная сторона выражается в активных действиях, направленных на уклонение от уплаты таможенных платежей»¹. Данные взгляды совершенно не учитывают юридическую природу уклонения как такового. Уклонение, связано с неосуществлением выплат соответствующим физическим лицом или организацией установленных таможенных плате-

---

¹ Душкин С. А. Уклонение от уплаты таможенных платежей // Законность. 1998. № 2. С. 46.

жей, то есть фактически виновное лицо, бездействуя, не исполняет возложенные на него обязанности, связанные с соответствующими финансовыми операциями налогового характера. Субъект при совершении рассматриваемого деликта может не совершать никаких действий, направленных на освобождение от платежей или их занижение. Более того, он вообще может не обращаться в таможенный орган для проведения соответствующих таможенных операций в отношении перемещаемого товара. Например, при ввозе товара контрабандным путем преступник не торопится сообщить об этом в таможеню, произвести какое-либо таможенное оформление товара и уплатить таможенную пошлину, акциз и т.п., а, наоборот, не платя никаких таможенных налогов, реализует данный товар.

Способы, с помощью которых виновными достигается преступная цель уклонения от уплаты таможенных платежей, довольно разнородны и между собой не совпадают, о чем говорят материалы проверок и уголовных дел. Наиболее часто встречающимся внешним проявлением преступления является занижение таможенной стоимости товаров участниками внешнеэкономической деятельности с целью уплатить меньший размер таможенной пошлины, а также заявление подложных сведений, повлекших неуплату таможенных платежей. Возможно предоставление поддельных/ложных финансовых документов, подтверждающих уплату пошлин или обеспечение их уплаты. Более того, существует объективная сторона в виде отзыва плательщиком платежных документов по перечислению банком средств на счета таможи. Уклонение от уплаты таможенных платежей может быть выражено нарушением сроков их уплаты при реальной возможности их уплаты в установленный срок. Подобное многообразие имеет несколько причин — существование таможенных платежей нескольких видов, различные основания их уплаты, порядок таможенного оформления и т.д.

Дополнительные трудности создает то, что деятельность в области таможенного права регулируется совокупностью правовых норм, отнесенных к различным отраслям и институтам национального законодательства, а также к нормам международного права. Таким образом, специфика преступлений в сфере таможенного права состоит в том, что с целью понимания их содержания и верной квалификации противоправного деяния согласно признакам определенного состава таможенного преступления, правоприменителю наряду с Уголовным кодексом Российской Федерации требуется пользоваться целой совокупностью других нормативно-правовых актов, прежде всего Таможенным Кодексом Евразийского экономического союза.

Однако недостаточно точная формулировка составов таможенных преступлений, а в частности их элементов, часто приводит

к ошибкам квалификации преступлений и назначения наказаний. Поэтому можно сделать заключение о том, что необходима научная доработка понятий и содержаний таможенных преступлений, в частности требуется уточнение толкования термина «уклонение от таможенных платежей» в ст. 194 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Учитывая значительную общественную опасность таможенных преступлений, борьбу с ними необходимо вести с помощью всех предусмотренных законом средств, но, безусловно, не иначе как в рамках закона. Уклонение от уплаты таможенных платежей характеризуется чрезвычайно большим количеством разнообразных способов его совершения. Причем лица, совершающие уклонение от уплаты таможенных платежей, при этом используют и передовые технологии, и пробелы в таможенном законодательстве. Однако, несмотря на разнообразие способов совершения уголовно наказуемого уклонения от уплаты таможенных платежей, следует сделать вывод, что объективная сторона уклонения от уплаты таможенных платежей характеризуется в юридическом смысле бездействием, реализация которого может осуществляться путем совершения и активных действий, направленных на достижение преступного результата и состоит в уклонении от уплаты любого из таможенных платежей, взимаемых с организаций или физического лица и составляющих предмет настоящего преступления в крупном размере.

Шестопалов А.А.,

*студент III курса ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

К вопросу об уголовно-правовой оценке криптовалюты

В настоящее время в России происходит активный переход к цифровой рыночной экономике. Он с неизбежностью коснулся преступлений, совершаемых в этой области. Современные технологии, внедряемые в преступные схемы, позволяют их «авторам» обходить уголовный закон и «уходить» от ответственности. Среди них лица, совершающие преступления, предусмотренные ст. 174 и 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

В конструкции содержащихся в них составов в контексте вышеуказанного следует обратить внимание на их предмет и объективные признаки. В уголовном законе в качестве предмета преступления обозначены денежные средства и иное имущество. Под денежными средствами Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по

делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ № 32) рекомендует понимать наличные денежные средства, выраженные в валюте Российской Федерации или в иностранной валюте, а также безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства; под иным имуществом — движимое и недвижимое имущество, имущественные права, документарные и бездокументарные ценные бумаги, а также имущество, полученное в результате переработки имущества, приобретенного преступным путем или в результате совершения преступления¹.

Вместе с тем, в последние годы участились случаи использования в вышеуказанных преступлениях криптовалют.

Следует заметить, что возросшее внимание криминального мира к ним обусловлено рядом обстоятельств: во-первых, речь идет об анонимности данных средств. Анонимность предполагает невозможность идентификации каким-либо образом отправителя и получателя, а также производимой транзакции. В блокчейне же, на основе которого строятся платежные системы криптовалют, все лица скрываются под адресами электронных кошельков. Поэтому, не зная достоверно, кому принадлежит тот или иной адрес, невозможно установить, кто осуществил транзакцию. Отсюда, правильнее говорить о псевдоанонимности анализируемого предмета. Во-вторых, невозможность изъятия криптовалюты кем-либо без согласия ее владельца. Доступ к электронному кошельку предоставляется лишь при введении адреса электронного кошелька и сложного пароля. Если хозяин не предоставит такие данные, то получить доступ к данному кошельку будет невозможно. В-третьих, немаловажную роль играет децентрализация. Криптовалюты, как правило, децентрализованы, то есть не зависят от воли конкретного лица или государства. Соответственно повлиять на кого-то, в том числе путем государственного принуждения невозможно или крайне трудно. В-четвертых, преимущество использования криптовалюты состоит также в ее трансграничности. Криптовалюты не привязаны к какой-либо стране и могут быть использованы по всему миру. В-пятых, немаловажную роль имеет и субъективный фактор: правоприменитель не владеет сегодня должным уровнем знаний о происхождении, содержании

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», п. 1 // РГ. 2015. № 151. 13 июля. СПС «КонсультантПлюс».

криптовалюты, его месте среди других предметов преступления, что может приводить к ошибкам в правоприменении.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 32 говорится, что в качестве предмета преступления могут выступать денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления¹.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: является ли криптовалюта предметом преступления; если да, то относится к денежным средствам или к иному имуществу?

Обращение к законодательству России позволяет утверждать, что криптовалюта может выполнять некоторые функции денег, но они не признаются ни средствами платежа, ни денежными средствами². По этому поводу не раз высказывало свою позицию и руководство Банка России³.

Если говорить об ином имуществе, то в ст. 174 и 174¹ УК РФ оно понимается в контексте ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), где перечисляются объекты гражданских прав. При этом в ГК РФ не содержится даже примерного перечня «иного имущества», что дает повод для расширительного толкования указанной нормы.

В 2020 году был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴, который в общих чертах определяет статус криптовалют, но также не дает ответа на тот вопрос, относятся ли

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», п. 1 // РГ. 2015. № 151. 13 июля. СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. СПС «КонсультантПлюс».

³ Эльвира Набиуллина: ЦБ не допустит использования криптовалют как денежных суррогатов // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3407048> (дата обращения: 21.11.2020); В ЦБ напомнили позицию по вопросу признания криптовалют средством платежа // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20180526/1521438120.html> (дата обращения: 20.04.2020); Мы против институтов для организации выпуска криптовалюты в России // Банк России. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=6512> (дата обращения: 20.04.2020).

⁴ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 31.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс».

они к объектам гражданских прав. Как отмечается в науке, криптовалюта сочетает в себе признаки многих объектов гражданских прав, но в полной мере не соответствует ни одному из них¹.

Исходя из анализа норм вышеуказанного закона, пояснительной записки к данному закону², правовой доктрины³, можно сделать вывод, что криптовалюты все же являются объектами гражданских прав, хоть и довольно ограниченными в обороте. Следует согласиться с предположением, что в рамках действующего законодательства можно отнести криптовалюты к иному имуществу, не создавая при этом новых объектов гражданских прав, а также коллизии и споры по поводу их правового режима⁴. Тогда это нам позволяет сделать вывод о том, что криптовалюты являются предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ.

Это умозаключение приводит к нескольким вопросам.

Во-первых, криптовалюта — нематериальный актив. А в уголовно-правовой доктрине устоялось мнение, что предмет преступления является материальным выражением объекта преступления. Как быть в данном случае? Реальность идет вразрез с практикой, и придется пересматривать научные и практические взгляды на этот вопрос?

Во-вторых, при признании криптовалюты предметом преступления, необходимо определиться с моментом окончания преступления, о котором идет речь в ст. 174, 174¹ УК РФ.

Обращение к описанию объективной стороны указанных составов показывает, что она включает в себя совершение финансовых операций и иных сделок с денежными средствами или иным имуществом. Преступления, предусмотренные ст. 174 и 174¹ УК РФ, относятся по конструкции объективной стороны к преступлениям формальным, потому они признаются оконченными с момента совершения вышеперечисленных действий. Данные теоретические положения

---

¹ Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 81–91 // СПС «КонсультантПлюс».

² Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 20.04.2020).

³ Перов В. А. Квалификация действий лиц, совершающих преступления с использованием криптовалюты на территории Российской Федерации // Российский следователь. 2018. № 4. С. 54–57. СПС «КонсультантПлюс»; Кудратов М., Печегин Д. А. Перемещение активов и незаконный вывод капиталов: актуальные проблемы противодействия // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 101–111. СПС «КонсультантПлюс»; Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Маликов С. В., Чуцаев А. И. Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения // Lex russica. 2020. № 1. С. 145–159. СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Егорова М. А., Кожевина О. В. Указ. соч.

конкретизируются в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 32 указанием на то, что они считаются оконченными с того момента, когда лицо непосредственно использовало преступно полученные денежные средства для расчетов за товары или размена либо предъявило (передало) банку распоряжение о переводе денежных средств и т.п. Если преступления совершались путем сделки, то они считаются оконченными с момента фактического исполнения виновным лицом хотя бы части обязанностей или реализации хотя бы части прав, которые возникли у него по совершенной сделке¹.

Криптовалюта не относится к денежным средствам, поэтому правило о моменте окончания преступления, совершенного путем финансовых операций здесь применяться не может. То же самое касается правила о моменте окончания преступления, совершенного путем сделки, так как зачастую данные преступления связаны со сбытом или продажей ограниченного в гражданском обороте имущества.

В-третьих, в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 32 говорится, что судам следует обратить внимание на «...необходимость решения вопроса о конфискации имущества в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьей 174 или статьей 174¹ УК РФ, в соответствии с правилами, установленными статьями 104.1–104.3 УК РФ»². Если суд примет решение о конфискации предмета преступления, а именно криптовалюты, то как это реализовать? Как было сказано ранее, особенность данных активов в том, что их невозможно принудительно изъять, не зная адрес электронного кошелька и пароль к нему. Поэтому если подсудимый добровольно не предоставит такие данные, какая-либо конфискация невозможна. Каким образом будет происходить конфискация, если все-таки подсудимый добровольно передаст всю необходимую информацию? Будет ли это происходить путем конвертации криптовалют на онлайн-обменниках в реальные деньги или в ином порядке — неясно.

Судебная практика по данным вопросам еще не сложилась.

Подводя итоги всему вышесказанному, стоит отметить, что вопрос уголовно-правовой оценки криптовалюты является актуальной темой. Прежде всего, она обусловлена тем, что статус криптовалют в отечественном законодательстве хоть и приобретает определенное правовое регулирование, но этот процесс нельзя признать завершенным. Отсутствие четко определенного статуса криптовалют

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», п. 8 // РГ. 2015. № 151. 13 июля. СПС «КонсультантПлюс».

² Там же. П. 20.

в системе объектов гражданских прав, влияет непосредственно и на решение уголовно-правовых вопросов.

Юрченко Д.В.,

*студентка I курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Преднамеренное банкротство и/или хищение?

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) предусматривает наличие так называемых «банкротных преступлений» (ст. 195 Неправомерные действия при банкротстве, ст. 196 Преднамеренное банкротство, ст. 197 Фиктивное банкротство). Несмотря на то, что данные преступления выделены в отдельную главу, на практике возникают определенные трудности при разграничении их с хищением.

Частые проблемы связаны с ситуацией, когда лицо умышленно совершает определенные действия, приводящие к несостоятельности (банкротству) юридического лица при наличии у него кредиторов и, как следствие, к неспособности удовлетворить их требования.

Очевидно, что введение составов о банкротстве вызвано желанием законодателя защитить отношения, возникающие во время естественного процесса становления лицами несостоятельными (банкротами) и предотвратить возможные и даже вероятные злоупотребления со стороны должников. Однако в доктрине встречаются разные мнения по поводу того, чем считать подобные последствия для кредиторов: является ли ущерб, причиненный им в результате невозможности последующей уплаты законного долга, непосредственно ущербом, хищением или же требует квалификации по совокупности? Чаще всего на практике квалифицируют как хищение в форме мошенничества.

Для начала обратим внимание на конструкцию сравнения законодательного описания признаков преступления. Диспозиция ст. 196 УК РФ дает нам понять, что уголовно наказуемым является преднамеренное банкротство, то есть «Совершение... действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность... в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам... если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб». Согласно Примечанию к ст. 158 УК РФ хищением являются «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

Теперь же рассмотрим основные аргументы в пользу каждого мнения. В частности, квалификация деяния лиц возможна тремя способами.

Во-первых, существует подход, согласно которому основное отличие между преднамеренным банкротством и хищением заключается в отсутствии у лица корыстной цели при наличии умысла именно на несостоятельность. И иногда суды ограничиваются вменением лишь ст. 196 УК РФ, как в деле, где Г. умышленно совершил вывод денежных средств в целях последующей неспособности организации удовлетворить требования кредиторов¹. Вне судебного рассмотрения остался факт получения лицом этих выведенных денежных средств. Согласно данной концепции ущерб, причиненный кредиторам или самому банкроту, охватывает выведенные средства и не требует дополнительной квалификации.

Во-вторых, часть правоведа называет подобные действия разновидностью мошенничества. Такой точки зрения придерживается, например, Л. В. Григорьева², говоря о том, что при неправомерном банкротстве на самом деле происходит изъятие и присвоение чужого имущества или денежных средств при помощи обмана, поскольку лицо заведомо использует нерелевантные способы деятельности юридического лица для их невозврата. Б. И. Колб также считает, что данное деяние является специальной формой хищения, а именно мошенничеством³. Следует не согласиться с данным мнением. Как справедливо отмечала в своей работе Е. Н. Разыграева, несмотря на то, что у данных составов есть схожие признаки: обман и причиненный конкретному имущественному ущербу, тем не менее, существуют и отличия⁴. В частности, это разные объекты (отношения собственности и отношения в сфере реализации права на банкротство), разный гражданско-правовой характер предмета преступлений (в отличие от мошенничества предметом неправомерного банкротства

¹ Приговор № 1-74/2020 от 14 апреля 2020 г. по делу № 1-74/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/cfUu5qND3Ut/?page=4&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+196.+%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5+%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=&_=1620153182773&regular-judge=

² Григорьева Л. В. Уголовная ответственность за мошенничество: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996. С. 177.

³ Колб Б. И. Разграничение мошенничества и преднамеренного банкротства // Законность. 2001. № 11. С. 14.

⁴ Разыграева Е. Н. Криминальное банкротство — форма хищения? // Журнал российского права. 2017. № 5 (245).

является не чужое имущество), а также разная субъективная сторона (в ст. 159 УК РФ умысел направлен на обогащение себя или третьих лиц, а в ст. 196 УК РФ на отторжение имущества и уменьшение конкурсной массы). Представляется, что разграничение преступлений на таких основаниях является обоснованным, однако не стоит исключать случаи их реальной совокупности.

В-третьих, рассмотрим позицию, позволяющую в силу разнообъектных составов при наличии соответствующих обстоятельств квалифицировать деяния по совокупности. Н. А. Лопашенко утверждает, что по причине разных последствий, о которых говорилось выше, мошенничество (как и иное хищение) не всегда следует за преднамеренным банкротством, так как могут быть случаи без изъятия и/или обращения, но вполне встречаются и одновременно¹. Таким образом, мы видим, что банкротство и хищение — это абсолютно разные преступления. Данная позиция находит отражение и в судебной практике. Например, деятельность Д. по совершению умышленных действий по приведению организации к состоянию неплатежеспособности и в последующем к выводу и завладению денежными средствами через иных лиц были квалифицированы, в том числе, как преднамеренное банкротство и присвоение². В данном случае мы видим сочетание вменяемых составов, что, в доктрине порой считается нарушением уголовно-правового принципа справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ)³. Это не в полной мере соответствует действительности, ведь одна квалификация происходит из-за того, что лицо умышленно лишает кредиторов получения долга и возможности платежеспособности лица, а вторая устанавливает ответственность за то, что средства незаконным образом поступают в чью-то собственность.

Таким образом, следует привести к единообразию судебную практику в решении данного вопроса и обозначить единый подход к разграничению неправомерного банкротства и видов хищения. В таком случае, представляется целесообразным дача разъяснений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в целом по вопросам, возникающих в процессе производства «банкротных преступлений».

---

¹ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М., 2006. С. 594

² Приговор суда по ст. 196 УК РФ № 1-130/2020 (1-998/2019) // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/551517.html>

³ Ляскало А. Н. Противоречия судебной практики по делам о криминальном банкротстве // Сетевое издание «Адвокатская газета». 2018. <https://www.advgazeta.ru/mneniya/protivorechiya-sudebnoy-praktiki-po-delam-o-kriminalnom-bankrotstve/>

СОДЕРЖАНИЕ

I сессия. «Современное уголовное право»	3
<i>Абоян А.А., Парин Д.В.</i>	
Начало всецелой реконструкции института административной преюдиции или точечная правка статьи 116 ¹ Уголовного кодекса Российской Федерации?	3
<i>Алахверенова Г.У., Захарова А.А.</i>	
Уголовно-правовые средства противодействия наркопреступности в местах лишения свободы	7
<i>Алиева Д.М.</i>	
Молодежный экстремизм как актуальная проблема современного общества	9
<i>Анисимов А.В.</i>	
Конкуренция норм в уголовном праве	13
<i>Антонов М.А., Эбзеев И.Т.</i>	
Определение понятия «новорожденность» при квалификации убийства матерью новорожденного ребенка	15
<i>Ахатова А.М.</i>	
Понятие «ятрогенные преступления»: проблемные вопросы	17
<i>Батманова Л.А.</i>	
Понятие «экстремизм» и его отражение в теории уголовного права России, в регулятивном и охранительном законодательстве	21
<i>Болотских А.М.</i>	
Проблема определения субъекта преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации	25

<i>Борисов И.Д.</i>	Совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти	27
<i>Бучукури Э.И.</i>	Некоторые вопросы квалификации убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего.....	30
<i>Власенко Е.Р.</i>	Некоторые особенности уголовно-правовой охраны неприкосновенности частной жизни в России и иностранных государствах.....	33
<i>Войтенко С.А., Кондрашов С.А.</i>	Женщина в призме уголовной ответственности.....	37
<i>Волколупова В.В.</i>	Вопросы дифференциации ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией.....	40
<i>Глобин К.А., Картавых М.О.</i>	Коллизии, возникающие при совершении преступлений с участием лица, не подлежащего уголовной ответственности.....	43
<i>Головки М.Н., Кобанцов П.В.</i>	Вопросы квалификации преступлений с виртуальными объектами многопользовательских игр	46
<i>Грошикова Я.А.</i>	Международное сотрудничество по противодействию преступлениям, связанным с сексуальными злоупотреблениями в отношении несовершеннолетних	50
<i>Гришечкина М.А.</i>	Самообучающийся искусственный интеллект как угроза информационной безопасности.....	53
<i>Джафаров А.А.</i>	Уголовно-правовая характеристика доведения до самоубийства	57
<i>Докучаева Е.В.</i>	Преступления в сфере компьютерной информации и их предупреждение в условиях пандемии COVID-19	60
<i>Евдокимов Ю.О.</i>	К вопросу о взаимодействии с информационными материалами, распространение которых на территории Российской Федерации запрещено	63

<i>Ефимова М.С.</i>	
Сущность и конституционно-правовые основы противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации.....	67
<i>Ефимова Н.В.</i>	
Понятие и виды киберпреступлений.....	70
<i>Жилчичкина И.А.</i>	
Убийство в драке. Отграничение убийства в драке от убийства из хулиганских побуждений.....	74
<i>Жиляева А.М.</i>	
Проблема отграничения террористического акта от смежных преступлений.....	76
<i>Задера В.В.</i>	
Незаконная вырубка лесных насаждений: пути законодательного решения проблем.....	80
<i>Захарова О.А.</i>	
Надругательство над местами захоронения: проблемы толкования и правоприменения.....	83
<i>Зеленова З.В.</i>	
Защита конституционного права на жизнь в ситуациях необходимой обороны.....	87
<i>Зуева Ю.С.</i>	
Релевантен ли принцип крепости для Уголовного кодекса Российской Федерации?.....	90
<i>Иванченко М.М., Юшкевич Н.Д.</i>	
Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: некоторые проблемы теории и практики.....	94
<i>Ивлева Л.Н.</i>	
Доведение до самоубийства несовершеннолетних посредством использования информационно- телекоммуникационной сети «Интернет».....	97
<i>Илюк Е.Д.</i>	
Подмена ребенка: актуальные вопросы квалификации.....	100
<i>Инкин Д.А., Погорелов А.Е.</i>	
Треш-стрим в уголовном праве России и проблемы введения его законодательного запрета.....	104

<i>Исаева А.А., Шапкина Е.А.</i>	
Об ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в свете изменений уголовного закона	106
<i>Казаков К.А.</i>	
Акт международного терроризма: некоторые проблемы квалификации	110
<i>Киндеева А.А.</i>	
Использование электронных платежных систем, цифровой валюты и социальных сетей в целях финансирования терроризма	112
<i>Кириллов Н.М.</i>	
Особенности квалификации нарушения авторских и смежных прав	116
<i>Кладовикова М.А.</i>	
Анализ конституционности норм, предусматривающих ответственность за побои и истязания	119
<i>Калесова Ю.А., Тыщенко А.Б.</i>	
Введение в уголовный закон самостоятельного состава преступления, связанного с домашним насилием в отношении супруга(и)	122
<i>Котова Е.В.</i>	
Проблемы применения норм, связанных с малозначительностью в уголовном праве России	125
<i>Кочеткова М.Е.</i>	
Объективные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 150 Уголовного кодекса Российской Федерации	128
<i>Крупнова Е.А.</i>	
Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в деятельности медицинских работников	132
<i>Крылов Д.А.</i>	
К вопросу криминализации stalkingа в Российской Федерации	135
<i>Куряева А.А., Сушарина Т.О.</i>	
Проблемы охраны жилья осужденного во время отбывания наказания по уголовному делу	138
<i>Куцык В.П.</i>	
К вопросу о необходимости установления уголовной ответственности за преследование личности	141

<i>Лапшова Я.О.</i>	Разграничение преступлений террористической и экстремистской направленности в уголовном законе России.....	144
<i>Мишкина А.А.</i>	Ограниченная защита прав на свободу совести и вероисповедания.....	147
<i>Монахов Д.А.</i>	Актуальные проблемы уголовной ответственности за экстремизм в сети «Интернет».....	148
<i>Мурадян А.А.</i>	Незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры: некоторые проблемы уголовной ответственности	151
<i>Муслимов М.М.</i>	Уголовно-правовое значение деструктивной молодежной субкультуры «АУЕ»	155
<i>Мустафина Ю.Ф.</i>	Преступления против информационной безопасности.....	158
<i>Назарова О.М.</i>	Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации	161
<i>Наминов А.А., Салдысов М.А.</i>	К вопросу о проблемах квалификации убийства суррогатной матерью новорожденного ребенка.....	164
<i>Низамеева В.Р.</i>	Предмет преступления, предусмотренного статьей 272 Уголовного кодекса Российской Федерации	168
<i>Новиков Я.Ю.</i>	Конституционные права и свободы личности как дополнительный объект в составе преступления, предусмотренного статьей 286 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	170
<i>Новиков В.Д., Эбзеев И.Т.</i>	Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни: вопросы законодательного совершенствования	173

<i>Одинцова Ю.А.</i>	
Оставление в опасности: основные проблемы.....	176
<i>Пекова Р.А.</i>	
Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: некоторые проблемные вопросы	180
<i>Першина В.А.</i>	
Deerfakes как угроза личности и национальной безопасности.....	182
<i>Повисок Д.А.</i>	
Проблемы квалификации убийств, совершенных с особой жестокостью.....	184
<i>Рагачурина К.Р.</i>	
Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности.....	188
<i>Романюк А.В.</i>	
Преступления террористической направленности: анализ правовых основ противодействия	192
<i>Рябова И.О.,</i>	
Убийство по мотивам кровной мести	196
<i>Саломатина А.С.</i>	
Клевета: особенности уголовно-правового регулирувания в свете последних изменений в статью 128 ¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.....	199
<i>Сальникова А.К.</i>	
Сравнительно-правовой анализ норм, регулирующих коммерческую тайну в России и Испании.....	203
<i>Семиколенова В.А.</i>	
Освобождение медицинских сотрудников от уголовной ответственности за профессиональный оборот наркотических средств	207
<i>Сергиенко В.И.</i>	
Снижение возраста привлечения к уголовной ответственности – решение проблемы или тупик?	209
<i>Сергушкина К.М.</i>	
Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: некоторые проблемные вопросы.....	212

<i>Сиренко Е.Н., Тхазеплова А.З.</i>	
Актуальные проблемы противодействия терроризму в XXI веке.....	215
<i>Слепнев Ф.Ю.</i>	
Интеллектуальная собственность как объект уголовно-правовой охраны.....	219
<i>Спиридонова Е.Д.</i>	
Проблемы квалификации нарушения авторских и смежных прав.....	223
<i>Стафеева В.В.</i>	
Жестокое обращение с несовершеннолетним: вопросы уголовно-правовой оценки	226
<i>Суворова А.А.</i>	
Побои: некоторые вопросы квалификации.....	230
<i>Тюрина А.В.</i>	
«Казнить нельзя помиловать». Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ медицинскими работниками	234
<i>Фадеев К.А.</i>	
Особенности квалификации соучастия при убийстве.....	238
<i>Фоменко Д.А.</i>	
Уголовная защита жертв домашнего насилия.....	242
<i>Ходжаян В.А.</i>	
Интернет-педофилия в призме современного российского уголовного законодательства.....	245
<i>Хорунжий И.А.</i>	
Особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 205 ⁶ Уголовного кодекса Российской Федерации	248
<i>Черкасова А.М.</i>	
Криминальный буллинг в подростковой среде	251
<i>Чуранов Д.А.</i>	
Особая жестокость как квалифицирующий признак убийства: теоретический аспект.....	255
<i>Шаповалов Д.А.</i>	
Ответственность за прикосновенность к коррупционным преступлениям	258
<i>Юшин М.Д.</i>	
Проблема применения статьи 228 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	262

<i>Якунина М.И.</i>	Проблема определения акта международного терроризма в уголовном законодательстве России, Европы и стран Ближнего Востока.....	265
II сессия. «Современное экономическое уголовное право».....		270
<i>Абулова А.Г.</i>	Дифференциация уголовной ответственности в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики.....	270
<i>Айстраханов Н.</i>	Общественно опасные последствия преступления, предусмотренного статьей 178 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	274
<i>Алиев М.А.</i>	Вопросы квалификации преступлений в сфере долевого строительства	276
<i>Алюян М.Р.</i>	К вопросу о соотношении в сфере правоприменительной практики пункта «г» части 3 статьи 158 и статьи 159 ³ Уголовного кодекса Российской Федерации.....	280
<i>Антонова А.И.</i>	Необходимо обеспечить эффективную защиту благотворительной деятельности уголовно-правовыми средствами.....	282
<i>Аслониди А.А.</i>	Некоторые предложения по регламентации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности.....	287
<i>Басырова З.Р.</i>	Мошенничество с использованием цифровых технологий.....	290
<i>Васильев М.А., Хуртин А.С.</i>	Юридическое лицо как субъект предпринимательских преступлений.....	294
<i>Вахабов А.Р.</i>	Обман как способ мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей	297

<i>Волков Д.Е.</i>	Особенности установления субъективных признаков преднамеренного банкротства статьи 196 ¹ Уголовного кодекса Российской Федерации	300
<i>Гаврилов А.А.</i>	Проблема квалификации преступных действий, связанных со сбытом поддельных денег через банкоматы.....	304
<i>Довгань М.А.</i>	Налоговые преступления: особенности взыскания ущерба.....	306
<i>Ефимова А.К.</i>	К вопросу об уголовно-правовой квалификации фишинга.....	310
<i>Квасникова П.А.</i>	Вопросы уголовно-правовой квалификации незаконного возмещения НДС.....	313
<i>Косыгин В.Е.</i>	Подкуп арбитра (третейского судьи): некоторые проблемные вопросы объективной стороны преступления.....	317
<i>Кожевникова В.И.</i>	Разграничение преступлений, предусмотренных главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, и компьютерного мошенничества	321
<i>Корепанова Е.С.</i>	«Налоговое мошенничество»: понятие и виды.....	325
<i>Королев И.С.</i>	Мошенничество с использованием электронных средств платежа: предпосылки появления и дальнейшего реформирования состава преступления	329
<i>Куликова М.А.</i>	Отграничение мошенничества с использованием электронных средств платежа от смежных составов преступлений	332
<i>Мефтахова Э.М.</i>	Проблема привлечения к уголовной ответственности за деятельность финансовых пирамид.....	336
<i>Мирзаянов М.Р.</i>	Обман как способ совершения хищения	338

<i>Миронова А.В.</i>	Проблемы установления цели в субъективной стороне легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытых преступных путем.....	342
<i>Мустафаев С.М.</i>	Противодействие отмыванию денежных средств: вопросы теории и практики.....	346
<i>Осадчая М.А.</i>	Ценовой алгоритм как форма цифрового картеля и его уголовно-правовое значение в рамках статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	349
<i>Острикова В.В.</i>	Практика применения статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации по уголовным делам в отношении предпринимателей.....	353
<i>Попова Д.И.</i>	Ответственность за кражу в странах постсоциалистической правовой системы.....	357
<i>Петрушевский Ю.А.</i>	Актуальные проблемы преднамеренного банкротства.....	361
<i>Пчельникова Ю.А.</i>	Электронные денежные средства как предмет хищения.....	365
<i>Росляков В.Д.</i>	К вопросу об эффективности уголовно-правовой защиты конкуренции в предпринимательской деятельности.....	369
<i>Рыбак М.М.</i>	Особенности квалификации незаконного возмещения НДС.....	371
<i>Сат Д.О.</i>	Сравнительный анализ квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа в России и Великобритании.....	375
<i>Селецкая Н.К.</i>	Незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности в сфере предпринимательства.....	378

<i>Сильванович В.Р.</i>	Актуальные вопросы определения предмета и объективной стороны причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.....	382
<i>Сятешева О.В.</i>	Хищение электронных денежных средств по Уголовному кодексу Российской Федерации.....	386
<i>Усачева Е.А.</i>	Уголовно-правовая характеристика легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем и проблемы квалификации	390
<i>Фрибус В.В.</i>	Статьи 174 и 175 Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы разграничения.....	394
<i>Хайбрахманова А.Д.</i>	Отграничение мошенничества с использованием электронных средств платежа от кражи пункт «г» части 3 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации	398
<i>Хафизова А.Н.</i>	Некоторые проблемы применения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации	401
<i>Ходырев С.В.</i>	Проблемы уголовно-правовой оценки злоупотреблений при заключении договоров в сфере госзакупок товаров и услуг	405
<i>Шакиров А.А.</i>	Противодействие преступлениям в области легализации преступных доходов с использованием криптовалюты.....	409
<i>Швечиков Д.С.</i>	Особенности законодательного регулирования ответственности за незаконный оборот драгоценных металлов и драгоценных камней	413
<i>Шерман Е.В.</i>	Уклонение от таможенных платежей: проблемы квалификации по объективной стороне.....	417
<i>Шестопалов А.А.</i>	К вопросу об уголовно-правовой оценке криптовалюты.....	420
<i>Юрченко Д.В.</i>	Преднамеренное банкротство и/или хищение?.....	425

СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Сборник содержит материалы I Всероссийского студенческого научно-образовательного форума «Современное уголовное и экономическое уголовное право», прошедшего на базе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). В форуме приняли участие обучающиеся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры юридических вузов и факультетов со всей России.

Материалы форума поделены на две сессии, посвященные темам «Современное уголовное право» и «Современное экономическое уголовное право». Все доклады, вошедшие в сборник, прошли конкурсный отбор на основе критериев актуальности и новизны, а также научное рецензирование.

Издательство «ПРОСПЕКТ»
(495) 651-62-62
e-mail: mail@prospekt.org
www.prospekt.org

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О. Е. КУТАФИНА
(499) 244-88-88
e-mail: msal@msal.ru
www.msal.ru

